

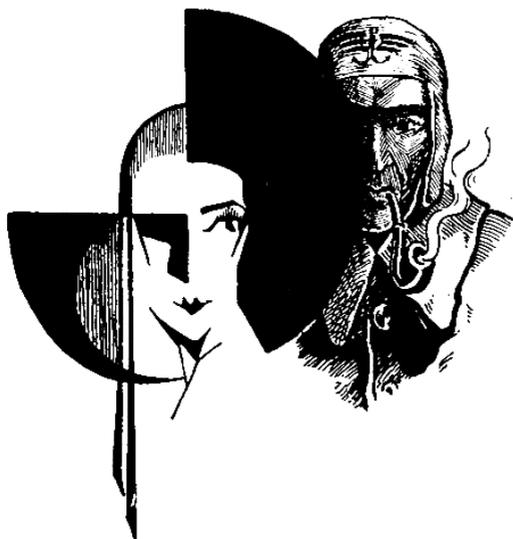

БИБЛИОТЕКА ПРИКЛЮЧЕНИЙ
И НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКИ

ЦАРИ ВОЗДУХА

*Фантастические
произведения начала XX века
о приключениях воздухоплателей*

**ИЗДАТЕЛЬСТВО «СПУТНИК™»
2021**

ВЛ. СЕМЕНОВ

ЦАРИЦА МИРА

Роман-фантазия

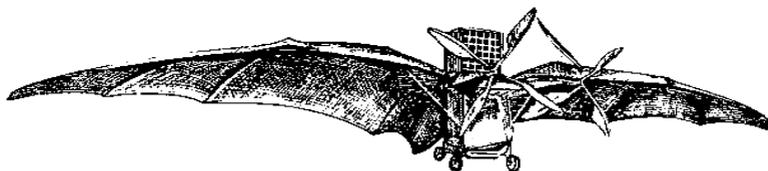
ВЛ. СЕМЕНОВЪ

ЦАРИЦА МІРА

РОМАНЪ-ФАНТАЗІЯ

ИЗДАНИЕ
Т-ВА М. О. ВОЛЬФЪ
СПБ. и МОСКВА
1908

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ВЪ ПОГОНѢ ЗА ВЛАСТЬЮ

Упрямый джентльмен.

Генерал еще раз внимательно просмотрел краткое прошение, лежавшее на столе, еще раз внимательно оглядел с головы до ног джентльмена, сидевшего перед ним в корректной, но свободной позе, еще раз громко прочел подпись, словно сверяя ее с визитной карточкой, лежавшей рядом, — „*Captain George Hardstone, Royal Navy, Retired List*“ — и, шумно вздохнув, откинулся на спинку кресла.

— Дорогой капитан, — заговорил он, — не скрою, что, получив ваше прошение, я хотел бросить его в корзину. Оно показалось мне... чересчур эксцентричным. Нельзя не признать, что разнообразие пунктов... мании — беспредельно. Тем не менее, я счел долгом осведомиться о вашей предыдущей службе, о вашей деятельности и образ жизни после выхода в отставку. Я узнал, что почти все ваше состояние вы истратили на какие-то опыты, которые держите в глубокой тайне, но ничто не давало повода заподозрить вас в... ненормальности. Да и сейчас, при личном свидании, вы во все не производите на меня впечатления сумасшедшего.

Капитан почтительно склонил голову, не то в знак согласия, не то в благодарность за комплимент.

— Простите откровенность старого солдата! — засмеялся генерал. — Я, кажется, не слишком диплома-

тично выразился... Но не в том дело. — Вы просите личной, и без свидетелей, аудиенции у короля, не объясняя причин.

— Сэр, — перебил его капитан, — причина указана: тайна, известная двум лицам, имеющим свободное общение с окружающими, уже не тайна. До настоящего времени ею владею один только я. Правда, после моей беседы наедине с его величеством, будет и второй человек, посвященный в тайну — король, но он будет связан своим королевским словом и... высшей гарантии к сохранению ее мне не нужно.

— А мне вы не считаете возможным ее доверить?

— Нет, сэр! — решительно ответил капитан.

— *Goddamn thy eyes!* — проворчал генерал. — Вы, кажется, хотите оправдать ваше родовое имя... Но почему вы, капитан флота, обратились ко мне, а не к первому лорду адмиралтейства?

— После моего доклада королю я, с разрешения его величества, может быть, отвечу на этот вопрос, а теперь промолчу...

Эта беседа происходила в 190* году, в Лондоне, в кабинете военного министра, а через несколько дней в Виндзоре состоялась аудиенция, которой добивался капитан Гардстон.

— Я слушаю, капитан, — промолвил Эдуард VII, когда они остались одни.

— Ваше величество, во дворцах стены имеют уши. Здесь — говорить не могу. Благоволите выйти вместе со мной в сад и выслушать меня на лужайке, в таком расстоянии от ближайших кустов, чтобы самое чуткое ухо (может быть, в них скрытое) ничего не уловило бы из нашей беседы... Вы колеблетесь?.. Государь! помни-

те, что вам предоставляется случай заменить песню „*Rule, Britania! Rule the waves!*“ другой — „*Rule, Britania! Rule the world!*..“

— Хорошо! — ответил король после минутного раздумья.

Они вышли в сад и долго бродили взад и вперед по желтеющему газону обширного граунда, разговаривая о чем-то так тихо, что даже „садовники“, тщательно выпалывавшие стебельки убогой травки, якобы мешавшей росту могучей заросли вереска,— ничего не слышали. Видели только, что временами король вынимал записную книжку и делал в ней какие-то пометки.

Вернувшись в свой кабинет и отпустив докладчика, его величество потребовал к себе первого лорда адмиралтейства и военного министра. Оба ожидали в приемной конца аудиенции и немедленно явились.

— Милорды, — заговорил он, — я признал соображения капитана Гардстона совершенно справедливыми, и дал ему право личного доклада мне во всякое время дня и ночи. Не спрашивайте, даже, не пытайтесь его спрашивать ни о чем. Все необходимые приказания будут получаться вами непосредственно от меня. Не удивляйтесь — так нужно! Поймите, что если... — тут король быстрыми шагами подошел к министрам, ошеломленным таким нарушением этикета, схватил их за руки и сдавленным голосом закончил: — если так, то Великобритания вскоре же будет не только владычицей мира, но владычицей мира всего мира! (*not only sovereign of world, but sovereign of peace!*)... Вы меня поняли?.. Друзья мои! я беру с вас слово доброго британца, что все наши разговоры на эту тему, как бы незначительны они ни казались на первый взгляд, останутся между нами в глубокой тайне. Ведь часто

пустой намек, случайно брошенное слово, может дать верную нить, указать путь к разгадке...

— Милорд! — последовал решительный ответ, — на нашу честь вы можете положиться!

Дургэм.

Дургэм — это один из тех уголков Англии, которые невольно вызывают в памяти идиллические акварели XVIII века, от которых веет „пасторалью“, при взгляде на которые мы как бы вновь возвращаемся к далекой, безвозвратно ушедшей молодости, когда в горячих юношеских мечтах так дружно уживались и рыцари, закованные в железо, шедшие, по обету, в далекую Палестину, и дамы их сердца, долгие годы, с вершины башни, смотревшие на дорогу, по которой должен вернуться милый, и бессердечные палачи и тюремщики, и кровожадные тираны, и святые отшельники, и любвеобильные горожанки и поселанки, перевязывавшие раны мужественных бойцов, под угрозой смерти и поругания укрывая их от преследователей...

Группа чистеньких белых домиков с красными черепичными кровлями приютилась на склоне холма, увенчанного старым двухбашенным замком.

Казалось, что от блестящей, но шумной и суетливой жизни XX века, городок взял только хорошее. Обзавелся электрическим освещением, канализацией, образцовыми путями сообщения, но остался чужд лихорадочной спешке жизни, пульс которой бился в нем также ровно и мерно, как во времена сальных свечей и даже смоляных факелов.

Отчасти, понятно. Ведь всего в 15 милях к северу от него находился Ньюкэстль. Слишком близко, чтобы не привлечь к себе все беспокойные, жаждущие деятель-

ности элементы населения, и — слишком далеко, чтобы захлестнуть скромный городок волною кипучей жизни промышленного центра.

Туда, в это царство фабричных труб, окутанное облаками дыма, к этим прокопченным зданиям заводов, контор, банков, складов и магазинов, — туда, в погоне за счастьем, стремились люди, наполнявшие собою вагоны поездов железной дороги, с шумом и грохотом пронесившиеся у подножия дургэмского холма. — Должно быть, не раз путешественники, стряхнув с себя на мгновение гнет всецело охватывающих их коммерческих расчетов и соображений, отдыхали (а может быть, даже и умилялись) душою, глядя из окон экспресса на медленно движущиеся, тяжелые, солидные повозки фермеров, на которых восседали не менее тяжелые и солидные их хозяева, на тучных коров, прерывавших жвачку при свистке паровоза, и лениво, не поворачивая головы, провожавших его глазами, и на бело-розовых, раскормленных свиней, вовсе не обращавших внимания на плоды человеческой культуры... А если, в праздник, случайно заглянувший сюда турист увидел бы, как чинно (и всегда попарно) расходятся из церкви обитатели городка, как солидно беседуют между собою люди пожилые, как, скромно потупив глаза, идут молодые девицы с молитвенниками в руках, как сдержанно, с опаской, шушукаются подростки, — ему показалось бы, что он грезит, что стоит протереть глаза, и вместо современных причесок, шляп, костюмов и безобразной обуви он увидит длинные волосы, падающие на широкие отложные воротники, обшитые кружевом, пышные косы и высокие головные уборы, мешочки вроде гусарских *ташек*, подвешенные к поясу на длинных цепочках, плащи, шлейфы, башмаки с бантами и пряжками и сапоги с

отворотами, украшенные огромными шпорами... Чего доброго, и прозаический полисмэн окажется в стальном шишаке, с алебардой в руках...

Таков Дургэм.

В кругу семьи.

Сырой и холодный ветер сердито кружил в воздухе пушистые хлопья снега, которые, падая на землю, сейчас же таяли и разводили грязь даже на чистеньких улицах патриархального городка. Улицы эти, и днем не слишком многолюдные, теперь, слабо освещенные только фонарями (в Дургэме еще сохранился добрый старый обычай иметь ставни, закрывающиеся на ночь), представляли собою пустыню. Кажется, полисмены, и те большую часть времени проводили за осмотром ближайших кабачков своего района, справедливо полагая, что в такую погоду вряд ли кто вздумает нарушить тишину и спокойствие на открытом воздухе.

Зато в небольшом домике (*Church Street, 14*) было тепло, светло и уютно.

Обед кончился, и молодой лейтенант Джемс Старфорд, только что вернувшийся из дальнего плавания, встал из-за стола, намереваясь пойти в свою комнату выкурить сигару.

— Нет! Нет! Не пущу! — неожиданно запротестовала его сестра Грэс. — Мама! Он приехал такой голодный, все только ел, ничего не рассказывал... Разрешите ему остаться! Пусть курит в камин!

— Ну, конечно! — рассмеялась мистрис Старфорд, не спуская глаз с сына, все еще не освоившаяся с мыслью, что этот крепкий, сильный мужчина, с лицом, обожженным солнцем, с замашками морского волка, —

тот самый юноша, с которым она, пять лет тому назад, прощалась на рейде Спитхэда. — Конечно, Джеми, берите ваш херес, пойдём в гостиную, и старайтесь, по возможности, дымить в каминную трубу. Впрочем, если, даже, вы немного прокоптите занавески, — с этим можно примириться ради первого дня свидания после такой долгой разлуки.

Как всегда бывает в таких случаях, никакие обстоятельные, на определенную тему разговоры не удавались. Каждый находил, что вопрос, пришедший ему в голову, самый важный, что именно на него надо раньше всего ответить. Грэс и Джеми перебивали не только друг друга, но даже и мистрис Старфорд, что, по английскому этикету семейной жизни, совершенно недопустимо.

— А что подельывает дядя Джордж? Я был уверен, что встречу его здесь. Ведь он уже давно в отставке? Вы мне писали, но как-то смутно, и я ничего не понял. Почему? Что за идея?..

Мистрис Старфорд тяжело вздохнула.

— Ах, Джеми! Я и сама ничего не понимаю в поведении моего брата... знаю только, что со времени выхода в отставку он увлекся какими-то опытами. Какими? — неизвестно. От него самого слова не добьешься — молчит, как рыба. Где? — тоже неизвестно. Он пропадает куда-то на целые месяцы. Вот и теперь — с ноября о нем нет ни слуху, ни духу... — Я боюсь...

— Чего?

— Не охотится ли он за белым зайцем в июльскую пору...

— Жаль, жаль... — смущенно промолвил Джеми, — а я думал, что опять его услышу и пополню свой запас анекдотов из его неистощимого... Помните? — весело заговорил он, видимо, стараясь рассеять легкое облач-

ко грусти, тень которого появилась в гостиной, — помните, как дядя острил над вашим вязаньем, которое раздается дамам, участницам „Общества призрения бездомных негритянских детей центральной Африки“, которым вовсе не нужны ни фуфайки, ни набрюшники? — А ведь вы, кажется, и до сих пор заняты этим делом?

— Теперь, Джеми, вы не услышали бы от него ни анекдотов, ни острот. В нем сидит, неотступно его преследует какая-то затаенная мысль. Раза два он начинал говорить со мною, видимо, решившись высказаться, поделиться своими заботами, но... говорил такими загадками, так непонятно... и вдруг обрывал себя на полуслове... Я боюсь, Джеми... и боюсь — это странно — не столько за него, сколько за вас...

— Что ж, мама? Вы думаете, что это заразительно?..

Но шутка не вышла.

— Ну вот — все раскисли! — воскликнула Грэс, энергично тряхнув головкой. — Мамочка, милая! Перемените разговор, иначе я буду целовать вас за ушком, вы перепутаете свое вязанье, и какой-нибудь бедный негритенок останется без фуфайки!

— Все та же сорви-голова, что была и до вашего ухода в плавание! Не правда ли, Джеми? — рассмеялась мать. — Только позволить, и она, несмотря на длинное платье, готова лазить по деревьям за желудями и галочьими гнездами. Когда только эта девчонка станет солиднее!

— Молодость — недостаток, от которого излечиваются с каждым днем, — сентенциозно заметил юный лейтенант, любовно оглядывая сестру, и добавил: — А, в общем, она прехорошенькая, и могла бы вскружить головы не одним мичманам, а даже и солидным капи-

танам королевского флота, хотя, конечно, она выберет первых!

Грэс, польщенная неожиданным комплиментом, так ущипнула брата за руку, что он едва не вскрикнул.

— Ну, ну! Не хватает, чтобы вы по старой памяти подрались! — остановила их мистрис Старфорд. — Ваши восторги, Джеми, поберегите для другого случая, который вам скоро представится.

Если нет дяди Джорджа с его рассказами и остроумиями, зато мы ждем другого гостя, вернее, гостью, и притом сегодня же — за ней уже послан экипаж на станцию железной дороги. Ни за что не угадаете, кто!

— И не пробую догадываться! — отозвался Джеми, весь поглощенный заботой об отражении новой атаки со стороны соседки.

— Ваша кузина Мэдж, или, как ее теперь называют, графиня Маргарита Цур-Мюлен фон-Магдгоф фон-Дандебург, *etc., etc., etc.* звезда первой величины при берлинском дворе и самая красивая женщина в Европе, если верить ее апологетам. Сама я уже два года, со времени ее замужества, с нею не виделась. Признаться, даже потеряла надежду, что ее великолепие когда-нибудь соберется навестить старую тетку... Да!.. жаль, что сестра Мод не дождала до триумфа своей любимицы!.. Мэдж писала, что в этот сезон, по поводу официального траура, при дворе и в высшем свете отменены все празднества, что она свободна и спешит повидаться с добрыми родственниками... Очень мило с ее стороны... Не правда ли?.. Вы слышите, Джеми? Или кузина Мэдж давно забыта?

Старая леди говорила ровным, спокойным голосом, всецело поглощенная счетом петель своего бесконечного вязанья, не замечая ни пронизывающих взглядов, ни отчаянных жестов своей дочери, ни того пре-

увеличенного внимания, с которым ее сын копается в камине, стараясь уложить уголь именно так, чтобы... гореть ему не было никакой возможности.

— Да, да... — отозвался лейтенант. — Как же... я помню — вы писали: она вышла замуж незадолго до выхода в отставку дяди Джорджа... — Детей нет? — Слышал... очень жаль. Знатная дама? блещет?.. — Сердечно рад... Приедет? Может быть, сегодня? — Приятная встреча...

— А я ее разлюбила! — резко прервала Грэс путанную речь брата. — Бредила, бредила, восторгалась, восторгалась своим Вильгельмом, „которого история назовет *der Grosse!*“ — Писала, что она хоть и дочь Мод Гардстон, но урожденная фон Трейлинг! — Какой-то прусский майор идиотского вида, загипнотизировавший тетю Мод через стеклышко своего моногля...

— Тише, детка! Зачем...

— Нет, я правду говорю!.. Вдруг — раскисла! „Хочу повидать наши старые ивы; сердце рвется к доброй, старой Англии; кровь, гуще воды...“ — Все ложь! Все ложь! Не верю ей! Заранее не верю!

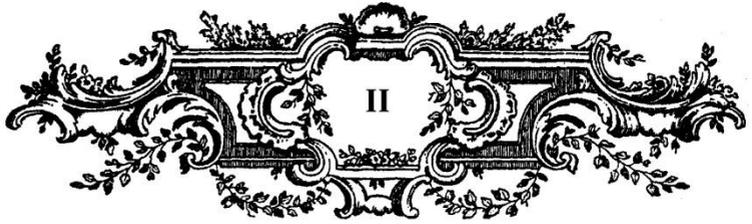
— Грэс! *My darling!* Что за свирепость?.. — пробовал успокоить ее Джеми. — Можно подумать, что вы говорите не о кухне Мэдж, с которой лазили по деревьям, а о каком-то драконе...

Резкий звонок в прихожей прервал спор. Первой кинулась туда Грэс; за ней, уложив вязанье в корзинку, прошла мистрис Старфорд; только Джеми остался в гостиной, облокотившись на каминную доску и вертя в руках растрепанный окурок давно потухшей сигары...

Он не слышал громких, преувеличенно радостных возгласов, доносившихся оттуда... Так ясно, так живо ему представлялся тот сладостный весенний вечер, когда развалины старого дургэмского замка, казалось,

были окутаны не туманом, а легкой дымкой сновидений минувших веков, полных беззаветной любви, преданности... Мог ли он не верить... когда в ответ на его робкий, полудетский шепот, мерцали в сумраке зеленоватые, кошачьи глазки, и нежный, прерываемый счастливым смехом голос шептал: „Я-то! — О, я сумею ждать!..“

Кузина Мэдж.

— Ну! Где же он, этот моряк-скиталец?

С такими словами Мэдж ураганом ворвалась в гостиную.

— Вы мне не рады, Джеми? Вы даже не захотели встретить вашего „old chap“? А еще говорят, что старая любовь не ржавеет! Вы ли не клялись мне при луне и на мече в вашей вечной преданности?

— Графиня... — пробормотал молодой лейтенант, поспешно отделившись от камина и идя навстречу к новоприбывшей, — сердечно рад приветствовать...

— Ха, ха, ха! — рассмеялась та. — Тетя! Милая! Он, кажется, забыл, как мы с ним дрались, а вы расставляли нас по углам? *Hallo, sweet boy! Come in!* Или вы не хотите поцеловать вашу Мэдж? Или я так подурнела?

...Горячие, жадные губки, холодные (с воздуха) щечки касались его лица... мягкие руки обвили шею, как тогда... в ту весеннюю ночь... аромат духов — новых, еще не знакомых, но „ее“ духов — бил в голову...

Он начал понимать кое-что лишь в столовой, куда увели гостью, заявившую, что она голодна, как волк, что за весь день села лишь несколько сэндвичей, которые были „*plus forts qu'un rocher!*“

— А что делает дядя Джордж и скоро ли он выступить в роли повелителя мира? — спросила Мэдж, обгладывая ножку цыпленка.

— Что такое? — удивился Джеми, уже овладевший собою и неторопливо прихлебывавший херес из старинной, граненой рюмки.

— Я вас не понимаю... — заметила мистрис Старфод, заботливо считая петли вязанья.

— Ну, ну! Что такое вы слышали про дядю Джорджа? Говорите скорее! — заторопилась Грэс, словно забывшая о своих недавних неблагоприятных отзывах про кузину, смотревшая ей в глаза и старавшаяся угадать всякое ее желание.

Мэдж окинула присутствующих пытливым взглядом, и словно убедившись в их искренности, заговорила в тоне удивления, даже негодования:

— Неужели вы, здесь, в Англии, не знаете того, что делается у вас под боком, о чем кричат на континенте?.. Вы не знаете, что дядя Джордж по соглашению с королем строит какие-то воздушные корабли, что вот уже более трех месяцев, как в Кабаньей долине (где-то в Шотландии), в строжайшей тайне сооружается этот воздушный флот, и никто другой, как дядя Джордж, поведет его на покорение мира?.. — *Oh-la-la!* Как хорошо дрессирована ваша печать! — Молчит? — А у нас нет такого листка, который не бил бы тревогу! — Но вы, Джеми, неужели и вы, по дороге, ничего не слышали?

— Ничего... то есть... может быть... вообще, я думал больше всего о предстоящем возвращении домой, о свидании с мамой и с Грэс... газеты мало меня интересовали...

— И дядя Джордж ни словом не порадовал своего любимца?

— Почти... мы почти не переписывались... Ах, да — на Мальте я получил от него письмо, в котором он просит меня немедленно по прибытии в Англию уведомить его, где я, и когда со мной можно увидеться, но адрес для ответа довольно странный: Эдинбург, до востребования, и какие-то буквы...

— Какие буквы? — живо заинтересовалась Мэдж...

— Виноват... не помню... не все-ли равно... — смущенно бормотал Джеми, весь вспыхнувший при мысли, что он едва не проболтался.

— Ну, вот и поздравляю! — беспечно рассмеялась новоприбывшая. — Выходит, что вместо берлинских новостей, я, прибывшая из Германии, могу порадовать вас английскими! Я, которая мечтала, что, повидавшись и поболтав с вами, так возгоржусь званием племянницы Джорджа Гардетона, что отрекусь от моей новой родины, вспомню мои детские годы и запою:— „*Rule, Britania!*..“

— Вместо „*Deutschland über alles?*.. “ — неожиданно зло прервала ее Грэс. — Легко ж вы меняете ваши гимны! Впрочем, — всегда с победителями! Победителей не судят.

— Грэс! Милая Грэс! — тревожно заговорила старая леди. — Опомнись! Наша дорогая гостья...

— Ах, нет, тетя, не мешайте нам, ведь мы так часто ссорились, но ровно столько же раз мирились! — горячо отозвалась Мэдж, зеленые глаза которой, на мгновение вспыхнувшие недобрым блеском, опять светились чарующей лаской...

В патриархальном Дургэме рано встают и рано ложатся спать.

Для Мэдж была приготовлена та самая комната, в которой она, бывало, подолгу гостила, рядом со спальней Грэс. Когда-то они так любили переговариваться через полуприкрытую дверь... Теперь обе улеглись молча. Грэс чувствовала себя несколько виноватой, но ее рассердило, что брат, на прощанье, так сурово шепнул ей: „За что вы ее обидели?“— Разве она хотела обидеть?— Это вышло как-то само собой... Просто она чувствует, что не будет добра от этого визита... что-то неладно... Это, конечно, глупо... она постарается... Но хорошо ли забыть все (ведь она была их поверенной), выйти замуж за какую-то немецкую обезьяну, ради ее богатства и четырехэтажной фамилии, а потом, как ни в чем не бывало, броситься ему на шею с поцелуями, хотя бы... родственными.

— Господи! Господи! — шептала Грэс, пряча лицо в подушку, смоченную слезами. — Ты научишь меня, как быть! Ну, если я не могу!..

Наконец она заснула, и тогда, в соседней комнате, кухня Мэдж, прислушавшись к ее ровному дыханию, бесшумно поднялась с постели, зажгла свет (предварительно убедившись, плотно ли задернуты занавески окон), раскрыла дорожный бювар, достала листок бумаги и конверт, спешно написала несколько строк, потом сунула готовое письмо под подушку и... тоже заснула.

Тих и безмятежен был ее сон, как сон человека, имеющего право сказать самому себе, что трудовой день недаром пропал, что кое-что сделано. — Зато соседку ее, „маленькую Грэс“, всю ночь преследовал ужасный кошмар: ей снилось, что она видит Мэдж, подругу ее детства, первую любовь ее брата, видит ее радостную, ласково улыбающуюся, любит ее пышными рыжевато-золотистыми волосами, смотрит в ее

странные, зеленые, точно кошачьи, глаза, и вдруг... не может уже различать ни лба, ни рта, ни пухлого подбородка с ямочкой — вместо того из пышной прически, только что обрамлявшей самое очаровательное личико в мире, к ней тянется голова змеи... и глаза у нее те же!.. те же зеленые глаза кузины Мэдж!.. все ближе, ближе... и нет сил крикнуть, позвать на помощь!.. И почему-то ей кажется, что, если бы крикнуть, стряхнуть с себя это оцепенение, то на помощь явится не Джеми... Джеми — хуже, чем ей!.. а дядя Джордж, который одним ударом может отбросить, уничтожить гадину, чарующую ее взглядом своих больших, зеленых, словно кошачьих, светящихся глаз...

Любопытные новости.

Прошло несколько дней.

Мэдж (будем называть так, для краткости, первую красавицу берлинского двора), не совсем ошибалась, иронически отзываясь „о высокой степени дрессировки“ английской печати. Действительно, факты, о которых лондонские газеты упоминали лишь вскользь, словно нехотя, даже с оттенком недоверия к источникам, откуда исходили сведения о них, на континенте служили предметом горячей полемики, видимо, серьезно волновали не только корреспондентов, охочих до сенсационных известий, но и высокие сферы, особенно военные.

Несмотря на все меры, принятые капитаном Гардстоном для сохранения его тайны, она, перестав быть достоянием одного лица, перестала быть непроницаемой. Какими-то путями, кое-что, куда-то просачивалось. Эти крупницы заботливо собирались людьми, опытными в делах такого рода, комбинировались и, в

результате, вместо отрывочных сплетен, получалось нечто цельное, намечалась в общих чертах картина возможного будущего, характера весьма угрожающего.

В Германии (как объясняла Мэдж) хорошо знали, что в Кабаньей долине приводится в осуществление какой-то заговор, имеющий мировое значение. Строится боевая воздушная эскадра.

— Вы здесь, в вашем захолустье, ничего не знаете, а те, кого это близко касается, знают кое-что, и даже много! — с жаром поясняла она. — Поймите, что ведь все эти „дирижабли“, это лишь прообраз воздушного корабля! Будущее за аэропланами! Только аэроплан свободен в своих движениях! Только ему открыт широкий, беспредельный путь совершенствования!..

— Кузина! Можно подумать, что вы специально посвятили себя разработке проблем воздухоплавания? — полушутя вставил Джеми.

— Ну, что ж? Как видно, я могу сообщить вам много нового по этому вопросу...

— *Hear! Hear!* — промолвила мистрис Старфорд, усаживаясь поудобнее в кресел и готовая погрузиться в счет петель.

— Аэроплан отделяется от поверхности земли, скоростью своего поступательного движения побеждая силу земного притяжения. Взвившись к небу, он парит на своих крыльях, как орел. Вся разница в том, что крылья эти неподвижны, что не их взмахи, но винт двигателя сообщает ему необходимую скорость. — Разве орел не тяжелее воздуха? — Да, я думаю, у Грэс силы не хватить поднять на руки мертвого орла, а ведь он — царь воздуха! Весь вопрос в том, чтобы мертвый аппарат снабдить таким же запасом энергии, каким обладает живой орел. Конечно, пропорционально их весу. Если орел свободно уносит барашка, который не-

многим легче его, должен и аэроплан быть в состоянии унести с собою лишний груз. И этот груз — боевое снабжение... Изобрести этот могучий двигатель, найти средство для его питания — над этим трудятся лучшие умы всего мира. Ведь если создать аэроплан, который мог бы бороться с ураганом, снабдить его таким запасом энергии, чтобы он мог держаться в воздухе не часы и не дни, а недели и месяцы, — осуществить эту идею, во всей ее полноте, хоть в малом масштаб, — то все дальнейшее — пустяки!.. Детская задача для техники в современном ее состоянии!.. Тот, кто первый вырвет от природы ее тайну, — тот будет владеть миром!..

Нет оружия, равного таким воздушным эскадрам! Не под землю же уйдут их противники! А создать что-либо подобное себе на поверхности земли или воды, — этот флот не позволит! Для него не будет тайны! Он уничтожит в корне всякую такую попытку, сметет, разрушит всякий завод, всякую мастерскую, которые осмелились бы строить что-либо ему подобное, без его разрешения! Для него—

нет невозможного, потому что нет ему равного! Он всемогущ, вездесущ, всеведущ!..

Мэдж увлеклась. Ее зеленоватые глаза, казалось, гипнотизировали слушателей. Старая леди оставила вязанье; Джеми весь как-то вытянулся и подался вперед, жадно следя за каждым словом вдохновенной проповедницы; Грэс забилась в угол дивана, свернулась клубочком и тщетно пыталась стряхнуть с себя какие-то, уже знакомые, непонятные чары... „Змея?“ — мелькало у нее в голове, и недавний сон так ярко вспоминался...

— Всемогущ, вездесущ, всеведущ! — восклицала Мэдж. — Ведь, это — Бог! Это — Его свойства!

— Дитя, дитя!.. — остановила ее мистрис Старфорд.
— Вы забыли главное — справедливость, милосердие и
благость...

Мэдж словно опомнилась и нервно рассмеялась.

— Конечно, тетя, — заговорила она своим обычным
мягким тоном, — я виновата, я упомянула лишь те Его
свойства, к достижению которых стремятся и слуги
„князя мира сего“... Вы правы... Но нации, к сожалени-
ю, не так уж твердо следуют евангельским заветам,
и вожди их больше всего полагаются на силу... Ведь
Фауст спасся же, употребив на добрые дела ту власть,
которая была ему дана сатаной!.. Обладая этой, вла-
стью, кого же еще бояться на земле?..

— Бога, дитя мое, Бога...

— Недаром Бисмарк заявил, что немцы боятся
только Бога! — прозвенел в полутьме прерывающийся
голосок Грэс. — Может быть, уже в то время ваш вели-
кий канцлер предвидел возможность союза с сатаной!

— Грэс, вы больны?..

— Грэс, что с вами?..

— Оставьте! Оставьте! — Я так люблю ее, и именно
за ее ненависть к Германии, которая смеет мечтать о
будущей (и какой отдаленной) борьбе с Англией за
владычество над морями... Ведь и во мне течет кровь
Мак-Стона, которому за его боевые заслуги наш клан
присудил добавку „Нат“ к родовому имени!.. Не знаю,
может быть, меня назвали бы изменницей моей новой
родины, но если бы наша старая Англия сделалась ца-
рицей не только морей, но мира, — я первая крикнула
бы: „*Rule, Britania!*“, хотя бы... над Германией!.. Нет, —
английскую кровь ничем нельзя разбавить! И если дя-
дя Джордж, действительно, нашел этот „*generator*“...

— Что? Что? — крикнул Джеми, срываясь с места. —
Там знают...

Старинный, красного дерева столик-подставка, опрокинутый его резким движением, покатился по полу; запрыгали, зазвенели черепки разбитых фарфоровых чашек и статуэток.

Мистрис Старфорд выронила вязанье из рук.

— Что вы наделали? Можно ли быть таким неловким? — сокрушалась Грэс. — Мой любимый китайский болванчик...

— Мама... простите и не ужасайтесь... Я все это достану вам в первом же плавании... разыщу, хоть на дне морском!.. — вторил ей Джеми, ползая по полу и собирая осколки...

И никто в этом переполохе не оглянулся на статс-даму императорского и королевского двора, которая тоже поднялась со своего места; никто не заметил, какой радостью засветились ее зеленые (кошачьи или змеиные?) глаза; никто не расслышал ее торжествующего шепота — „значит, я не ошиблась!“

По верному следу.

Жизнь в уютном домике на Церковной улице Дургэма текла, со стороны глядя, полная тишины и мира.

По заведенному обычаю, тотчас после брэкфаста старая леди отправлялась навестить больных и бедных своего участка. Грэс неизменно ей сопутствовала. Мэдж крайне охотно вступила в комитет дам-благотворительниц, но решительно отвергла предложение „помогать“.

— Если мы будем являться втроем, — ваши бедные вправе будут восклицать, пародируя Калхаса, *„qu' il y a trop des bienfaitrices!“* — Нет! Дайте мне „моих“, за которыми я и буду смотреть!

Джеми попытался было предложить свои услуги кухне, которая, может быть, за время долгого отсутствия забыла закоулки Дургэма и не найдет лачужек, где ждут ее прибытия, как „луча солнца“, — но был немедленно остановлен в своих покушениях энергичным, слегка насмешливым заявлением, что „даже в такой сентиментальной стране, как Германия, за лейтенантом, навещающим бедных, ходили бы толпы уличного сброда, и никакой дурак не поверил бы, что он занимается этим делом бескорыстно“...

— А я вовсе не желаю, чтобы здешние добрые фермеры, хоть на мгновение, заподозрили моего верного рыцаря в корыстных намерениях! — так весело и непринужденно смеялась она, что ему не оставалось ничего другого, как покориться.

Мистрис Старфорд не могла налюбоваться сыном, который и вырос и возмужал. Ей, воспитанной в строгих пуританских нравах прямых

потомков дружинников Кромвелля, ей и в голову не приходило обращать внимания на взгляды, которыми обменивались между собою ее сын и ее племянница. Молодежь так рада свидеться друг с другом после долгой разлуки! Пусть счастливы! Пусть смеются! Зато Грэс все видела. Она пробовала стыдить сама себя; она говорила себе, что глупо, что нелепо ревновать кузину к брату, но не могла освободиться от чувства глухой неприязни к „этой немке“, ставшей ей поперек дороги...

Почему „эта немка“, прожужжавшая ей уши „своим“ Вильгельмом, вдруг только и твердит, что о любви к „нашей старой Англии?“ — Что случилось? — Грэс инстинктом чувствовала, что это неспроста... Она ей не верила!.. Ну... — хотя бы корреспонденция! — Ведь уж все в доме знают, что около 8 ч. утра приходит почтальон, которого собаки встречают, как доброго знакомого, вручает письма, газеты и журналы старому Вилли, который аккуратно раскладывает их на столике в прихожей, и взамен сдает ему, с того же столика собранные, письма обывателей дома, готовые к отправке... А вот Мэдж всегда сама (должно быть, во время утренней прогулки) бросает свои письма в почтовый ящик... Почему?.. Она, кажется, много пишет, часто по ночам (это видно по свету в ее комнате), но что? — письма или дневник? Или какой-нибудь роман?.. и

всегда так торопится первой сойти вниз, чтобы никто не успел раньше нее взглянуть на почтовый столик... Порою Грэс так хотелось бы спросить старого Вилли: много ли писем получает кузина? Или сбежать вниз раньше ее и просмотреть корреспонденцию, но она всегда, даже наедине сама с собою, густо краснела при одной мысли о таком поступке — ведь это значило бы „шпионить“ за гостьей!.. — А Джеми, ее милый Джеми! — он заметно уходил от нее все дальше и дальше...

Вначале, они все втроем возобновили свои предобеденные прогулки по склонам дургэмского холма, по так называемым козьим тропинкам среди кустов вереска, где надо было знать „в лицо“ каждый камешек, на который можно смело опереться ногой... Потом... она заметила, что... она им мешает... Она стала чаще и чаще присаживаться на каком-нибудь повороте, отговариваясь усталостью, а они уходили вперед, звали ее за собой, но (так ей казалось) не слишком настойчиво... Иногда она вовсе отказывалась от участия в прогулке под предлогом головной боли, или хлопот по хозяйству, и опять-таки (так ей казалось) они не слишком настаивали и... уходили одни... Это было не только обидно, но и... тревожно, — а почему? — уяснить этого она не могла, но как-то так чувствовалось...

Мэдж вздрогнула. Среди писем, лежавших на столике в передней, ее зоркий глаз сразу же заметил одно со штемпелем „Бальмораль“, с адресом, написанным таким размашистым, крючковатым почерком, которого нельзя было не признать, хоть раз его увидев, тем самым почерком дяди Джорджа, за которым издавна утвердилось название „арабской грамоты“...

Должно быть, что в этот день программа ее „визитации“ была необычно краткой, и едва ли не через полчаса она уже вернулась домой.

— Джеми!

Молодой лейтенант, надписывавший адрес на только что запечатанном конверте, поспешно прикрыл его рукой и обернулся к открытому окну в сад. Оттуда, словно из рамки, вся в ярких лучах весеннего солнца, в ореоле золотисто-рыжеватых волос глядела на него очаровательная головка кухни.

— Чем вы заняты? Что за секреты? *Oh-la-la!* Неужели — послание к милой? Уже?

— Как вы можете думать... — смущенно заговорил он, не имея силы оторваться от этих зеленоватых, мерцающих глаз. — Просто деловое письмо, самое обыкновенное деловое письмо...

— В самом деле? Не буду спорить, — отозвалась она деланно-небрежным тоном.

— Вы так рано вернулись... — попытался Джеми прервать наступившее молчание.

— Да, да... мне положительно не везет на больных и бедных, которые поручаются моему вниманию — либо выздоравливают, либо богатеют!

— Это потому, что вы всюду приносите с собой счастье!..

— Ай, ай! — воскликнула Мэдж, зажимая уши. — Джеми! Пощадите! Я довольно наслушалась подобных изречений от сантиментальных поручиков и даже капитанов германской армии! Неужели и вы способны умолять меня пройтись под руку с вами вечером по дорожке сада, чтобы „вдохнуть аромат лучей Луны, пронизывающих мои волосы и скользящих по складкам моего платья?“ Нет! Нет! Никогда не поверю!

— И совершенно напрасно, — сдержанным голосом заговорил он, перегибаясь через подоконник...

— Вы? Мой старый морской волк?

— Да, я — ваш старый морской волк. На материках уже нет места сказкам, умерли богини и нимфы, только старые, настоящие, не такие, как я, морские волки еще рассказывают легенды о сиренах... и, слушая их, я все мечтал, бродя по океанам, не найду ли мою сирену, мою очаровательницу...

— И... не нашли?..

— Говорят, что часто... долгие годы поисков в море, среди лишений, трудов и опасностей оказываются бесплодными... и вдруг в тихой гавани она сама вас встречает... ведь счастье капризно...

Он так близко наклонился к ней, что мог бы „вдыхать аромат солнечных лучей, пронизывавших ее волосы“...

Зеленый туман окутал его, или чьи-то зеленые глаза так близко мелькнули перед его глазами, или, может быть, подогнулась рука, опиравшаяся на подоконник...

Туман рассеялся. В саду близко, но все же шагах в двух от окна, стояла Мэдж, укоризненно качавшая головой и оправлявшая прическу.

— Джеми, это — глупо! Этого — я не ожидала!.. Если бы тетя, с ее пуританскими взглядами...

— Вздор! — перебил Джеми, ловко соскакивая с подоконника в сад. — Мама была бы очень довольна и сказала бы, что, наконец-то, они ведут себя, как друзья детства...

— *Stop, old chap!* — Я шла по делу — надо бросить письмо в почтовый ящик...

— Пойдемте вместе!

— Совершенно излишне! — Можете возвращаться к

себе и заняться вновь вашей таинственной корреспонденцией.

— Но я уже кончил! Мне тоже надо бросить письмо в почтовый ящик!

— Тогда... пожалуй...

Они шли быстро, неровным шагом, словно вперегонки, по пустынной улице, залитой яркими лучами весеннего солнца; местами еще не просохли лужи (следы ночной непогоды). Было (или казалось, что было?) темно. И всякий раз, когда ее плечо касалось его плеча, он чувствовал себя счастливым, и на притворно негодующий возглас „Джеми“! — отвечал восторженным взглядом...

А вот и почтовый ящик.

— Ну, где же ваше письмо?

Джеми, внезапно сделавшийся серьезным, вынул его из бокового кармана и собирался опустить в прорезь.

— Нет! Нет! Мое раньше! — крикнула Мэдж, шаловливо отталкивая его руку.

Джеми не успел уступить даме, или Мэдж слишком поторопилась, но только письмо ее упало не в ящик, а на тротуар.

Оба наклонились, чтобы поднять его, и при этом движении, почти вплотную к ее лицу, оказался конверт, который он держал в руке, на котором было написано: „Эдинбург, R. B. R. T. W.“ и „до востребования“...

— Право, мне кажется, что солнце старой Англии молодит меня на десять лет, и я держу себя, как девочка, в коротком платье! — говорила Мэдж на обратном пути домой, заставляя своего кавалера с ней вместе прыгать через лужи, необычно оживленная и раз-

румянившаяся. — Воображаю, если бы меня могли увидеть из Потсдама наши почтенные старушки!

И Джеми, не имевший ни малейшего представления о потсдамских старушках, и никогда ими не интересовавшийся, от души вторил ее задорному, детскому смеху...

„Ich Liebe Dich“

Они решили до времени никому не доверять своей тайны.

Конечно, она будет хлопотать о разводе, но ведь свадьба их может состояться лишь после того, как осуществятся планы дяди Джорджа и короля Эдуарда, которых никто не знает, а до того надо молчать и ждать.

Что касается Джеми, то он был бы готов отказаться от чести вступить в число членов „Ордена Кабаньей Долины“, гроссмейстером которого, как говорили, состоял сам король. Уж слишком тяжел и суров был устав этого братства, какого не ведали ни рыцари храма, ни меченосцы, ни мальтийцы, и за нарушение которого не было другой кары, как смерть!..

Всякий, по доброй своей воле переступивший линию часовых, сплошным кольцом охватывавших Кабанью Долину, клялся:

1) оставаться в ней, если бы это оказалось нужным, до самой своей смерти;

2) слепо исполнять всякое, хотя бы нелепое по внешности, приказание начальника;

3) всякое письмо, отправляемое к родным или близким людям, представлять на цензуру начальника;

4) не только письма, но даже газеты, журналы и книги получать лишь по просмотре их начальником, или тем, кому он укажет.

За малейшее нарушение этих основных пунктов, посвящаемый признавал себя заранее подлежащим лишению чести и жизни во имя величия и славы Британии.

— Принять на себя этот суровый обет, отречься от мира, как раз в тот момент, когда готовы осуществить мечты юности, казавшиеся несбыточными, навеки утраченными?.. когда сердце полно любви, счастья и жажды жизни?.. Возможно ли?..

— Нет! Нет!.. Джеми! Милый Джеми! Это мысли, недостойные англичанина! Кому как не мне, за мою красоту попавшей в золотую клетку придворной жизни, мечтать о счастье, о свободе, но и я готова ими жертвовать, готова ждать... долго ждать — во имя величия и славы нашей Старой Англии!

Последнее время они приняли за обычай вести разговоры на немецком языке, и хотя Джеми заявлял совершенно откровенно, что его „*pigin german*“ сильно смахивает на то наречие, которым пользуются негры южноафриканских колоний Германии, Мэдж утверждала, что это скоро пройдет, а флотский офицер должен свободно владеть языком возможного противника, и потому практика необходима. Это объяснение было всем так понятно... но, по правде, истинную причину такого пристрастия к немецкому языку следовало искать глубже.

Однажды „она“ сказала „ему“:

— Единственное преимущество языка Шиллера перед языком Шекспира, это... — „*Du*“. Англичане говорят „Ты“ только Богу, а немцы — всякому близкому или дорогому человеку, и это дает впечатление такой... жуткой интимности... *Du liebst?*

А Джеми смеялся счастливым смехом и повторял:

— Конечно, конечно... так хорошо — *Ich Liebe Dich...*

С этого и началось...

Была, пожалуй, еще и другая причина: пользуясь немецким языком, они могли быть совершенно спокойны, что никто из редких прохожих, попадавших на пути, не подслушает их беседы, не даст повода к сплетням.

Лингвисты среди обитателей Дургэма и его предместий были немногочисленны.

Весенний вечер.

Капитан Гардстон, переписываясь со своим племянником, по-видимому, забыл внушить ему правило, им же подсказанное самому королю: вовсе ни с кем не говорить о тайне, потому что иногда случайно брошенное слово, намек, оговорка — уже могут дать нить к разгадке...

Вдобавок, Мэдж от своих германских корреспондентов знала едва ли не больше самого готовившегося к посвящению. Он, конечно, не оспаривал того, что было верно, но не мог не указывать на ошибки, не разуберять ее в тех преувеличениях, которым, по ее словам, склонны были предаваться на континенте.

Раз все знают, то бесполезно было бы отрицать, что дядя Джордж изобрел, или, вернее, случайно натолкнулся на идею своего *generator'a*, выработал соответственный тип двигателя, и его воздушные корабли снабжены таким запасом энергии, что могут держаться в воздухе не часы и не дни, а месяцы! Что, обладая чудовищной скоростью, они могут смело выгребать против урагана! Ведь ураган — это 24 метра в секунду, а они, при полном ходе, могут развить более 30! Да им и нужды не будет принимать такие героические решения! Что им стоит (при скорости 55 узлов) сделать не-

большой крюк в тысячу миль, чтобы обогнуть неприятное место? Зато попутным штормом они будут пользоваться, как современные корабли пользуются попутным течением!.. Предполагать, однако, что это будут какие-то воздушные броненосцы — прямо глупо! Да и к чему? Ведь если тайна будет сохранена, если они будут единственные в мире, ведь им будет достаточно нести с собой сравнительно небольшой запас бомб, бросаемых просто рукой, или, через направляющую трубу, силой их собственной тяжести... Ведь для того, чтобы совершить кругосветное путешествие по экватору, даже не самым полным ходом, им потребуется всего 18 суток!.. Ведь они будут почти вездесущи!.. Ну, скажем: в Японии открыто что-то подозрительное. Расследовать и помешать; в случае сопротивления — сместь с лица земли! И через 5 суток воздушный флот, снявшийся со своих пристаней в Шотландии, уже реет над островами Восходящего Солнца... Я неправильно выразился — „главные силы воздушного флота“ — вот как следовало бы сказать! Ведь будут же отряды, патрулирующие покоренные царства с высоты орлиного полета, и эти отряды немедленно примут свои меры, как только донесения агентов с земли по беспроводному телеграфу сообщат им о готовящемся злоумышлении... Резервы придется вызывать лишь в том случае, когда окажется, что охрана сплеховала... А знаете ли, сколько времени, при этой скорости, нужно патрулирующему воздушному кораблю, чтобы пролететь над всей Японией, по дуге от южной оконечности *Kiy-Siu* и до 50-й параллели, разграничивающей русские и японские владения на Сахалине? — 94 часа!.. — Ну, что же? Какое начинание, какая затея могут укрыться от взоров такой воздушной полиции?..

— Джеми!.. — шептала она, словно зачарованная его мечтой. — Джеми!.. и ты (*du bist*) один из немногих посвященных в тайну?.. Как я буду счастлива, как я буду гордиться твоей великой, бессмертной, немеркнувшей славой!.. Вы, ваш маленький кружок людей, которых многие скептики называют фанатиками, даже... сумасшедшими! Какими жалкими окажутся они перед вами! Как они будут пресмыкаться перед этой почти божеской силой!..

— Нет!.. Я — не Цур-Мюлен, не Трейлинг!.. Я — Гардстон!.. Даже больше... я — просто Стон, а „*Hard*“ пусть будет мною заслужено!

Джеми слушал, и сердце его было готово разорваться от счастья.

— *My darling, my darling!*.. я всегда верил, что кровь гуще воды, что ты вернешься к нам из твоей чопорной Германии!..

Приближался срок снятия официального траура при германском дворе; приближался срок отъезда очаровательной кузины; приближался и срок отбытия Джеми в таинственные недра Кабаньей Долины. Дядя Джордж категорически заявил, что, не считая себя вправе вовсе лишать племянника 6-тимесячного отпуска, заслуженного 5-тилетним плаванием в дальних морях, он, в силу государственной надобности, сокращает его до 2-х месяцев. И больше ни часу.

— Когда же ты вернешься? Когда же „это“ сбудется?.. *Du... mein Liebchen!*.. — говорила она, тесно прижимаясь плечом к его плечу.

Они сидели рядом на выступе мощной скалы, которую прикрыли собою мягкие, зеленеющие склоны Дургэмского холма, но острые углы которой высовы-

вались то тут, то там, словно источенные временем обломки костяка доныне сердитого гиганта, только и ждущего подходящего момента, чтобы одним движением сбросить с себя всю эту плесень.

Далеко внизу, под ними, по чуть намечавшейся в призрачной мгле весеннего вечера узкой полоске железнодорожного полотна, полз (так казалось отсюда) длинный поезд; издали окна его сверкали не ярче светляков, смело зажигавших свои фонарики почти вплотную к влюбленным и, видимо, вовсе не боявшимся этих людей, занятых только друг другом.

Так это было похоже на тот сладостный весенний вечер... Впрочем — нет! Тогда только трепетала и билась в сердце, как птица в неволе, безумная, несбыточная мечта о счастье... а вот... теперь... оно здесь... под руками...

И густые, только что распутившиеся кусты вереска так любовно склонялись над ними, так ревниво берегли от чуждого взора тайну, которую они одни только знали, которая только им одним была вверена...

— Но если б я могла в твоих письмах иметь хоть строчку, хоть слово, про которое я бы знала, что оно обращено от тебя ко мне!.. Понимаешь? — ко мне! Ко мне одной!

— Дорогая моя!.. Пока ты несвободна, писать письма прямо тебе — ведь это... невозможно!.. Как быть?..

— Не знаю! Не знаю!.. Но, Джеми! Хоть строчку, хоть слово!.. Я отказываюсь... да! да! — отрекаюсь от всех моих патриотических тирад... Если бы ты мог остаться со мною!..

— Слово дано. Я жду. Нашему слову мы никогда не изменяли!

— Правда, Джеми! И будь я проклята, если попыталась бы склонить тебя на такой позор!.. Но... как тяже-

ло!.. Жизнь, счастье... Какое мне дело до ваших тайн, до того, кто будет владеть миром! Хотя бы кафры или папуасы! Но ты! ты!.. Надолго ли?.. Ведь клятва обязывает без срока, до смерти!

— В этом случае могу тебя утешить — не так уж долго. Это — я знаю...

— Все-таки годы, долгие годы...

— Да не убивайся же, радость моя! Совсем не так страшно. Ну год — два... Дело идет полным ходом...

— Когда еще вы кончите ваши опыты...

— Никаких опытов! Все дело в постройке самого флота! С опытами давно покончено!..

— Правда?..

— Мэдж!.. Я и так сказал слишком много... Не надо...

— Милый, милый... ты мог бы доверить мне все твои тайны и не бояться, что их кто-то „чужой“ подслушал... Ну... разве я — чужая тебе?..

И опять, под внезапно налетевшим, ласкающим порывом весеннего ветра низко склонились кусты только что распутившегося вереска, свято оберегая им одним вверенную тайну...

— *Full speed! Full speed!* — торопила его Мэдж, спускаясь с холма по головоломной тропинке. — Неужели мы опоздаем к обеду? Уф!— радостно воскликнула она, очутившись на *Church Street* и указывая на часы под шпиком церкви. — Не опоздали! Нет еще и половины восьмого! А ты, кажется, совсем задохнулся?..

— Вовсе нет... и, знаешь, мне пришла мысль... В моих письмах я буду часто вставлять цитаты из Священного Писания (или имитацию под них), где Богу гово-

рят „ты“, но это ты будешь моим богом, а потому все эти изречения будут письмами к тебе...

— Джеми! — воскликнула она, — ты — гений, и завтра же я тебя расцелую!..

Первая жертва.

Проводы (почему-то) походили на похороны. Грэг так плакала, что у нее разболелась голова, глаза едва смотрели, а носик распух и покраснел, как при злейшем насморке. Мистрис Старфорд долго крепилась, но в последний момент не выдержала и, судорожно прижимая голову сына в своей груди, тоже расплакалась и как-то растерянно шептала: „Неужели навсегда?.. Нет... не спорьте... Это — предчувствие... Помните одно и не мучьтесь мыслью обо мне: — „Ради нашей старой Англии!..“ Ей — я вас уступаю“... Даже зеленые глаза всегда твердой Мэдж на мгновение (только на мгновение) подернулись какой-то дымкой... но она тотчас же овладела собою.

— Верно, тетя! Верно! *Rule, Britannia!*.. Дорогой кузен, примите мои добрые пожелания успеха и мой поцелуй... надеюсь, не последний...

Джеми писал домой не очень часто, но и не слишком редко, во всяком случае, больше, чем за время плавания в дальних морях, при этом письма его приобрели какой-то мистический характер. Среди расспросов о семейных делах и рассказов о полумонашеском образе жизни так и пестрели тексты из св. Писания, часто такие, которых старая леди не толь-

ко не помнила, но даже и найти не могла в своей Библии.

— Для них, пошедших на великий подвиг, во имя родины отрекшихся от прелестей мира, — так понятно искать бодрости и утешения в словах божественного откровения... — говорила она. — Я так рада за Джеми! Как это было бы грустно, если бы он свои досуги посвящал легкомысленной болтовне за стаканом „*whisky and soda*“. К святому, чистому делу надо приходиться с чистой душой и с чистыми руками, иначе — не будет на делателе благословения Божия...

Грэс недоумевала над таким внезапным „преображением“ брата, который, еще так недавно, ужасал ее своим легкомысленным отношением к священным книгам, „сочиненным попами, не глупее наших“, который признавал только Евангелие, да и в этом последнем многое считал чуждым основной идее учения Христа. „Грэс, Грэс! — говорил он, — ведь они писали много позже, на память! Вот если бы Его слова были записаны тогда же стенографистками...“ Но Грэс не слушала, затыкала уши, убегала, и у себя в комнате горячо молилась, чтобы Бог не вменил в смертный грех ее дорогому Джеми этой хулы, сказанной, очевидно, по легкомыслию или, может быть, с единственной целью подразнить ее...

Зато Мэдж с глубочайшим вниманием по многу раз перечитывала эти изречения, словно стараясь запечатлеть их в своей памяти...

— Скоро придет царство верных... Если Ты, Господи, увидишь во суд, то кто же устоит?.. Зреет колос и близится жатва. Волною морскою сокрывший гонителя, мучителя фараона... Лев Иуды, меч Давида, и печать мудрости Соломона... Везде рука Твоя настигнет меня, и десница Твоя направит меня... — звезды Тебе пови-

нуются и бездна перед Тобою трепещет... Меч принес я в мир... Ягненок будет пастись со львом... Ибо бремя мое благо и иго мое легко...

В этот день внезапный приступ мигрени не позволил Грэс, как обычно, сопутствовать своей матери в ее утреннем „благотворительном походе“ — она лежала на постели, в своей комнате, стараясь не шевельнуться, в надежде, что это скоро пройдет. В самом деле, стало, как будто, легче... Кажется, она задремала... Шум выдвигаемых ящиков, легких быстрых шагов в соседней комнате (в комнате Мэдж) разбудил ее. Голова уже не болела, чувствовалась только усталость, почти оцепенение... С трудом поборов его, она все-таки поднялась, решив „быть молодцом“, и пошла к кухне. Но там никого не было. Видимо, Мэдж заходила только на минутку...

Грэс, еще не вполне давая себе отчет в своих действиях, все еще в тумане, подошла к столу, и ее блуждающий взгляд упал на раскрытый дорожный бювар, который всегда был заперт на ключ, всегда тщательно прятался... Совершенно машинально смотрела она на листок бумаги, покрытый плотными линиями букв, написанных на машинке, как вдруг ее поразила явно английская фраза: „*Rule, Britania! Rule the World!*“ Каким образом эта фраза попала в немецкое письмо? Искренно, или как насмешка? Она не могла удержаться, чтобы не попробовать прочесть и понять ближайшие строки — немецкий язык не был ее специальностью — но с первых же разобранных слов вся кровь хлынула к ее сердцу...

— ...Колоссальное значение... гениальная догадка...

„World“, а не „Waves...“ не адрес только, но л о з у н г... кое-что уже удалось...

Вся дрожа, с широко раскрытыми глазами, она судорожно перебирала листок за листком и читала:

— ...вспомните, Юдифь... нельзя отступить... помогите рекомендацией... — разве дядя откажет протеже племянника?.. — только бы был свой человек...

Наконец... вот — письмо, вернее, записка на клочке бумаги, но писанная не на машинке, а карандашом, от руки, размашистым, готическим почерком...

— Нетерпеливое дитя... никогда нельзя падать духом, никогда... ваши... проливают свет, дают нить... незаменимо, бесценно... тексты из Библии *chef d'oeuvre!*.. толкование — верх остроумия... Нет, нет! К цели, всегда к цели!.. Жанна д'Арк не сделала большего... вам ли нервничать? — Да благословит вас Бог на трудный подвиг для блага Германии...

Подписано: — *W. I. R...*

Словно во сне, не помня себя, она бросилась в свою комнату, схватила зонтик, выбежала из дому. Какой-то инстинкт влек ее к крутым склонам дургэмского холма, к его козым тропинкам... ей хотелось воздуха, простора... несвязные мысли вихрем крутились в ее голове... отрывочные восклицания — „Боже! Позор!.. Дядя!.. Несчастье!.. Джеми!..“ — срывались с ее губ...

И вдруг они встретились.

— Грэс! Дорогая моя! Куда вы мчитесь, сломя голову?

— Куда? Прочь от вас! Змея! Змея!

— Что с вами?..

— А! Так вы еще смеете отпираться?.. Прочь отсюда! Прочь! Прочь! Сегодня же!.. Не позорьте нашего дома!.. Ведь только... в память отца, в память деда, который был и вашим дедом... только ради доброго имени предков я не отдаю вас в руки полиции!..

— Грэс! Вы с ума сошли!..

— Нет! Нет! Я в здравом уме!.. Вы „гениально“ догадались, что значит: *R. B. R. T. W.* — А я... я ведь тоже

догадалась, что значит *W. I. R.* — *Wilhelm Imperator Rex!*.. — А!.. вы бледнеете?.. это пугает вас?..

Он стояли, эти две женщины, лицом к лицу на узкой тропинке, извивавшейся над крутым обрывом...

— Надо было бы надежнее прятать свою корреспонденцию!.. Не забывать на столе документов!.. — выкрикивала Грэс, и каждое ее слово падало, как удар хлыста...

Но добрый скакун хлыста не терпит...

— Так вы рылись в моих бумагах? Унизились до шпионства?

— Нет! Я изобличила шпиона!

— Что?!

Ее хоронили в воскресенье.

Дядя Джордж допустил великое нарушение устава братства: он прибыл на похороны не один, но в сопровождении Джеми, который был первым человеком, получившим право покинуть на время Кабанью Долину раньше, чем ее тайна перестала быть тайной.

Несмотря на всю спешность (дядя Джордж, известный педант, не решился вывезти племянника, не получив, чисто формального королевского разрешения), они вошли в церковь уже к концу заупокойной службы, когда старый пастор заканчивал свою проповедь.

— ...Душа ее была, как цветок, беспечно глядевший в бездну, а к небу воссылавший свое благоухание... Друзья мои! Все вы так любили ее, все звали ее светлым лучом, проникающим в бездну страдания... И вот — сама она пала в бездну и... умерла... Но смерть ее не скорбь смерти, а радость воскресения!.. Неисповедимы пути Божии!.. и если Он, Всеблагий, призывает к себе чистые души для пополнения сонма ангелов — не воз-

ропщем, не будем плакать, но возрадуемся! Это нам, грешным и слабым, кажется, что лучше было бы молодой жизни цвести среди нас и радовать нас своим сиянием... Но Ему, Всеведущему, лучше знать, нежели нам... Если бы дух ее не завершил уже во всей полноте пути совершенствования в скорбной земной жизни, разве Он допустил бы, чтобы от неверного шага, от камня, не устоявшего под ногой ее, она бы низверглась со скалы, разбилась насмерть?.. Нет!.. Или забыты вами боговдохновенные слова псалмопевца — „Звезды Тебе повинуются, и бездна пред Тобою трепещет!“

— Ну, вот!.. я так и думал, то есть я никак этого не думал... я надеялся, что не будет... что нельзя же... — бормотал дядя Джордж, порывисто шагая по комнате своей племянницы.

В комнате был полный беспорядок; стояли раскрытые сундуки и чемоданы, в которые наскоро было что-то набросано, — видимо, готовились к спешному отъезду...

— Дядя! Милый дядя! — молила она. — Я не могу! Поймите, не могу! Грэс... здесь... рядом... годы детства... а теперь!..

Она даже не успела снять шляпки и путалась в длинной креповой вуали.

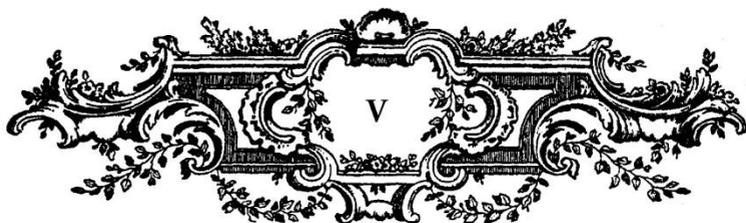
— Вздор! Вздор! — деланно-сердитым тоном возражал тот. — Ну, если бы она сорвалась с берега в воду, вы могли бы упрекать себя, что не бросились за ней, но тут... это ужасно... вот и все!.. Возьмите себя в руки, подумайте о моей сестре — вашей тетке — ведь это полуживой человек... чтоб не сказать полумертвый!

— Дядя!..

— Нет! Слушать не хочу! Вы должны оставаться! Напишите вашему мужу — не бревно — поймет!.. Да... будь прокляты мои глаза! Или вы не дочь моей сестры Мод, и в вас не течет кровь Гардстонов?! Тысяча чертей!.. Мы, я и Джеми, уезжаем сегодня же — так велит долг перед родиной! — А вы тоже? Бросите убитую горем старуху на попечение прислуги? Да нет! Быть этого не может!

Она осталась...

«Coup de maitre».

Завеса над тайной Кабаньей Долины заметно колебалась.

Несмотря на всю выдержку английской печати в делах такого рода, то тут, то там появлялись перепечатки из континентальных газет.

Как знать? — возможно, что тут действовала чья-то рука, или, как говорили во Франции, — *la charge de cavalerie de St.-George**)...

Так или иначе, страсти разгорались. — Упоминалось (даже приводились подсчеты) о миллионах фунтов, выброшенных на какую-то затею, о сути которой до сих пор упорно молчат (может быть, потому, что стыдно признаться в ребяческом увлечении?), намекали на то, что, кому по средствам, может чудить, как ему вздумается, но тратить на причуды деньги, добытые потом и кровью народа, никто не имеет права; что прошло около двух лет со времени учреждения „Долины Тайн“ (так окрестили Кабанью Долину), а до сих пор ни в палате лордов, ни в палате общин никто из членов правительства и словом не обмолвился о том, в какую бездну проваливаются чрезвычайные кредиты...

*) Фунт стерлингов — английская золотая монета — имеет на лицевой стороне изображение Св. Георгия, поражающего дракона.

Особенное недовольство вызвало последнее распоряжение: всю огромную котловину, замкнутую с севера массивом горы Бен-Мак-Дьюи, обнести изгородью из колючей проволоки, протянув ее по внешнему склону окрестных возвышенностей так, чтобы даже часовые и те не могли бы заглянуть в „Долину Тайн“... Для несения этой беспримерной караульной службы, при которой посты были расположены на дистанции 10 шагов друг от друга, а в непогоду вдвое чаще, — было назначено две дивизии гайлендеров, поначалу покорно принявших странное назначение, а теперь, под влиянием пропаганды, начавших открыто роптать...

Кроме постройки изгороди из колючей проволоки, требовалось еще устройство электрической сигнализации и несчетного числа духовых фонарей (при каждом часовом), которые загорались бы по тревоге или автоматически при всякой попытке пробраться сквозь изгородь или перелезть через нее...

Все это стоило чудовищных денег, и немудрено, если оппозиция решилась, наконец, выступить с запросом.

Как водится, в первую голову был выпущен не первый, но все же один из выдающихся ораторов. Он достаточно зло характеризовал ту смуту, то волнение умов, которое вызывает не только в Европе, но и во всем свете „Долина Тайн“, и особенно подчеркнул то обстоятельство, что не выдержала и громко высказала свое негодование сама, первая в мире по своей корректности, английская печать, столь охотно бьющая тревогу по поводу недостаточности ассигнований на флот и армию, всегда поддерживавшая правительство во всех его начинаниях, клонящихся к увеличению военной мощи Соединенного Королевства, а ныне — протестующая, требующая отчета в суммах, израсходи-

ванных на осуществление какой-то мечты, может быть, неосуществимой... Пусть тайна остается тайной, но народ, стонущий под бременем налогов, вправе спросить: — Куда идут его гроши, добытые потом и кровью? Что сделано уже, и на что надеются в будущем? — Ведь и алхимики, в поисках философского камня, тратили бешеные суммы, разорялись сами и разоряли правителей, жертвовавших для производства их опытов народным достоянием!..

— Не возвратились же мы к темному царству средних веков! Свету! Хотя немного свету в этом темном деле! — закончил он, спускаясь с трибуны.

— Посмотрим, как-то они вывернутся! — промолвил немецкий дипломат, склонившись к своему соседу, французу. — Отмолчатся, как будто бы, не удастся!

Сосед сдержанно рассмеялся.

— Вы не надеетесь? — спросил немец.

— Нет, не то!.. Я подумал: кому бы пришло в голову, два года тому назад, сказать — у нас или у вас — „Нет больше Вогезов!“ — а вот теперь мы — союзники...

— Союзники перед общим врагом...

— Тсс... тсс... — раздалось кругом.

На трибуну поднимался военный министр.

— Господа! — заговорил он, — тайна, известная двум лицам, уже не тайна. Я сам знаю не многим больше вашего. Я только исполнитель получаемых мною приказаний. Я верю, и вас прошу верить, что все делается для блага и величия Соединенного Королевства.

Глухой ропот негодования, как шквал перед бурей, пробежал по скамьям депутатов, отозвался в переполненных ложах и местах для публики...

— *Et Ça va!* — не утерпел француз.

— *Et Ça ira!* — поддержал его немец.

Выступление лидера оппозиции было встречено громом аплодисментов.

Но... тут произошло событие, которому во всей истории Англии не было прецедентов...

Не успел еще лорд Блэккюрент начать речь, как председатель, кинув ему отрывистое — „*Silence!*“ — поспешно оставил свое место и, низко склонив голову, сделал несколько шагов по направлению к боковой двери, откуда только что появился... Эдуард VII...

Пожилой *gentleman*, тем же размеренным, спокойным шагом, каким совершал свои обычные, ежедневные прогулки в парке, вышел вперед и заговорил:

— Господа! Военный министр сказал вам немного, но и я не скажу вам большего... (Движение). Вы, народные представители, требуете отчета в израсходовании народных денег. — Я не дам вам этого отчета... (Сильное движение, даже ропот). Каждый из вас к чему-нибудь стремится, а мне желать нечего, я — король Англии! Единственное доступное мне тщеславие — видеть ее великой, и ее народы — благоденствующими!.. — Вы, представители этого народа, говорите, что на плечи его возложено непосильное бремя, и что виною тому непонятные, ничем не оправдываемые расходы на „Долину Тайн?..“ И, все-таки, тайны ее я вам не открою!.. — Расходы? — Чтобы снять бремя их с плательщиков налогов, я принимаю их на себя!.. — Мало? — туда же все средства моей семьи! — И того не хватит? — Надеюсь, что благородные лорды и уважаемые деятели Сити придут мне на помощь, поверят в долг на слово!.. — Но дело не в деньгах, и не за тем я пришел к вам!.. — Я прошу вашего доверия!.. — Сэр! — закончил

он, обращаясь к председателю, — исполните вашу обязанность!

Бледный, как полотно, но вполне овладевший собою, председатель провозгласил:

— Вотируется доверие Эдуарду VII, королю Англии, Шотландии и Ирландии, императору Индии!.. Несогласных прошу сесть!.. — он обвел глазами, торжественные в их безмолвье, ряды депутатов, и закончил: — Принято единогласно!..

Эдуард VII слегка поклонился, сделал приветственный жест рукой и тем же уверенным, спокойным шагом, высоко подняв голову, направился к выходу.

Никогда еще стены старого аббатства не видали такой бури!..

— *Voilà un coup de maître!* — восторженно воскликнул француз, забыв всю свою дипломатическую выдержку...

— А наша кампания в самой Англии безнадежно проиграна! — сердито прервал его немец. — Теперь уже не наладишь ни за какие деньги!.. Попробуем иначе...

Он был прав. — Уже вечерние газеты пестрели заголовками — „Король в парламенте“.

На следующее утро — был апофеоз. — Из уст в уста передавалось крылатое изречение лорд-мэра — „Джентльмену на слово? — сколько угодно!“ — и уже к полудню английский банк записал десятки миллионов фунтов вкладов под девизом — „Эдуарду, на слово“.

Всемирная коалиция.

Да! Действовать приходилось иначе и, притом, немедленно!

Как ни широко были раскинуты сторожевые посты, опоясывавшие котловину, замкнутую с севера верши-

ной Бен-Мак-Дьюи, они могли уберечь от нескромного взгляда лишь глубину „Долины Тайн“, а небо над нею оставалось доступным для наблюдений: — нельзя же было обезлюдить страну на десятки миль в окружности! — Конечно, можно было бы воспретить употребление зрительных труб и биноклей в известном районе, но... запретить легко, а как провести в жизнь такое запрещение?..

С целью хотя бы затруднить деятельность астрономов-любителей, подъемы воздушных кораблей производились исключительно по ночам, и притом, по возможности, в темные, безлунные ночи. — Тем не менее, при большом числе наблюдателей, трудами опытных людей, сводивших в одно целое получаемые от них сведения, воссоздавалась понемногу картина будущего, картина характера весьма угрожающего. — Сначала рассказывали лишь о том, как воздушные чудовища реют над долиной, то несясь с неимоверной скоростью, то, паря в воздухе, собираясь в группы... Потом пошли вести еще боле тревожные — утверждали, что, взвившись к небу, они исчезали и не возвращались к утру, и что их отсутствие измерялось не часами, а днями, даже неделями... Были некоторые намеки на то, что на континенте знали даже больше, чем могли бы сообщить непосредственные наблюдатели...

Это последнее обстоятельство особенно тревожило капитана Гардстона, который, чаще обыкновенного, являлся к королю и совещался с ним — как всегда, с глазу на глаз — в центре обширного граунда Виндзорского парка. — О чем они говорили — оставалось тайной.

Но не дремали и те, кто признавали необходимым „действовать иначе“.

По-видимому, карты были брошены на стол. Игра пошла в открытую. Застрельщиками выступили кон-

тинентальные газеты и журналы (очевидно, руководимые и субсидируемые), которые, оставив намеки и притчи, заговорили о „мировом заговоре“, о замысле Британии сделаться не только владычицей морей, но и владычицей мира, пользуясь новой, всеокрушающей силой, секрет которой случайно попал в ее руки, и при посредстве которой она стремится создать „монополию могущества“...

Печать, эта новая великая держава, шумела и возмущалась, а дипломаты, в тиши своих кабинетов, писали ноты, или договаривались лично при „совершенно случайных“ встречах на водах или морских купаниях... В результате, в германских газетах появилось воззвание, которое стоустой молвой приписывалось перу самого императора Вильгельма. — Это воззвание, переведенное на все языки, было перепечатано в самых глухих уголках мира и всюду, даже в Китае, даже в мелких республиках Южной Америки и в еще формирующихся государствах Африки, нашло горячий отклик.

Вот текст его:

НАЦИИ ВСЕГО МИРА, ОБЪЕДИНЯЙТЕСЬ!

— Величайшие умы нашего века не могут разрешить проблемы, на решение которой случайно наткнулся офицер британского флота. Если бы „generator“ не сделался военной тайной британского правительства, какие беспредельные горизонты были бы нам открыты! Владеть воздухом! — Миф об Икаре — сказка, ставшая действительностью! — Ни моря, ни безводные пустыни, ни цепи гор, дремлющих под шапками вечных снегов, не разъединяли бы между собою ныне разобщенные группы человечества. Человек — царь воздуха — был бы, как воздух, свободен! Но нам не дано права воспользоваться всеми неисчислимыми

благами, которые несет с собою открытие *generator'a*! — Англия объявила его своей привилегией! — С какой целью? Только с коммерческой — О! Конечно, с коммерческой, но в самом широком смысле этого слова! — Превратившись из „Владычицы морей“ в „Царицу воздуха“, она делается „Царицей мира“ и мы, все, донныне свободные нации, насчитывающие тысячи лет упорного труда, мирной и кровавой борьбы за право жить и быть самими собою, — мы станем ее рабами!

Против этого грозного призрака, против этой всемирной тирании — НАЦИИ ВСЕГО МИРА, ОБЪЕДИНЯЙТЕСЬ!

Так писали, так шумели газеты... А в тиши дипломатических кабинетов уже создавался план всемирной коалиции, ставящей своей целью принудить Англию (хотя бы открытой силой, если нельзя иначе) поделиться с миром великим открытием...

Надо ли говорить о том впечатлении, которое вся эта кампания вызвала среди граждан Соединенного Королевства? — Это было какое-то умопомешательство! — Не представители народа, а весь народ вотировал доверие королю в осуществлении его грандиозных планов...

Рассказывали, что какая-то нищенка явилась в английский банк и требовала, чтобы от нее приняли вклад — каких-то 9 пенсов — „Эдуарду на слово“...

Гвардейские полки просили, как милости, послать их на охрану „Долины Тайн“, если „этим гайлендерам“ их служба кажется тяжелой, а „эти гайлендеры“, недавно почти открыто роптавшие, заявляли, что не останутся перед братоубийственной распрей, огнем и мечом встретят дерзких, которые попытаются сменить их на почетном посту...

В то же время дипломаты все писали свои весьма секретные бумаги, встречались „случайно“ на водах и на морских купаньях...

Что-то назревало...

Под предлогом маневров или проверки канцелярской работы штабов, мобилизовались армии, формировались эскадры...

Капитан Гардстон, в течение двух лет лишь изредка заглядывавший в Виндзор, так редко пользовавшийся своим правом аудиенции „в центре граунда“, где ни одна душа не могла подслушать его разговоров с королем, — сделался во дворце обычным гостем...

Отнюдь не подавая вида, что придает какое-либо значение всем этим слухам и сплетням, Англия, под теми же благовидными предложениями, мобилизовала весь свой флот, комплектовала армию, созывала в учебные сборы полки милиции... Этим последним, то есть милиционерам, особенно трудно было сдерживать в их чрезмерном рвении: шотландцы подавали петицию за петицией, заявляя, что поголовно становятся в ряды действующих войск, что в „Долину Тайн“ враг сможет проникнуть лишь после того, как им будет уничтожено все население, способное носить оружие и драться с неприятелем „хотя бы на ножах!“

Открытого выступления еще не было; разрыв еще не был объявлен, но он чувствовался в воздухе...

В этой прелиминарной игре Англии, как казалось, не повезло...

Гигантский транспорт, везший в Коломбо два батальона 47-го Шотландского полка и массу каких-то запасов, пропал без вести по выходе из Адена.

Два огромных парохода, специально зафрахтованные у компании „P. and O.“, переполненные каким-то военным грузом, — миновав Коломбо, так и не прибыли ни в Гонг-Конг, куда были адресованы, ни в промежуточные порты.

Бюро „Veritas“ (в Париже) за какие-нибудь два месяца занесло в список „без вести пропавших“ судов вдвое больше, чем за год... И все под английским флагом!..

Общественное мнение Англии, столь верно отражаемое ее высоко корректной печатью, было смущено.

Появились, сначала робкие, а потом все более и более резкие заметки на тему, что „политика авантюры — самая плохая политика“, что не перст ли Божий указывает — „Опомнитесь!“

Бессмертный лозунг — „Эдуарду на слово“ с каждым днем терял свое обаяние...

И, наконец, пришел день, когда только веками воспитанная политическая выдержка английского народа спасла королевство от всепоглощающего взрыва...

Это было 15-го июля...

Катастрофа.

Чтобы не утомлять читателей передачей всех слухов, сплетен, рассказов очевидцев и тех, которые выдавали себя за очевидцев, позволим себе ограничиться приведением одного только правительственного сообщения, сухого, сжатого, но дающего достаточно яркую картину разразившегося бедствия.

„Еще 14 июля метеорологические станции предупредили о жестоком шторме от SW, надвигающемся на центральную Шотландию. С утра, 15 июля, после целого ряда дней тихой и ясной погоды, начали налетать шквалы, а к вечеру заревел шторм необычайной силы, сопровождаемый дождем. — Люди с трудом удерживались на ногах.

„В 10 ч. 43 м. вечера того же числа командир 36-го полка, полковник Лесли, бывший в тот день начальником охранного района и находившийся в здании главного караула (по дороге в Бальмораль) получил донесение, что с постов видно над „Долиной“ какое-то зарево, и одновременно же — телеграмму от капитана Гардстона, гласившую: — „Пожар главного депо. Подозреваю злоумышление. Катастрофа неизбежна. Попытаюсь спастись в воздух. Шторм — надежды мало. Все равно — гибель и здесь. Не пытайтесь тушить — пове-

дете людей на верную смерть. Хуже извержения вулкана. Помогите нам Бог. Привет родным! „*Rule, Britannia!*“

„Несмотря на полученное предостережение, полковник Лесли во главе своих людей, уже собравшихся по первой тревоге, поспешил на помощь, и такой же приказ дал (по телеграфу) на все главные посты.

„Идти по размытой дождем дороге против яростного ветра было крайне затруднительно. Люди спотыкались о камни, скользили по откосам, падали, поднимались, измученные, окровавленные, но шли вперед, побуждаемые энергией своего начальника. Достигнув

перевала, перед спуском в долину, они могли убедиться в тщете своих надежд. Городок „Долины“ представлял собою море пламени. Высоко над пожарищем, озаренные его отблеском, держались корабли воздушной эскадры. Насколько возможно было заметить, строй их был неправильный, и они „по способности“ старались только „выгребать“ против ветра, не быть унесенными штормом. По-видимому, на такую борьбу не хватало сил. Заметно для глаза, эскадра, державшая курс *SW*, сдавалась к *NO*...

„В тот момент, когда доблестный полковник и его не знающие страха шотландцы начали спускаться в долину, произошел взрыв главного депо. Действительно, вроде извержения вулкана! Глыбы камня, железные балки взбрасывались на высоту нескольких сот футов и, подхваченные штормом, относились от места катастрофы на многие мили... За первым взрывом следовали другие, но уже меньшей силы.

„Брошенные на землю, полузадушенные огненным ураганом, несшим с собою ядовитые газы, наши молодцы, едва опомнившись, все же стремились вперед, но полковник Лесли остановил их порыв. Бесполезно

было бороться со стихией. Есть невозможное и для героев...

„После взрыва воздушная эскадра пришла в еще большее расстройство. Казалось, что некоторое время она пыталась укрыться за массивом горы Бен-Мак-Дьюи, но попытка эта успеха не имела. Спуститься на землю в такой шторм — значило бы разбиться.

„Все это время беспроволочный телеграф принимал непонятные депеши. Очевидно, капитан Гардстон отдавал приказания эскадре по своему „своду сигналов воздушного флота“.

„В 11 ч. 37 м. аппарат принял: „Передайте королю: — Пробую пуститься попутным штормом. Может быть, удастся перелететь море, склониться к югу. Ищите — Швеция, Финляндия. Помогите нам Бог! Люди помочь нам не могут“.

„Со всеми государствами, лежащими к востоку от Англии, уже вступлено в сношения. Отовсюду получены заверения, что будут приняты все меры содействия воздухоплавателям, если они где-либо спустятся.

„На случай, если бы им не удалось выгрести к югу, всем крейсерским отрядам королевского флота приказано, как только ослабеет шторм, идти в море, обыскать весь возможный путь эскадры, не исключая островов Ледовитого океана“.

Это сообщение появилось утром 16 июля.

Вечером того же дня вышло второе, весьма краткое: „О воздушной эскадре нет никаких известий“.

То же и в последующие дни...

Наконец, всякая надежда была утрачена... Газеты вышли в траурных рамках...

„Наденем траур, почтим память героев, которые мечтали, во славу Англии, покорить стихию, но пали в неравной борьбе — писал „Times“. — По доброй воле

они обрекли себя на великий подвиг отшельничества и молчания, храня в своей „Долине“ священную тайну, которая, являсь миру во всем своем блеске, дала бы их родине владычество над ним... Эту тайну унесли они с собой в могилу... Но не надо терять надежды! Что удалось капитану Гардстону, то, может, удастся и другому. Одушевленные верою в Провидение, ведущее Англию к славе и могуществу, мы найдем утраченное, мы вновь откроем тайну *generator*'a!“

„Надежда — вещь хорошая (острил по этому поводу „*Matin*“), и мы тоже смеем надеяться, что этот кошмар, нависший над миром, рассеялся бесследно и навсегда. Боле двухсот ученых (и даже любителей!) трудились над разгадкой секрета, ныне благополучно погребенного в волнах Ледовитого океана. Было бы невероятно и даже несправедливо, если бы нашей соседке второй раз подряд привалило такое сумасшедшее счастье. Будем верить, что когда вновь кто-нибудь откроет *generator*, то эта честь выпадет на долю ученого, который облагодетельствует мир своим открытием, а не даст его в руки хищника, мечтающего о всесветном владычестве!“

Ликование и злорадство были всеобщими, хотя официально ни одно государство не преминуло выразить королю Эдуарду своего глубокого сочувствия по поводу разразившейся катастрофы.

Одни только германские официозы, а за ними и прочие германские газеты, как будто не особенно радовались. Появилась карикатура (которую приписывали карандашу Вильгельма II), изображавшая „Похороны воздушного флота“ и представлявшая собою пародию на общеизвестную — „Как мыши кота хоронили“. Германская дипломатия прилагала все усилия, чтобы завершить почти налаженное дело организации миро-

вой коалиции против Англии. Указывалось, что ведь нигде не нашли даже и следа воздушного флота, и, если он исчез так бесследно, то это не может не возбуждать подозрений. Может быть, он только скрылся до времени... Нельзя пропускать благоприятного момента, надо воспользоваться недовольством, царящим в Англии, и раз и навсегда отбить у нее охоту к подобным затеям.

Над этими страхами только смеялись, а к предостережениям относились подозрительно.

Известный *Caran d'Ash* выпустил две карикатуры, из которых первая называлась „Воздушная опасность“, а вторая — „Нации всего мира, объединяйтесь в мою пользу!“

На первой был изображен император Вильгельм, несущийся верхом, марш-маршем, мимо представителей всех народов и указывающий им на страшного вида воздушного змея, веревка которого привязана к хвосту его же лошади, а на второй — тот же Вильгельм отчаянным жестом указывает тем же представителям на огромную жаровню с каштанами.

Правы ли были, однако же, и те, кто беспечно подсмеивались, и те, кто руководились исключительно подозрительностью и недоверием?..

Опять в Дургэм.

После трагической гибели любимой дочери, мистрис Старфорд, своей бодростью и живостью возбуждавшая в сверстницах чувство восхищения (не без примеси зависти), вдруг постарела на десять лет, если не больше.

Хуже того — она начала хворать, чего до тех пор с ней никогда не случалось.

Пожалуй, капитан Гардстон был прав, требуя от племянницы, чтобы она ни в каком случае не покидала тетки, которую сам он называл „полуживым, чтобы не сказать полумертвым“ человеком.

И, надо отдать справедливость, Мэдж свято исполнила принятую на себя обязанность. Не только сестра милосердия, но и родная дочь не могла бы ухаживать за больной с такой заботой, с таким самоотвержением...

Светила медицинской науки выписывались не только из Лондона, но даже с континента.

Средства, для этого имелись в избытке, так как, уезжая, дядя Джордж со словами — „на расходы“ — сунул ей в руки чековую книжку на солидную сумму, но она, словно испугавшись, поспешила запереть ее в ящик стола... Ей ли нужны были деньги?..

Профессора собирались на консилиумы, говорили между собой на плохом, но зато никому непонятном латинском языке, ставили диагнозы, многозначительно покачивали головами, засыпали Мэдж мудреными названиями никогда ею не слыханных болезней, а когда она скромно просила их говорить по-человечески — сердились и коротко отрезывали: „Сердце слабое... к тому же старость... Перемена обстановки... легкие развлечения... конечно, укрепляющая диета... Главное — отогнать гнетущую мысль“...

Легко было прописывать такие рецепты, но как было их исполнить, когда малейший намек на необходимость покинуть Дургэм вызывал страшнейшее возбуждение, кончавшееся припадком удушья.

— Нет, Мэдж!.. Нет, моя милая!.. Вы должны обещать, что не только похороните меня рядом с нею, но и умереть дадите здесь, у этого окна, через которое я вижу ограду кладбища и старый бук, склонившийся над ее могилкой...

Мэдж плакала и клялась исполнить ее волю...

Каких только предосторожностей не было принято, чтобы утаить от больной известие о катастрофе 15 июля... И все-таки, уже 18-го она узнала о ней... узнала из несвязных, сердечных слов соболезнования бедной женщины, которой она раньше много помогала, и которая, увидев у окна „свою добрую леди“, не могла удержаться, чтобы не подбежать к ней, не высказать ей своего участия в горе...

С трудом привели ее в чувство после глубокого обморока.

Она уже не в силах была подняться с постели, только просила переставить постель так, чтобы через окно ей был виден старый бук, осенявший своими ветвями могилку ее маленькой Грэс.

— Тетя! Милая! — шептала Мэдж, склоняясь над ее изголовьем, — не падайте духом! Ведь дядя Джордж собирался держаться в воздух недели, месяцы! Ну, что им стоило перелететь Северное море! Может быть, их отнесло к северу, но ведь Норвегия, Швеция, Россия — уже послали особые экспедиции, чтобы искать их среди гор, среди тундр, где они могли бы спуститься! Наконец, ведь крейсера всех европейских флотов полным ходом рыщут по Ледовитому океану, обыскивают каждый островок, осматривают каждую льдину!.. Их найдут!..

— Да будет воля Твоя... — в полузабытьи говорила мистрис Старфорд. — Жаль ее... Напрасная жертва...

Мэдж отшатнулась, словно ее ударили, и неверными шагами, судорожно схватившись за голову, вышла из комнаты.

— Напрасная жертва... да... напрасная жертва... — стучало у нее в висках...

Старый Вилли принужден был совершить величайшую некорректность — схватить ее за руку — чтобы обратить на себя ее внимание.

— Что такое?..

— Письмо... Почерк молодого барина...

Он протягивал ей какой-то смятый, грязный конверт...

— Адресовано старой леди... но я подумал... можно ли ей передать сейчас?.. лучше через ваши руки... а, может быть, и совсем нельзя?..

— Конечно, Вилли, конечно! Вы не слуга, а старый друг... — говорила Мэдж торопливо, но тщательно оглядывая конверт со всех сторон и уже вполне овладев собою. — Мы вместе с вами прочтем письмо и вместе решим, как поступить.

Она вынула шпильку из волос, осторожно вскрыла ею конверт, бережно расправила на руке заключавшийся внутри листок, видимо, вырванный из записной книжки, и прочла вполголоса:

„Здоров, бодр и полон надежд. Что бы ни случилось, нельзя терять надежды. Ею мы живы.

„Скоро приду к Тебе и не расстанусь с Тобой вовек... В Тебе ли я усомнюсь?“

Старый Вилли отвернулся в сторону, словно солнце слишком ярко било ему в глаза, и шумно высморкался.

— Ну что же? — промолвил он. — Отчего не показать?.. Значит, умер добрым христианином... Упокой, Господи, его душу!.. Это будет ей утешением...

В своем смущении он не заметил, как быстро убитая горем женщина превратилась в прежнюю, гордую и властную красавицу, как заботливо спрятала она в

карман грязный, измятый конверт, как спокойно и уверенно ответила ему:

— Конечно, Вилли! Вы правы — так я и сделаю.

— Письмо Джеми... да... его рукой... 15 июля... тот самый день... — с трудом выговаривала мистрис Старфорд, покрывая поцелуями лоскуток бумаги. — „Скоро приду к Тебе и не расстанусь с Тобой вовек“... да... да... он верно... предчувствовал... да... скоро мы свидимся...

Не то стон, не то рыдание прервали ее несвязный лепет...

Это Мэдж, упав на колени, прятала свое лицо в складках одеяла...

— Мэдж! *My darling!* Будьте тверды в горе... Или мне утешать вас?.. вспомните, что ваша мать была *Hard-Stone!*..

Жестокая борьба происходила в сердце молодой женщины. — Открыть „ей“ истинный смысл „этих“ слов? Сказать „ей“ то, в чем она почти уверена? — Ведь, может быть, это цена жизни! „Ее“ жизни, этой милой, любимой... — Но ведь это же — открыть тайну... Господи! Неужели необходима еще жертва? Еще?.. — Но если так нужно для блага родины?.. *Deutschland ub-er alles!*

Ее решение было принято. Отступать было поздно...

Вернувшись с похорон, Мэдж спешно укладывала свои вещи, готовясь к отъезду, когда в ее комнату вошел старый Вилли и, низко склонив свою лысую голову, спросил:

— Каковы будут приказания миледи?

— Что такое?..

— За смертью мисс Грэс, лейтенанта Старфорда, капитана Гардстона и, наконец, мистрис Старфорд — упокой, Господи, их души — миледи является здесь единственной наследницей и хозяйкой...

— Нет! Нет! — с необычным возбуждением заговорила Мэдж. — Не теряйте надежды! Они еще вернутся! Они непременно вернутся!.. Вот, вот, — она поспешно достала из ящика и передала ему чековую книжку дяди Джорджа. — Тут хватит на всякие расходы, и не на один год... Чтобы все было по-старому! Ничего, ничего не менять! Ждите ваших настоящих хозяев!.. А мне — экипаж... скорее, чтобы не опоздать...

Старик поклонился, принял чековую книжку, отступил к двери, поклонился еще раз и вышел, тяжело вздыхая и бормоча про себя, что такие несчастья, одно за другим, хоть в ком помутят рассудок... Ведь он и не подозревал, что еще вчера утром по условному адресу было отправлено письмо, приблизительно, такого содержания:

„18 июля получено письмо от Д. — Конверт грязный, мятый, даже виден отпечаток каблука. Несомненно, валялось на земле, подобрано и опущено в почтовый ящик^{*)}. Поверх грязи отчетливо виден штемпель — „Дублин, 16 июля“. — Текст помечен — „15 июля“. Как текст, так и адрес на конверте писан ровным, спокойным почерком, чернилами. Очевидно, заранее, до „катастрофы“. Значит — отбытие предвидели, и катастрофа — мнимая. Штемпель „Дублин“.

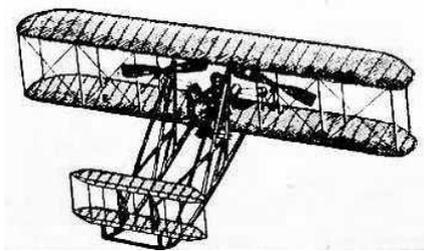
**) Надо заметить, что в Англии корреспонденция — священна. Всякий, заметивший лежащее на земле письмо, кто бы он ни был, считает своим долгом подобрать его и опустить в ближайший почтовый ящик.*

Значит, вовсе не унесены штормом к полюсу, а шли против ветра на SW. Мой Д., желая дать мне весть о себе, бросил заранее приготовленное письмо, когда они проходили над Ирландией. А вот и его слова: „Скоро приду к Тебе и не расстанусь с Тобой вовек“. Кажется, ясно“.

Конец первой части.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

БОРЬБА ЗА ВЛАСТЬ

Первая ласточка.

Эдуард VII свято сдержал свое королевское слово. Ни один пенни из баснословной суммы, затраченной на предприятие, завершившееся катастрофой, не лег бременем на плечи плательщиков налогов. Все было уплачено из личных средств королевской семьи... Но этого мало! Он спешил как можно скорее расплатиться и с теми, что внесли в английский банк свои вклады — „Эдуарду, на слово“. Часть этих вкладов была израсходована...

Тщетно протестовали благородные лорды, возмущались богатейшие фирмы и сердились вкладчики, принесшие свои трудовые шиллинги, — чиновники банка отвечали им: — „Выдайте расписку в получении вклада обратно и, если желаете, жертвуйте эти деньги на благотворительность, или хоть бросьте их в воду. Слово „старого джентльмена“ дороже золота. Он брал в долг и возвращает взятое“.

„Король-нищий“ — это была кличка, которой можно было по праву гордиться! И, конечно, Эдуард VII вовсе не рассердился, когда, в одно прекрасное утро, взяв в руки „Punch“, увидел на первой его странице

изображение собственной своей особы. По версии *Punch* а, он (Эдуард VII) босиком, в одной только рубашке, сидел на камешке возле жаровни уличной торговли и, жадно уплетая у нее же купленный печеный картофель, говорил: „Я продал свои последние рваные штаны, но зато уплатил свои последние шесть пенсов долга, взятого на слово!“

А перед ним стоял *Mister Punch*, так низко, так глубоко кланяясь, что перья его шутовской шляпы, которую он держал в руке, мели землю, и говорил — „*Sir! You are gentleman*“.

Да!.. Это — было шикарно!..

Со времени „катастрофы“ прошло около года...

Боб Бобсон, рядовой собственного его величества ирландского стрелкового полка, сучая и в душе бранясь, отмеривал свои „пять шагов вправо и пять шагов влево“ от караульной будки на террасе Виндзорского замка.

Конечно, можно было бы найти немало постов еще глупее этого, но за ними было хоть право давности: когда-то утвердили и хранят по традиции... А здесь? — всего 5 — 6 месяцев тому назад выдумали... Ну, коего чорта тут караулить в самом центре королевской резиденции!..

Нет! — Боб Бобсон совершенно не одобрял этой „блажи“ начальства. Тем более, что после вчерашней ночи, которую он провел с „ней“, „вздыхая под зелеными ивами“, не только постель, но даже холодные плиты террасы казались ему такими заманчивыми...

Однако же, Боб твердо боролся с искушением, тешась мечтами....

— Скажем так (сам себя подбадривал Боби): в 8 ч. Ночи — смена; сплю до шести; с шести до восьми — на посту; опять смена... Около полдня смена, караула — дома. Формальности... переодевание — четверть часа... Значит — не позже как 20 мин. первого...

Дальше он уже не мог рассчитывать своего времени по часам и минутам, так как по выходе из казармы, за углом, на первой скамейке бульвара, под каштаном, его должна была ждать голубоглазая Фанни... — „Хороша девчонка! — рассуждал он. — Боюсь, только не сбил бы ее с пути долговязый Джим...“

Жаркая, темная из-за туч, душная летняя ночь, аромат цветов, запах прелой зелени, доносившийся из парка, все как-то так отвечало этим несвязным мечтам, нагоняло такую сладкую дрему...

Что-то большое, мягкое и упругое шлепнулось о плиты террасы неподалеку от него, раза два-три подпрыгнуло и... замерло...

Дремоты — как не бывало.

Ни на мгновение не растерявшись, твердо памятуя устав караульной службы, Боби вскинул ружье „наизготовку“ и крикнул — „Кто идет?“

Никто ему не ответил, потому что никто не шел. „Оно“ лежало и не шевелилось.

— Кто идет? — повторил Боби. — Кто идет? — крикнул он в третий раз...

Никакого ответа... А ведь он видел, что „оно“ лежит совсем близко... может быть, сейчас бросится...

Холодный пот выступил на лбу храброго малого... (ведь ирландцы так суеверны)... „Часовой обязан стрелять хотя бы по самому чорту, если тот не знает пароля!“ — вспомнилось ему изречение старого фельдфебеля...

Сухой, резкий треск выстрела нарушил тишину ночи.

Уверенный, что всадил пулю по назначению, Боби, готовый послать вторую, не спуская глаз с „него“, сделал два шага назад, и локтем правой руки нажал кнопку сигнала о тревоге...

„Оно“ оставалось неподвижным и безмолвным...

Мгновения казались вечностью...

Прошипев и проворчав что-то, вспыхнул над террасой дуговой фонарь, озарив своим светом бледного, как полотно, часового, не сходявшего с поста и державшего на прицеле „что-то“, чье неожиданное появление наполнило его душу непонятным страхом...

Наконец... о, радость!.. послышался дробный топот бегущих людей.

— Разводящий и смена! — молнией мелькнуло в голове Боби...

Донесся и звук стройного, размеренного, беглого шага большого числа людей, очевидно, следовавших за передовыми... — Сам караул!..

Боби вдруг сделалось так стыдно... Яркий свет, близость людей — развеяли ночные страхи... Он ясно видел, что перед ним лежит какой-то мешок, не имеющий в себе ничего дьявольского, что стрелять в него, а тем более поднимать тревогу, было, по меньшей мере, глупо... Тем не менее, он так и замер в своей воинственной позиции, не сводя „его“ с прицела...

— Что такое? С кем вы тут воюете? — рявкнул, вскакивая на террасу, его взводный начальник, подлинного имени которого в полку не помнили, а звали попросту „Уискисода“. — Это? — продолжал он, сразу заметив предмет, на который было наведено ружье Боби. — Это? — повторил он, ткнув „его“ ногою...

— Стоп! стоп! — прервал его начальник караула, спешно поднимавшийся по ступеням. — В чем дело?..

— Сэр... — заговорил Боби, успевший оправиться и взять ружье „к ноге“, — осмелюсь доложить, что „это“ упало сверху...

— С неба, что ли? — проговорил Уискисода...

— Да... именно... мне показалось, что с неба...

На этот ответ Уискисода вполголоса (из уважения к присутствию начальства) подал такую реплику, что передние ряды караула так и колыхнулись от взрыва неудержимого смеха...

Казалось, однако же, что начальник караула, лейтенант Муррей, вовсе не был склонен принять происшествие в шутку. — По его приказанию таинственный мешок перевернули... раз, два...

— Ого! — воскликнул он...

На одной из сторон мешка было старательно выписано крупными буквами (черным по белому) — *R. B. R. T.W.*

— Несите за мной! — приказал лейтенант, направляясь в караульное помещение.

Тревожные звонки, освещение парка среди ночи (выстрела почти никто не слышал) не могли не привлечь внимания тех, кто должен был бодрствовать по долгу службы.

— Ну, что ж, Муррей? Фальшивая тревога? Маленький факель-цуг?

Такими словами встретил процессию дежурный адъютант короля, наскоро застегивавший свою куртку.

— Сэр, — строго-официальным тоном ответил ему караульный начальник. — Благоволите немедленно разбудить короля и доложить, что на имя его величества получен пакет под лозунгом — *R. B. R. T.W.*

— Что такое?.. Ничего не понимаю...

— Прошу в точности исполнить мною сказанное. Это — парольное приказание его величества, переданное мне при смене...

— Но я ничего не знаю...

— Не мое дело. Если вы отказываетесь, я сам войду в спальню короля, хотя бы силой...

— Оставьте угрозы. — Приказание его величества, вами мне переданное, будет немедленно исполнено...

Что сказали бы, вернее, что подумали бы члены дипломатического корпуса, если бы в эту ночь они могли заглянуть в королевскую уборную, куда, согласно полученному приказанию, был внесен таинственный мешок?

Эдуард VII и его старый камердинер, вдвоем, заперев двери на ключ и вооружившись ножами и ножницами, вскрывали полученную посылку, ползая кругом ее на коленях...

Это был здоровый тюк неочищенного хлопка, зашитый в холстину, украшенную магическими буквами.

— Ищите же, Генри! Ищите хорошенько! — говорил король, задыхаясь от пыли и собственноручно копаясь в грудке, которая все росла по мере того, как ее тормозили... — Тут должно быть письмо!..

— Нашел! Сэр! Нашел...

Эдуард VII, с ног до головы облепленный хлопком, радостно вскочил на ноги, поспешно выхватил из его рук конверт, вскрыл его, прочел находившуюся в нем коротенькую записку и с криком — „Первого лорда адмиралтейства!“ — бросился в кабинет.

— Сэр! — остановил его Генри. — Хорошо ли будет? Неужели дело не терпит до утра? В каком виде вы примете благородного лорда?..

— Ну, ну... конечно, вы правы... — засмеялся король, — до утра подождать можно, хоть я все равно не засну!.. Да, да! старый чорт! отметьте этот день у себя в календаре! Да не болтайте только! Это — для нас с вами!

Игра в открытую.

Необычайное происшествие, конечно, несмотря на все принятые меры, не могло сохраниться в тайне. Слишком много было свидетелей получения „посылки с неба“, а ведь довольно было проболтаться и одному...

На континенте зашевелились... „*Berliner Tageblatt*“ проповедывал крестовый поход, а „*Journal de St.Petersbourg*“ красноречиво цитировал бессмертную фразу Петра Великого: „Упущение времени — смерти безвозвратной подобно!“ — „*Matin*“ и даже „*Gaulois*“ рекомендовали „раздавить гидру раньше, чем она вошла в силу“...

Помимо слухов, были и факты тревожного характера. Несчетные станционеры, которых Англия содержала во всех портах мира, которые, казалось бы, корни пустили в тех гаванях, где пребывали многие годы, снимались с якоря и уходили в ближайшие английские порта. К английским портам (по инстинкту, что ли?) жались и бесчисленные суда английского торгового флота...

К половине июля все английское сосредоточилось под сенью английского флага...

Однако же, как ни странно, проповедь хорошо осведомленных официозов успеха не имела. Дипломаты,

рассыпаясь в любезностях друг перед другом, все еще выработывали наилучшие формулы соглашения, пытались так или иначе обойти друг друга, выторговать сальный огарок, забывая про стеариновую свечку... когда 15 июля, утром, — телеграф оповестил мир, что представители всех наций при английском дворе получили одновременно ноту нижеследующего содержания:

МЫ, ЭДУАРД VII, КОРОЛЬ ВЕЛИКОБРИТАНИИ, ВЛАДЫЧИЦЫ МОРЕЙ, А ОТНЫНЕ ВЛАДЫЧИЦЫ ВОЗДУШНОГО ОКЕАНА И ЦАРИЦЫ МИРА, и пр., и пр.

Объявляем всем народам земли Нашу волю: — Немедленно приступить к разоружению флотов и роспуску армий. — Милостью Божией, получив в свои руки оружие, которому не может противостоять никакая сила, никакая организация, Мы решили удержать его в Нашем исключительном пользовании на благо мира всего мира. Не для угнетения, не для порабощения наций! Нет! Пусть каждый народ живет в пределах своей территории, мирно совершенствуясь, не боясь насилия со стороны соседа, но и сам чуждый мысли о всяком насилии. Поднявший меч от меча погибнет! Настало время перековать мечи на плуги! Две тысячи лет проповедовалось слово Божие, взывающее к миру, но мир не принял его... И вот, облеченные безмерной властью, Мы требуем этого мира от народов, требуем силою, в уповании, что, осознав свою немощность, покорившись по принуждению, — они привыкнут к мирному сожительству, и настанет время, благоприятное для наступления истинного Царствия Божия...

Господи, Боже сил! С Нами буди! И кто против Нас!.. Неисповедимы пути Твои!..

Меч грозный приносится в мир.

Меч святой правды занесен над народами.

Меч – сокрушение всякого насилия.

Меч – охрана всякого слабого и незащитного.

Мы, милостию Всевышнего, приявшие этот меч в свои недостойные руки, клянемся Всемогущим Богом за себя и за наследников наших, что не употребим дарованного Нам, во зло народам мира, в исключительную пользу нашу или народа нашего!..

Цель наша – заповедь Христа – мир всего мира!

Нет больше ни армий, ни крепостей, ни военных флотов.

Существующие должны быть упразднены в кратчайший срок, или будут уничтожены нами. И всякая попытка восстановить их будет пресечена нами в корне.

Народы мира! Страхните с себя бремя милитаризма, вздохните свободно и живите свободными, не страшась призрака насилия!

Воздушный флот, сверхчеловеческая сила, бодрствует над вами и блюдет права каждого!..

И горе тем, кто попытается нарушить всеобщий мир, мир Божий, который Мы провозглашаем!

Как Христос бичом изгнал из дома Отца Своего людей, корысти ради осквернявших святое место, так Мы, силою вверенной Нам, сотрем с лица земли всякое начинание, клонящееся к восстановлению раздора между отдельными семьями великого всемирного братства народов.

Да будет!

Того же 15 июля, над столицами всех великих держав появились отряды воздушного флота.

Каждый отряд из пяти кораблей.

Одиночные корабли (крейсера?) реяли над второстепенными государствами.

Всякое сопротивление было не только безнадежно, но и прямо безумно...

Кое-где осмелились, но эти попытки завершились полным разгромом.

Дирижабли и убогие аэропланы, какие до того времени успели соорудить, взвившиеся к небу и требовавшие удаления дерзкого врага, были без труда уничтожены...

Им ли было бороться с царями воздуха, владевшими тайной *generator'a!*..

Страшнее и властнее грома небесного были телеграммы, которые подавались ими на землю.

Все они имели тождественный смысл и даже внешней формой мало отличались одна от другой вне зависимости от места подачи — в Европе, Азии, Африке или Америке.

— Распустить армию, разоружить флот, взорвать склады и т. д.

Приступить ко всем этим действиям предписывалось немедленно, а срок выполнения назначался соответственно с местными условиями. Предупреждалось, что по истечении договорного срока придут делегаты, командированные правительством „Царицы Мира“, и если они донесут о невыполнении предъявленных требований, то корабли, крепости, заводы, склады, скопища войск — будут уничтожены „сверху“.

Кое-где, в государствах, в которых, поначалу, не оценили еще во всей полноте значения новой силы и пробовали протестовать, — эту угрозу пришлось осуществить...

Первые же уроки сразу всех отрезвили.

Воздушные корабли, недоступные, неуязвимые, не торопясь, словно проделывая лабораторный опыт, уверенно бросали в намеченные пункты свои страшные бомбы, неся с собой какое-то стихийное разрушение.

В них, в этих бомбах, был тот же *generator*, который давал энергию двигателям воздушного флота, только иначе примененный.

Мир покорился.

Да ничего другого и не оставалось делать.

Золотой век.

Наступил золотой век. Мечи были перекованы на плуги.

Конечно, не обошлось без экономических потрясений. Многие фирмы обанкротились. Акции предприятий, обслуживавших флот и армию, потеряли всякую цену. Оружейные, бронепрокатные и т. п. заводы пришлось либо бросать, либо приспособлять под цели производства орудий промышленности.

Главный удар пришелся по капиталу, и этим только и объясняется, почему мировой переворот не вызвал мировой революции. Правда, десятки миллионов рабочих остались на первое время без заработка, но, пока промышленность не приспособилась к новым условиям, правительства всех стран могли оказать им широкую помощь из военных фондов, а неприкосновенные (на случай войны) склады интендантств, оказавшиеся теперь вовсе ненужными, были колоссальным богатством, выброшенным в народ.

Поступить так приказала „Царица Мира“.

С другой стороны десятки миллионов молодых, здоровых граждан, цвет народонаселения, освобожденных от воинской повинности, вернулись в свои семьи к продуктивному труду.

— Смотрите, как вздорожала жизнь! — пробовали проповедовать органы капиталистов старого строя.

Но их не слушали, так как это было явной неправдой.

Не жизнь вздорожала, а деньги подешевели... Платить дороже за право пользоваться всеми благами жизни, ничего не делая, приходилось тем, что жили за счет накопленного золота, и это золото уходило от них в руки тех, которые создавали все блага жизни своим личным Трудом.

Труд вздорожал, и, казалось, что недалеко то время, когда он сделается единственной ценностью.

На заре жизни человечества, когда личный труд характеризовался обязанностями воина-защитника жилища и обязанностями рабочих по хозяйству, было уже нечто подобное. Тогда цари пиروвали со своими дружинниками (простыми солдатами), пили с ними из одного кубка; тогда господа садились обедать за одним столом со своими слугами; тогда царская дочь Навзикая вместе со своими служанками ездила на реку мыть белье их общих защитников, проводивших время в заботах войны и охоты. Это была чистый обмен труда. Всякий делал, что мог, не только для себя лично, но и для других, — зато и другие делали для него то, к чему сам он от природы не был способен.

Да, да! — золотой век возвращался на землю.

Великий завет — „трудящийся да ест“ — готовился сделаться основным принципом существования.

День ото дня деньги так дешевели, что, не работая лично, не прилагая в жизни собственного труда (ко-

нечно, на самых разнообразных поприщах — ни науки, ни искусства не пострадали в этом новом, необычном строе), можно было легко прожить не только миллионы, но даже миллиарды, накопленные предками, и сделаться нищим не только самому, но и детей своих, если они не обучены какому-нибудь производительному труду, бросить в нищету и на попечение общественной благотворительности... Впрочем, и эта последняя, получившая самое широкое развитие, действовала с крайней осмотрительностью, резко различая неспособных к труду от тунеядцев.

Помогать, не только помогать, но даже доставлять все блага жизни первым — общество считало себя обязанным, так как просветленное словом Христа, не находило возможным руководиться правилами древних спартанцев, убивавших хилых и слабых еще в детстве, хотя находились изуверы, проповедовавшие и тогда подобные идеи, даже в печати. Зато всякий работоспособный, но не желавший работать, мог найти приют только в работном доме, где, со всею суровостью строго установленного режима, получал постольку, поскольку проявлял усердия к обеспечению своего существования.

Правда, что за возможность осуществления (казалось, такой близкой) мечты о наступлении золотого века пришлось заплатить: — во-первых, все народы, пропорционально своему бюджету, возместили Эдуарду VII расходы, понесенные им при создании воздушного флота; а во-вторых, также на мировой, общественный счет этот флот содержался, ремонтировался, обновлялся. Но это были такие гроши в сравнении с прежними военными расходами!

При новом порядке вещей всякий мог быть уверен, что не только исторически сложившиеся права его

народности никем не будут нарушены, ни с какой стороны не потерпят насилия, но даже и личные его права ограждены от всякого посягательства на них. *De facto*, английские послы и резиденты являлись блюстителями законов. К ним можно было обращаться, как к высшей апелляционной инстанции, а их приговор, подкрепленный словом Эдуарда VII, являлся окончательным...

Грубо выражаясь — за мировой счет „Царица Мира“ содержала мировой суд и мировую полицию.

Главы государств, автономные в делах внутреннего хозяйства, являлись не более как ее уполномоченными, да и в делах этого рода не могли не опасаться внезапной ревизии со стороны всемогущей и вездесущей верховной мировой власти.

Победители.

Вряд ли нужно пояснять читателям, что и пресловутая „катастрофа“, и загадочная „пропажа без вести“ транспорта с двумя батальонами гайлендеров, и таинственное исчезновение других транспортов и пароходов частных английских компаний, — были не более как средством спрятать концы в воду и предотвратить осуществление идеи мировой коалиции против Англии, подозревавшейся в покушении на свободу народов мира.

Тщетны были предостережения германского императора, видимо, знавшего больше других, но не имевшего в своих руках неопровержимых доказательств, способных побудить к решительным действиям правительства прочих стран. Впоследствии высказывались предположения — не сыграла ли и в этом случае известной роли „*La charge de cavalerie de St. George*“?.. Как

знать? Но, так или иначе, новый маневр имел полный успех.

Пока разноплеменные журналисты острили и потешались над глупым положением, в какое попал король Эдуард, на безвестном острове, затерянном среди необъятного простора центральной, наименее посещаемой, части Индийского океана, заканчивалась работа, начатая в „Долине Тайн“.

Гигантские транспорты, числившиеся „пропавшими без вести“, подходили к этому островку, разгружались до последнего гвоздя, винта, веревки, которые могли пригодиться, до последней банки консервов, до последнего сухаря; затем все население их перебиралось на берег, а самый транспорт — затапливался, так как на острове не только не было бухты, удобной для стоянки, но даже и близ него нельзя было стать на якорь. — Чуть ли не вплотную к скалам глубина доходила до 100 саженей.

Это обстоятельство и было причиной необитаемости острова и полного к нему равнодушия предприимчивых народов Европы, давно поделивших между собою все, так называемые, „Божьи“ или „ничьи“ земли. Недаром даже учебники географии (только самые подробные) упоминали о нем в шутовском тоне, как о птичьей республике, территории которой никогда еще не касалась нога человека.

И вот нашлись люди-птицы, бесцеремонно овладевшие этим ровным высоким плато, изгнав его исконных владельцев и расположившись, как дома.

Может быть, читатели спросят: — Зачем же было топить эти транспорты? Хоронить на дне океана сотни тысяч фунтов стерлингов? — А как же можно было бы поступить иначе? Ведь вместе с ними хоронилась тайна предприятия, которое должно было дать в л а с т ь н а д м и р о м...

Возвращать их в Англию?

Но ведь это значило бы выпустить в свет десятки людей, знающих тайну! — Пусть даже это был народ самый надежный, — можно ли было поручиться, что никто из них не проболтается о том, что видел, хотя бы во сне, или хватив лишнюю рюмку виски?..

Приказать им крейсировать близ острова?

Но ведь это — на год, а то и больше! Какой расход топлива! — А откуда его взять? — Выписывать новые и новые транспорты? — Но тогда около острова собрался бы целый флот! Любой парусник (а эти здесь иногда проходят) донес бы о виденной им необычной картине, и немедленно прибыли бы специально командированные крейсера, и тайна оказалась бы обеспеченной еще менее, чем в „Кабаньей Долине“.

Нет!

К сохранению тайны решено было принять самые радикальные меры; всякий, прибывший на остров, оставался на нем волей-неволей до конца, а пароход, сдавший свой груз, действительно „пропадал без вести“ в пучине океана.

Решение оказалось правильным: тайна была сохранена, а убытки надеялись возместить впоследствии, что... оправдалось.

Теперь уже не было надобности в такой уединенной и отдаленной штаб-квартире воздушного флота. Гнездо его у подножия горы Бен-Мак-Дьюи, около года тому назад уничтоженное пожаром, сопровождавшим „катастрофу“, словно чудом возникло из пепла, и (в общем немногочисленные) члены „Священной Дружины Царицы Мира“ могли вернуться к радостям жизни.

Теперь от них уже не требовалось исполнения всех тех пунктов, какие им предъявлялись при вступлении в братство.

С того момента, как мир покорился, поверхность земли была разделена на районы, которые патрулировались дежурными кораблями. Прочие — отдыхали. В среднем, одна неделя патрульной службы приходилась на три недели отдыха. Подсменяясь с товарищами, можно было, ценою 2—3 недель непрерывной службы, устроить себе отпуск на 6—9 недель. Это было вовсе необременительно, и никто не жаловался.

Надо заметить, однако же, что, несмотря на полную (казалось бы) обеспеченность господства над миром, признано было необходимым существовать *generator'a*, способ управления воздушным кораблем, как при „висении“ в воздухе, так и при его безумных скоростях, и тесно с этим связанный способ регулирования действия двигателей — продолжать хранить в глубокой тайне.

Это было не слишком трудно.

Число кораблей воздушного флота (в то время) достигало 50, но на каждом было только по 10 человек „первой степени посвящения“ — 5 управителей (в том числе командир), и 5 механиков (в том числе старший механик) — которые имели право входа в капитанский пост и в секретное отделение. Каждый из них, стоя свою вахту, всегда имел под рукой заряженный револьвер и был обязан, не вступая ни в какие пререкания, убить на месте всякого непосвященного, который осмелился бы войти во „святая святых“.

С момента вступления на вахту, они разобщались.

Таким образом, во всей Англии (и во всем мире) воздухоплатателей „первой степени“ было всего 500 человек.

Так мало, что суровый закон, каравший смертью всякий намек на предательство, оказывался даже излишним...

Да и был ли какой-нибудь смысл кому-либо из них совершить подобное предательство? — Ведь „Царица Мира“ оставалась ею лишь до тех пор, пока не имела соперницы.

Мир был у ее ног, и ее верные рыцари пользовались всеми его благами.

За какую же цену можно было бы продать тайну? Что мог бы предложить искуситель?

Этот грубый, чисто коммерческий расчет обеспечивал нерушимость тайны надежнее всяких клятв и всяких угроз смертью...

Беглянка.

Капитан воздушного флота, командир корабля „*Star and Stone*“, бывший лейтенант Джэмс Старфорд, или, попросту, Джеми, а ныне лорд Старстон, весь отдавшись нахлынувшему воспоминаниям, медленно шагал взад и вперед по гостиной родного дома, усиленно стараясь соразмерять „ход“ и держать „курс“ так, чтобы ступать на одинаковые или сходные между собою узоры старинного ковра, и так, чтобы это выходило, по возможности, „прямым курсом“. В детстве это было его любимой забавой, а теперь — помогало ему бороться с тяжелыми, гнетущими мыслями...

Он только что вернулся с кладбища, где навестил две дорогие могилки, и вовсе не слушал старого Вилли, который, получив разрешение, неумолимо докладывал ему, чуть ли не день за днем, хозяйственный отчет минувшего года. От времени до времени, чтобы не обидеть верного слугу, особенно если тот делал выжидательную паузу, Джеми одобрительно кивал головой, бросал отрывистые фразы одобрения и благодарности, но мысли его были далеко... много дальше этой гостиной, где все оставалось по-прежнему — даже „любимый китайский болванчик“ его сестры, Грэс, который он разбил в первый день по возвращении из пла-

вания, искусно склеенный цементом, стоял на своем старом месте... Нет! Не здесь, и даже не на близком кладбище были его мысли! Дальше... много дальше... Ему так бы хотелось спросить... И разве же это не было бы вполне естественно?.. Но почему-то казалось неловко, даже страшно. Он чувствовал, что покраснеет, что выдает себя наблюдательности этого „старого чорта“.

— Осмелюсь доложить, — скрипел Вилли, — что графиня отказались вступить в наследство, будучи, почему-то, твердо уверены в вашем возвращении, даже строго приказали мне, чтобы я уведомил их о дне вашего прибытия телеграммой в три слова: „Приезжает“ (число и месяц), тогда я подумал...

— Чорт вас возьми, чтобы тогда вы ни думали! — неожиданно крикнул Джеми, бросаясь к нему. — Что вы сделали?

— Но, сэр, — бормотал старик, ошеломленный внезапностью. — Я, конечно, в точности исполнил приказание и, получив телеграмму от вас, немедленно телеграфировал графине.

— Вилли! Друг мой!

— ...и графиня изволили ответить: „Выезжаю сегодня“, — продолжал тот, пытаясь сохранить всю свою невозмутимость, хотя его старые кости жестоко страдали от дружеского объятия „молодого барина“.

— Когда „сегодня“? Что значить „сегодня“?

— „Сегодня“ было третьего дня, и, прошу извинить, сэр... вы были на кладбище... и взял на себя смелость, не спросив вас, послать экипаж на станцию... они должны прибыть с этим поездом.

Топот лошадиных копыт и шорох колес по крупному песку, которым был усыпан подъезд к дому, прервали бурное объяснение.

— А я думала, что вы меня встретите! — говорила Мэдж, стоя перед зеркалом и снимая шляпку. — Или слава так вас затуманила?

— Поверьте! Если б только я знал, если бы меня предупредили...

— Миледи,— неожиданно вмешался Вилли, и в голосе его зазвучали какие-то строгие нотки, — лорд Старстон прибыл только сегодня, и немедленно последовал на кладбище, чтобы впервые навестить могилу покойной леди. Это я, в такую минуту, не осмелился потревожить его известием о вашем прибытии.

На мгновение зеленые глаза блеснули гневом, но тотчас же вновь засветились чарующей лаской.

— Мой старый друг, спасибо вам за урок... Вы тысячу раз правы, я все та же сумасбродная Мэдж, которую вы когда-то — помните? — носили на руках... Ну, не сердитесь больше? — закончила она, целуя его почтенную лысину.

— Миледи... графиня... — растерянно бормотал старик, — разве бы я осмелился... солнце нашего осиротелого дома... или я не помню... *sweet baby*...

Он долго еще не мог успокоиться и бросал отрывистые, малопонятные фразы, не замечая, что давно уже никто его не слушает, ни Джеми, порывисто шагавший из угла в угол гостиной, и теперь вовсе не думавший о согласовании „хода“ и „курса“ с рисунком ковра, ни Мэдж, голос которой доносился из ее комнаты, где она при содействии Эмми (дочери Вилли) разбирала свой багаж.

— Дорогой кузен, — заговорила она необычно официальным и строгим тоном, когда после обеда они остались одни в гостиной, — прошу вас ответить мне

на несколько вопросов, но прямо и честно, как следует джентльмену, без всякой *gallantry*. Обещаетесь?

— Вы меня пугаете...

— Оставьте шутки! Дайте слово, что ответите, как джентльмен!

— Я слушаю...

— Может ли настоящий джентльмен быть любовником замужней женщины, хотя бы тайна была обеспечена?

— Нет, не может... это — обман... — проговорил он твердо, чувствуя однако же, что бледнеет.

— Какая разница между женщиной, которая отдается двоим, или троим, или десяткам мужчин, каждого уверяя, что только его одного она истинно любит?

— Никакой... — глухо промолвил Джеми.

— Ну, а если женщина видит, что ошиблась, что счастье ее не там, где она думала его найти, что оно здесь, близко, но цепи закона не позволяют ей протянуть к нему руку, может ли она порвать эти цепи? Может ли прийти к своему избраннику и отдаться ему?

— Но безраздельно?

— Конечно! Всем жертвуя! — воскликнула она, гордо выпрямляясь.

— Тогда... это — героиня! — прошептал он, склоняясь к ее ногам. — Высший закон, Божеский закон, закон Христа, основой своею имеет любовь. И эта любовь выше всякого закона, придуманного людьми. Она сильнее всего на свете! Поймите!.. да... да... это сказал какой-то русский, кажется, Тургенев — „Любовь сильнее смерти!“

.....

— Джеми! — рыдала она, уткнувшись лицом в подушки дивана. — Ведь я бежала!.. Джеми! „Он“ не

только не дает мне развода, он приходит в бешенство при одной мысли, что я могла бы подумать навестить моих родственников в Англии! В Англии, поработившей Германию! Ведь я здесь украдкой, на минутку! Он не знает! Он думает, что я поехала к моей старой подруге в Остенде! Он грозитя убить, убить своими руками, если бы я осмелилась... Как быть? Как быть?

— Мэдж, дорогая моя, — заговорил Джеми, — надо решить, и решить теперь же. Верьте, что под охраной братства „Царицы Мира“ вы будете в безопасности, и никакая мстительная рука не достигнет вас, но... смею ли сказать? — во имя вашей любви способны ли вы отречься от радостей и утех жизни при дворе? Вас, европейски-известную красавицу, где же не узнают? Разве можно будет сохранить ваше инкогнито, если вы появитесь в свет? Ведь другой такой нет! Значит, прятаться? Согласны ли вы?

— Но если нет другого выхода! Джеми! Джеми! Или это так непонятно? *Du liebst?*

Загадочное происшествие.

Дядя Джордж, которому в тот же вечер племянник поведал свою тайну, сначала развел руками, потом стал браниться так, что... лопнули бы от зависти все боцманы, когда-либо служившие под его начальством, но в заключение обещал сделать „что можно“. Принимая во внимание, что для адмирала воздушного флота „невозможного не существовало“ — такое обещание являлось достаточной гарантией успеха всякого предприятия.

Графиня Маргарита Цур-Мюлен пропала без вести.

Император Вильгельм принял живейшее участие в горе своего друга и приближенного.

Полиция Германии, Франции, Англии — была поднята на ноги, но даже специально вызванные Шерлок Хольмс и Нат Пинкертон ничего не могли сделать.

След красавицы терялся в Дургэме.

Знаменитые сыщики в точности установили, что 11 августа в 11 ч. 57 м. утра она прибыла в Йорк; здесь, видимо, стараясь замести следы, оставалась около часу, переменила двух извозчиков и зашла позавтракать в ресторан, откуда отправила с посыльным свой небольшой багаж на центральную станцию; с норд-экспрессом, в 1 ч. 18 м. пополудни выехала на север (кассирша хорошо запомнила высокую, стройную даму под густой вуалью, из-под шляпки которой выбивались пряди роскошных рыжевато-золотистых волос, взявшую билет в Эдинбург и очень спешившую); на маленькой станции, не доезжая Дургэма, она вышла (здесь тоже обратили внимание на даму под вуалью с золотыми волосами, которую ожидал экипаж); из обывателей Дургэма два лавочника, — извозчик, почтальон и псаломщик церкви подтвердили, что вечером 11 августа видели экипаж Старфордов, направлявшийся к их дому (*Church Street , 14*), а в экипаже даму, лицо которой было закрыто вуалью, но по осанке и, главное, по волосам могли почти с уверенностью признать в ней графиню Цур-Мюлен, хорошо им знакомую племянницу покойной мистрис Старфорд.

В течение двух дней, как будто, ничего особенного в доме не произошло (на улицах графини никто не видел), а на третий день, т.е. 14 августа, оказалось, что он

покинут, и куда делись его обитатели — старый Вилли, его дочь Эмми, кучер и садовник — неизвестно.

Опрошенный по этому делу лорд Старстон (он был в отсуствии по делам службы „Царицы Мира“, и допрашивали его через несколько недель, когда все вышеизложенное уже было строго установлено), крайне потрясенный необъяснимым происшествием, засвидетельствовал, что 11 августа приезжал на несколько часов в Дургэм навестить могилы матери и сестры, все в доме нашел в полном порядке, но кухни не видел. — Может быть, она приехала как раз после его отъезда на север? Но почему Вилли ничего не сказал ему об ожидаемом прибытии близкой родственницы? — Вероятно... не успел!.. этот старый чудака, кажется, думал, что барин приехал на вечное жительство и, прямо душил его своими хозяйственными отчетами... — Что же случилось дальше? — Он, право, не знает и даже предположить не может... Несчастья преследуют его семью... Можно подумать, чье-то проклятие нависло над домом!.. — Ничего не похищено? Нельзя подозревать грабежа? — Решительно ничего! Ни малейших подозрений! — Может быть, месть? — Единственно, что остается думать, но кому? За что? И с чьей стороны?— отказываюсь понять!

Несколько дней, даже недель, газеты волновались, писали о драме Берлин-Дургэм, затем успокоились. Уж если Хольмс и Пинкертон признали загадку неразрешимой, так стоило ли печатать догадки и предположения „специальных корреспондентов?“

Хольмс, впрочем, сдался только официально. Наедине, в беседе со своим другом, доктором Ватсоном, он не раз возвращался к этой теме.

— Молодой лорд утверждает, что уехал на север вскоре по возвращению с кладбища, до приезда гра-

фини. Значит — с поездом 5 ч. 43 м. пополудни. Странно, что никто этого не видел. Правда, что и вообще его не видели на станции при отъезде, ни в этот, ни в следующие дни, хотя многие узнали при приезде... Это — очень странно... Мне кажется, что по железной дороге он вовсе не уезжал из Дургэма...

— Так вы думаете...

— Я ничего не думаю, я только излагаю факты. Иду дальше. В комнате, на которую указано как на обычную спальню графини, пустовавшую уже более года, на туалетном столе и около него я подобрал семь погнутых шпилек для волос. Невероятно, чтобы аккуратная женщина истребляла их в таком количестве при нормальных условиях... Они (не шпильки, а женщины) достаточно опытны, чтобы не гнуть их о собственную голову (ведь это больно)... скорее всего, это случается, когда... смята прическа.

— И это все?..

— Да, если не считать этой пуговицы, которую я нашел там же, пуговицы с изображением крыльев... Конечно, воздушный флот в данный момент такая злоба дня, что многие женщины в Англии носят подобные пуговицы на разных своих косточках и пелеринках. Однако же графиня прибыла из Германии...

Как ни добивался доктор Ватсон дальнейшего развития идей своего друга, великий сыщик на этом пункте становился нем, как рыба...

Кажется, был и еще один человек, который не слишком доверял свидетельству молодого лорда. По крайней мере, Джеми получил письмо довольно странного содержания.

„Дорогой кузен (смею ли назвать так „Рыцаря Великого Ордена“?), если при вашем всемогуществе вы способны примириться с фактом непонятного исчезно-

вения вашей кузины (моей жены), то я примириться с ним не могу. Эта „катастрофа“ напоминает мне другую, подобную ей, и кажется весьма подозрительной. Раскрытие тайны я ставлю единственной целью моей жизни и добьюсь своего. Насильникам я сумею отомстить, но... горе ей! если... никакого насилия не было... С почтением — Цур-Мюлен“.

Под сенью щита «Царицы Мира»...

Конечно, самым надежным убежищем для беглянки являлась бы „Долина Тайн“, но, несмотря на всю любовь к племяннику, ближайшему помощнику и будущему заместителю на высоком посту, — на такое нарушение устава „Главногокомандующий воздушным флотом Царицы Мира“ все же не решился...

Ее поселили в так называемом „охранном районе“, о котором необходимо сказать несколько слов.

Высокая изгородь из колючей проволоки, со всеми ее многосложными сигнальными приспособлениями, опоясывавшая „Долину Тайн“ по внешнему склону окружавших ее возвышенностей (из-за сооружения которой возник известный запрос в палате общин, закончившийся триумфом Эдуарда VII) — давно была восстановлена. — Кроме того, прилежащая к ней извне полоса земли шириною (в зависимости от топографических условий) мили 2—3, была объявлена „охранным районом“. В этой полосе всякая частная собственность была выкуплена правительством „Царицы Мира“ (жадоб не было, так как ценой не стеснялись).

„Охранный район“ находился в исключительном ведении особого „охранного корпуса“ (единственное

регулярное войско, уцелевшее во всем мире), комплектовавшегося отборными людьми, имевшего ядром своим те два батальона гайлендеров, которые вернулись с „Таинственного острова“, и, в память этой службы, сохранившего за собою историческое имя „47-го пехотного шотландского полка“, хотя по числу людей — это была уже вовсе не полк, по соединению в нем всех родов оружия — отнюдь не мог называться „пехотным“, а что касается номера, то значение его определялось полным отсутствием по всему лицу земли каких-либо полков, под какими-либо номерами.

Чины „47-го полка“ сами не имели доступа в „Долину Тайн“. Они только держали караул вдоль высокой и плотной изгороди из колючей проволоки, отделявшей „Долину Тайн“ от их „района“. В этом районе сторожевые посты были расположены так, что не было пяди земли, которая не была бы под надзором. Это — днем. Ночью — помимо бесчисленных прожекторов, обследовавших местность своими белесоватыми лучами, цепь часовых, расположенных по внешней границе района, так сгущалась, что они могли переговариваться между собою, не возвышая голоса.

Эта внешняя граница „охранного района“ имела ограждение... чисто символическое — ряд низеньких тумб, связанных между собою железными прутьями — изгородь, через которую ребенок мог бы свободно перелезть, а взрослый человек просто перешагнуть.

Почему так? Потому, во-первых, что всему свету был известен закон, запрещавший переступить ее под угрозой получить пулю с ближайшего поста, а, во-вторых, потому, что охрана наблюдала не только за своим районом, но и за подступами к нему, всегда готовая силою отразить всякую попытку вторжения. Ясно, что при таких условиях резервам (небольшие кон-

ные отряды) должен был быть открыт свободный путь в любом пункт, для преследования злоумышленников.

В одну из пустовавших усадеб этого района и были доставлены, в ночь на 14 августа, обитатели старого дома Старфордов в Дургэме.

Проницательность мистера Хольмса не обманула его и на этот раз. — Лорд Старстон действительно не уезжал из Дургэма по железной дороге. Старый Вилли снес на станцию коротенькую телеграмму из 2—3 непонятных слов, а, чуть стемнело, молодой лорд, пройдя незамеченным к юго-восточной башне замка, сел в ожидавший его авизо воздушного флота, и быстрее ветра помчался на север. Двух суток (принимая во внимание неограниченные средства) было за глаза довольно, чтобы заброшенную усадьбу превратить в уголок, достойный фантазии автора „Песни песней“, а затем, в темную ночь, тот же авизо, носивший имя „Старлинг“, под управлением самого лорда Старстона^{*)}, прибыл к той же башне и принял собравшихся здесь, поодиночке и разными путями, пассажиров.

Осуществление этого плана не встретило особых затруднений, да и не могло их встретить. Пусть читатели припомнят уже сказанное о Дургэме — этом обломке старой, патриархальной Англии, уцелевшем, во всей своей неприкосновенности, среди шума современной жизни. Ну, что могли бы сказать почтенные, страдающие отдышкой полисмены господам Хольмсу и Пинкертону по поводу каких-то теней, скользящих вдоль стен домов и садовых оград, когда собственные

^{*)} *Непереводимая игра слов: «старлинг» — звездный, сияющий, и «старлинг» — скворец.*

их глаза неизменно начинали слипаться одновременно с окнами домов, закрывавшимися глухими ставнями?

Старое правило — самые невероятные происшествия совершаются именно там, где никто не предполагает их возможности.

Duke of Airkingdom (он же дядя Джордж) хоть и не слишком часто — на его плечах лежала вся тяжесть такого огромного дела, — но все же не упускал случая навестить племянника и племянницу в их уютном гнездышке. При этом, спускаясь сверху на своем аэромобиле, он уже задолго начинал неистово реветь сиреной — „чтобы — как пояснял он — не застать молодежь врасплох“, — а за рюмкой хереса, закудив послеобеденную сигару, никогда не мог удержаться от мечтаний, заставлявших краснеть Мэдж и смеяться Джеми.

— Ну, вот... — ораторствовал он. — Я старею, слабею, но мне есть заместитель в лице Джеми... А кто будет его заместителем?.. — Нет!.. Вы должны позаботиться, чтобы это был мальчишка!

Мэдж затыкала уши и убегала из-за стола, а дядя продолжал развивать свои идеи.

— Право, не понимаю, в чем дело... Послать к чорту эту немецкую обезьяну! Будь прокляты мои глаза, если завтра же сотни попов англиканских, протестантских, католических, греческих, наконец, сам Папа — не расторгнут прежнего брака и не освятят ваш союз!.. — Мало? Прихватим в ту же компанию Шейх-уль-Ислама и Далай-Ламу! Никто и пикнуть не посмеет!..

— Дядя... — прервал его Джеми, — но граф...

— Прихлопнуть его со всеми потрохами!..

— Но ведь он в „праве!“, и можно ли это право разрушить насилием?.. Если он, этот „прихлопнутый“, спросит: „*You are gentleman?*“

— Ну... вы всегда были неисправимым идеалистом... С такими взглядами... Только дурак не съест у вас травы из-под ног.

И дядя Джордж, рассердившись, улетал на своем аэромобиле...

Юдифь XX века.

В общем, жизнь была отшельническая, но для медового месяца большего и не требовалось.

Ранним утром Джеми отправлялся в „Долину“ и возвращался домой после полудня — иногда рано, иногда только к обеду, в зависимости от дел службы.

Работать приходилось много, и (он не мог объяснить себе этого иначе, как переутомлением) после обеда, когда они уходили в его кабинет и устраивались поудобнее на широком турецком диване, Джеми, несмотря на все старания быть веселым и бодрым, неизбежно, упиваясь ласкающим взглядом ее кошачьих, мерцающих зеленым светом глаз — засыпал...

Сон этот продолжался час, два... иногда больше... И странно, что, проснувшись, он не только не ощущал освежения, прилива бодрости — наоборот, чувствовал себя несравненно более разбитым, более усталым, нежели засыпая. И это не было результатом какого-нибудь кошмара. Ни разу не мог он вспомнить ни о каком гнетущем сновидении, открывая глаза на руках своей возлюбленной, глубоко уверенный, что „только задремал“, хотя эта уверенность немедленно исчезала при ее шутливом упреке — „*Mein liebchen*, некорректно так храпеть в присутствии дамы!“ — и... взглядом на стрелку часов...

Он заметно похудел. Цвет лица сделался землистым. Под глазами обозначились мешки.

— Вам надо отдохнуть, Джеми, — твердила Мэдж, стараясь расправить и разгладить мелкие морщинки на его висках — преждевременно появившиеся „гусиные лапки“.

— Плюньте на вашу немецкую обезьяну и поезжайте встряхнуться туда, где ананасы зреют и бананы сами в рот лезут! — ворчал дядя Джордж...

Джеми спорил, возмущался, но не мог не признать, что с ним творится что-то неладное.

— Ах, да! Вот забавный анекдот! — заявил он однажды вечером, шагая по кабинету. — Мало того, что ты и дядя угнетаете меня заботами о моем здоровье, но еще о моем переутомлении — к вашей компании прибавился еще и старый Вилли. Сегодня утром он заявил мне, что я слишком много работаю. — Почему слишком? — спрашиваю его, — вы разве видели меня за работой? — А он отвечает: — „Здесь вам следовало бы только отдохнуть, но вы и здесь не даете себе покоя!“ — Признаюсь, в первый момент я заподозрил старика в шутке дурного тона, хотел сразу его оборвать, но воздержался и только спросил:— Когда же вы видели меня за работой? — „Вчера, сэр, проходя садом... оконные занавеси были плохо задернуты; оставалась изрядная щель... — прошу верить, что я не подсматривал — это вышло случайно — но я отчетливо видел вас у письменного стола, что-то размеряющего циркулем“... — Подумай, Мэдж! „Ц и р к у л е м!“ Да разве в этом райском уголке можно найти, хотя бы ценою жизни, циркуль, транспортир, треугольник?.. Я расхохотался, как сумасшедший, и советовал ему не злоупотреблять спиртными напитками, особенно на ночь, так как в его годы это небезопасно!.. Нет! Ты подумай! Вчера вечером, когда я спал, как сурок, и ты едва могла растормошить меня около полуночи!

Напрасно Джеми, рассказывая свой „анекдот“, так энергично шагал взад и вперед по комнате. Если бы он смотрел не под ноги себе, а в лицо кузине, он, наверное, заметил бы, с каким напряженным вниманием ловила она каждое его слово, каким тревожным взглядом осматривала оконные занавеси — хорошо ли они задернуты? Когда он бросил сигару в камин и подошел к ней, она уже вполне владела собою.

— Ну, что же?

— Я думаю, это особый род галлюцинации, „галлюцинация преданности“.

Оба засмеялись.

Вдруг Джеми сделался серьезным.

— Не смейся, Мэдж, — заговорил он, — у меня тоже есть своя „галлюцинация преданности“. Я боюсь за тебя. В своих утренних прогулках ты иногда уходишь так далеко, что часовые теряют тебя из виду за складками местности, и не могут отвечать за твою безопасность. Помни, что „он“ все еще не оставил надежды найти тебя. Скажу больше: число туристов чрезвычайно возросло!

— Все стремятся побывать хотя бы в окрестностях „Долины Тайн“...

— Возможно... но среди них есть, несомненно, и „его“ агенты... Тебя выслеживают! На это у меня есть указания!

— Но, Джеми, — она надула губки, словно собираясь заплакать, — в нашем „районе“ я чуть ли не каждый камень в лицо знаю. Так скучно! А по дороге в Бальмораль такие чудные места! Или я в тюрьме? Или я пленница?

Джеми в отчаянии всплеснул руками.

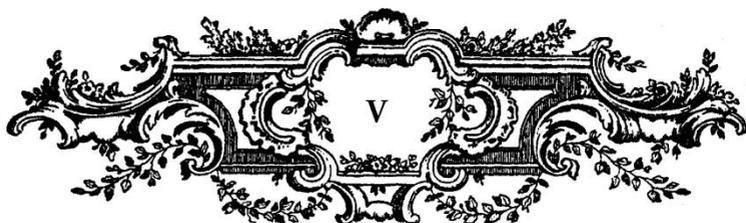
— Кто говорит! Кто смеет подумать что-либо подобное! Но... у меня всякое дело из рук валится, когда

мне по телефону сообщают: „Леди Мэдж скрылась за холмом“ — и как я счастлив, когда придет новое известие: „Часовые опять ее видят“... Как я мучаюсь!.. Ведь я знаю дорогу, и мне говорят, где ты“ идешь... Говорят, например, что скрылась за холмом Стенборо. По моему расчету, через 10–15 минут должна-бы из-за него выйти. Проходит полчаса — нет!.. Может быть, замедлила шаг, может быть, присела отдохнуть, а может быть — несчастье...

— Джемми, *mein liebchen!* у тебя, право, развивается мания преследования...

— Нет, нет! У меня факты в руках! Они бродят кругом, как волки... „Он“ ведь писал, что месть ставит единственной целью своей жизни... И я верю ему, и понимаю его!.. А он — еще жив!.. Надо принять меры...

«Deutschland über Alles»...

В этом году конец сентября ознаменовался на редкость ясной и тихой погодой. Ночами бывали заморозки. Для центральной Шотландии все предвещало наступление ранней и суровой зимы. Зато, как ярко светило солнце! Какой глубокой казалась лазурь неба! Как легко и привольно дышалось!..

Проводив Джеми на службу (теперь он уезжал в „Долину“ и возвращался домой верхом, — как предписал доктор), Мэдж, в теплой кофточке, меховой шапке и с муфтой в руках, сверкая на солнце своими золотистыми волосами, бодро шагала по крутой тропинке, пересекавшей „район“ и спускавшейся к широкой шоссе-сейной дорог, ведущей в Бальмораль. Часовые издали, только завидев ее, брали „на караул“ (такой уж установился обычай), встречные гайлендеры учтиво давали дорогу, приподнимая над головой свои шапочки, и все одинаково ждали, когда она подарит их своей улыбкой, кивнет головой и бросит ласковое „Good day!“, от которого светлели самые сумрачные лица.

Вот и граница „района“, которую она не перешагнула, а перепрыгнула, вся охваченная тем задором, который разливали в воздух яркие лучи солнца, словно तोпившиеся отогреть подмерзшую за ночь землю.

Вот далеко, внизу, серебряной лентой блеснул Бэл-лэтер, такой бурный и грозный весенней порой, такой сердитый в период дождей, а теперь прикинувшийся такой смиренной, такой тихонькой речкой...

В это ясное утро панорама долины в ее осеннем уборе, с крутого поворота дороги, внезапно раскрывавшаяся на десятки миль, была так хороша, что вполне понятным казалось восхищение какого-то туриста, который, усевшись на камне, смотрел, не отрывая бинокля от глаз.

Место было совсем пустынное и со стороны „района“, опоясывавшего „Долину Тайн“, отгороженное кручей, так что самый ревнивый глаз не мог бы заподозрить наблюдателя в каких-нибудь злостных намерениях. Да и смотрел-то он в противоположную сторону, повернувшись спиной ко всем тайнам.

— *„Deutschland, Deutschland über Alles“*... — запел он вполголоса, когда Мэдж проходила мимо него.

Может быть, ей эта песня что-нибудь напомнила, или просто ветер бросил в лицо несколько песчинок... — но Мэдж порывисто выхватила из муфты ту кружевную тряпочку, которую дамы называют носовым платком, и поднесла ее к глазам... Она даже не заметила, что при этом резком движении из ее муфты выпало маленькое серебряное портмоне.

Зато легкий металлический стук вещицы, упавшей на камни, привлек внимание туриста, даже взглядом не удостоившего проходившую мимо него красавицу.

Он встал со своего места, поднял блестящий предмет, повертел его в руках и, вдруг, словно догадавшись в чем дело, бросился вдогонку за дамой.

Сухой треск ружейного выстрела, раздавшийся с ближнего холма, заставил Мэдж вздрогнуть и поспешно обернуться. В нескольких шагах от нее, то хватаясь

за грудь, то протягивая руки вперед, словно ища опоры, стоял незнакомец, с трудом державшийся на ногах, но все же лепетавший — „*Deutschland... Deutschland...*“ Она бросилась к нему, схватила протянутые руки, пробовала его поддержать... но эти руки не искали поддержки — они передавали ей ее же портмоне... И когда оно исчезло в муфте, раненый грузно опустился на землю... Небольшой револьвер выпал из бокового кармана его куртки и лежал рядом, в дорожной пыли, сверкая на солнце своей никелировкой... Полная каким-то священным ужасом Мэдж склонилась над ним...

— Осторожнее... храни вас Бог... там — в кошельке... на мне — ничего... безопасно... скажите... я... за родину...

Кровь хлынула у него горлом, но, собрав последние силы, он еще мог прошептать:

— Дайте... дайте... святая... — и, судорожно схватив ее руки, прижал их к своим губам...

Конный патруль марш-маршем мчался к месту происшествия...

— Миледи! Вы невредимы? Вы ранены? — крикнул молодой лейтенант, на скаку спрыгивая с коня и подбегая к ней.

Она стояла бледная и неподвижная, как мраморное изваяние, увенчанная короной рыжевато-золотистых волос, выбившихся из-под шляпки, и только расширенные, почти безумные глаза жили и, казалось, не могли оторваться от кровавых пятен, покрывавших ее светло-палевые перчатки...

— Вы ранены?..

— Нет, нет!.. — с трудом промолвила Мэдж. — Но я не думала, что это так ужасно... На моих глазах... Зачем...

И молодой офицер, и его подчиненные оказались на высоте положения (недаром это было единственное войско не только в Англии, но и во всем свете). Он только сделал едва заметный жест, и спешившиеся гусары совсем заслонили собою труп, распростертый на дороге; несколько седел, брошенных в кучу, образовали собою нечто вроде дивана...

— Присядьте, миледи! По телефону уже дано знать, и ваш автомобиль идет сюда полным ходом. Всякая опасность миновала... Воды! Где вода?..

— Осмелюсь доложить, сэр... глоток виски... Миледи! Послушайте старого солдата... — вмешался в разговор седоусый вахмистр...

— Да! Да! — полуистерично рассмеялась Мэдж. — Дайте виски!

Резким движением она опрокинула в рот поданную ей чарку. Захватило дух... в глазах пошел какой-то туман... Она вскочила на ноги и протянула к ним руки, с которых бравый лейтенант успел уже стащить окровавленные перчатки... О! Если бы они знали, что в муфте, которая висит на шнурке, охватывающем ее шею, лежит маленький серебряный кошелек, а в нем... Они бы удавили ее этим самым шнурком!.. Но они не знают, и ждут ее ласкового слова, и готовы умереть за нее!..

Ей так хотелось безумно, безумно расхохотаться...

Но она сдержалась.

— Друзья мои! Чем бы я могла отблагодарить вас за ваше самоотвержение? Ведь вы мчались на выручку мне, рискуя сломать себе голову!

— Миледи, ваши слова — наивысшая награда... — проговорил лейтенант, почтительно кланяясь.

— Я — доволен! — подтвердил вахмистр.

— А я — нет,— возразила Мэдж и, подойдя к нему, взяла его за голову и поцеловала.

Кругом — ахнули...

— Остальные недовольны? — ну, тогда — каждому...
— И она обошла всех, каждого награждая поцелуем.

Надо было их видеть, этих профессиональных вояк, когда они получали такую необычайную награду!..

Рявкнув сиреной, подкатил автомобиль, а через минуту, развернувшись, уже уносил ее к дому, но умеренной скоростью, чтобы не уходить от эскорта гусар, мчавшихся по бокам и кричавших — „*God save the Airqueen!*“

Последний шаг.

— Нет, нет!.. Оставьте меня одну... Дайте вздохнуть!
— говорила Мэдж, входя в двери своего дома и встреченная всем его населением.

Даже Эмми, и той она не позволила следовать за собою, но, как была — в теплой кофточке, меховой шляпке и с муфтой — прошла прямо к себе.

Камин горел ярким пламенем...

Она заботливо заперла двери, стала перед камином, вынула из муфты серебряное портмоне, а из него — сложенный в несколько раз клочок бумаги, тщательно его расправила и прочла:

„Казалось бы, большего ждать нельзя. Вес данные — налицо. Уже приступили к работам. А все же, именем родины, прошу — еще!.. Жанна д'Арк всего мира! Я первый преклоняюсь пред вами, а за мною преклонятся и все народы, если сердце у них не обросло мхом, если дух Божий еще жив в них!..— Чертежи, описания, инструкции — все прекрасно... Но если бы нам иметь живого человека, который видел бы в действии все эти механизмы!.. Кто может быть им?.. — Мне даже страшно высказать мою просьбу, но... — все равно —

вы! Только вы — звезда мира, солнце Германии!.. Бог да поможет вам! — *W. I. R.*“

Внимательно несколько раз перечитав записку, она бросила ее в огонь, взяла щипцы и заботливо поправила уголья, словно с намерением убедиться, что самый пепел „документа“ бесследно развеялся... — После „того“ случая в Дургэме можно было научиться осторожности! — Затем она, не торопясь и без шума, отомкнула дверь, запертую на ключ, и, как была, все еще не раздеваясь, в глубокой задумчивости опустилась на кушетку...

Не прошло и получаса, как в тихую комнатку бурей ворвался Джеми.

— Ну вот! Ну вот! Дождались! — Слава Богу, что мне пришла мысль выставить посты вне „района“ по дороге в Бальмораль!.. — Ведь без этого, может быть, ты лежала бы там, на пыльной дороге...

— Но... — пролепетала Мэдж, — мне кажется... все это — какое-то ужасное недоразумение...

— Однако же, он бросился на тебя с револьвером! Спасибо этому стрелку! Я отплачу ему! Вот верный глаз! Еще мгновение — и было-бы поздно!

— Но... право... я не видала у него в руках никакого револьвера...

— Однако его нашли рядом с ним, на дороге! Да, наконец, и стрелок ясно видел в руках его какой-то блестящий предмет!..

— Все-таки... Джеми... это так ужасно... на моих глазах... руки, запачканные кровью... может быть, он вовсе...

— Ну, да! Конечно! Теперь пошли сантиментальности!... — Нет, сударыня! Я, разумеется, не вправе за-

претить вам гулять, где вам вздумается! Хотя бы и в толпе! Но знайте, что всякий, кто к вам приблизится, и в ком можно будет подозревать „его“ агента — будет застрелен, как куропатка... — И если будут невинно-погибшие — Бог да вознаградит их! А мне — слишком дорога ваша жизнь!..

Сдержанные рыдания заставили его опомниться. Мэдж, свернувшаяся комочком на своей кушетке, вдруг сделавшаяся такой маленькой, слабой и беззащитной, горько плакала...

— *My darling! My darling!* — твердил Джеми, стараясь оторвать от ее лица руки, которыми она его закрывала, и осыпая их поцелуями. — *My darling!* Я говорю глупости, я говорю совсем не то, что хотел сказать! Слушай, *mein liebchen!* Дядя тысячу раз прав — ты не можешь, не должна хоронить свою жизнь в этой берлоге! — Мы полетим! Полетим, куда тебе вздумается... — сегодня — на Мадеру, через два дня — в Каир, через четыре дня — в Японии, через неделю — где-нибудь в южной Америке... Нет! „Он“ за нами не угоняется!.. А когда будем возвращаться сюда, то... даже недурно будет отдохнуть от массы впечатлений в нашем „районе“, отказавшись, конечно, от прогулок по бальморальской дороге... Не так ли, *my darling?*

Слезы еще текли из ее глаз, но она уже смеялась, уже отвечала на его поцелуи.

— „Бог да поможет вам“, — мелькала у нее в голове заключительная фраза письма, полученного ценой человеческой жизни. — Но разве это не помощь Божия? — Без всяких просьб, без всяких уловок осуществляется то, о чем ни она, ни кто другой, не смели мечтать...

Этот запоздалый „*voyage de pose*“ был счастливейшим временем в жизни Джеми, каким-то волшебным сном...

Тем ужаснее было пробуждение...

Недаром Джеми отговаривал ее от этой затеи, указывал на близость Германии, на возможность встречи... Его томило какое-то предчувствие... но она так просила!.. Ей казалось таким забавным не подняться, а спуститься на вершину Юнгфрау, позавтракать, погулять и опять „подняться“, смеясь над туристами, которые принуждены „спускаться“...

Что случилось? — несчастье или преступление? — Кто мог ответить? Кто мог разрешить эту загадку?..

Она исчезла.

Она вошла в здание станции фуникулера, попросив его „подождать одну минутку“, и уже не возвращалась...

Самые тщательные розыски не дали никакого результата.

По требованию „Царицы Мира“ была поставлена на ноги сыскная полиция всего света. — Безрезультатно!..

Она исчезла бесследно...

.....

Окончательно потеряв всякую надежду добиться чего-либо на месте, Джеми вернулся со своим кораблем в „Долину тайн“ и здесь нашел письмо, ожидавшее его прибытия.

Оно было кратко.

„Сэр. Правосудие совершилось. Не ищите ее. Это был бы напрасный труд. Вы всемогущи и можете уничтожить меня, но смею заметить, что у нас, в Герма-

нии, такого рода дела разрешаются на поле чести. Предоставляя вам свободный выбор образа действий, считаю себя вправе засвидетельствовать, что, дав ложное показание господам Хольмсу и Пинкертону, вы поступили недостойно джентльмена. Фридрих Цур-Мюлен“.

В Англии, как известно, дуэль не принята, но в данном случае — столкновения с подданным классической страны дуэлей, где на нее смотрят, как на суд Божий, — возможно ли было колебаться?.. Тем более... этот намек на то, что „он“ заранее готов претерпеть всякое насилие без надежды оказать какое-либо сопротивление... Джеми решил послать ему своих секундантов, и дядя Джордж одобрил такое решение.

Поединок состоялся на рассвете 16 декабря в окрестностях Льежа.

Двенадцать шагов (меньше нельзя по правилам) и стрельба по команде.

Граф Цур-Мюлен — убит. Лорд Старстон тяжело ранен.

Великая революция.

Пока в опустелом коттедже, еще так недавно полном жизни, света и счастья, Джеми боролся со смертью, окруженный попечениями преданных старых слуг, заботами товарищей и подчиненных, — на мировой арене подготовлялась великая трагедия, и события, одно другого значительнее, следовали с головокружительной быстротой.

Знаменитый манифест Эдуарда VII не вызвал всемирной революции потому, что удар пришелся по правящим и капиталистическим кругам общества. Народные массы, без различия национальностей, приветствовали его, как благовую весть.

Если главы государств возмущались и негодовали (конечно, про себя) по поводу низведения их на роль управителей автономных областей мировой империи, если миллионеры и миллиардеры горели бессильным бешенством, видя, как день ото дня дешевет деньги и дорожает труд, — зато те, чей труд мало-помалу делался краеугольным камнем общественного и личного благополучия, чей труд готовился в близком будущем стать единственной ценностью — они благословляли великого преобразователя.

Был, однако же, в этой систем один слабый пункт, и умные люди не замедлили его использовать.

Десятки и сотни миллионов брошюр и листов, действительно распространявшихся по всему свету, не устали твердить, что величайшее открытие XX века все же монополизировано Англией, и что такой захват — преступление.

Неизвестные авторы рисовали волшебные картины будущего, заманчивые перспективы, которые могли бы так легко осуществиться, если бы только тайна *generator*'а сделалась достоянием всего человечества.

Не пришлось бы ни рыть туннелей, ни строить мостов для железнодорожных путей; не было бы нужды гигантским пароходам огибать целые материки, бороться с подводными опасностями, с противными течениями и штормами океанов, чтобы доставить к месту свой драгоценный груз... — Сообщение между двумя любыми точками земной поверхности производилось бы беспрепятственно, безопаснейшим и кратчайшим путем!..

А применение той же, чудодейственной силы в промышленности, в повседневной жизни?..

Почему же, во имя чего не хотят дать рабочему человеку возможности разогнуть его усталую спину, облегчить, свести до минимума его тяжелый труд? — Не искуплен ли первородный грех? — Не настало ли время, когда суровый приговор — „В поте лица твоего добывай хлеб твой“ — за давностью потерял силу, и Всевышний, поведав избраннику великую тайну, не восстановил ли тем самым первого своего завета, которым землю со всем, что на ней, предназначил во владение человека — венца своего творения?

Боятся, что великое открытие будет употреблено во зло? Что вновь возникнут распри и междоусобия? Но такое опасение имело смысл лишь в первый момент. Теперь, когда армии распущены, флоты разоружены...

когда народы, сбросив с себя бремя милитаризма, на опыте познали блага всеобщего мира, пора убрать этот меч, занесенный над ними, пора и его „перековать на плуг!“ Если владеющий мечом неустанно грозит мирным труженикам, не помышляющим о насилии, живущим и работающим в братском согласии, то тем самым делает себя господином, а их — своими рабами!

К чему эта угроза?

Это ли обещанный „Мир Божий?“

„Свобода, равенство и братство!“ — великий девиз, провозглашенный более века тому назад — языком смертных переданный бессмертный завет — „Возлюби ближнего твоего, как самого себя“...

Разве не глумятся над этими святыми словами те, что кощунственно начертали их ныне на своем знамени? Возможна ли „свобода“ там, где сила заменяет право? Всеобщее рабство есть ли идеал „равенства?“ „Братство!“ — Смешно было бы говорить о братстве между рабами и их повелителями, а что касается братства среди рабов, то оно существовало с незапамятных времен...

Во имя этого братства, НАРОДЫ МИРА, ОБЪЕДИНЯЙТЕСЬ...

Конечно, этой пропаганде была противопоставлена контрпропаганда.

Епископ Кентерберийский сказал великолепную проповедь, которая, в сотнях миллионов экземпляров, переведенная на все языки, была распространена по свету.

В ней указывалась, в ней явственно разоблачалась преступная игра словами Священного писания, допущенная соблазнительями.

Пусть сказано, что: „поднявший меч от меча погибнет?“ — Но хранящий меч в ножнах, как оружие для защиты слабого от возможного насилия, разве заслуживает гибели? Разве ему она предсказана?

Не вернулись ли мы к тому времени, когда первые люди в райской обители пользовались благами „мира всего мира?..“ Но ведь и им дана была заповедь — „не вкушать от плодов древа познания добра и зла“. — Нарушив ее, утратили они свое блаженство, вступили в юдоль мрака и страдания...

— Вкусите, и все познаете, и будете, как боги! — говорил диавол...

И его послушали...

И ныне, как некогда, соблазняют вас и говорят: Сорвите завесу с тайны, и будете владеть миром!“

Послушаете ли опять?

Кровью Христа Спасителя искуплен первородный грех...

Чем искупите его повторение?..

Не лютой ли казнью всего человечества?..

Однако же, контрпропаганда имела успех весьма посредственный, вернее... не имела почти никакого успеха...

Ведь так легко было играть на этой самой слабой струне человеческого сердца — „на жажде лучшего“...

— Они говорят: — „Сброшен гнет милитаризма; личный труд сделался основой благосостояния — радуйся!“ — Лицемеры!

— Они говорят: — „Как тяжело было раньше, и как легко теперь! — Чего желать еще? К чему еще стремиться?..“ — Грабители!

Да! Грабители! Потому что не хотят поделиться с другими благами великого открытия, только для себя берегут сокровище, которое могло бы сравнять имущественные и сословные различия!

„Никто, возжегши светильник, не скрывает его под спудом, но ставит открыто, да светит миру“. Это тоже из Священного писания!..

Брожение усиливалось...

На пространстве всего земного шара народные массы глухо волновались. Лозунг агитаторов был так заманчив, так общепонятен — „Хорошо, но может быть еще лучше. — Есть довольство, а могло бы быть счастье“.

Резолюции, выносившиеся гигантскими митингами, петиции, покрытые миллионами подписей, — все резюмировались немногими словами: — Сделайте великое открытие достоянием человечества!

Если контрпропаганда не имела успеха, то репрессии, к которым попыталось прибегнуть правительство Царицы Мира, только подлили масла в огонь и усилили движение.

В довершение всего, пронесся слух, что тайна *generator*'а уже раскрыта, что где-то в каких-то глухих местах уже сооружаются воздушные корабли, и близок день, когда они соберутся в эскадры и выступят против порабощителей.

Этот слух, неясный, неопределенный, упорно держался.

Правительство встревожилось.

Воздушная полиция осматривала все уголки мира, но тщетно.

Кроме послов, посланников и резидентов, проживавших в столицах, во всех сколько-нибудь значительных пунктах были учреждены консульства, снабженные огромным штатом агентов, выслеживавших призраки грозной опасности.

Начались обыски и аресты...

Всякому становилось очевидным, что народы утратили свою самостоятельность и поработены мировой империей, что императоры, короли, президенты республик и их парламенты фактически лишены всякой власти...

Гнет становился невыносимым...

Наконец — вспыхнула великая революция!

Mot de Cambrone.

Как и следовало ожидать, начала Франция, открыто, смело, почти безрассудно выступив в защиту попранных „прав человека“.

Перед величием задачи смолкла вражда партий; от крайних правых до крайних левых — все объединилось, и палата депутатов вотировала единогласно следующую резолюцию:

„Принимая во внимание, что правительство Великобритании упорно хранит, исключительно в своих интересах, тайну великого открытия, которое могло бы осчастливить человечество, — мы объявляем это правительство врагом народов, а слуг его — вне закона“.

В тот же день сенат, тоже единогласно, одобрил эту резолюцию, сделав в ней небольшое добавление, а именно:

„Британским подданным предоставляется трехдневный срок для ликвидации их дел, по истечении которого они обязаны покинуть пределы Франции“.

Английский посол потребовал немедленного роспуска обеих палат.

Престарелый Фальер (недавно вновь избранный на свой высокий пост) просил его обождать до завтра, так как случай оказывался не имеющим прецедентов: — Палата, сенат и кабинет министров единогласно приняли определенное решение. Если даже он, лично, президент республики, не сочувствует этому решению, то имеет ли он право ему противиться? Не надлежит ли ему прибегнуть предварительно к плебисциту, или просто сложить свои полномочия?

За ночь уже выяснилось с достаточной определенностью, что всякий плебисцит является излишним, так как со всех концов Франции — от генеральных советов, общин и городов — неслись по телеграфу восторженные приветствия мужественному решению и обещания поддержки в борьбе за священные права человека.

Утром весь Париж был на улицах, и несметные толпы народа устремились в Версаль. Гремела марсельеза; веяли трехцветные флаги... По чьей-то мысли, из старых арсеналов и музеев были добыты полуистлевшие знамена, свидетели былой славы, на которых можно было прочесть всю историю Франции.

К ним относились с благоговением, не различая, какую эпоху, какой режим они характеризуют. Королевские лилии, императорские орлы, фригийские шапки, вздетые на пики, красное знамя коммуны и церковные орифламы — все встречались громовым кликом — „*Vive la France!*“

Это был день всеобщего братства, всеобщего единения...

Как только открылось заседание конгресса, английский посол попросил слова и поднялся на трибуну.

Речь его отличалась краткостью и определенностью. — Вернее сказать, это был ультиматум. — Он требовал полной покорности, сдачи на милость победителя.

— Сопротивление бесцельно и нелепо, — закончил он, — воздушный флот уже спешит к Парижу, и, в случае отказа в повиновении, сметет его с лица земли. Обращаюсь к вашему благоразумию и жду вашего ответа.

Президент грузно поднялся со своего места и заговорил добродушным тоном старого крестьянина:

— Милорд! Вечером, в день битвы при Ватерлоо, остатки старой гвардии, бывшие в тот момент, перед лицом победоносного врага, последними представителями императорской Франции, оказались окруженными вашими соотечественниками... Они не сдались, а когда английский генерал крикнул, что всех их перестреляет, то генерал Камброн бросил ему в лицо короткое слово, которое с тех пор так и называется „*Mot de Cambrone*“. Вы, вероятно, его знаете... — В данный момент мы, последние народные представители свободной Франции — (голос его зазвучал торжественно) — стоим перед лицом врага, который грозит уничтожить нас своим воздушным флотом! — Но мы не сдаемся! — Думаю, что буду выразителем единодушного мнения не только здесь присутствующих, но и всего народа, если отвечу вам тем же словом, каким некогда Камброн ответил вашему соотечественнику!.. — Так ли я сказал, господа члены конгресса?

Бешеный взрыв аплодисментов и криков покрыл заключительные слова этой, единственной в своем роде, речи.

— К оружию, граждане! — вопил Жорес, потрясая кулаками. — За свободную Францию! Смерть или победа!

А Бодри д'Анссон, этот *enfant terrible* палаты, прыгая через кресла, добрался до него, крикнул — „Вместо пары пощечин, которые я всегда обещал вам при моих выступлениях, примите пару поцелуев!“ — и бросился к нему на шею...

Чины английского посольства вынуждены были скрыться от народной ярости...

Однако же, беспроволочный телеграф успел сообщить о происшедшем воздушной эскадре раньше, чем был уничтожен толпой.

Еще в течение двух суток угроза, высказанная лордом — бомбардировка незащитного Парижа — не приводилась в исполнение.

Эдуард VII колебался... Неужели таким ужасным путем должна была завершиться его светлая мечта о мире всего мира, о благе человечества?..

Однако, переговоры, которые пытались завязать, не имели никакого успеха, а между тем, резолюция конгресса неукоснительно приводилась в исполнение. Британские подданные выселялись из пределов Франции в назначенный срок по доброй воле или при... содействии местных властей. — Надо отдать справедливость, что последние прилагали все усилия к тому, чтобы оградить имущественную и личную безопасность выселяющихся, а это было не так-то легко, ввиду возбуждения, овладевшего массами.

Дальнейшее промедление могло быть принято за слабость. — Разве эти массы поняли бы, что их щадят? — Конечно, они сочли бы себя победителями! — Создавался крайне опасный прецедент, который, разросшись во всемирную революцию, мог бы привести к повсеместному бойкоту Англии и сделать ее — Царицу Мира — самым жалким из государств, любое из которых, самое могущественное, она имела и силу, и возможность уничтожить.

Необходимы были решительные меры, чтобы пресечь зло в корне. — Такого мнения единодушно придерживались не только члены английского правительства, но и народ, так как без всяких понуждений со стороны властей, по частной инициативе, вновь формировались давно распущенные полки регулярной армии и милиции, и ветераны суданской, бурской и китайской кампаний радостно спешили под знамена Старой Англии...

— Скажите, Генри! — говорил король своему строму камердинеру, нервно шагая по кабинету в ожидании доклада, — что Верховный Совет в сборе. Скажите! Чего им нужно? Чего они добиваются? Ведь ни один народ не благоденствовал при старом режиме так, как теперь! Я дал им все, все блага мира... Чего им не хватает? — Только возможности вредить друг другу... Этого я им не дал и... не хочу дать, и не дам!.. Для их же пользы!.. — Поймите, Генри, для их же пользы!.. — Почему же они восстают против меня? Во имя чего они готовы жертвовать собой, счастьем и довольством своих близких?..

— Осмелюсь доложить, сэр... — промолвил старик, как бы собираясь с мыслями. — Если бы мне за боль-

шое... очень большое вознаграждение, посулив золотые горы, предложили сделаться французом и... застегивать ботинки их президента... — я бы... добровольно не согласился. Может быть, я глуп, и меня следовало бы принудить принять предложение... Право, не знаю...

— Ах, Генри, Генри! — Но возможно ли царство любви и мира утвердить насилием! — Вот сомнение, которое меня гложет...

— Однажды, сэр... Сын Божий пытался утвердить его кротостью, проповедью всепрощения...

Беседа была неожиданно прервана появлением дежурного адъютанта, доложившего, что чины правительства и представители обеих палат ожидают выхода Его Величества.

Решение было принято...

Мир содрогнулся от ужаса...

Разгром Франции.

Бомбардировка наиболее богатых городов и промышленных центров не привела к желаемым результатам. — Франция не изъявила покорности...

На жестокость отвечали жестокостью...

Британские подданные, не успевшие покинуть возмущившуюся страну, беспощадно истреблялись без различия пола и возраста, а их имущество уничтожалось.

Каждый ребенок, едва научившийся лепетать, уже знал песню, сложенную каким-то безвестным автором, и радостно подхватывал гордый *refrain*:

„Vous avez pu terrorizer le monde,

„Mais notre cœur — vous ne l'aurez jamais!“

(“Вы смогли терроризировать мир,

“Но наше сердце — вы никогда его не поймете!“)

Действительно, при том единодушии, которым было охвачено все население Франции, когда роялисты, бонапартисты, республиканцы, социалисты, даже сам Эрве, объединялись лозунгом марсельезы — *„Contre nous de la Tyrannie l` etendart sanglant est leve!“* (“Против нас из тирании восходит кровавая тирания!“)

Царица Мира была поставлена в положение, почти безвыходное.

Владея воздухом, она оказывалась бессильной владеть людьми, которые дышали этим воздухом, потому что эти люди решили бороться до последнего, и только смерть заставляла смолкнуть их гордый, хотя и бесильный, протест. — Их возможно было уничтожить, но покорить — нельзя...

К тому же вскоре, в этой чудовищной борьбе беззащитной массы с малочисленным, но всемогущим врагом, выработалась особая тактика.

Почти все силы воздушного флота были сосредоточены над территорией Франции, но их все же оказывалось недостаточно для неусыпного наблюдения за каждым уголком страны. — Особенно затруднялось такое наблюдение ночью, так как лучи электрических прожекторов освещали район, прямо [сказать], ничтожный. Между тем, в лесах, в горных ущельях собирались граждане, формировавшие свои батальоны... Чуть появлялся на небе воздушный враг, сборище рассеивалось, а преследовать и уничтожать одиночных людей казалось нелепой жестокостью, вдобавок, не достигающей цели...

Становилось ясно, что в том случае, когда приходилось иметь дело не с правительством, не с его армией, а с самим народом, — одного воздушного флота [было] недостаточно...

200-тысячная армия высадилась в устьях Сены, и, конвоируемая воздушной эскадрой, уничтожавшей по пути ее следования всякое подобие укреплений, разбиравшей всякое сборище людей, двинулась на Париж, лежавший в развалинах.

Она достигла его, нигде не встретив сопротивления... Но дальше?

Дальше началась самая беспощадная народная война, хуже той, которую испанцы характеризуют

словами — „Война на ножах“. — Война, в которой не только нож, но все, могущее причинить смерть или увечье, было пущено в ход, все — до огня и яда включительно... война, в которой все считалось дозволенным.

Одиночные люди, даже небольшие отряды, отделившиеся от главных сил и углублявшиеся в страну, если только они не конвоировались воздушным кораблем — пропадали без вести.

Английские войска, вынужденные держаться сплоченно, владели лишь той территорией (вернее, клочками ее), на которой находились гарнизоны достаточной силы и охраняемые „сверху“. — Впрочем, даже и в этих убежищах полной безопасности не было: занятые ими жилища — горели; источники — оказывались отравленными; продукты питания — носили в себе прививки злейших эпидемий; мосты рушились; в туннелях происходили обвалы...

Иногда удавалось захватывать злоумышленников и предавать их казни. — Чаще — страдали невинные. — Но ряды бойцов все пополнялись новыми мстителями...

Лорд Китчнер, спешно вызванный из Индии, убедившись в невозможности терроризовать население, как это удалось ему в суданской кампании, попробовал применить ту систему, которая доставила ему успех в Южной Африке, — но и это оказалось неосуществимым: если возможно было, располагая 950-тысячной армией, взять в плен все население бурских республик, едва достигавшее этой цифры, включая в счет стариков, женщин и детей, то ведь для 45 миллионов, чтобы поступить с ними аналогичным образом, потребовалась бы армия... в 50 миллионов!..

Решено было взять непокорных измором.

Отряды английских войск замкнулись в укрепленных пунктах. Воздушный флот патрулировал страну и держал строгую блокаду ее границ. Франция была отрезана от мира, обречена на постепенное одичание и вымирание, если... не покорится...

Но она не покорялась!

Мало того! Рассеявшиеся по глухим углам, самой нацией охраняемые, ее представители (каким способом — неизвестно) пребывали в постоянном общении между собою, издавали декреты, руководили действиями масс, а самоотверженные люди ухитрились какими-то путями вывозить за границы „обреченной“ страны их воззвания, обращенные к народам мира.

Эти воззвания, полные горячей веры в конечное торжество права над силой, переводились на все языки, проникали всюду...

„Молитесь за погибающих, но не жалеете их! Не оскорбляйте состраданием тех, кто достоин зависти! Мы умираем свободными и верим, что близок час, когда буйное пламя прорвет слой шлака и пепла, которым его старательно прикрывали. Близок час, когда проснется могучий дух народов, сбросит с себя оковы призрачного благополучия и довольства, и властно потребует, чтобы не какие-то крохи с барского стола давались ему, но чтобы за этим столом каждому дано было место по праву! И если восстанут все, все, до последнего пария, то что же предпримет Царица Мира? Решит уничтожить человечество? — Невозможно! — Она захлебнется в крови!“

И многое другое в этом роде.

День ото дня положение становилось серьезнее.

Еще бы! Когда даже в далекой Японии, и там мальчуганы, ученики начальных школ, наравне с нацио-

нальным гимном пели „Фурансуно гайка“ (победная песнь Франции) с припевом „Секай во одосу кото деките, — вага кокоро но-цуи ни най!“ (Пусть вы смогли устрашить весь мир, но наше сердце — никогда)!

Нибелунги.

В глухой, затерянной среди гор долине Тибета крейсера воздушного флота обнаружили, наконец, верфь, на которой строились воздушные корабли по системе, составлявшей монополию Царицы Мира, снабженные двигателями, работавшими *generator*’ом, и даже склад (небольшой) самого *generator*’а...

Строители, захваченные врасплох, не захотели сдаться на милость победителя, подожгли здания, склады, видимо, пытаясь уничтожить компрометирующие документы, вещественные доказательства; зато и сами были уничтожены. Однако же, кое-что, какие-то клочки, извлеченные из-под пылающих обломков, дали правительству Царицы Мира руководящую нить к раскрытию всесветного заговора, имевшего целью ниспровергнуть ее владычество.

Одно было несомненно: тайна *generator*’а перестала быть тайной, и эту раскрытую тайну пытались использовать для борьбы с Царицей Мира, для борьбы с ней, равным оружием!

Правда, удалось, руководствуясь добытыми данными, разыскать и уничтожить еще две подобные верфи — в верховьях Нигера (Африка) и в Чилийских Андах (Ю. Америка), но по тем намекам, которые имелись в руках, число их надо было определять десятками! — Где же? Ведь все обитаемые места состояли под надзором агентов верховного правительства, патрулировались воздушным флотом.

Вскоре же выяснилось, что все доныне обнаруженное оказывалось излишне самонадеянными, дерзкими выходками, которыми враги „мира всего мира“ пытались ускорить ход событий, что главные силы строятся скрытно, под землей и в недрах гор, недоступные наблюдению ни воздушной полиции, ни агентов консульств.

Это известие, облетевшее Англию с быстротой молнии, вызвало бурю негодования, не без примеси, однако же, затаенной тревоги.

Требовали самых решительных мер.

Каких? — В этом должно было разобраться правительство.

Правительство не дремало, но... ведь нельзя же было, в самом деле, приняться за истребление человечества и сметать с лица земли всякий поселок, где его агенты встречали недружелюбный прием? А если чаша терпения переполнится, и все последуют примеру Франции? Ведь бойкотированной окажется сама Царица Мира!

Положение было весьма затруднительное.

Новое открытие. (И притом необычайной важности). Глава мирового заговора — император Вильгельм! — Оказывается, по наведенным справкам, что добыча угля в Вестфалии сильно упала, а, между тем, наплыв рудокопов в эту страну (рудокопов ли?) невероятно возрос, причем новоприбывшие стремятся преимущественно в южную, гористую часть страны, и здесь, словно сквозь землю проваливаются...

Всякие попытки проникнуть в таинственную область, разузнать, в чем дело, терпели неудачу. Официальных представителей мирового правительства встречали с почетом, устраивали им торжественные

приемы не только на поверхности земли, но даже в глубине копей, залитых электричеством и украшенных флагами... — Этим все и заканчивалось. — Но если высокие особы не имели, да и не могли иметь успеха в своей миссии, то, может быть, отряды официальных и неофициальных агентов, их сопровождавшие, что-нибудь разведывали?.. — И — да, и — нет. — Кое-что, конечно, было, но все только намеки на что-то, так как наиболее предприимчивые и проникательные неизменно делались жертвами либо катастрофы, либо (по свидетельству проводников) собственной неосторожности, а что касается агентов неофициальных — так те просто пропадали без вести...

Это становилось похожим на... глумление, чего Царица Мира, конечно, снести не могла!

Глухой ночью отряды гайлендеров, высаженные воздушным флотом, окружили Потсдамский дворец.

Каравул не оказал и тени сопротивления.

Часовые, услышав в ответ на свой оклик грозные слова — „*Rule, Britania!*“ — брали „на караул“, и беспрепятственно пропускали пришельцев.

Но дворец был пуст...

Зато на следующее утро весь мир (на это были какие-то таинственные средства, пресечь которые сама Царица Мира оказывалась не в силах) читал манифест бывшего императора Германии и короля Пруссии:

„Довольно сраму! Мою корону я уступаю тому, кто, в своей рабской преданности Царице Мира, согласится надеть ее! — Не золото, не бриллианты составляли ее ценность! — Я принял ее с благоговением, как символ свободной власти над свободным народом, в котором я

только первый свободный гражданин! — Народ мой низвергнут в рабство Царице Мира, и я, первый, сделался ее первым рабом!.. — Не хочу быть им, не хочу носить короны, утратившей былое значение!..

Кто хочет быть свободным — иди за мной!

Царица Мира владеет воздухом, окружающим землю, на поверхности которой мы живем...

В этом надземном царстве мы порабощены ею.

Уйдем под землю! Слава Всевышнему! — там власть ее не достигнет нас.

И там, в недрах нашей прародительницы, выкуем грозное оружие, с которым выступим против нашего общего врага!

Наши поработители, в своем самомнении, уже придумали нам насмешливую кличку „Нибелунгов“, гномов, мечтающих покорить мир...

Что же? Примем это прозвище!

Будем носить его с гордостью!

За мной, „Нибелунги“! За мной!“

Карты были брошены на стол.

Пока еще разыщут остальные подземные верфи, но, в данный момент, необходимо было разорить гнездо всемирного заговора, захватить или... уничтожить его вдохновителя.

Наученные горьким опытом войны с Францией, войска Царицы Мира на этот раз не предприняли похода для завоевания Германии. — Просто воздушный флот был мобилизован, и близ Мюнстера высадил на поверхность земли воинскую силу, казалось бы, вполне достаточную для проникновения в заповедную область и для разрушения всяких „подземных верфей“.

Конечно, экспедиционный корпус конвоировался воздушной эскадрой, всегда готовой уничтожить всякое препятствие на его пути — будь то скопище людей или какие-нибудь искусственные преграды.

Вот тут-то и вышла ошибка.

Не подумали о том, что могут быть и подземные укрепления.

На второй день похода корабли воздушного флота, обследовавшие и „очищавшие“ путь, по которому двигалась армия, были встречены энергичным артиллерийским огнем... из-под земли.

Снаряды, страшной разрушительной силы, сыпались градом, а принимая во внимание, что аэронавты, уверенные в полной безопасности, шли так низко, что могли в рупор переговариваться с кавалерийскими разъездами, и стрельба, почти в упор, нанесла им существенный урон... Многие и вовсе погибли, взорвавшись, или опрокинувшись и рухнув на землю; иные, подбитые, вынуждены были спуститься, чтобы исправить повреждения... Уцелевшие взвились кверху, но выйдя за пределы досягаемости этой „проклятой подземной артиллерии“, они оказывались бессильными помочь своим войскам, уже боровшимся грудь с грудью с батальонами, выраставшими из-под земли...

Напрасно метали они бомбы по линии подозреваемых подземных батарей, — эти последствия были так искусно замаскированы, так ловко прятались в своих норах, что только „шальная“ бомба могла нанести им вред (конечно, не обошлось и без этого). — Различить их с безопасной дистанции оказывалось невозможным; спуститься на столько, чтобы опознать врага, значило быть расстрелянным...

А на поверхности земли кипел ожесточенный бой...

Захваченные врасплох, плохо обученные полки милиции, собравшиеся на „веселенький пикник“ в Вестфалию, шедшие походным строем, глубоко уверенные, что воздушные конвоиры гарантируют им полную безопасность, были смяты, обратились в бегство... Многие бросали оружие, молили о пощаде, но... пощады не было...

Только на рассвете, когда остатки воздушной эскадры, уже вне района действия орудий подземной крепости, снизились, опознали остатки своей армии и тесным кольцом окружили ее, — довелось им вздохнуть свободно...

Это было не поражение, но — разгром...

Еще не раз пытался воздушный флот уничтожить таинственную преграду, не допускавшую войска Царицы Мира проникнуть в заповедную область, но все тщетно. Либо кидай бомбы наугад, возбуждая только веселость противника (кроме редких, „шалльных“, попаданий) либо — снижайся пониже, и будь расстрелян...

Вся Германия могла быть разорена, превращена в пустыню, но цитадель ее оказывалась неприступной...

Разве что, и тут попробовать „взять измором“, блокадой, в надежде, что, когда есть станет нечего, сдадутся на милость победителей?..

План недурен! Так и решили.

Правительственные сообщения не замедлили внести успокоение в широкие круги английского общества, встревоженные последними известиями.

„Ничего особенного не случилось, и страхи, посеиваемые алармистами, лишены всякого основания —

повествовал официоз министерства. — Мы, безусловно, могли бы уничтожить и центральную подземную верфь в Вестфалии, вместе с „королем Нибелунгов“, и все подобные ей, имеющиеся в различных пунктах земного шара, но это потребовало бы слишком больших жертв, вызвало бы излишнее кровопролитие, противоречащее девизу, начертанному на знамени Царицы Мира — „Мир всего Мира“... Пусть роются в недрах гор трудолюбивые Нибелунги! — Пусть дышат через отдушины, прокопанные ими в толще скал, такие ничтожные по размерам, что наши крейсера не могут различить их с высоты! Пусть тешатся! — Ведь не из этих же пор вылетят воздушные корабли, способные померяться в открытом бою с нашим флотом! — Собрать эти корабли придется под открытым небом, а тогда — они будут уничтожены, ибо за каждой такой верфью наблюдает специальная эскадра. Если же — иронизировал официоз — господа Нибелунги думают собрать свои корабли под землю и летать на них в своем подземном царств, то мы можем лишь приветствовать такую блестящую идею, и ничего не имеем против ее осуществления“.

На страже.

Джеми, лишь недавно окончательно оправившийся от полученной раны и вступивший в исполнение обязанностей, с „Первой воздушной эскадрой“, которой был начальником, блокировал „Царство Нибелунгов“

Это было прескучное занятие.

Держаться приходилось высоко, вне досягаемости орудий подземных крепостей, и зорко наблюдать в трубы и бинокли, не обнаружится ли где-нибудь подозрительный обвал, не появятся ли значительные группы людей или какие-нибудь другие признаки про-

изводимых работ. При малейшем подозрении начиналась бомбардировка, несшая с собой чисто стихийное разрушение. Кроме того, приходилось патрулировать „нейтральную зону“, т. е. полосу земли между кольцом подземных крепостей и обложившими их со всех сторон войсками Царицы Мира („Punch“ окрестил эту зону „Кольцом Нибелунгов“). — В этом „кольце“ не только все живое, но даже вся растительность, все постройки были уничтожены. Это кольцо отрезывало Нибелунгов от мира.

Однако, были основания предполагать, что они все же ухитрились поддерживать сношения с ним.

Вероятно, в темные ночи отдельные смельчаки пробирались сквозь линии часовых.

Случалось, что патрули захватывали каких-то подозрительных людей, но, к сожалению, документов при них никогда не находили, а добиться чего-либо допросом оказывалось невозможным, потому... что они умирали в самый момент задержания... — Медицинское вскрытие неизменно устанавливало акт отравления цианистым кали. Очевидно, они принимали его из страха проговориться...

Нельзя не признать, что это был верный способ сохранить тайну.

Самым досадным являлось для воздушного флота его бессилие наблюдать за деятельностью Нибелунгов внутри их района в темные ночи, так как, спустившись на дистанцию, с которой их прожекторы могли бы освещать местность, они попадали под убийственный огонь подземных батарей раньше, чем сами успевали оглядеться и принять какие-либо меры.

В последнее время особенно часто приходилось обнаруживать в ущельях, то тут, то там, гигантские отвалы грунта, очевидно, вынесенного или вывезенного из-под земли в течение ночи. Однако же, самая ожесточенная бомбардировка окрестностей таких подозрительных пунктов не давала уверенности, что врагу нанесен какой-либо урон. Днем ни единой живой души не появлялось на поверхности...

Молодежь острила, что, судя по размерам этих отвалов, Нибелунги роют под землей такие пещеры, в которых могли бы свободно маневрировать их воздушные корабли, но люди серьезные были не на шутку обеспокоены, предвидя приближение развязки...

Со всех концов света, где только подозревались подземные верфи, приходили тревожные известия...

Была темная, безлунная ночь.

„*Star and Stone*“ тихо реял над вершинами гор в ожидании рассвета, когда можно будет возобновить наблюдения за поверхностью земли.

Джеми (начальник эскадры) сидел „под ветром“ на кормовой площадке, лишь с боков едва прикрытой неширокими щитами из зеркальных стекол, имевших целью предохранить сидящего на ней от порывов ветра при крутых поворотах.

К слову сказать, здесь, на воздушном корабле, ветром называлось то сопротивление воздуха, которое испытывал корабль при своем поступательном движении, но, по существу, это не был ветер, т. е. воздушное течение. Борта парохода, идущего по поверхности моря, испытывают огромное трение, рассекая водную стихию, но ведь нельзя сказать, чтобы это было „течение“. Пароход, попавший в струю могучего потока, совершенно не в состоянии заметить этого обстоятельства, если кругом его нет неподвижных предметов, по которым он мог бы ориентироваться. На воздушном шаре, уносимом ураганом, можно свободно зажечь спичку, и она будет гореть ровным пламенем, как в мертвый штиль. — Почему? — Потому, что в массе воздуха, движущейся со страшной скоростью, этот шар относительно неподвижен. — Разве мы замечаем, что земля вращается вокруг своей оси и несется по своей орбите кругом солнца? — Нет, потому что каждый атом предметов, окружающих нас, участвует в этом движении. Так и на воздушном корабле. Слабонервные леди часто высказывали свое восхищение перед неустрашимостью аэронавтов, смело шедших против жестокого ветра, совершенно упуская из виду, что для этих по-

следних впечатление „ветра“ создается лишь скоростью их движения в среде, а не скоростью движения самой среды, с которой они составляют одно целое.

Вот почему на воздушных кораблях кормовая площадка, слегка прикрытая с боков стеклянными щитами, и являлась любимым местом отдохновения чинов личного состава.

Однако же в этот предрассветный час она пустовала. — Все, не занятые службой, давно уже крепко спали. — Джеми был один, один со своими думами, со своими воспоминаниями...

Перед его глазами, устремленными во мрак, носились дорогие образы безвременно погибшей маленькой Грэс, старушки-матери и... „ее“... Тут сердце его сжималось острой болью... — От тех остались хоть могилы!.. От „нее“ — ни следа!..

И он гнал от себя дразнящие картины мимолетного, жгучего счастья, выпавшего ему на долю, и так беспощадно разбитого... Он пробовал отвлечься мыслями о задаче мирового значения, возложенной на воздушный флот... но и здесь не находил утешения... Великое торжество. Небывалый триумф победителей. Хранители меча Царицы Мира, благословляемой народами. Сказочное развитие промышленности и товарообмена. Золотой век... Потом — взрыв недовольства. Крутые меры против этих недовольных. Реки крови. Человеческие гекатомбы, каких еще не видел мир...

Джеми содрогнулся... — Слава Богу! Он в это время лечился от своей тяжелой раны — он в „этом“ не принимал участия!.. Мимо! Мимо!..

— Нет!.. Видно, насилуем нельзя утвердить на земле царства Божьего, царства любви и мира!..

— Ну, а теперь? — Готовится что-то страшное, перед чем побледнеют все, уже пережитые, ужасы...

Конечно, возможные меры приняты... — Стерегут, ждут, готовы к бою... — Но ведь и те не дураки же? Ведь не идут же они на верную, а, главное, бесполезную гибель?.. — Что-нибудь изобрели такое, чего Царица Мира, при всей своей мощи, узнать, разгадать не в силах...

— Странно... — думалось ему. — Нам не удалось уберечь тайны *generator*'а, и до сих пор мы не можем добиться, кто предатель... Только несколько сот человек были посвящены в нее... Кого можно бы заподозрить?.. Да и какая выгода в таком предательстве?.. — А вот они — хранят свою тайну, хотя не сотням, не тысячам, а миллионам и десяткам миллионов людей разных национальностей она, несомненно, известна... А эти гонцы, которые, попав в наши руки, отравляются, чтобы не проболтаться!.. Какое всепокоряющее чувство объединяет их, дает им эту силу? — Неужели сознание мирового братства, братская любовь? — Какой вздор! — Японец, жертвующий жизнью за немца, или француз, проливающий свою кровь в интересах араба!.. Никогда не поверю!.. — Но если не любовь, то что же?..

— Ненависть к поработителям!

Эта мысль так ярко, так отчетливо мелькнула в его мозгу, что в первый момент ему даже почудилось, будто кто-то громко ее выговорил невдалеке от него.

Он оглянулся, — но кругом, конечно, никого не было.

— Да... — прошептал Джеми, — на этом чувстве они могли объединиться... и, пожалуй, по праву, по справедливости...

Внезапно его размышления были прерваны...

Битва народов.

На востоке уже разгоралась заря; звезды меркли; здесь, наверху, было почти светло, но внизу, на земле, только вершины гор чуть заалелись, а долины еще тонули во мгле, одетые предрассветным туманом.

Оттуда, из этой мглы, доносились глухие раскаты мощных взрывов... Почти одновременно и с разных сторон... Казалось, рушатся сами горы... Да и впрямь — перебивая тысячеголосое эхо, за каждым взрывом следовал продолжительный грохот, как бы от низвергающейся лавины...

— Творится что-то особенное. Будьте настороже! — телеграфировал Джеми начальнику осадного корпуса.

— Адмирал, — отвечал тот, — у нас еще хуже. Вот уже несколько часов, как Лондон не отвечает на шифрованные телеграммы, хотя мои принимаются, а на простые даже получают ответы. Опасаюсь, все ли благополучно.

Ни на воздушной эскадре, ни в осадном корпусе не знали еще, что в эту ночь по всему свету весь персонал посольств, миссий, консульств и агентств Царицы Мира был арестован (а частью уничтожен, где пытались оказать сопротивление), и как телеграф, так и пути сообщения перешли в руки их законных владельцев.

Что касается взрывов и следовавших за ними обвалов, грохот которых встревожил дремлющее эхо вестфальских гор, — то это — подземные верфи открывали ворота своих эллингов...

Официозы ошиблись.

Нибелунги и не думали вытаскивать свои корабли по частям через вентиляционные отдушины для сборки их под открытым небом, с которого на них сыпались бы всеразрушающие бомбы.

Они, действительно, не были „дураками“.

Одновременно с сооружением кораблей, десятки тысяч рук, управлявших могучими механизмами (и здесь немалую услугу оказало применение *generator'a*), расширяли подземное царство, прокладывая в толще горных пород гигантские галереи (вот откуда брались эти отвалы, заполнявшие долины) для выхода на свет Божий воздушного флота, когда он будет вполне закончен постройкой.

Уже задолго до великого дня лишь ничтожная (по толщине) стенка отделяла их от мира.

Подкрепление сводов, меры, принятые против возможного оседания пластов в момент внезапного уничтожения естественной опоры, — были чудом техники. Такие чудеса гений человека мог создать только — или в просветлении всеобъемлющей любви, или в порыве неукротимой ненависти!..

Настал час, которого так долго ждали!

Достигнута цель, к которой стремились, не щадя никаких жертв!

Мощными взрывами разрушены последние преграды, и корабли Нибелунгов, никогда не видевшие дневного света, вылетели из подземных нор!

Но ведь по природ своей они и не были ночными птицами, детьми мрака, — и солнце не ослепило их! — они всегда мечтали о нем, всегда рвались к нему, к Солнцу Свободы!..

Джеми подал сигнал тревоги...

В дымке тумана, в сумраке, еще заполнявшем долины, ему виделись какие-то тени...

— Точно... воздушный флот... возможно ли? Откуда?.. — Да, нет! — видно, как они собираются!..

Не он один видел.

Это видели все, и только ждали сигнала.

Полетели бомбы...

Однако противник, искусно воспользовавшись туманом и облаками, окутавшими вершины гор, успел без потерь взвиться к небу и стать лицом к лицу с эскадрой Царицы Мира.

Закипел бой.

Бой на высоте нескольких тысяч метров над поверхностью земли.

И тут Джеми сразу понял, что их игра проиграна. — У них были только бомбы, а у противника была... артиллерия. Чтобы метнуть бомбу, необходимо было хоть на мгновение оказаться над врагом, тогда как он по всем направлениям мог посылать свои снаряды. Правда, это были снаряды, ничтожные по своей разрушительной силе, но... грозившие взрывом собственных бомбовых погребов.

Всю надежду приходилось возложить на искусство в маневрировании, в котором английские капитаны, конечно, безмерно превосходили Нибелунгов, впервые поднявшихся на воздух.

Счастье благоприятствовало Германии, или это их наводчики были какими-то „волшебными стрелками“, но только в первые же моменты боя из шести кораблей английской эскадры три были взорваны, четвертый, подбитый, медленно кружась, опускался на землю, где должен был попасть в руки неприятеля.

— Спешите с донесением! — приказал Джеми пятому. — Я постараюсь их задержать, прикрыть вас!

Не было дисциплины более суровой, чем в воздушном флоте. Получив приказание, командир „Корнуэл-

льса“ немедленно взял курс *NO* и дал полный ход в то время, как Джеми, на своем „*Star and Stone*“, яростно атаковывал всякого, кто только пытался преследовать беглеца.

И ему удалось обеспечить отступление своего вестника.

Почему? Может быть, потому, что (так казалось) у него было некоторое преимущество в скорости?.. Хотя, вряд ли... По-видимому, главнейшую роль играло искусство маневрирования, а в этом отношении единственным достойным соперником ему являлся корабль, на бортах которого в лучах восходящего солнца ярко горела золотая надпись „Фрейя“. Бывали моменты, когда Джеми готов был ему аплодировать.

„Корнуэлльс“ благополучно скрылся за горизонтом. Джеми мог бы последовать за ним, но какой-то безудержный задор увлекал его в этот поединок с „Фрейей“, к которому, собственно, и свелся весь бой.

После того, как он парой удачно брошенных бомб разнес вдребезги подвернувшуюся ему мешковатую „Баварию“, остальные немцы держались на благородной дистанции, изредка постреливая, да и то с опаской, как бы не попасть в своего.

Только они, двое, участвовали в этой безумной игре, то проносясь по долинам и, огибая вершины гор, как подводные камни, то взвиваясь на такую высоту, где грудь с усилием вбирала в себя морозный воздух.

Джеми начинал сердиться. Ему казалось, что смелый противник не то играет с ним, как кошка с мышью, не то... щадит его, всегда оставляя открытой дорогу на север.

При одной этой мысли вся кровь бросалась ему в голову.

Последняя бомба из его запаса! И какой момент! Но опять эта „Фрейя“ выскользнула из-под него! Он промахнулся!

Они разошлись почти вплотную, борт о борт... Оттуда не стреляли... Может быть, тоже израсходовали боевые припасы?

Но он видел... — Или ему пригрезилось? — Да, нет! Он видел! — Он ясно видел сквозь зеркальные стекла, из которых построена вся капитанская рубка... — там! — на „Фрейе“! — склонившуюся над рулевым аппаратом стройную женщину, всю залитую лучами солнца, игравшими в ее золотисто-рыжеватых волосах; смотревшую на него с мольбой и страхом своими широко раскрытыми зелеными глазами...

Кто ласкал эти волосы, кто гляделся в эти глаза — тот мог ли не узнать их, хотя бы в мимолетном видении!..

Хриплый крик вырвался из груди Джеми... Безумно смелым поворотом едва не опрокинув корабля, он направил его прямо на противника... „Фрейя“, не ожидавшая такого отчаянного маневра с его стороны, не успела ускользнуть...

Звон разбиваемых стекол, лязг рвущихся железных листов, крики ужаса — все покрыл собою грохот взрыва запасов *generator*'а...

На поверхность земли упали только пылающие обломки...

Едва закончился бой в воздухе, как суда германской эскадры, не теряя драгоценных мгновений, ринулись к месту расположения войск осадного корпуса...

Осажденные, перешедшие в наступление, чтобы довершить победу, нашли на месте вражеского лагеря

безобразные груды развалин, целые пруды крови, стекавшей в гигантские воронки, выбитые взрывами бомб, да немногих, чудом уцелевших, обезумевших от ужаса людей...

Париж был отомщен!..

Выполнив свою первоначальную задачу, эскадра на несколько минут спустилась к земле.

Король Нибелунгов (всегда немножко театральный) в каске и белом кирасирском мундире, стоя на кормовой площадке своего корабля, принимал донесения, приходившие со всех концов мира.

„Гайфонгская эскадра, потеряв три корабля, уничтожила неприятеля. Идет на условное randevu“.

(Телеграфировали из Тонкина.)

„Благополучно достроились, никем не обнаруженные. В назначенный час снялись, идем на соединение. — Бота“. (Это из Южной Африки).

„Победили, хотя не без потерь. Японский сокол спешит навстречу Германскому орлу“.

„*Uncle Sam* со всеми племянниками уже в пути. Было жарко!“

„Отделались сравнительно дешево. Будем на месте в назначенный день и час“. (Хинган. Манчжурия).

И много других...

В общем, вести были хорошие.

Только одна телеграмма прозвучала мрачной нотой в ликующем хоре: — „Перуанцев не ждите. Истреблены!“...

Король Нибелунгов, душа мирового заговора, давно избранный главнокомандующим соединенными силами будущих (а ныне уже существовавших) воздушных флотов, должен был спешить, чтобы первым явиться к сборному пункту и вступить в исполнение принятых на себя обязанностей.

Но он не мог без прощального слова расстаться (может быть, навсегда) с этой, восторженно его приветствовавшей толпой людей, которые, одушевленные его идеей, перенесли такие неслыханные лишения, выполнили такой невероятный труд...

— Друзья мои!.. Я иду в бой, и, может быть, не вернусь к вам... Примите мою исповедь!.. — Я говорю то, к чему пришел за последние годы, и не удивляйтесь, если слова мои противоречат взглядам, которых я держался когда-то... — Вот мой завет вам: — Если баварец не похож на пруссака, а пруссак отличается от баварца — пусть каждый, по праву, любит и даже гордится своими родовыми особенностями, но пусть и к чужим относится с уважением... сказал бы даже — с благоговением... — Я принял на себя высокую ответственность начальствования союзными силами... — Куда же я поведу их? — На бой с мировыми поработителями! В битву на жизнь и смерть за право каждого быть самими собою!..

— Боже праведный!.. (красивым жестом он снял каску, и головы толпы благоговейно обнажились). Ты сказал — возлюби ближнего твоего, как самого себя... — Дай же нам силы во всей полноте, всем сердцем воспринять эту заповедь!.. — Да будет меч, который я принимаю в мои недостойные руки, Твоим мечом, сокрушающим насилие, и да поразит меня гнев Твой,

если я не оправдаю доверия детей Твоих, избравших меня! Да придет Царствие Твое! Да будет воля Твоя!..

Германская эскадра скрывалась по направлению на юго-восток, спеша к сборному пункту, когда с северо-запада показались первые разведчики мобилизовавшегося воздушного флота Царицы Мира.

Толпы „Нибелунгов“ поспешно рассеивались, прятались по своим норам, страшась кровавой мести...

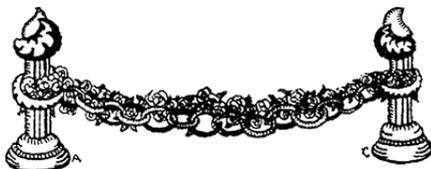
Но артиллеристы подземных крепостей, заряжая орудия, радостно переговаривались между собою:

— Бог даст, — это в последний раз! — Близится Царство Божие! — „На земле мир, и в человецех благоволение“ ...

А в тиши своих кабинетов дипломаты уже делили богатое наследство, и под изысканно-учтивыми фразами различных нот и меморандумов уже чувствовались назревающие конфликты, для разрешения которых, — конечно, лишь в крайнем случае, и с величайшим прискорбием, исчерпав все средства, — придется прибегнуть в силе...

КОНЕЦ.

ВЛ. СЕМЕНОВ

ЦАРИ ВОЗДУХА

Роман-фантазия

Продолжение «Царицы мира»

ВЛ. СЕМЕНОВЪ

ЦАРИ ВОЗДУХА

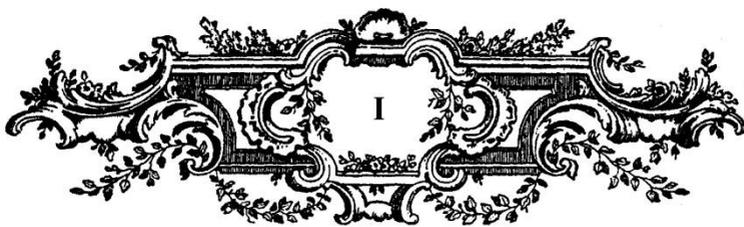
РОМАНЪ-ФАНТАЗИЯ

ПРОДОЛЖЕНІЕ

«ЦАРИЦЫ МІРА»

ИЗДАНИЕ
Т-ВА М. О. ВОЛЬФЪ
СПБ. и МОСКВА
1909

Вместо предисловия. — *Cafè Motretout.*

Как это ни странно на первый взгляд, но беспристрастный летописец не мог не отметить факта, что при дележе наследства разгромленной „Царицы Мира“ никакой мировой свалки не произошло, и дипломаты, заранее учитывавшие какие-то обязательства, оказались в довольно глупом положении.

Апологеты „Короля Нибелунгов“ любят приписывать ему эту заслугу — предотвращение всемирной войны — любят говорить, что его вдохновенное слово, принятое как завет „Мира всего мира“, предотвратило жестокую распрю... Но вряд ли это справедливо.

История не делается словами, и красивые фразы часто прикрывают собою грубый, но зато верный расчет.

В действительности, после решительной победы, одержанной воздушным флотом мировой коалиции над воздушным флотом „Царицы Мира“, после того, как Англия вынуждена была оставить свою мечту — „владеть Миром“ — и нации оказались свободными, — победители остановились в недоумении перед вопросом: что же делить?..

Народы? — Но пример Франции явно доказывал, что никакой „настоящий народ“ в карман не положишь...

Территории? — Но разве можно было наметить их границы в воздухе?..

В ближайшие моменты эти вопросы казались неразрешимыми, а потому, хотя все их чувствовали, но официально они игнорировались.

Не только правительства, но и массы (можно бы сказать — само человечество) хотели выиграть время, невольно оглядеться, разобраться в совершенно новых условиях жизни, создавшихся после того, как тайна *generator*'а сделалась общим достоянием, а человек — царем воздуха.

При таком положении вещей единственным выходом являлась формула, предложенная „Королем Нибелунгов“ конгрессу императоров, королей и президентов республик, „слетевшихся“ в Луксор и заседавших в его храмах, служивших колыбелью цивилизации.

Он говорил так:

— Все человечество, забыв национальную и религиозную вражду, объединилось в святом стремлении стряхнуть с себя гнет поработителей мира, и великие жертвы принесены были за осуществление права каждого — быть самим собою! Осуществив это право, пойдем ли по стопам тех, против кого восстали? Вчерашние рабы, которым Бог дал силу свергнуть иго, сделаемся ли мы сами насильниками, возложим ли ярмо на побежденных? — Нет! Мир Божий, право и справедливость да царствуют на земле! — Долой насилие! Место знамени честного труда! — Осуществим мечту первых веков христианства: „Да не будет среди нас ни раб, ни свободный, ни эллин, ни иудей, но всяческая и во всех Господь!“

Это красивое, но туманное и, по существу, ни к чему не обязывающее решение было принято единогласно.

В душе же всякий думал: „Поживем — увидим; спешить некуда; поспешишь — людей насмешишь“.

С того момента, как тайна *generator*'а была объявлена достоянием всего человечества, все капиталы, вся энергия предпринимателей, все силы техники ринулись в сферу воздушного кораблестроения.

Не прошло и шести месяцев после конгресса в Луксоре, как в самых далеких точках земной поверхности начали подниматься в воздух первые корабли, построенные с целями чисто коммерческими, а дальше — что ни день — число их все увеличивалось.

И это было вполне понятно.

Раньше (скажем для примера) пароход-грузовик совершал путь из Европы на Дальний Восток (через Суэцкий канал) в срок около 60 дней, причем каждые сутки оценивались в сумму 500-600 рублей, а весь рейс — 30-40 тысяч рублей.

Теперь, пока техника еще не выработала типа воздушного гиганта с грузоподъемной силой в 10.000 тонн (но с каждым днем эта цифра становилась все ближе, все достижимее) приходилось довольствоваться первообразом, созданным в „Долине Тайн“.

Но даже и он, этот первообраз, приспособленный для торговых целей, коренным образом изменил ранее существовавшие условия товарообмена. Правда, что для доставки того же груза из Европы на Дальний Восток приходилось снарядить не один пароход, а 5-6 воздушных кораблей, причем суточное содержание

каждого стоило 200-250 рублей, но ведь зато, следуя кратчайшим путем от порта отбытия к порту назначения, они находились в пути (для того же рейса) всего 5-6 суток! — Срок доставки товара сокращался в 6 раз, а стоимость перевозки — в 5 раз!..

Люди коммерческие сразу же оценили все выгоды, представляемые новым способом передвижения, и, вполне естественно, верфи, строящие воздушные корабли, росли, как грибы после теплого весеннего дождика. Юмористические журналы предсказывали, что скоро в воздухе будет так тесно, как никогда не было на поверхности суши и моря...

Зато правительства не на шутку обеспокоились. Уж если сейчас все сколько-нибудь предприимчивые фирмы стремятся производить товарообмен по воздуху, то что же будет, когда воздушные корабли, по мере совершенствования, достигнут такой же грузоподъемности, как бывшие океанские пароходы, когда прямая выгода, прямой коммерческий расчет все международное сообщение перенесут на воздух, низведя водные и железнодорожные пути сообщения на ту же роль, какую некогда, по отношению к этим последним, играли подъездные пути, и — даже хуже — проселочные дороги?..

Уже теперь деятельность таможен становилась крайне затруднительной, несмотря на снабжение пограничной стражи быстроходными аэромобилями, несмотря на еще державшуюся среди солидных торговых фирм традицию — не только не уклоняться, но даже идти навстречу таможенному досмотру. Со дня на день эта традиция могла быть признана смешным пережитком прошлого.

В самом деле! Ведь так заманчиво было перелететь границу ночью, поднявшись повыше и закрыв все ог-

ни, а потом, в укромном месте, сдать груз туземному воздушному кораблю и самому лететь дальше...

Со злом пробовали бороться требованием, чтобы всякий воздушный корабль в месте разгрузки предъявлял документы, визированные на границе, но и это не помогло, так как пышный расцвет техники, конечно, не мог не коснуться и той ее отрасли, которая именуется фальсификацией. В результате (подобно тому, как это было в России, в начале XX века с паспортной системой), все эти предъявления, прописки, отметки, удостоверения создавали массу хлопот, задержек и убытков людям „вполне благонамеренным“, но несколько не беспокоили контрабандистов, у которых всегда все документы были в полном порядке и даже в нескольких комплектах.

Мало-помалу становилось очевидным, что границы государств существуют только на географических картах, а потому содержание таможен и пограничной стражи являлось ничем не оправдываемой роскошью. И их упразднили вовсе, возложив взимание пошлин с привозимых товаров на особые биржевые комитеты, образованные в каждом пункте, имеющем хоть какое-нибудь торговое значение.

Однако и эта мера не достигла цели. Нельзя же было всю страну покрыть сетью агентов, и каждому из них дать возможность в любой момент и в самое глухое место вызвать вооруженный аэромобиль (правительственный) для того, чтобы воспрепятствовать разгрузке или перегрузке Бог весть откуда прилетевшего корабля?..

Государства со слаборазвитой обрабатывающей промышленностью, в бюджете которых таможенный доход являлся большим подспорьем, а протекционная система была единственным средством поддержки

собственных промышленных предприятий, — оказались в положении почти безвыходном...

Но все это было еще не так страшно, как сознание того, что пока это „только цветочки, а ягодки будут впереди“, что колеблются самые устои тысячелетиями выработанного порядка жизни, что надвигается что-то страшное, неотвратимое, какая-то всемирная гроза...

Пусть после тьмы еще ярче засияет солнце, но пережить эту тьму, этот хаос, эту анархию... кому доведется?.. кто будет строить жизнь по-новому?.. как она сложится?..

Мужи совета и разума, заседавшие в различных комиссиях „для выработки мер предупреждения и пресечения“, усиленно занимались разрешением вопросов текущего дня, стараясь не заглядывать в будущее...

Но все „это“ чувствовали...

И многие, многие из мирных, довольных своей судьбой жителей поверхности земли, поглядывая на реюющие в вышине чудища, невольно думали: — „А что, если ему придет в голову... Ну, что я с ним сделаю?..“

Cafè Motretout, излюбленное место сборища „авиаторов“ всех стран и народов, было переполнено публикой.

В воздухе стоял разноязычный говор, но преобладающим в нем являлось особое наречие, само собой выработавшееся из смешения всех языков света, носившее название „*airspoke*“. Основой его был английский язык, получивший самое широкое распространение во времена владычества „Царицы Мира“, но сильно искаженный и дополненный отдельными словами и

оборотами, взятыми отовсюду. Мечта „эсперантистов“ доброго старого времени осуществилась, как только осуществление ее сделалось насущно необходимым.

Хлопали пробки; звенела посуда; лились рекой дорогие вина; подавались такие *primeur*’ы, о которых при прежних способах сообщения могли мечтать только миллиардеры; роскошные наряды, блеск драгоценных камней, деланно-пугливые возгласы и неестественно громкий смех женщин — все создавало атмосферу какого-то угара, какого то безудержного веселья... Но это только казалось.

В то время, как молодежь перекидывалась бесконечными шутками между собою и обменивалась недвусмысленными замечаниями со своими случайными соседками, а на эстраде очаровательная *miss Nelly Smock-Sansdessous* в костюме древне-египетской танцовщицы, чуть прикрытая прозрачной тканью, под мелодичные звуки флейты исполняла „танец среди мечей“, — за многими отдельными столиками велись разговоры далеко не игривого свойства, и ни грация плясуньи, ни задорные выходки разряженных, полуобнаженных женщин не в силах были рассеять того выражения угрюмого недовольства и мрачной решимости, которое лежало на лицах собеседников.

— Д-да... так я и говорю — собачья жизнь!.. — заключил свою речь невысокий, коренастый Ван-Дрюйер. — Цари воздуха!.. Кто эти цари? — да те, что по воздуху устраивают пикники в таких местах, куда ворон костей не заносил... Шикарно, видите ли, проглотить десятков свежих устриц и запить их стаканом шабли на северном полюсе, или покушать земляники с девонширскими сливками на вершине Демавенда... Такие сопостановления щекочут их нервы... Пресыщенные благами жизни, они ищут чего-нибудь но-

венького, а мы, труженики воздуха, создатели их благополучия, возим их... разве на воздушных кораблях, которыми командуем? — Нет! — На своей спине возим!

Грузный кулак голландца с такой силой опустился на мраморную доску столика, что запрыгали и зазвенели стоявшие на ней стаканы, а соседи стали тревожно оглядываться на знаменитого коммодора и его двух, не менее знаменитых товарищей.

— Ну, ну, старый чорт! — успокоительным тоном заговорил один из них, японец Симидзу. — Люблю тебя, когда ты излагаешь свои идеи, тяжело, но убедительно, словно столетние дубы с корнем выворачиваешь, но столы ломать и посуду бить — это не идет к твоей солидности... Правда, барон?

Третий, которого называли бароном, сосредоточенно обтиравший пальцем капли росы, выступавшие на поверхности его стакана с замороженным питьем, только качнул головой не то утвердительно, не то отрицательно.

— К чему привели мечты о „мире всего мира?“ Во имя чего мы рылись в земле, словно кроты, а потом бросились, очертя голову, в драку с „поработителями?“ Или в те дни, когда Эдуард держал в кулаке всю эту компанию, хуже было? — По-моему — лучше — продолжал Ван-Дрюйер. — Лучше потому, что если бы даже на месте Эдуарда оказался человек, не заслуживающий названия джентльмена, а прирожденный грабитель, так и то ему было бы довольно „с миру по нитке“, а когда приходится удовлетворять аппетиты сотен тысяч эксплуататоров, так тут... не то, что последнюю рубашку — шкуру снимут...

— Правильно, правильно — перебил его сангвиничный японец. — Царица Мира подошла к идеалу почти вплотную; казалось, близок момент, когда личный

труд делается единственной ценностью... Но мы дали увлечь себя красивыми словами, и — все рухнуло... Забыли великое изречение вашего же Евангелия: „Не всякий, говорящий Мне: Господи! Господи! внидет в царство небесное“... — Кажется, так?.. Правда, барон?

Но барон, от которого, по-видимому, упорно добивались слова его товарищи, только еще ниже склонил голову над запотевшим стаканом, всецело занятый собиранием отдельных капель росы...

Ван-Дрюйер недовольно крикнул и шумно вздохнул, а Симидзу не выдержал и, отбросив всякую дипломатию, пошел прямо к цели.

— Ты не пробуй отмалчиваться, — заговорил он сдавленным голосом. — Ты сам соглашался, что дальше так жить нельзя. — Ведь это — твои слова?— Когда же от слов мы перейдем к делу? Когда же цари воздуха перестанут быть рабами мешков с золотом, которые они могут в любой момент либо захватить в свои руки, либо уничтожить?.. Ведь если мы объединимся, то все эти гады, ползающие по поверхности земли, наши повелители сегодня будут нашими рабами завтра...

— Так, так... — горько засмеялся барон. — Ты говоришь: „Если мы объединимся...“ — А возможно ли это? Или ты думаешь, что среди „нас“ не найдется людей, которые продадут свое первенство за чечевичную похлебку? Поверь, что их будет много, очень много! что они, эти прирожденные холопы, окажутся в большинстве и, за подачку из золотого мешка, пойдут против нас, как против мятежников!.. Нас раздавят численностью, а уцелевших будут травить, как хищных зверей!.. Прав ты, или неправ — рассудит история, но девиз дня — „Горе побежденным!..“

— Добрую корпорацию можно уничтожить, но победить нельзя! — перебил его Ван-Дрюйер, видимо,

давно собиравшийся высказать свою мысль. — Опять слова! те самые красивые слова, над которыми глумился Симидзу! Ты позабыл веками взращенную привычку благоговеть перед тем, кто может грозить карой! Забыл, что это стадо...

Продолжать ему не пришлось из-за невероятного шума, поднявшегося в зале.

Поначалу невозможно было понять, в чем дело. Всюду виднелись возбужденные лица, угрожающие позы, поднятые руки; аплодисменты, шиканье, свист, крики „браво“ и крики „долой“ сливались в какой-то хаос; музыка прекратилась; *miss Nelly*, стоя у самой рампы, тоже что-то кричала и размахивала руками...

Неожиданно на одном из столов появилась стройная красавица с лицом бронзового цвета.

— Лакмэ! Лакмэ! — заревели кругом. — Лакмэ просит слова! — Слушайте, что скажет Лакмэ! — Долой! — Слушайте!

Стало несколько тише.

— Господа! — крикнула индуска, и ее могучее контральто покрыло последние отголоски перебранки. — Это я сказала, что так не танцуют „среди мечей“, что у нас за такую пляску баядере обрили бы голову и плетью выгнали бы из храма! Это я сказала! И от своих слов не отступлюсь!

— А ты станцевала бы лучше? — перебил ее чей-то голос.

— Я-то?.. — и, гордо откинув голову, она бросила в сторону говорившего: — Магараджи ползали у моих ног!..

Восторженный рев поднялся в публике.

— Bravo, Лакмэ! — Станцуй сама! — На сцену Лакмэ! — Пусть докажет! — Тащите ее! — Нечего хвастать!..

Гибкая, как пантера, индуска вспрыгнула на сцену и скрылась за кулисами.

— Бежала! — Держите! — Заприте двери! — кричали зрители, вскакивая со своих мест и бросаясь за нею.

Но компания, в которой до того была Лакмэ, опередила своих противников и с револьверами в руках преградила им дорогу.

В партере тоже замелькали револьверы. Администрация и служащие скрылись. Оркестр бежал. Кровопролитие казалось неотвратимым, так как никто никого не слушал, — все кричали разом и грозили друг другу, не различая ни друзей, ни врагов...

По счастью какому-то, огромного роста, дюжему воздухоплавателю удалось вскочить на крышу суфлерской будки и рявкнуть голосом, способным заглушить шум сражения:

— Стойте! Она сейчас будет танцевать! Она вовсе не бежала! Поверьте слову Блэка!

Толпа отхлынула.

— Блэк не соврет! — слышались голоса...

— Слушайте, что говорить Лакмэ! — продолжал Блэк. — Она подтверждает, что у нее на родине за такой танец, какой показала Нелли, танцовщице обрили бы голову и плетью выгнали бы из храма. Она предлагает вам поступить с ней по этому обычаю, если протанцует не только хуже, но даже в ровную, даже немногим лучше Нелли, но если за ней будет несомненная, неоспоримая победа, — то этой каре подвергнется ее соперница! — Нелли! принимаешь ли вызов?

— Принимаю! — смело ответила та, бледная как полотно, но не покинувшая сцены.

Гром аплодисментов покрыл ее гордую реплику.

— Становится интересно, — пробормотал Симидзу, щуря глаза.

— А теперь, господа, по местам! — закончил Блэк, слезая со своей импровизированной трибуны. — Тишина и спокойствие!

— Да, что она делает за кулисами? — протестовали подозрительные и нетерпеливые.

— Просто переодевается! Нельзя же ей танцевать в корсете и в длинном платье! Рассаживайтесь, господа, рассаживайтесь, как раньше!

Мало-помалу порядок восстанавливался; оружие было спрятано, и люди, только что собиравшиеся истреблять друг друга, мирно обменивались замечаниями относительно предстоящего „состязания баядерок“. Их спутницы, порядком натерпевшиеся страху, уже смеялись и готовились быть самыми строгими судьями.

— Найдется ли подходящий костюм? — А где же музыканты? — Позвать директора! — Вернуть музыкантов! — раздавалось то тут, то там.

— Не надо ни директора, ни музыкантов! Минутку терпения — вот все, что нужно! — донеслось из-за кулис. — Я сейчас выйду!

И она действительно вышла почти вслед за этими словами...

Словно порыв ветра на мгновение всколыхнул толпу, а затем — все замерло.

Почтенный Блэк был не совсем прав, заявив, что она „переодевается“...

Перед изумленными зрителями, чаруя их красотой своих форм, появилась как бы статуя, отлитая из темной бронзы, но... живая статуя...

Жестом, полным сладостной неги, закинув скрещенные руки за голову, она одним движением очутилась в середине треугольника, усаженного ослепительно сверкавшими в потоках электрического света остро отточенными клинками мечей, укрепленными стоймя,

лениво качнулась вправо-влево... и запела. Сначала тихо, потом все громче и громче... Это была унылая, дикая песня, странно-жуткая в ее переходах полутонами...

Индусы, находившиеся в толпе (каких только национальностей не было в среде воздухоплателей) стали ей вторить... И в такт пению, двигаясь всем туловищем, она начала танцевать... Только ступни ног оставались неподвижными, да скрещенные пальцы рук словно впились в затылок...

Но вот эти руки высоко взметнулись; ноги сдвинулись с места; широко открылись огненные глаза; песня зазвучала восторгом безумия... Индусы вторили все громче, сами себя прерывая криками — „Дева! Дева!..“

Темп все учащался, а плясунья все быстрее и быстрее кружилась на „ложе смерти“...

— Ой! Відьма! — воскликнул какой-то хохол и в страхе перекрестился...

На него никто не обратил внимания...

Резкий гортанный крик... Что-то мелькнуло в воздух... И зрители увидели Лакмэ, продолжающую пляску уже на руках...

Все затаили дыхание; только индусы вполголоса, словно под сурдинку, тянули какой-то мрачный мотив, мерно ударяя в ладоши...

Плясунья двигалась на руках по „ложу смерти“, извивалась, как змея... Ее точеные ноги то поднимались кверху, плотно сжатые, и вся она вытягивалась, как стрела, — то беспомощно падала за спину так низко, что пятки едва не касались затылка...

Все чувствовали, все понимали, что одно неверное движение — и она упадет, и жадные, острые лезвия вопьются в это бронзовое тело, и хлынет красная кровь...

Новый крик пронесся над залом; вновь что-то мелькнуло... Глубокий вздох облегчения вырвался у присутствующих. — Она стояла невредимой!.. Грудь ее судорожно вздымалась; каждый мускул тела дрожал; широко раскрытые глаза, казалось, видели что-то, незримое простым смертным... И вдруг — высоко, к небу, вскинув свои трепещущие руки, она запела гимн, в котором звучало и торжество победы, и благодарность за избавление от жестокой гибели...

.....

Целомудренный богатырь, Ван-Дрюйер, сидел весь красный, с открытым ртом, и делал вид, что не смотрит на сцену, но его толстые руки заметно дрожали. Симицзу, весь поглощенный зрелищем, качал головой в такт песни и прищелкивал пальцами. Даже усталые, холодные глаза барона загорелись каким-то странным огнем...

Miss Nelly нарушила очарование.

— Идиоты! Идиоты! — пронзительно закричала она, подбежав к рампе. — Почему вы уставились, как бараны, на эту желтую выдру, на эту канатную плясунью? — Потому, что она имела бесстыдство сорвать с себя последнюю тряпку! Да! Да! — В бесстыдстве она меня победила!

Песня оборвалась.

Лакмэ быстрее молнии вырвала один из кинжалов, укрепленных в полу сцены, и ринулась на обидчицу... Но та успела соскочить в публику... Баядерка — за ней...

Дальнейшее не поддается описанию...

Нагая женщина, отмахиваясь от преследователей тяжелым, обоюдоострым мечом, гонялась по залу за другой, полуобнаженной, убежавшей от нее в паническом страхе и молившей о защите..

— Проиграла заклад! — Исполнить договор! — Обрить! Обрить! — ревели одни...

— Вздор! — Акробатический фокус — не танец! — Ее выгнать на улицу! — отвечали им.

— Дайте оружие англичанке! — Пусть подерутся! — Пусть решат поединком! — кричали нейтральные.

При самом начале этой сцены барон досадливо передернул плечами и, порывисто встав с места, направился к выходу. Товарищи последовали за ним.

— Ты что говоришь? — переспросил Симидзу, видя, что губы барона шевелятся, но ничего не слыша за шумом.

Вслед им неся грохот опрокидываемых столов, звон стекла, испуганные (теперь уже непритворные) крики женщин... гремели выстрелы... слышались стоны раненых и яростные восклицания дерущихся, уснащенные проклятиями на всех языках света.

— Я говорю: вот они — твои „цари воздуха“, которые избивают друг друга, чтобы иметь право надругаться над одной из этих женщин, которые их же тешили!..

Вызванные администрацией отряды полицейских уже спешили к месту побоища. Для них это было делом обычным. Редкий вечер заканчивался без „происшествия“. Таков уж народ эти авиаторы, швыряющие золото пригоршнями и постоянно забывающие, что они в Европе, а не в Новой Гвинее или Патагонии, откуда только что прибыли.

— Кажется, идет игра!? — оживленно крикнул один из начальников отрядов, едва не наткнувшись на тяжело шагавшего голландца.

— А вот сунься, миленький! Там тебе покажут! — сердито проворчал тот.

Некоторое время приятели, герои войны за „мир всего мира“, славные сподвижники „Короля Нибелунгов“, связанные тесными узами боевого братства, шли

молча, направляясь к горевшему огнями „воздушному порту“, где грузились их корабли.

— Так ты... не с нами? — спросил японец внезапно дрогнувшим голосом.

— Нет! — решительно прозвучало во тьме. — И даже хуже... может быть — против вас!.. Я с восторгом шел жертвовать собою, шел на войну за „Мир всего мира“... Мечта не осуществилась... Одинаково ошиблись и Эдуард, взявшийся с одного конца, и Вильгельм, взявшийся с другого... Но то, что вы затеваете теперь — это будет война всех против всех, это будет анархия... И уж если воевать окажется неизбежным, то я, конечно, пойду войной против анархии...

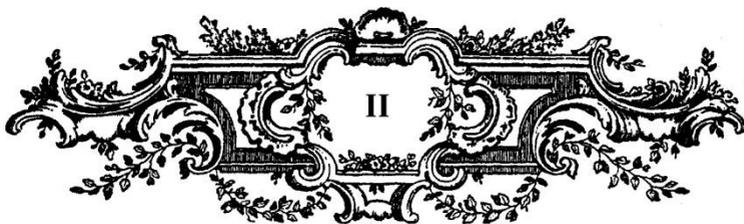
— Твое дело... Нет такой компании, которая бы не расходилась... Не поминай лихом...

— Прощай...

— Постойте, я тоже хочу сказать... — заговорил Ван-Дрюйер, как всегда, солидно и не торопясь. — Я не хочу сказать — „Прощай!“ — Я точно знаю, что когда все это будет, и ты увидишь... то ты придешь к нам и будешь тот самый, которого ожидали...

Прежние боевые товарищи, а в будущем — возможные враги, обменялись крепким рукопожатием и расстались.

**Пираты воздуха. — Конгресс в Вене. —
„Universal Arkingdom ´s Regulation“. —
Отзыв „Короля Нибелунгов“.**

На воздушных путях сообщения стали заметно „пошаливать“.

Чаще и чаще пропадали без вести воздушные корабли с ценным грузом.

Сначала это приписывали „полосе несчастья“; затем пошли слухи о каких-то „пиратах воздуха“, которые, проявляя свирепость и неумолимость мавров XVI столетия, превосходили их тем, что выступали во всеоружии техники XX века.

Кроме того, существенной разницей между ними и пиратами доброго старого времени являлось то обстоятельство, что корабли последних плавали по воде и обладали ограниченным районом действий, в центре которого обычно находился их порт-убежище, а потому, когда подвиги этих вольных рыцарей моря начинали становиться слишком громкими, то снаряжались карательные экспедиции, без труда разыскивавшие и уничтожавшие разбойничье гнездо, после чего, на время, наступало успокоение. При некоторых, особенно дерзких, нападениях — организовывалась погоня и, часто, небезуспешно.

В данных условиях эти приемы приходилось оставить, как не достигающие цели.

Любая точка земного шара, от полюса до полюса, могла теперь сыграть роль порта-убежища, лишь бы там были заранее устроены склады необходимых припасов; о погоне, о выслеживании — нечего было и думать, так как даже при ясном небе, с наступлением темноты, они становились невозможными, а при облачном небе, даже и среди бела дня, стоило лишь нырнуть в тучи, чтобы замести всякий след.

Что касается сбыта награбленного, то какие подозрения мог возбудить корабль, имевший в полном порядке все документы (?), согласно которым (скажем для примера) груз был принят в Гаване и доставлен в Буэнос-Айрес, хотя бы в действительности он был „благоприобретен“ на перелете через Тибетское плоскогорье? — Если даже дело оказывалось из особенно громких, о котором беспроволочный телеграф уже успел оповестить все уголки мира, — и тогда больших затруднений не было: следовало только не слишком дорожиться, а охотников приобрести за дешевую цену груз, с формальной стороны совершенно чистый, оказывалось сколько угодно. — Мало-помалу, начала нарождаться и специальная (конечно, негласная) агентура для такого рода сделок...

Если же такому, документально чистому кораблю, нужно было что-нибудь купить, пополнить какие-нибудь запасы (которых не удалось получить упрощенным способом), так уж тут, разумеется, никаких затруднений не оказывалось, особенно, если капитан не торговался.

Надо помнить, что право постройки и покупки воздушных кораблей было объявлено свободным, принадлежащим любому гражданину любого государства,

и, при широком развитии товарообмена и быстроте перемещения воздушных кораблей из одного конца света в другой — точная регистрация их все еще не могла наладиться, а, по мнению многих специалистов, являлась и вовсе неосуществимой...

Все воздушные корабли строились по одному типу, различались только размером и внутренним устройством. Стоило кораблю перекраситься в другой цвет — и сам его владелец, и даже человек, долго прослуживший на нем, не были бы в состоянии опознать его по внешнему виду.

Пользуясь этим обстоятельством, „воздушные пираты“ отнюдь не зарывали награбленных сокровищ в каких-нибудь пустынях и диких местах, но расходовали их в свое удовольствие, смело прилетая в самые людные, самые фешенебельные курорты, где, обычно, посетители сменяются, как узоры в калейдоскопе, и где решительно нельзя сказать: кто, на самом деле, знатный путешественник, а кто — самозванец...

Словно вернувшись к временам давно прошедшим, суда коммерческого флота начали вооружать артиллерией, снабжать запасами метательных бомб, комплектовать их экипажем из людей смелых, решительных, хорошо оплачиваемых, но зато всегда готовых вступить в отчаянный бой с пиратами. Однако, такая мера послужила только к выгоде последних. Раньше хоть по вооружению можно было уличить их (конечно, захватив врасплох), теперь — и эта примета потеряла свое значение.

Поговаривали даже, что многие корабли пропадают без вести вовсе не потому, что их захватывают пираты, а потому, что сами они делаются пиратами.

Не верили этому слуху растерявшиеся „солидные люди“, из поколения в поколение жившие благо-

честивой мыслью, что каждый их служащий, согласно Св. Писанию, грех перед ними (перед хозяевами) почитает грехом перед Господом Богом, и не захочет погубить души своей, лишиться богатства нетленного ради присвоения себе малой части того земного богатства, которым они (хозяева) владеют по милости Божией...

Однако же, довольно скоро и эта последняя надежда — надежда на благочестие воздухоплателей — была разбита.

В один прекрасный день представитель торгового дома „Вильсон, Диксон и Комп.“, с нетерпением ожидавший прибытия из Ю. Америки целой воздушной флотилии с весьма ценным грузом, получил такое письмо.

„Милостивый государь! Зрело обсудив все доводы „за“ и „против“, мы пришли к убеждению, что хозяином воздушного корабля должен быть его экипаж, ибо и в Писании сказано „Трудящийся да яст!“— Откуда следует, что нетрудящийся, но „ядущий“, поедает чужой хлеб и совершает великий грех. Преисполненные к вам глубоким расположением, решили мы снять с вашей души это тяжелое бремя, предоставив вам, согласно великому завету, „в поте лица своего добывать хлеб свой“.

Дальше следовали подписи четырех капитанов и *post-scriptum*: „Ну-ка, полетай сам, старый чорт!“

Конечно, благоразумнее было бы и само письмо, в котором его преступные авторы так грубо и неостроумно потешались над человеком, доверившимся их чести, и, в особенности, *post-scriptum* сохранить в тайне, — но глава фирмы был так взволнован, так возмущен этим фактом, что поступил как раз наоборот, и огласил его. В результате — вечером того же дня пись-

мо попало в газеты; назавтра — телеграф разнес его по всему свету, а... ведь пример заразителен...

Оставаться дольше в выжидательном положении оказывалось невозможным. Необходимо было принять решительные меры.

Для выработки этих мер собрался международный конгресс, но на этот раз в составе дипломатов, имевших надлежащие полномочия.

Императоры, короли и президенты не нашли удобным прибыть самолично. Почему? Причин тому было много, но первой, покрывающей все остальных, являлась высказанная императором Вильгельмом, со свойственной ему солдатской прямоотой и природным юмором: „Я не перепел, и не пойду под сетку! Ведь для наших воздушных анархистов это был бы богатейший случай накрыть нас всех разом! А на дипломатов они покушаться не станут! — Дичь не стоит заряда!“

Пожалуй, что он был прав, так как, во-первых — никакой попытки помешать работам конгресса сделано не было, а во-вторых...

Впрочем, не будем забегать вперед.

Как водится, первые заседания конгресса были чисто деловые: выборы президиума, выяснение программы работ в самых общих чертах и выборы комиссий, немедленно выделивших из своей среды соответственные подкомиссии.

Долго думали над кардинальным вопросом: „Как определить то зло, с которым нужно бороться?“ Думали об этом еще много раньше, чем „слететься“ на конгресс, но ничего не придумали; думали, „слетевшись“, — и опять бы ничего не вышло, если бы не спасло застойное остроумие одного русского дипломата. — Известно, что с древнейших времен дипломаты этой национальности приобретали известность, даже славу,

своими „*mots*“. В каком бы скверном положении они не оказывались — всегда умели отшутиться! А в этом — секрет успеха.

Одного из них совсем было загрызли после русско-японской войны

— Как вы допустили? Как вы позволили? Безумная авантюра! Зарвавшиеся флибустьеры! — говорили ему.

— Совсем нет. Вовсе не безумная авантюра, а дельное предприятие. Удавалось же англичанам!.. Но что вы хотите, если во главе дела оказался Безобразов? Ничего не могло выйти, кроме „безобразия!“

— *Epatant! Voilà un homme d'esprit!* — смеялись кругом.

— Но вы забываете, что для таких предприятий у англичан были люди, стоявшие на высоте положения, — пробовали спорить некоторые. — Например... хотя бы Сесиль Родс! Почти гений!

— Если вы изволили сказать „почти“, то и у нас был такой приготовлен...

— Кто же?

— Алексеев Ев-гений!..

Возможно ли было состязаться с человеком, до такой степени находчивым?..

Но к делу.

Вопрос, мучивший дипломатов, был разрешен совершенно неожиданно и удивительно просто (можно сказать — по вдохновению) за ужином у Захера (конгресс имел место в Вене).

— Все-таки это странно... — задумчиво проговорила очаровательная графиня Меттерних, происходившая по прямой линии от знаменитого предка, а потому считавшая своим священным долгом интересоваться „высокой политикой“ и высказывать о ней свои компетентные суждения. — Вы до сих пор не сформулирова-

ли: — против чего, именно, необходимо принять меры!
— *Au moins, c'est drôle!* (По крайней мере, это смешно!)

— *C'est idiot!* (Это глупо) — решительно заявила госпожа Тегетгоф, которую во внимание к заслугам того, чье имя она носила, в обществе называли „адмиральшей“.

Почтенный дипломат, сидевший между ними, низко склонил свою лысину, словно без меры угнетенный такими нападками... а на самом деле для того лишь, чтобы поймать то „mot“, основная идея которого уже мелькнула в его мозгу, уже поднималась откуда-то из глубины, но слабо, разрозненно, подобно пузырькам газа, поднимавшимся со дна его бокала...

Оркестр играл вальс из „Веселой Вдовы“— „Тихо качайтесь, качели“... — А почему это так заманчиво, так много говорит сердцу?.. — Да потому, что, как бы высоко ни взметывались на качелях все эти *dessous*, они все же прикреплены к земле, вернутся к ней!..

И решение было найдено.

— *Mesdames!* — проговорил старец, поднимая голову и окидывая не только соседок, но и весь стол, таким взглядом, по которому все поняли, что готовится „событие“. — Я собирался сказать это завтра, но, раз вы настаиваете, скажу сегодня: — Мы призваны бороться против „беспочвенности“... Понимаете? — против „беспочвенности“ — Люди не должны терять связи с „почвой“, на которой родились, на которой сделали первые свои шаги! Как только человек поднимается в воздух так высоко, что его ближние кажутся ему ничтожными букашками, города — муравейниками, вековые леса — лишайником, как только он начинает чувствовать себя вне пределов досягаемости той благодетельной власти, которая обитает на поверхности земли, которая, опираясь на спасительную силу и пользуясь ею для

всеобщего блага, карает и милует по заслугам, — с того момента он теряет связь с „почвой“, и отсюда — все наши бедствия! — Тех, кто желает пользоваться благами жизни на земле, надо вернуть в лоно их прародительницы, а кто не желает подчиниться — тот вне закона! — *И мы сумеем это сделать!* — Чего не сделает дружное единение всех правительств мира?!

Эта краткая речь, к которой прислушивались даже и за соседними столами, вызвала взрыв восторга.

Все стало совершенно ясно.

Почему так? А вспомните, как в конце 80-х годов прошлого столетия из долины Янтсекианга двинулась на мир страшная эпидемия: тогда тоже все заволновались, но — стоило докторам сказать, что это „инфлюэнца“ — и все успокоились, хотя число смертных случаев отнюдь не уменьшилось от присвоения болезни новой клички взамен такой старой, такой надоевшей — „грипп“...

— Надо принять меры против беспочвенности! — *C'est le deracinement qui nous fait tant des embarras!* — *C'est ça!* — *C'est ça!*^{*)} — слышалось кругом.

Только „адмиральша“ осталась при особом мнении, заявив, что — *„Ils ne sauront jamais être si dupes!“* — А по поводу восторгов слушателей пожалала плечами и добавила излюбленное — *„C'est idiot“*^{**)}

У всякой машины есть своя „мертвая точка“, и напрасно говорят, что у машин новейшей конструкции ее не существует вовсе. Это неправда, и утверждать это могут лишь те мечтатели, которые и посейчас верят в возможность изобретения *„perpetuum mobile“*. — Мертвая точка — это необходимая принадлежность

^{*)} *Это дерзость, которая так смущает нас! — Вот именно! — Вот именно!*

^{**)} *Они никогда не будут так обмануты! — Это глупо!*

всякого механизма, то положение, когда все силы, действующие на его составные части, находятся в равновесии, взаимно парализуют друг друга. Не будь возможности такого положения, мы имели бы дело с машиной, способной саму себя уничтожить, безгранично развивая раз сообщенную ей энергию. Если наши машины не останавливаются на „мертвой точке“, то лишь потому, что побочные, дополнительные механизмы (прообраз которых — маховое колесо) не позволяют им замереть на ней. И ведь в большинстве случаев этот животворящий толчок является ничтожным по своей абсолютной величине.

Ноль — стоп машина.

Бесконечно малая величина — ход (вперед или назад, но все же движение)... Так было и на конгрессе.

Мужи совета и разума, собравшиеся на конгрессе, застыли на мертвой точке, и длинными кипами нот и меморандумов старались прикрыть свое искреннее недоумение: — с чем, собственно, они призваны бороться? — когда крылатое слово, брошенное за ужином у Захера, пустило машину в ход.

Человечество, взвившееся к небу, порвавшее священные связи с поверхностью земли, орошенной потом и кровью несметного числа поколений предков, надо было вернуть на эту землю! внушить благомыслящим, что только здесь, под защитой законов, они могут быть счастливы! — безумцев же... истребить!

Все стало ясно.

Заработали подкомиссии и комиссии; высоко продуктивными оказались и пленарные заседания конгресса...

Позволю себе лишь вкратце изложить здесь то самое „*Universal Airkingdom Regulation*“, о котором упомянуто в заголовке.

1) В отражение интересов благонамеренных граждан мира и для обуздания злонамеренных — правительства всех стран обязывались восстановить боевые воздушные флоты и постоянные армии.

2) В интересах процветания товарообмена, устанавливались особые пути следования коммерческих судов, патрулируемые боевыми флотами, а в пунктах разгрузки и нагрузки — обеспеченные подземными крепостями от всякого покушения со стороны пиратов, причем:

а) всякий добропорядочный торговый корабль обязан был следовать указанным путем не выше 20 метров над горизонтом торгового тракта, а всякий, прибывающий с высоты, считался существующим „вне закона“.

б) Город, община или селение, оказавшие гостеприимство таковым (прибывшим не по тракту), считались соучастниками оных, и подвергались либо полному уничтожению, либо (если будут признаны смягчающие вину обстоятельства) соответственной экзекуции.

3) Строительство воздушных кораблей объявлялось правительственной монополей, а владение оными — правом лиц и компаний, получивших на то законное разрешение,

Приложение: частные верфи и заводы могли продолжать свое существование на тех же условиях (приблизительно), как некогда существовали в России частновладельческие винокуренные заводы при введении винной монополии.

4) Расходы по содержанию надлежащей охраны и постройке многочисленных подземных крепостей покрываются специально для этой цели взимаемыми пошлинами с грузоотправителей и грузополучателей.

5) Ввиду возможности (из-за вздорожания воздушного фрахта) возобновления перевозки товаров по поверхности суши и моря, железнодорожным поездам и океанским пароходам рекомендуется собираться в караваны, которые (за определенное вознаграждение) будут конвоироваться отрядами воздушного флота, ограждающими их от всяких случайностей в пути.

И т. д., и т. д.

Почтенные знатоки международного права, поймав руководящую идею, ухватившись за ниточку, конечно, не затруднились замотать ее в такой клубок, разрубить который было бы по плечу разве что Александру Македонскому.

Сам профессор Мартенс, прочтя договор в окончательной его редакции, воскликнул: — „Ныне отпускаеши!.. Лучше мы ничего не напишем!..“

Но был человек, который не удовлетворился этим трактатом.

Это была „Король Нибелунгов“, говоривший некогда, что идет умирать за „право каждого быть самим собою“.

И когда имперский канцлер докладывал ему о результатах работ конгресса, он перебил его на самом интересном месте не то гневным, не то скорбным возгласом:

— Вздор!.. Не то!.. Так я и думал!..

— Осмелюсь доложить, — проговорил старый дипломат, почтительно склоняя голову, — что, вероятно, по моей вине, основная идея нового международного законодательства, тот исходный пункт, который был нами принят, остался неясным для вашего величества.

Не скрою, что все эти параграфы и примечания к ним только затемняют дело, но ведь так нужно! — Без этой скрупулезной регламентации невозможно никакое мировое соглашение! — Суть же настоящего (для вас) может быть формулирована в двух кратких положениях, которыми мы руководились: — *Primo* — большинство и поныне обитает на поверхности земли, дорожит благами жизни, готово принести все жертвы для поддержания порядка, выработанного тысячелетиями; большинство, особенно сплотившееся перед лицом общей опасности, это — реальная сила, на которую мы всегда можем опереться. — *Secundo* — меньшинство, взвившись к небу, потеряло связь с почвой, исповедует принципы анархии, но, конечно, легко может быть обуздано подавляющим, тесно сплоченным большинством. Кажется, я выразился достаточно ясно, но, разумеется, был бы счастлив осведомиться об ином способе разрешения дилеммы, буде таковое имеется...

— Так... так... — перебил его собеседник. — Все — как по нотам... А помните ли вы то время, когда без различия званий, состояний и даже национальностей собирались под моим знаменем первые „Нибелунги?“ — Разве сила, организация, само „большинство“ не было против нас? Но мы — победили!.. Стадо буйволов может затоптать спящего льва, но горе им, если он вовремя проснется!.. Вы думаете, в сотнях миллионов пресмыкающихся найти надежную опору против сотен тысяч орлов? — Напрасная надежда!..

— Но... ваше величество... что же вы сами предложили бы для борьбы с надвигающимся бедствием, если наше решение вас не удовлетворяет?..

— Ничего!.. И если бы долг чести не удерживал меня на моем посту, я... был бы с ними!.. Возможно, что первое время успех будет на вашей стороне, — про-

должал он с каким-то мрачным вдохновением, — возможно, что вам удастся подрезать им крылья... Но... ведь, крылья отрастают!..

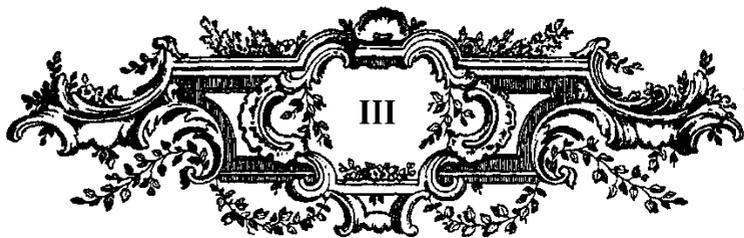
— Соединенные усилия и планомерная деятельность всех правительств мира... Что могут противопоставить им разрозненные разбойничьи шайки?..

— Ага! Вот когда вы сказали настоящее слово — „разрозненные“!.. А если они объединятся?.. А если Царство воздуха пойдет войной, настоящей войной, на Царство земли?.. И если война будет на жизнь и смерть, то кто окажется победителем — трусливое большинство, прикинувшее к земле, или отважное меньшинство, поднявшееся над нею?.. — Рабы всегда были в большинстве, но никогда не господствовали!..

— Ваше величество... можно подумать...

— Думайте, что хотите, утешайтесь мыслью, что, Бог даст, и они тоже „думают“... Старайтесь не допустить их объединения... Это — главное... Может быть, на ваш век и хватит этого раздумья и розни...

**Начало борьбы. — Wagon von Deutschkopf. — Против
анархии. — „Прискорбный случай“.**

По всему лицу земли закипела работа.

Странная работа! — Миллиарды готовились обороняться (!) от нападения тысяч. — Сама эта идея не была ли залогом поражения первых и торжества последних?

Человечество, рванувшееся к небу, утратило своей дерзости и снова прикикло к земле... Воздушные корабли, которым, казалось бы, никакие пути не были заказаны, шли определенными трактами, так низко, так низко над землей, что вершины могучих дубов грозили им крушением, встречали их негодующим ропотом...

Да что дубы!.. — Тощая, жесткая осока, и та глумилась над ними: — „Я, корнем моим тесно привязанная к земле, тянусь вверх; истощая свои силы, рвусь к небу, к солнцу, к свободе, дальше от моего болота, от его слизняков, жаб, лягушек и даже мошкар, уже поднявшейся над ним... — А вы?.. — рады были бы зарыться в нем!.. Жабы! Жабы!.. Прирожденные пресмыкающиеся!..“

Но не понимали люди ни говора могучих дубов, ни шелеста слабой травы... Негодующий голос природы не находил отзвука в их сердце, полном только одной

жажды — жажды наживы, жажды личного благополучия, руководящегося правилом — „урвать что можно, а там — хоть потоп!..“

И, казалось, прав был венценосный герой, родившийся не то на несколько столетий позже, не то на несколько столетий раньше, чем следовало, сказавший:— „Тешьтесь!.. может быть, на ваш век хватит!..“

При новых условиях „Пираты воздуха“ изменили свою тактику.

За отсутствием дичи в воздушном царстве они оказались вынужденными охотиться за ней на поверхности земли.

Конечно, не на „трактах“ (хотя и тут иной раз происходили жестокие битвы с конвоирами), но, главным образом, в стороне от них, в городах и селениях, не имеющих охраны.

Являлся отряд и требовал контрибуции, угрожая уничтожением. — Что было делать? — Сопротивление, при отсутствии боевого воздушного флота, было бы безумием, самоубийством (а „они“ никогда не задумывались привести свою угрозу в исполнение)... — Вывать о помощи? — Но много ли надо было времени, чтобы смести с лица земли тех, кто бы осмелился на такой поступок? — В большинстве случаев платили беспрекословно... — А на полученные деньги всегда можно было, в другом глухом месте, получить все необходимое, под той же угрозой...

Тщетно пытались боевые флоты великих держав разыскать и уничтожить самые гнезда хищников — земля оказывалась слишком огромной, чтобы возможно было покрыть ее достаточно густой сетью агентов, а без этого для „пиратов воздуха“ оставалось довольно таких мест, где, хотя бы на время, они чувствовали себя вполне спокойно.

По существу, это была даже не война, а лишь попытка бойкота царей воздуха рабами земли...

Правило, гласившее, что „город, община или селение, оказавшие гостеприимство (вообще вступившие в сношения с воздушными пиратами), считаются соучастниками оных, и подлежат уничтожению“ — применялось с неумолимой жестокостью.

Часто страдали невинные, но... лес рубят — щепки летят...

Настоящее имя „барона“, с которым читатели имели случай познакомиться в *Café Motretout*, было Сергей Петрович Дьячков, и в жилах его не текло ни капли немецкой крови.

Будучи студентом последнего курса рижского политехникума, он оказался одним из первых иностранцев, откликнувшихся на гордый призыв императора Вильгельма и вступивших в ряды Нибелунгов.

Блестящий ум в соединении с физической силой и ловкостью, при железной воле и врожденном даре командования, не могли остаться незамеченными. Во время непродолжительной, но жестокой войны за освобождение народов из-под ига „Царицы Мира“, имя его прогремело по всему свету, а к моменту всеобщего разоружения он был начальником целой эскадры, любимым адмиралом „Короля Нибелунгов“, командовавшего воздушными силами союзников.

Что касается прозвища, то он вывез его из Риги, где однажды, в горячем споре, любимец молодежи, профессор Иван Дмитриевич Пантелеев, заявил, что у него вовсе не славянский склад ума и характера, что это „не Дьячков, а Дейтшкопф, да еще и не простой, а из баронов!“ — и закончил предположением, что Сергея Пет-

ровича какой-то хитрый чорт в детстве подменил покойником из склепа Митавского замка. — Товарищи много смеялись над таким выпадом, но не могли не признать меткости сравнения, и кличка оказалась плотно привешенной, а в дальнейшей карьере превратилась в боевую кличку, *nom de bataille*.

Не только современники, знавшие о нем лишь понаслышке, но даже и люди, хвалившиеся близким знакомством с этим человеком, давали о нем самые разноречивые отзывы: — Выходец из могил средневекового рыцарства. — Воин-гражданин далекого будущего. — Романтик, живущий сердцем. — Реалист, слуга холодного расчета. — Полагающий душу свою за единого из малых сих. — Способный, не моргнув глазом, быть свидетелем гибели всего человечества. — Воплощение страсти. — Идеал бесчувственной машины...

В этих оценках не было „золотой середины“, но только крайности, которые... *qui se touchent*... (сходятся)

Только настоящие друзья, бывшие боевые товарищи, знали кое-что подлинное, скрытое на дне его души, и вот почему, ни на мгновение не задумавшись, они раскрывали перед ним свои планы, заранее уверенные, что, если даже он будет не с ними, а против них, то уж, во всяком случае, не продаст и не выдаст! — И вот почему, с горечью, но без гнева и раздражения, Симидзу сказал свое — „Не поминай лихом!“ — а Ван Дрюйер заявил — „Ты придешь к нам и будешь тот, которого ожидали!“

Эти знали, с кем имеют дело, знали, может быть, лучше, чем сам он, всегда хвалившийся строгой обоснованностью принимаемых им решений...

Барон (будем называть его так) шагал из угла в угол своего кабинета, и странные мысли — не мысли, а какие-то образы вставали перед ним, плыли несвязной чередой.

В сумерках особенно часто случается, что вдруг картины прошлого так ярко, так отчетливо воскресают в памяти... и не все, а лишь те, которые важны и нужны... — Многое из того, что когда-то хотелось твердо и навсегда запомнить, — забывается, кажется вздором, а вот какие-то пустяки, внезапно всплывшие из тьмы забвения, — волнуют, тревожат... что-то подступает к горлу... что-то застилает туманом глаза... но в этом тумане только яснее видишь...

Безумный восторг гимназиста при чтении манифеста Эдуарда VII — „Мир всего мира!“... Не будь он по природе „Дейтшкопф“, он тогда же сбежал бы волонтером в эти „священные дружины!“ — Обман! — Все оказалось обманом!.. — Новый подъем духа — призыв „Короля Нибелунгов!“ — Тут он не выдержал. — Он был уже совершеннолетним, и мог располагать самим собою!.. — Вспомнился старый профессор Пантелеев, в семье которого он был своим человеком, его слова: — „Что Эдуард? Что Вильгельм?— силою вещей не придут к одному концу — к тому, чтобы сильная организация господствовала над слабой организацией. — Куда лезете? На какой рожон, и чего ради?“ — Но разве можно было, в то время, слушать такие слова без гнева?.. — И еще помнит он (так хорошо помнит) маленькую Верочку, еще не надевшую длинного платья, которая благословляла его на „великий подвиг“, и плакала горькими слезами потому, что ни она, ни ее брат Федя

не могли следовать за ним „на службу человечеству“ из-за себялюбивой мании отца, этого „тирана“, не задумавшегося даже полицию предупредить о возможности с их стороны попытки к бегству...

— Как глупо! — для самого себя неожиданно, вслух промолвил барон. — Тут дело, а в голову лезет какая то дрянь...

Но не было сил отвязаться от этой „дряни“.

Он не мог не вспомнить, не пережить вновь того волнения, с которым, работая в подземных верфях Вестфалии, он получил (каким трудным, каким окольным путем) маленький крестик, вырезанной на нем надписью: — „Спаси и сохрани!“

— Да нет! Не то! Совсем не то! — сердито отмахивался он...

А неумолимая память нашептывала: — Как не то? Разве не помнишь, как в бою над Глазгоу ты подносил руку к этому крестик, надетому на шею, как ты шептал: — „Господи! Спаси и сохрани!“

— Было! Было! Но... — Отвяжись! — Прошло и забыто, основательно забыто!..

Не сумерки только так — (выражаясь грубо) „растормошили“ этого человека, перед непоколебимостью решений которого преклонялись все его окружавшие... (Одни — с ужасом, другие — с благоговением, но преклонялись — все).

Когда, согласно пунктам трактата „великого конгресса“, восстановлены были военные (воздушные) флоты и постоянные армии (на поверхности земли) — „Барон“, верный слову, был одним из первых, предложивших свои услуги для борьбы с нарождающейся анархией.

Это была тяжелая служба, особенно тяжелая потому, что в основе своей являлась оборонительной.

Инициатива нападения всегда была в руках этих разбойничьих шаек, неизвестно откуда появлявшихся, и неизвестно куда исчезающих.

Редко, очень редко, решались пираты нападать открытой силой, а одно имя „Барона“ было почти всегда верным обеспечением каравана, который он конвоировал.

Было ли это следствием славы его непобедимости, или... просто прежние боевые товарищи не хотели (по старой дружбе) встречаться с ним?

— Как знать?..

Сам он не раз задумывался над этим, да и теперь странная мысль опять пришла в голову: — „А что, если найдется человек, который объединит их? Ведь и сейчас, *de facto*, нападают они... — Что, если они поймут все преимущество такой позиции, сознательно перейдут в наступление?..“

Но досадливое воображение отрывало его от обдумывания вопросов высокой важности, рисовало перед ним картины прошлого... уже недавнего. — „Это“ случилось всего несколько дней тому назад.

Тайные агенты донесли правительству, что какая-то деревушка в горах Шварцвальда не только приняла у себя отряд пиратов, но даже снабдила их огромными запасами живности и свежей провизии, конечно, за щедрую плату, хотя для видимости было симулировано насилие. По счастью, простодушные горцы плохо разучили свои роли, и высокоопытным чинам следственной комиссии не стоило никакого труда вывести их на чистую воду.

Важнее всего было то, что уличенные, прижатые к стене, деревенские старики не только не проявили чистосердечного раскаяния в содеянном преступлении, но даже позволили себе высказывать суждения о спра-

ведливости или несправедливости действующих законов...

— Почему я не имею права продать моих запасов человеку, который дает за них хорошие деньги?

— Но эти люди — враги общества!

— Какие же враги! — За все заплатили, никого пальцем не тронули, солидных людей пивом угостили, а молодежи подарков надавали... — Нет!.. Это вы напрасно!.. „Общество“ очень ими довольны...

— Да не о вашем обществе речь! — гневно перебил старосту председатель следственной комиссии. — Они враги государства! Само правительство объявило их вне закона, а вы являетесь их сообщниками!

— Мы продаем — они покупают...

— Не смеее продавать! Вот если бы они перебили вас и захватили ваше имущество силой...

— Помилуй Бог! Лучше добром отдать...

— Не разговаривать! Скоро узнаете, что „лучше!“ Мятежники!..

Во внимание к дикости обитателей (смягчающее вину обстоятельство) приказано было не вовсе смести деревушку с лица земли, а лишь произвести некоторую „экзекуцию“ для искоренения вредных идей, в надежде, что, почувствовав над собою карающую руку, деревенские философы сразу одумаются.

Барон не участвовал в этой экспедиции. — Он вообще уклонялся от поручений подобного рода, а начальство, высоко ценя его способности, не навязывало ему их.

В данном случае его и не подумали беспокоить. — Полицейский аэромобиль, бросивший в деревушку несколько бомб, оказался достаточной силой, чтобы к начальству полетели самые отчаянные и смиренные мольбы о пощаде... Зато, для большего эффекта (а

может быть, и тайного страха ради — вдруг нагрянут пираты), правительственный комиссар отправился вершить суд и расправу, казнить и миловать, в сопровождении целой эскадры, предводительствуемой самим „Бароном“.

Как только они прибыли на место преступления, он сразу же узнал эту деревушку, сразу вспомнил...

— Да, да... конечно, здесь!.. — и суровое лицо воина, закаленного в боях, озарилось мягкой улыбкой...

Он вспомнил... — Это было?.. Кажется, в августе...— Эскадра возвращалась после долгого трудного рейс-серства, увенчавшегося редким успехом — посчастливилось выследить врага, найти одно из его убежищ (увы! — одно из многих...) и после жаркого боя — все уничтожить...

Им так приглянулась эта деревушка, прилепившаяся на склоне горы...

— А что, если бы остановиться ненадолго, поразмять ноги, выпить деревенского пива да закусить сыром на самом месте его производства? — предложил ему командир его флагманского корабля, тоже бывший „Нибелунг“, кавказец Ибрагим-Магомет Риза-Хан, больше известный под кличкой „Джигит“.

— Почему нет? Нам не к спеху...

Затрещал аппарат беспроводного телеграфа, — и не прошло получаса, как горная деревушка закипела жизнью.

Неожиданный пикник всем по душе пришелся. С дежурного корабля, парившего высоко в воздухе, и ежеминутно готового подать сигнал о тревоге, чуть покажется что-либо подозрительное (здесь ведь не

было подземных батарей, охранявших обычные места отдыха воздушного флота), не столько наблюдали за горизонтом, сколько глядели вниз, на главную площадь, где, под звуки деревенского оркестра музыкантов-любителей кружились пары, а в тени деревьев все увеличивалось и увеличивалось число белых пятен — вновь и вновь появлявшиеся столики, накрытые чистыми скатертями, за которыми расположились люди солидные.

— А вдруг мы — переодетые пираты! — шутил „Барон“, принимая кружку пенистого пива из рук хорошенькой Эльзы, дочери старшины, в виде особого почета, лично услуживавшей знаменитому гостю.

— Ну, так что же? Я бы не испугалась, если и пираты были такие учтивые кавалеры! — отпарировала девушка, кокетливо играя ножкой, обутой в черный чулок и туфельку с блестящей серебряной пряжкой.

(Из-под короткой красной юбки нога была видна почти до колена).

— А если мы вас похитим?

Но в ответ она так задорно, так лукаво смеялась, как будто даже и похищение не казалось ей особенно страшным...

— Да ведь не я похищу! — в том же тон продолжал „Барон“. — Я старый пес, и вы меня, конечно, под башмак уберете! А вот он — страшный „Джигит!“ — По их закону, у него уж есть четыре законные жены, а вы будете пятой, незаконной!

— Видал, как врет! — отозвался Джигит...

Но Эльза не потерялась.

— Пятая? — И отлично! — заявила, она. — Значит, всем четверем — развод, и я буду — первой...

— ...И единственной... — не сдержался кавказец, но тотчас же добавил: — Если будешь!..

Все так смеялись... И в самом деле, было превесело...
Да... да... все это он живо вспомнил, еще только спускаясь к деревне...

Они шли по безлюдным улицам, направляясь к домику, носившему громкое название ратгауза. — Хотя бомб было брошено только „несколько“, но, несмотря на все старания обывателей, безропотно покоровшихся своей судьбе, из всех сил старавшихся приготовить высоким гостям должный прием, — всюду видны были следы разрушения... Трупы, конечно, успели убрать, и даже лужи крови были присыпаны свежим песочком, но именно эти-то пятна и бросались в глаза своей свежестью...

Внезапно „Барон“ чем-то заинтересовался, отделился от торжественного шествия и свернул во двор полуразрушенного дома... Предмет, привлечший его внимание — была нога в очень высоком черном чулке, обутая в черную же туфельку с серебряной пряжкой, торчавшая из обломков... Она казалась совсем живой, такой изящной, так заодно вытянувшей своей узенький носок... Подойдя ближе, он понял: — это был обрывок человеческого тела, который не доглядели, не успели прибрать... Нога, несомненно, женская, оторванная выше колена... А черный чулок, который казался таким высоким, каких в деревнях не носят, это была сплошная масса мух, жадно накинувшихся на добычу... Не сразу догадавшись, он наклонился, и в лицо ему ударило отвратительным трупным запахом, а потревоженные мухи черной тучей, с сердитым жужжанием, закружились перед глазами...

Даже теперь... только вспомнив об этом, он болезненно передернул плечами, словно ежась от холода, а

тогда... он чуть не упал, услышав за спиной не то растерянный, не то недоумевающий возглас: — „Скажи пожалуйста!.. Совсем ее нога!..“ — Это говорил Джигит, неотступно следовавший за Бароном в тех случаях, когда полагал, что любимому начальнику может угрожать опасность.

И все оказалось сплошным недоразумением, вызванным чрезмерным усердием агентов тайного надзора. — Никакие пираты никогда не заглядывали в деревушку.— Единственная воздушная эскадра, навестившая ее — это была его собственная эскадра, под его личным начальством!..

— Прискорбный случай!.. — вспомнилась ему фраза правительственного комиссара.

— Хорош „случай!“ — говорил он сам себе.

И этот человек, не исповедовавший никакой религии, но жадно, всей душой, всем сердцем веровавший в Творца вселенной, Всеведущего и Всеблагого, близкий к отчаянию, взывал к Нему:

— Верую, Господи! — помоги моему неверию!.. Манифест Эдуарда, призыв Вильгельма, наконец — эта борьба против надвигающейся анархии — все по завету Твоему, все во имя блага страждущего человечества!.. — А в результате — никакого облегчения! Все новые и новые муки! Все хуже и хуже!.. Или Ты отступился от нас? Или здесь, на земле, „Князь мира сего“ сильнее Тебя?.. Куда Ты ведешь нас? Укажи нам путь Твой, путь истины!.. Если мы — образ Твой и подобие Твое — нельзя же так глумиться над нами!.. Если же нет — ко мне „Князь мира сего!“ — Сделаем счастливыми смертных! — Не будем думать о бессмертии!..

Хорошо придумано! — Тот, которого ждали.

Сумерки сгущались; в кабинет стало почти темно, а он все еще ходил порывистыми шагами из угла в угол, обуреваемый тяжелыми думами, чувствуя себя на порог какого-то решения, к которому толкала его неумолимая сила вещей...

Резко задребезжал звонок телефона.

— Я слушаю. Откуда говорят?

— Не узнаете по голосу? Если ничем не заняты, заходите поскучать за рюмкой вина...

— Благодарю очень... Непременно...

Все это были условные фразы, означавшие: — „Министру необходимо вас видеть немедленно. Ждет на дому“.

— Простите, адмирал, что вас побеспокоил, и дослушайте до конца, раньше, чем начать сердиться. — Вы ведь хорошо знаете, до какой степени положение натянуто, как мало уверенности в том, что в любом задушевном разговоре за словами преданности не скрывается предательства... Мы живем в такое странное время. — Будем надеяться, что оно переходное, что вскоре же труды наши увенчаются успехом, и все изменится к лучшему. Основная причина малоуспешности нашей борьбы со злонамеренными элементами, — это невозможность захватить главарей движения, ко-

торые, не решаясь выступить открыто, искусно руководят им, хотя не из „подполья“ (как говорили раньше), а наоборот — из „поднебесья“...

И он засмеялся, видимо, весьма довольный своей остротой.

Барон слушал молча, по опыту зная, что подавать реплики, пытаться остановить поток министерского красноречия — значило бы только подливать масла в огонь и дать повод к новому ряду закругленных фраз.

К тому же, он чувствовал себя таким усталым...

— Я подумал, что в таком деле единственный человек, на которого можно положиться, это — вы, если только вы лично за него возьметесь...

Барон, до сих пор слушавший краем уха, насторожился.

— Этот фон Кранц, про которого положительно затрудняешься сказать, какое высокое положение более соответствует его талантам (виселица или кабинет министров?) — сотворил почти чудо...

— А именно?

— Он как-то втерся в их компанию, помог им организовать, убедил их устроить „слет“ для выработки общей программы действий, и — в результате — мы можем прихлопнуть их всех разом...

— Фон Кранц? Бывший капитан „Бадена?“

— Он самый, никому другому это не могло бы удалиться!

— Я почтительнейше попросил бы дать мне краткую и точную инструкцию, — проговорил Барон.

— Ну, конечно, вы ее получите! — отозвался министр, явно недовольный тем, что его прерывают. — Вы знаете завод и главный склад „*Universal Generator's Company*“ близ Познани? — Да? Прекрасно. Так вот, именно там назначен слет предводителей шаек. Они

прибывают в строжайшем инкогнито. Совещания происходят в чердачном помещении здания главных цистерн, куда, из опасения взрыва по неосторожности, никто обычно не допускается. План — выработать соглашение, возмутить экипажи воздушных кораблей, прибывших за грузом *generator*'а (а их там всегда множество), вывезти огромные запасы его в какое-нибудь глухое место, и оттуда, как с базы, идти войной (настоящей войной!) против существующих правительств!.. Забыл сказать, что боевое снабжение почти обеспечено, а чего не хватает — надеются добыть аналогичным путем, открытой силой овладев слабо защищенными арсеналами...

— Чего же вы желаете собственно от меня?

— Их уничтожения...

— То есть?..

— Несколькими бомбами соответственной силы взорвать здание главных цистерн. — Остальные — сдетируют. Все, и сразу, будет кончено.

— Но ведь при этом взрыве на добрую милю кругом все живое будет уничтожено!

— Тем лучше, так как погибнут не только явные мятежники, но и те, которые еще колеблются, которые могли бы примкнуть к ним... Это будет жестокий, но спасительный урок... Поймите, что террор только тогда достигает цели, когда он действительно заслуживает своего названия!

— Но рабочие завода, их жены, дети, окрестное население?.. Разве они тоже виновны?

Министр пожал плечами.

-- Хотя бы заподозрены?..

— Уважаемый адмирал, я в свою очередь обращаюсь к вам с вопросом: — Возможно ли захватить (или просто истребить) всю милую компанию, послав для этой

цели войска? — Ведь, нет? — Ведь они выпорхнут из своего гнездышка при первой тревоге, и нашим молодцам придется спеть, как карабинерам Оффенбаха: — „*Nous arrivons toujours trop tard!*“ (“Мы всегда опаздываем!”) Я глубоко сочувствую вашему сентиментальному порыву, готов преклоняться перед ним (тем более, что не ожидал его от вас), но... что ж делать? Не пустить же их гулять по свету под страхом, что они не сегодня-завтра попытаются осуществить планы, подсказанные им Кранцем?..

— Так... так... И этот приговор — результат единоличного доноса г. фон Кранца о заговоре, им же спровоцированном?

Министр поморщился.

-- Ну... знаете... в таких делах... нельзя же требовать протоколов... И зачем это громкое слово „приговор“? — Просто, случился взрыв... Ведь рассказывать, как и что, некому будет... Потому-то я и обратился к вам лично...

— А Кранц?.. — спросил Барон.

— Вы забыли, что он будет с ними... — засмеялся его собеседник, — так что и на его молчание можно положиться... Остаемся — вы да я... Впрочем, мы попусту теряем время, а действовать придется (конечно, если вы принимаете на себя поручение), сегодня же.

— Значит, надо торопиться?

— Не слишком, но все же. Согласно последнему донесению Кранца, ждут только Ван-Дрюйера (а ведь это и есть самая крупная рыба!). Общее собрание назначено в 8 ч. пополудни сегодня (или завтра, если Ван-Дрюйер запоздает); к этому времени (а, может быть, придется прождать и третью ночь) вам надо держаться поблизости. Когда на небольшом холме, к югу от главных ворот завода (вы помните местность?) около 9 ч. ночи загорится красный огонь — это сигнал — „все в

сборе“. — Тогда действуйте. — Сигнал будет подан Кранцем...

— Значит, он, хоть и предатель, но сознательно жертвует собой?

— Вот тоже! Наоборот — он уверен, что по его сигналу со всех сторон горизонта к заводу ринутся воздушные корабли, переполненные десантом, произойдет свалка, а тем временем он, на специально за ним присланном аэромобиле, успеет скрыться, и остаток дней своих проведет, наслаждаясь всеми благами жизни, конечно, подальше от арены его подвигов и под чужим именем... Это был его план, а мой, не правда ли, несколько проще?

— Безусловно!..

— Ну вот, мы и сговорились! Пусть меня обвиняют в самохвальстве, но я сумел выбрать человека, которому можно довериться! Знаете ли, что, говоря „вы да я“, — я ни на йоту не солгал? Даже император, и тот не посвящен в тайну! Остается Кранц, но этот — ненадолго! Ха-ха-ха!.. Итак?..

— Я отправляюсь немедленно на моем аэромобиле-одиночке. Тайна обеспечена. Ждите известий.

— А хорошо придумано?

— Так хорошо, особенно в отношении Кранца, что я боюсь, не будете ли вы сами следить за моим аэромобилем, чтобы своевременно уничтожить последнего свидетеля...

— Дорогой адмирал! Вы — сердцеведец! Вы подслушали мою самую сокровенную мечту! Но, увы! — она неосуществима!.. Если бы я сумел проследить за вами и уничтожить вас, — проще было бы самому выполнить ту задачу, которая теперь на вас возложена!..

— Вот это убедительно!

Они обменялись дружественным рукопожатием и расстались.

— Подозрителен!.. ой, ненадежен!.. — сам себе говорил один, только что проводивший гостя. — Но, впрочем, пусть сделает свое дело, а там — посмотрим...

— Какой глубокий цинизм и какое искреннее убеждение в своей правоте! — думал другой, собираясь в таинственную экспедицию. — А впрочем — посмотрим...

Человек, осторожно прокрадывавшийся между чахлых кустов ивняка, только что добрался до вершины пригорка, расположенного неподалеку от главных ворот завода, и, приоткрыв дверцу красного фонаря, робко обвел его лучом южную часть горизонта...

Тихий шелест сверху заставил его вздрогнуть и поднять голову. Какая-то черная тень повисла невысоко над ним, и что-то мягко хлестнуло по земле, совсем близко, почти рядом... Конец веревочной лестницы!.. Он жадно уцепился за нее и замер от радости, забыв, что надо делать.

— Ну? Что там? Ползи, чорт? Не то брошу! — прозвучал сверху сдержанный голос.

Он опомнился, бросил фонарь на землю и начал подыматься...

Аэромобиль, медленно кружась, взвивался выше и выше к облачному небу.

— Фон Кранц? — спросил воздухоплаватель.

— Барон! — восторженно отозвался подобранный.
— Вы здесь? Вы руководите? — Тогда — игра выиграна!..
— Не болтай вздора.— Все там?
— Все.
— Ван-Дрюйер?
— Тоже.
— Где именно?
— На чердаке над главными цистернами...
— Сам видел? Как мог пройти?
— Пароль „Ван-Дрюйер“ открывает все заставы...
— Хорошо!.. Покажи место, чтоб не ошибиться!..
Дважды, никем не зримые, они пронеслись над угрюмым зданием.

— Отлично. Теперь — знаю.

Аэромобиль стремительно ринулся кверху. Вот уж первая гряда облаков...

— А где же эскадра?— Торопитесь! Они могут заметить мое отсутствие, заподозрить опасность, скрыться...

— Поспешите же к ним, чтобы их успокоить! — прозвенело во тьме...

— Барон!.. Что такое?.. Зачем?..— лепетал предатель, внезапно оказавшийся повисшим над бездной...

Только чьи-то железные руки поддерживали его за вывернутые локти...

— Пощадите!.. Вернее слуги у вас никогда не будет!.. Приказывайте!.. Я исполню!..

— Передай Ван-Дрюйеру, чтобы меня ждали! Ты прибудешь к ним раньше меня...

Руки разжались... Дикий вопль прорезал заоблачную тишь...

— ...Я совершенно чужд ложной скромности, но, как честный солдат, должен сказать вам, что вы ошиблись

в выборе! — Командовать кораблями, отрядами, даже эскадрами — берусь! — Сумею! — Но быть чем-то вроде короля или президента — не могу, не сумею!.. — Неужто нельзя найти достойного? — говорил Ван-Дрюйер. — Для такого дела нужна настоящая голова! — понимаете? — *la tête*, а не „кокос“! — закончил он, хлопнув себя по затылку широкой ладонью.

— Однако же, добрый кокос легко прошибет любую голову! — неожиданно раздался в дверях чей-то незнакомый голос,

— Что? — Кто такой? — Откуда? — Измена! — Тревога! — слышалось кругом... Хватались за оружие...

— Стойте! Стойте! — заревел Ван-Дрюйер, восторженно вскинув к потолку свои могучие руки. — Стойте и радуйтесь! Он пришел! Пришел тот, которого мы ждали!

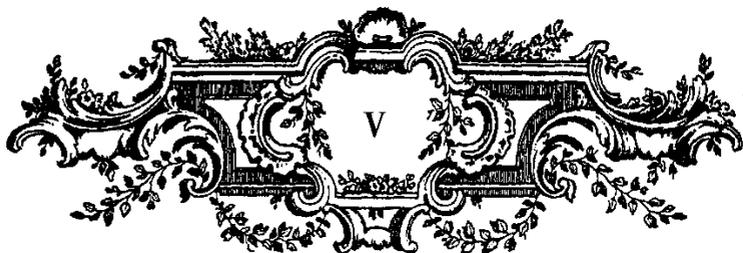
— Барон с нами! Банзай! Банзай! — крикнул Симидзу, спрыгивая с эстрады и бросаясь навстречу к новоприбывшему...

— Ну, да! Я — с вами! — заявил барон. — Но тише! — Нет времени для лишних слов! К делу, как было намечено! Сейчас же, не теряя ни минуты! Симидзу! — снять все окрестные телеграфные и телефонные станции! Ван-Дрюйер! — готовь боевую эскадру! Остальные! — по кораблям своим и чужим — грузитесь на спех! Несогласных — не надо! В плен — не брать! Живой души не выпускать из района завода!

Вспыхнули электрические огни. — Закипела работа...

Пришел тот, которого ждали!..

**Падение великих царств. — „Великий перелет“
народов. — Старый профессор. — Отец и дочь.**

Прежде разрозненные шайки пиратов, ныне объединенные могучей волей и принявшие гордый титул „Царей Воздуха“, перешли в открытое наступление.

Силы их, конечно, были значительно слабее мобилизованных военных флотов государств всего мира, на борьбу с которыми они решились, но зато на стороне их оказывалось неизмеримое преимущество — инициатива действий всецело принадлежала им.

Да не посетуют читатели, если на несколько минут их внимание будет отвлечено рассмотрением этого специально-военного вопроса.

Правительственные флоты и армии были, по самой природе своей, прикованы к поверхности земли, так как ценности, которые они охраняли от хищников, находились либо под ней, либо на ней, либо очень невысоко над ней. Передвижения этих сил, сосредоточение их на том или ином пути, в том или ином пункте — не могло быть сохраняемо в тайне, так как, благода-

ря широкому применению беспроводного телеграфа, не было ничего легче, как сообщить необходимые сведения депешей на условном языке.

В то же время — где и когда в своих тайных убежищах сосредоточивались силы „Царей Воздуха“? На какой пункт земной поверхности направляли они, в данный момент, свой удар? Каково число их воздушных кораблей должно было принять участие в экспедиции? Отчаянная атака в одном месте не являлась ли демонстрацией для оттяжки сил от того пункта, по которому этот решительный удар готовился? Вот вопросы, на которые за редкими (очень и очень редкими) исключениями вожди правительственных отрядов не могли иметь не только ответа, но и даже хотя бы сколько-нибудь обоснованной догадки.

Поставить каждую пядь суши под надзор агентов? — Но ведь это значило бы все человечество завербовать в полицейскую службу! Да и того не хватило бы!.. Закрыть пути сообщения в воздушном океане, окружающем землю? — Несбыточная мечта!..

Неумолимой силою вещей правительственные флоты и армии обрекались оборонительному способу действий, а этот способ, применимый в крепостях, в отдельных укрепленных пунктах, оказывался совершенно непригодным для обеспечения безопасности гигантских территорий современных государств... Все чудеса военной техники были направлены к разрешению основной задачи: — „в любом пункте иметь возможность успешно сопротивляться врагу, пока не подспеют подкрепления“. Но задача эта оказывалась неразрешимой, так как: во-первых, не было известно, какой именно пункт находится под угрозой, а, во-вторых, никто не знал, какими силами он будет атакован.

Часто случалось, что могучая эскадра, сосредоточившаяся в районе подземной крепости, готовая по первой тревоге ринуться на врага, присутствие которого подозревалось поблизости, — среди глубокой ночи получала по беспроволочному телеграфу ироническое извещение: — „Спите спокойно. Мы уже кончили, и не скоро сюда заглянем. — Пока ощипанные вновь не обрастут пухом. — Недалеко — 3-4 часа пути. — Справьтесь для донесения по начальству“.

Это подшучивали „Цари Воздуха“, возвращаясь после удачного налета, незримые в бездне ночного неба...

Бандиты не лишены были остроумия!..

Бесспорно, что с военной точки зрения система разбрасывания сил — наихудшая система, а потому, лишённые возможности охранять всю территорию государства, вооружённые силы правительств, вполне естественно, начали стягиваться к главнейшим пунктам страны, чтобы хотя бы их обеспечить от разгрома, тем более, что „Цари Воздуха“, перейдя в наступление, весьма охотно атаковывали слабо вооружённые позиции, и в этих случаях, видимо, гнались не столько за добычей, сколько за моральным успехом — нанести поражение „жандармерии тиранов“.

Между тем, налог на содержание „государственной охраны частной собственности“ взysкивался со всех граждан, пропорционально их личному имуществу, не принимая во внимание, где это имущество находится — в столице, в захолустье, в деревне... Равным образом и сборы с грузоотправителей и грузополучателей, взysкиваемые на местах, поступали в государственное

казначейство на организацию общегосударственной охраны, а не на охрану данной местности.

Провинциальные жители стали роптать.

Какой-нибудь хуторянин, с которого любой, случайно заглянувший к нему аэромобиль царей воздуха мог взять, шутки ради, любую контрибуцию, с полным основанием заявлял, что платить за безопасность „господ“ он не согласен! Что, если берут деньги — пусть дают действительную охрану всякому, кто исправно вносит налоги!

Обуздать чернь и разных „мелкопоместных“, конечно, было бы не трудно, но протест их был энергично поддержан и крупными помещиками, и богатыми общинами, и даже городами, которые считали себя обездоленными в пользу привилегированных местностей...

Всколыхнулись массы самого благонамеренного, самого консервативного элемента — людей среднего достатка, этой надежнейшей опоры всякого правительства...

Вопрос ставился ребром, и правительствам пришлось покориться. Принцип общегосударственной организации охраны был отвергнут. Восторжествовал (пока только в этом отношении) принцип полной децентрализации. Города, общины, группы частных собственников и даже отдельные лица получили самое широкое право самообложения и расходования получаемых средств на самооборону.

Не трудно догадаться, к чему это привело.

Богатый город, имевший собственную воздушную эскадру, собственную милицию (а иногда и постоянное войско), опоясавшийся собственными подземными батареями, содержа все это на свой счет из доходов от собственной промышленности и торговли, — если и

терпел присутствие правительственного чиновника (градоначальника или губернатора), назначаемого центральным правительством, то единственно... по традиции, чтобы не ссориться с метрополией, от которой он почти ничего не получал (кроме указов и циркуляров) и которой почти ничего не давал.

Город меньшего значения, в той же мере, освобожден от влияния своего крупного соседа, а в захолустьях — просто силою вещей население разделилось на рабочих, просивших охраны, и на воинов, взявших на себя обязанность такой охраны, с условием, чтобы первые работали за них. Надо ли говорить, что вскоре же это равенство в обмен труда нарушилось? Люди огня и железа ценили свою кровь дороже трудового по-та, и требовали, чтобы оберегаемые работали не только „за них“, т.-е, выполняли бы их долю труда, но „для них“, т.-е, своим трудом давали бы им больше, нежели сами они могли бы заработать.

В общем, этот период жизни человечества очень напоминал собою так называемую эпоху господства феодализма, но только теперь, благодаря беспроволочному телеграфу и телефону, фантастической быстроте перемещения из одного конца света в другой, чудесам техники в деле созидания и разрушения — в руках современных феодалов были такие средства, о которых и не снилось их далеким предкам, которые, одевши латы и шлем, вооружившись мечом и копьем и сев на боевого коня, пускались странствовать по белу свету в поисках славы и богатства.

Если в средние века разные бароны, фюрсты, вольные города и проч., и проч., и проч... воевали между собою, заключали договоры и нарушали их, вовсе не заботясь о том, что скажет по этому поводу их сюзерен, с которым они связаны только... рыцарским словом, а,

по существу, всегда могут посадить его на мель, не явившись в критический момент, под его знамена „людны, конны и оружны“, — если такими свободными чувствовали себя люди, ограниченные в скорости передвижения ходом коня, а в дальности личных переговоров — силой человеческого голоса, — то при современном укладе жизни это врожденное чувство независимости неминуемо должно было проявиться еще ярче.

Ведь какой-нибудь Лайбах (Крайна, Австро-Венгрия) мог так легко и совершенно самостоятельно договориться о своих делах с Бана-Бланка (Аргентина), вовсе не прибегая к посредству патентованных дипломатов, заседавших в Вене и в Буэнос-Айресе?!..

Нельзя не признать, что если главы государств, *de facto*, превратились в сюзеренов, у которых было больше почета перед их могучими вассалами, нежели действительной власти над ними, то, так называемые дипломаты сошли на роль... людей, посвятивших себя изучению благородной науки — геральдики...

В ней, в этой „благородной науке“ только и продолжали еще существовать великие царства. На деле, в жизни, они сами собой упразднились...

Мир возвратился к древнему, полузабытому строю — весь разбился на крошечные республики и монархии, среди которых Сан-Марино и Монако, являвшиеся мишенью для остроумных болтунов конца XIX века, вовсе не третировались как „недостойные величины“.

— А что же делали в это время пресловутые „Цари Воздуха“? — спросят читатели. — Или, закончив возложенную на них миссию, они слились с массой?

Отчасти да, отчасти нет.

Многие из них вошли в ряды наемных войск, служа по контракту и честно его исполняя, как средневековые ландскнехты, рейтары и т. п...

Иным же так полюбилась их жизнь „вне закона“ (вроде сечевиков-запорожцев), что они пожалели расстаться с ней, сохранили свои боевые братства и жили „вольными людьми“, организовавшись в какие-то военные республики.

По поводу оборудования их тайных резиденций ходило по свету немало легенд. Рассказывали, что в своих набегах они захватывают не только богатства, но и живых людей, обращаемых в рабство, что где-то в ущельях недоступных гор, на островах, затерянных в океане, чуть ли не в окрестностях полюсов земли, воздвигнуты дворцы, своим великолепием превосходящие сады Семирамиды, где собрано все, что может дать мир для неги и наслаждения, где происходят оргии, перед которыми побледнели бы безумства пиров Валтасара!..

Конечно, тут было много преувеличения, но много и правды...

Третью, и наиболее многочисленную категорию представляли собою „Цари Воздуха“, осевшие на землю, поделившие поверхность ее между собою, являясь в качестве верных защитников мирного трудящегося населения при условии признания их господства.

Произошло нечто подобное тому, что некогда уже было, в эпоху „великого переселения народов“, когда немногочисленные, но могучие завоеватели, истребив обветшалую, изнежившуюся и развращенную туземную аристократию, занимали ее место, и, слившись с массой коренного населения, образовывали множество мелких, но почти самостоятельных владений, которые в дальнейшем течении сплывались в государства. Так саксы поступили с англами; так норманны поделили между собой англо-саксов, а варяги заложили основы России.

Мы сказали „нечто подобное“ потому, что в данном случае нельзя было говорить о „тождественности“ явлений. Они слишком резко различались по масштабу. Тогда это было „переселение“, а теперь — „перелет“. Норманны завоевали Англию, но не имели физической возможности высадиться... хотя бы в Японии!.. и варяги не появились бы в Новгороде, если бы родиной их была Мексика... Теперь же дружина удальцов, составленная из уроженцев Канады, свободно могла искать себе „вотчину“ в Южной Африке, а удалым ярославцам не заказан был путь в Парагвай или Патагонию.

В первый момент разложения великих царств на составные элементы, вполне естественно, еще действовали, как бы по инерции, традиции, веками впитавшиеся в плоть и кровь человечества. Исчезли границы географические, — создались границы этнографические... Но и эти держались недолго. — Беспредельно эволюционируя, они изменялись из расовых в национальные, из национальных — в племенные, из племенных — в общинные, из общинных — в родовые... — Но как было разобраться в этих последних? — Бразилец, осевший в Кантоне и женившийся на китаянке, разве не являлся полноправным членом семейства, принявшего его в свою среду? — Некогда сабинянки предотвратили кровопролитие, грудью заслонив своих похитителей от сородичей, явившихся для мести, но разве не могли выполнить ту же роль француженки и англичанки, ставшие индусками и перуанками? — Такие случаи, несомненно, были.

Еще два слова о тех „Царях Воздуха“, которые остались „незамирными“.

Сведения об их образе жизни и даже о самом месте их пребывания были, как уже сказано, весьма смутны. Несомненным являлось лишь то, что ядро организа-

ции, присвоившей себе эту гордую кличку, продолжало существовать, и не только не имело ничего общего с отделившимися от него отрядами флибустьеров, но даже нередко выступало против них, неизменно следуя своей первоначальной программе.

В то время, как флибустьеры то нанимались на службу (совершенно не считаясь с тем, кому служить сегодня и кому будут служить завтра, т.-е. по окончании контракта), то предпринимали военные экспедиции на собственный риск и страх (попросту — жили разбоем), то, наскучив бродяжничеством, приобретали оседлость в роли завоевателей какой-нибудь общины или города, — настоящие „Цари Воздуха“ оставались верными себе, ведя постоянную войну со всякой попыткой централизации.

Самые невероятные истории рассказывались про их предводителя, про его непобедимость, неуязвимость, способность парализовать врага одним взглядом... Говорили, что он заключил договор с дьяволом и дал страшную клятву за себя и за товарищей — не слагать оружия, пока каждый человек не сделается королем в своем собственном доме, пока из всех видов подчинения не останется только одно — сознательное и добровольное. — Он считал себя призванным обуздывать всякое насилие.— Весь мир (передача известий была так легка, благодаря беспроволочному телеграфу и телефону) помнил его суровый ответ на жалобу какого-то разгромленного города: — „Только грабителей я граблю, разорителей разоряю, истребителей истребляю и рабовладельцев делаю рабами!“

Кто был этот странный человек, обладавший такою властью? — никто не знал достоверно. Кличек у него было много; его звали — „Неукротимым“, „Неумолимым“, „Мстителем“, „Заступником“, „Царем царей“,

„Гневом Божиим“. — Как его призывали? — тоже оставалось загадкой, но только он никогда не опаздывал явиться на призыв в должную минуту...

Суеверные люди утверждали, что, в виду его связи с дьяволом, достаточно было хоть мысленно произнести определенное заклятие, чтобы он услышал...

Всякому владению, самостоятельности которого угрожало возрастающее могущество соседа, он неизменно приходил на помощь, но истинным праздником для него были те случаи, когда его звали для содействия образованию новой вольной общины или города, решившихся выйти из подчинения своей метрополии...

В самом начале „эпохи падения великих царств“, Рига, увлеченная общим движением, объявила себя вольным городом, но — увы! — такое выступление оказалось преждевременным. Прибалтийский союз еще имел в своем распоряжении достаточные силы, и предприятие закончилось жестоким (как тогда было принято) разгромом... В те времена победа отмечалась полным истреблением побежденных, как во времена библейские... Та же участь ждала и обитателей Риги, предводители которых, в своем самомнении, даже и не подумали обеспечить себя могущественной поддержкой „Царей Воздуха“.

„Непобедимый“ узнал о неудаче смелого выступления из третьих рук, находясь где-то в Южной Америке, слишком поздно, чтобы предотвратить разгром, но своевременно для того, чтобы обуздать торжествующих победителей. „Неукротимый“ явился запоздалым „Заступником“, прикрыв щитом своим лишь кое-что уцелевшее, но, главным образом, выступил в роли

„Мстителя“... Свирепа была месть, но не вернула жизни погибшим...

Тяжкую потерю понес в этой борьбе заслуженный профессор рижского политехникума, Иван Дмитриевич Пантелеев. Среди истребленных милиционеров „вольного города Риги“ были и его сын, Федор, и муж его дочери, Веры, свадьбу которой праздновали всего несколько месяцев тому назад.

Отец и дочь, глубоко потрясенные катастрофой, решили покинуть родной город и переселиться в небольшое имение (на Волге, между Сызранью и Батраками), давно уже доставшееся им по наследству от какой-то не то двоюродной тетки, не то троюродной сестры, о существовании которой при жизни ее они даже не подозревали.

В самом деле — что, кроме тягостных воспоминаний, могла дать им Рига, лежавшая в развалинах? — Когда еще, в какой срок восстанет вновь из обломков родной политехникум? — Да и понадобится ли в нем старый профессор?..

А ей — что мог дать этот город, если бы даже он и возродился, как феникс из пепла?.. — Ведь это был бы новый город, а ее муж и брат погибли в рядах защитников свободы старого...

Они уехали спешно, почти бежали, не успев даже принять участия в триумфе „Царя царей“, ураганом смерти прошедшего по владениям насильников и, на развалинах городской ратуши Риги, провозгласившего: — „Пусть знают, что кто против Риги, тот против меня!.. Да воскреснет!..“

Шли годы. Иван Дмитриевич, отрекшись от профессуры, забившись в глушь, предполагал первона-

чально строго следовать примеру Цинцината, но — привычка — вторая натура — недолго выдержал. Мало-помалу кое-какие приборы, взятые с собой „на память о прошлом“, разрослись в лабораторию, при которой, вполне естественно, возникла и маленькая механическая мастерская, так как „не посылать же было в город за всяким пустяком“, который можно было бы исполнить в несколько минут самому, будь только под руками самые примитивные приспособления.

В своем отступничестве от принятого сгоряча решения — что „блестящий прогресс прикладных наук только увеличивает страдания человечества“ — он оправдывался таким рассуждением: — „Всегда найдется (и много найдется) ученых, готовых посвятить себя разработке и усовершенствованию средств и способов взаимоуничтожения, так как именно в этом направлении существует наибольший спрос, вызывающий усиленное предложение хорошо оплачиваемого труда.— Вправе ли я бороться с ними „неделанием“, самоустрашением? — Не лучше ли, признав воздушную войну, как существующий факт, не отворачиваться от нее с бесплодным, бездеятельным негодованием, но приложить все силы к смягчению ее ужасов? Ведь каждая спасенная жизнь, это все же — нечто“...

И с юношеским увлечением он принялся за работу. Его трудами сложные приборы управления воздушным кораблем, требовавшие первоначально значительного штата опытных воздухоплателей и самого напряженного внимания при обращении с ними, были, если можно так выразиться, автоматизированы. Погрузка и разгрузка производилась рабочими, проживавшими на поверхности земли в пунктах отбытия и прибытия, в пути же — экипаж самого большого транспорта не превышал пяти человек. Наконец,

наступил день, когда имя его прогремело по всему свету, и даже свирепые флибустьеры объявили, что отныне не только сам он, но и жилище его, объявляются неприкосновенными, причем (согласно обычаю тех суровых времен) пояснялось, что всякий, „помявший траву, ему принадлежащую, будет разметан так, что и на Страшном Суде не соберет костей своих!“

Триумф этот являлся вполне заслуженным.

Дело в том, что „generator“, совершивший мировой переворот, был веществом, крайне опасным в обращении. Не только снаряд, попавший в его хранилища, не только удар от столкновения двух воздушных кораблей, но даже слишком стремительный спуск на землю (вследствие повреждения или просто по неопытности) вызывали всесокрушающий взрыв. Легко представить себе те катастрофы, то несчетное число жертв, которые создавались этим его свойством! „Огонь жизни“, как его называли, был в то же время и „огнем смерти“, особенно в тех случаях, когда приходилось иметь дело не с неосторожностью, а с преднамеренностью.

Бой в воздухе начинался взаимоистреблением, но лишь только один из противников получал перевес, — оно переходило в одностороннее полное и конечное истребление слабейшего.

Ивану Дмитриевичу, в его изысканиях, удалось так переработать этот „благодетель и губитель“, что ни непосредственный удар, ни детонация от взрыва какого-либо другого препарата, на него не влияли. Он оказывался много безопаснее даже давно забытого пиронафта.

Деятельной помощницей в трудах старого профессора была его дочь, Вера, оказавшаяся чрезвычайно способной ученицей. Что касается ее усердия, то, ведь, в науке, в работах при лаборатории и механической

мастерской — там только она и находила желанное забвение ужасного прошлого.

Об этом прошлом они никогда не разговаривали между собою, словно страшась дотронуться неосторожной рукой до старых, но все еще болезненных ран. — Беседа ограничивалась событиями текущего дня, предположениями на ближайшее будущее, обменом мнениями по поводу результатов, достигнутых последними опытами, и обсуждением программы новых. — Чаще всего, в часы досуга, каждый брался за книгу, причем отец увлекался новейшими сочинениями по садоводству (он искренно привязался к своему фруктовому саду), а дочь перечитывала какого-нибудь любимого писателя или поэта XIX века — это были единственные отголоски минувшего, не возбуждавшие в ее сердце жгучей горечи.

— „А что есть истина? Вы знаете ли это? — Пилат на свой вопрос остался без ответа, но разрешить загадку — сущий вздор: представьте выпуклый узор на бляхе жестяной. Со стороны обратной он в глубину изображен; двояким способом выходит с двух сторон одно и то же аккуратно“, — неожиданно, вслух, прочла Вера и добавила: — Не правда ли, папа, оригинальная мысль?

Иван Дмитриевич, всегда радовавшийся случаю, когда дочь „выходила из своей скорлупы“, поспешно загнул недочитанную страницу, захлопнул книгу, трактовавшую о возможности акклиматизации мангустов в умеренных широтах, спрятал очки и спросил:

— Это что и откуда?

— Из „Дон-Жуана“ А. Толстого...

— Хм... не помню. Стихи не из важных. Даже не узнать Толстого. Мысль — ничего. Хотя Дон-Жуану, как будто, не по характеру...

— Да это не он говорит, а сатана в беседе с ангелами.

— А!.. Ну, черт, конечно, может говорить и „подлым стилем“ о предметах самых высоких, однако...

— Нет, ты послушай дальше: „Узор есть истина. Господь же Бог и я — мы обе стороны ее; мы выражаем тайну бытия: он — верхней частью, я — исподней. И вот вся разница, друзья, между моей сноровкой, и Господней“.

— Да... „сноровка“ — это тоже утрировано... Сатане не к лицу бы такой жаргон... Но сравнение меткое... Ты, собственно, почему же на нем остановилась?

— Видишь ли... — после недолгого молчания заговорила Вера, — это по поводу наших работ, т.-е. твоих изобретений и усовершенствований... Мне уже давно и часто приходила в голову мысль: что — зло? Что — добро?.. А вдруг нет ни того, ни другого, а просто лицевая сторона и изнанка одного и того же вечного узора. — Но, ведь, если узор — истина, если обе стороны узора от него неотъемлемы, то почему злодейство заслуживает наказания, а добродетель — восхваления?.. Ведь не чествуют же сахар и не проклинают горчицу, щелочь и кислота пользуются же в химии одинаковым уважением!..

— К чему ты ведешь?.. — проворчал профессор, не любивший метафизики...

— Все твои усовершенствования способов управления воздушным кораблем, наконец, этот „*neogenerator*“... Все это одинаково идет на пользу и тем, и другим, вернее даже — и на пользу и во вред, и что где перевешивает, чего и где больше? — еще неизвестно!

— Ага!.. Вот что!.. Продолжай, продолжай! — отозвался тот, видимо довольный, что разговор переходит на почву реальных фактов.

— Уменьшилось число гибнущих от несчастных случаев — одинаково — у тех и у других. Уменьшилось число жертв при нападении флибустьеров, но, ведь, и с их стороны уменьшились потери, а это значит, что им дается возможность с теми же силами предпринять не один, а несколько набегов!.. Отдельные междоусобные столкновения уже не носят такого ужасающего характера поголовного истребления, как раньше, но зато они участились и приобрели затяжной характер... — Что хуже?.. — Что лучше?.. — Кому ты служишь своими трудами — добру или злу? — В чьих интересах работаешь? — угнетателей или угнетаемых? Наконец — кто из них прав? Где истина? — Или она, действительно, только „узор на бляхе жестиной“, и результат, как говорит тот же сатана, „от точки зрения зависит“?..

— Ну, ну... вот ты опять оторвалась от жизни и метнулась в „горние сферы“! — Дело много проще. — Позволь высказать тебе несколько „ума холодных рассуждений и сердца горестных замет“. (Как видишь, и я кое-какие стихи помню). Разве ж когда-нибудь я претендовал на безнадежную роль преобразователя человечества, из которого основных черт его духовно-животного естества не вытравишь ни законодательством каких угодно палат, ни взрывчатыми веществами, выработанными какими угодно лабораториями? — Да никогда! — „Плюнь в глаза тому, кто скажет, что может объять необъятное“, — изрек Козьма Прутков, и он был прав... — если природа разных Петровых и Сидоровых такова, что без драки им жизнь не мила — бороться с этим инстинктом, в них вложенным, было бы... — просто глупо!.. Но в каждом отдельном случае я

могу (а значит, и обязан) прийти к ним на помощь, облегчить страдания отдельной личности, хотя признаю себя бессильным облегчить страдая человечества!

— Но, пока...

— Подожди! Дай кончить! — Ведь я тебя слушал? — Раньше, вместе с кораблем, в бою, при столкновении, при случайной катастрофе, гибло 20—30 человеческих жизней, а, благодаря мне, это число свелось к 5. Что ни говори, а это — заслуга. — Потом — „neo-generator“... — Опять-таки известное число Сидоровых и Петровых, в известный момент, сохраняются для их семей. — Пусть даже, если они продолжают свое рискованное ремесло, они кончат так, как им предопределено судьбой (кому суждено быть повешенным, тот не утонет), но тогда, в тот момент, когда им надлежало погибнуть, они уцелели, и уцелели благодаря мне! — Что могу — то делаю! — Этим надо удовлетвориться, а попытки „объять необъятное“ — оставить.

— Да нет же, папа! — Ты просто не хочешь понять меня, или делаешь вид, что не понимаешь!.. Ты пробуешь меня уверить, будто примирился на „смягчении ужасов братоубийства“, но, в душе, сам недоволен таким результатом своих работ!.. Ведь ты можешь!.. Придумай! Изобрети способ вырвать самое оружие из рук враждующих!..

— Ну, матушка, тут уж ты зарাপортовалась! — рассердился старик. — Бог я, что ли?..

— „Не бывать Батракам Сызранью!“ — Разгром.

— „Они самые!“

Не только в скромной усадьбе старого профессора, но по всему побережью южного изгиба Самарской Луки, господствовало необычайное волнение.

Как водится, многие утверждали, что давно это предвидели, даже предсказывали, и, тем не менее, событие всех поразило своей неожиданностью.

Батраки (когда-то жалкая деревушка) давно уже разрослись в огромный торговый центр и, не год, не два, тяготились своей зависимостью от Сызрани, которая, в качестве вольного города, имея собственную подземную крепость, обороняющую место стоянки ее воздушного боевого флота, и постоянное войско, господствовала над окрестным районом, охраняла его, но зато и собирала львиную долю его доходов. — Батраки, находившиеся на окраине этого района, не раз уже открыто заявляли, что им легче было бы у себя, на месте, завести и воздушный флот, и подземную крепость, и войско, сохранив с Сызранью союзнические, пожалуй, даже вассальные отношения, но все же обособиться, зажить своим хозяйством.

Казалось бы, что и Сызрани не было особых причин противиться такой автономии, так как экономически Батраки были достаточно сильны, чтобы, пригрозив

коммерческим воздействием, не позволить себя эксплуатировать слишком бесцеремонно.

На беду, „нутро“ русского человека за много сот лет сохранилось во всей его самобытности. — Как древние новгородцы кричали на вече: — „Не бывать Торжку Новгородом, ни Новгороду — Торжком!“— целовали крест на смертный бой, клялись жертвовать „всею рухлядью и животишками“, лишь бы согнуть в бараний рог зазнавшуюся вотчину, так и теперь сызранская дума уперлась на том, что „не бывать Батракам Сызранью!“

Известие о разрыве пришло ночью, а чуть заалело небо ранней весенней зарею, профессор с дочерью уже были на вышке своей усадьбы, оглядывая горизонт, прислушиваясь — не застучит ли приемный аппарат беспроволочного телеграфа, не шевельнется ли его лента...

Утро было на редкость погожее. Далеко, внизу, в просветах уже начавшегося клубиться предутреннего тумана, Волга поблескивала холодной сталью. Нежным ароматом тянуло от фруктового сада, раскинувшегося по скату к реке. Сливы уже отцвели, зато вишни стояли, как облитые молоком, и между ними, в призрачной дымке, слабо алели персиковые деревья, только что раскрывшие свои цветочные почки...

Тишь стояла невозмутимая...

— Как хорошо!.. — невольно сдерживая голос, проговорил Иван Дмитриевич, перегнувшись через перила вышки и жадно дыша всей грудью. — Как хорошо!.. Знаешь ли, Вера... я это сейчас вспомнил... Как чудно сказано у одного японского поэта: „Сакура ва хана де араимас“...

— Ничего не понимаю, — сухо отозвалась Вера, проверяя исправность телеграфного аппарата.

— Ну, ну... не сердись! Это значит — „Вишня умывается своими цветами“... Правда, красиво?..

Вера на своем аппарате дала такой разряд, который прозвучал в тишине, словно пистолетный выстрел, и всполошил еще дремавшее пернатое население сада.

— Не понимаю я, — нервно заговорила она, — как это ты можешь любоваться цветочками, когда с минуты на минуту там, — она указала рукой в сторону Батраков, — должна политься кровь, и люди начнут истреблять друг друга во всеоружии знаний, которыми... многими... ты наградил их!..

Профессор живо обернулся, хотел что-то ответить... Но как раз в это время застучал телеграф. Кровавый день начинался...

Вскоре уже можно было различить воздушный флот сызранцев, спешивший на усмирение непокорных. Ближе и ближе. С быстротой ветра, но невысоко, они пронеслись над усадьбой и черной стаей повисли над обреченным городом.

Отец и дочь, оба, забыв недавнюю размолвку, следили за телеграфной лентой, с тихим шелестом выходящей из аппарата.

Пока карательная экспедиция находилась в пути, это была какая-то абракадабра — очевидно, шифрованные сигналы — но по прибытии к месту назначения они заговорили общепонятным языком.

— „Именем Думы округа вольного города Сызрани требуем полной покорности!“

— „Чего вы хотите?“

— „Мы могли бы потребовать сдачи без условий, но Дума, во избежание напрасного кровопролития, готова принять выражение вашей покорности на самых мяг-

ких основаниях: — полная амнистия и забвение прошлого, если вы подчинитесь исстари принятому порядку“.

— „Разве наши требования признаны несправедливыми?“

— „Они отвергнуты Думой!“

— „Но право на нашей стороне! Мы платили метрополии во много раз больше, чем получали от нее, справедливость требует...“

Телеграмма была прервана мощными разрядами, очевидно, посылавшимися воздушной эскадрой.

— „В сторону вопрос о том, чего требует справедливость, и отвечайте на наше требование! В нашей воле — вас уничтожить!..“

— „Дайте время обсудить положение. Наша Дума должна сказать свое слово. Не ждали мы, что Сызрань будет грозить нам истреблением. Подождите немного. Начать разгром — всегда успеете“.

— „Наше решение неизменно. Сообщите ваше!“

— „Дайте обдумать. Дайте срок!“

— „Никакого срока!“

— „Хоть полчаса!“

Опять какая-то абракадабра — видимо, переговораются с Сызранью шифром — потом:

— „Хорошо! Идет на полчаса“.

Вера, не отрывавшая глаз от телеграфной ленты, в отчаянии заломила руки.

— Совсем, как в Риге! Как в Риге! — почти плача, говорила она. — Да разве же они сдержат свое слово? — Ловушка, и ничего больше! Либо — рабство, либо — гибель!.. Безумцы! Безумцы!..

— Тише! тише! — прервал ее Иван Дмитриевич, приникший к телефонному приемнику. — Мне кажется... Не может быть, чтобы они повторили нашу рижскую ошибку!.. Конечно!.. Ну, да... я слышу! — „Он“ никогда не опаздывает!.. Вот, вот!.. Слушай, Вера! Слушай! — „Держитесь, Батраки! не быть вам под Сызранью!“

Лента еще не шевелилась, но аппарат уже начал слабо потрескивать, неся откуда-то, из глубин воздушного океана, благовую весть...

Впрочем, теперь следовало уже не столько слушать аппарат или следить за его лентой, сколько смотреть.

Черные точки, все увеличивающиеся по мере приближения, пестрили нежную лазурь утреннего неба...

Маленькое отступление в область „воздушной тактики“.

Как в старину считались наилучшими приемами (разумеется, при наличии достаточных сил) обход или окружение, так и при господстве воздушных флотов, исходя и того же принципа, считали, что полное уничтожение врага обеспечено в том случае, когда на него удастся „накинуть сетку“ или взять его „под колпак“.

„Накрыть сеткой“ — значило повести атаку одновременно сверху и со всех сторон, расположив свои силы по поверхности шарового сегмента, внутри которого находился неприятель, „прижимая“ его к земле.

„Колпак“ — это была та же сетка, но такая густая, сквозь которую невозможен был прорыв даже отдельных кораблей, пытающихся спастись бегством.

Ясно, что этот последний прием был осуществим лишь при условии подавляющего превосходства в численности.

В данном случае, на сызранцев опускался „колпак“.

— Ах, чорт возьми! — восклицал Иван Дмитриевич, не отрывая глаз от бинокля. — Смотри, Вера, смотри!.. Никогда я не верил, что в руках у „него“ могут быть такие силы!.. Сказками считал!.. Гляди, как он их накрывает!..

Сразу оценив весь ужас своего положения, сызранцы метнулись, было, в сторону родного города, надеясь понизу добраться до своего „воздушного порта“, охраняемого подземными батареями, но, „колпак“ двигался с одинаковой с ними скоростью, все уменьшая высоту сегмента, все уплотняясь...

Загремели выстрелы... Закипел бой...

Самая ожесточенная схватка разыгралась недалеко от усадьбы, с вышки которой можно было невооруженным глазом наблюдать за всеми подробностями сражения.

Видно было, как подбитые корабли то, медленно кружась, спускались на землю, то, опрокинувшись и нелепо кувыркаясь, стремительно падали... Торжествующий победитель проносился над противником, потерявшим способность управляться, осыпал его бомбами, разрывал в клочья... Те, кто решили, хоть недаром, погибнуть (пощады не было), кидались, очертя голову, таранить. Иногда удавалось — и два воздушных чудовища, сплюсшившись в бесформенную массу, летели вниз... Порой около них глаз мог различить какие-то отдельные черные точки — вероятно, воздухоплаватели, выброшенные силой удара, или обломки...

— Папа, папа... — в ужасе шептала Вера, — ведь там люди... живые люди!..

Сам Иван Дмитриевич, в теории вполне ясно представлявший себе картину боя воздушных эскадр, наблюдал за этим зрелищем бледный, как полотно, едва переводя дыхание...

— Довольно, Верочка... пойдём, пойдём... — несвязно бормотал он.

— Видишь? Видишь, как ты их благодетельствовал? Ха-ха-ха!..— истерично смеялась та.— Они уже не боятся взрывов! Действуют без опаски!..

С этими — было покончено, и „Цари Воздуха“ двинулись на Сызрань.

В то же время над Батраками нависла и быстро спустилась вниз новая туча.

— Это что такое? Что ещё они выдумали? — тревожно спрашивал старый профессор.

Ждать разъяснения пришлось недолго. Не прошло и часа, как туча вновь поднялась над Батраками и понеслась к Сызрани, в стороне которой давно уже гремели неумолчные взрывы: — „Цари Воздуха“ бомбардировали город и воздушный порт...

Туча, оказавшаяся новой воздушной эскадрой, шла низко. С вышки усадьбы простым глазом можно было видеть, что это транспорты, тяжело нагруженные десантом. Главную массу составляла милиция Батраков, но были и корабли с отрядами профессиональных воинов— „люфтекнехтов“, как их называли современники; платформы многих кораблей щетинились задранными кверху жерлами полевых орудий, весело поблескивавших своей полированной сталью под лучами солнца.

Воздушный флот Сызрани был истреблен, но для довершения победы необходимо было овладеть его

цитаделью — подземной крепостью, защищавшей воздушный порт.

Взять такую крепость при посредстве одного флота считалось невозможным. Самая ожесточенная бомбардировка местности, на которой (вернее — под поверхностью которой) прятались тщательно замаскированные подземные форты, оказывалась мало продуктивной в смысле их уничтожения, так как, по необходимости, велась наудачу: для прицельного метания бомб необходимо было опознать противника, т.-е. приспуститься к поверхности земли настолько, чтобы иметь возможность определить — откуда, из какой точки стреляют (не так-то просто при бездымном порохе!), но уже задолго до этого момента, на тройной дистанции, обороняющийся, все время видевший врага, открывал по нему огонь и бил почти наверняка.

Действия воздушного флота против подземной крепости, при решительной атаке ее, ограничивались подготовкой штурма, самый же штурм вела по-прежнему пехота. В критический момент, когда воздухоплаватели, из опасения перебить своих, превращались в зрителей, жерла крепостных орудий, до того обращенные к небу, склонялись к земле и сеяли смерть в рядах наступающих; потери последних бывали огромны, но те, что достигали цели, ручными бомбами разрушали установки громоздких орудий, истребляли прислугу и овладевали укреплением, если... не натыкались на пехотное прикрытие, встречавшее их грудь с грудью... Тогда исход дела решался рукопашным боем, в котором с успехом применялись не только ручные бомбы, не только револьверы, но даже сабли и кинжалы, и, конечно, штыки — этот надежный инструмент, который столько раз кабинетными знатоками военного дела объявлялся сданным в архив.

В данном случае, сызранцы проявили во всем блеске ту самонадеянность и беспечность, которая, обычно, присуща людям, уверенным в своем неизмеримом превосходстве перед возможным противником. — Они „послали свой воздушный флот для обуздания непокорных“, но ни одному и отцов города и в голову не приходило мысли, чтобы под угрозой оказались не только сама Сызрань, но даже и ее цитадель!.. — В этой цитадели (образцово построенной) пушки стояли на своих местах, но форты ее не были мобилизованы. Даже батарейная прислуга, и та мирно проживала в комфортабельных городских казармах, оставив на позициях только незначительный караул. О пехотном прикрытии батарей, т.-е. гарнизоне цитадели, главную силу которого составляла милиция, — и говорить нечего... Господа милиционеры проводили время у домашнего очага или в своих конторах, магазинах и мастерских, глубоко убежденные, что отряды люфтбоксеров и ландскнехтов, посланные к Батракам, разрешат вопрос просто и скоро.

Неожиданное появление „Царей Воздуха“, уничтожение воздушного флота (не одного своего — тут были подкрепления, присланные Самарой и Саратовом), круто изменило настроение, вызвало полное замешательство, почти панику...

Как водится, в первый момент, всякое ответственное лицо, прежде всего, было озабочено мыслью: — „Как бы в ответ не попасть!..“ — заработали телефоны и телеграфы. Городской голова упрекал председателя комиссии обороны; этот, в свою очередь, сваливал ответственность на департамент внешних сношений, который якобы умышленно держал его в полном неведении о ходе переговоров; комендант цитадели требовал немедленного прибытия гарнизона, а командующий

милицией заявлял, что по плану мобилизации на сбор частей положено 8 часов; начальник артиллерии вызывал резервные парки, но ему отвечали, что едва приступлено к сбору перевозочных средств (частно-владельческих автомобилей и аэромобилей)... даже госпитали, и те не могли развернуться достаточно скоро, так как сестры милосердия раньше, чем спешить к исполнению своего гражданского долга, должны были исполнить свой долг по отношению к малолетним детям (своим или чужим), вверенным их попечению...

Все ссорились, пререкались, обвиняли друг друга... а время шло! Терялись минуты, десятки минут, даже часы!.. — когда дорого было каждое мгновение.

Очевидно, „Неукротимый“ заранее предвидел тот эффект, который вызовет его внезапное появление, заранее учел его и составил свой план действий.

Как только бой в воздухе превратился в бойню, главные силы его флота, предоставив специально назначенным отрядам добивать противника и безжалостно бросая собственные подбитые корабли, просившие о помощи (на поверхности земли, в случае вынужденного спуска, их немногочисленный экипаж попадал в руки врагов, не знавших пощады) — ринулись на Сызрань и, держась вне обстрела крепостных орудий, принялись за истребление хорошо видимых с высоты отрядов милиции и постоянных войск, спешивших в цитадели.

В результате — десанту, прибывшему из Батраков, пришлось одолеть только отчаянное, но безнадежное сопротивление постоянного гарнизона мирного состава крепости. Прибывавшие, от времени до времени, разрозненные, терроризованные кучки милиционеров вносили в ряды защитников больше деморализации, нежели поддержки... — они искали спасения...

К вечеру пал последний форт...
Беззащитная Сызрань лежала у ног победителей.
Ночи не было. — Звезды меркли в зареве пожаров...

Старый профессор давно уже спустился с вышки и, как сел на свое кресло перед письменным столом, так и застыл в неподвижности, весь охваченный тяжелыми, несвязными думами.

Глухие раскаты могучих взрывов потрясали стены дома; чудилось, что порою доносится издали какой-то гул — не то крики толпы, не то рев разбушевавшегося пламени; багровые отблески прорывались сквозь тяжелые, плотно задернутые оконные занавески...

В соседней, ярко освещенной комнате, где накрытый для обеда стол давно уже ждал хозяев, порывистыми шагами, заложив руки за спину и сумрачно сдвинув брови, ходила из угла в угол его дочь.

Оба молчали, чутко прислушиваясь к звукам, доносившимся извне...

— Матушка! Вера Ивановна! — ворвалась в столовую горничная Маня...

Прическа у нее растрепалась, рот был широко открыт, как для крика, но кричать она не могла, — видимо, горло перехватило со страху — и говорила сдавленным, прерывающимся голосом...

— Ну что? — спросила Вера, прекращая свою прогулку,

— К вам подбираются!.. Вовсе близко!.. Мельниково жгут!.. С горы видать!.. Агафья тамошняя — ягодица... помните, чай? — прибежала... простоволосая... Все в конец рушат!.. Мужиков, баб, девок — кого бьют, кого — в полон... Пропали мы... Ой! Пропали!..

— Ведь ты же знаешь, что нас не тронут! Ведь самые лютые изверги, и те нас объявили своими благодетелями! — странным, резким тоном, отчеканивая каждое слово, заговорила Вера. — Чего ж обезумела?

В кабинете что-то шевельнулось; какой-то, не то вздох, не то несвязное бормотание донеслось оттуда. — Он услышал и понял этот жестокий, незаслуженный упрек....

— То ж и Агафья... прибегла... укройте! — говорит, — ваше место свято!.. — А я... — Барыня! Милая! Спрячьтесь вы! Схоронитесь в саду!.. Нешто им, душегубам окаянным, верить можно? Али они крест целовали? Да и креста то, поди, нет на них?

— Нечего голосить! От судьбы не уйдешь! — сурово прервала ее молодая хозяйка. — И у разбойников совесть есть... да и объявили они, что всякого, кто пальцем тронет, в клочки разнесут...

— Знаю, барыня! Знаю, милая!.. Да нешто, ежели он пьяный... в угаре... Да пущай опосля того расказнят его, по косточкам разымут — толку-то что?..

Вера стояла мрачная и молчаливая. В кабинете царило безмолвие. Тиканье старинных часов слышалось особенно отчетливо, казалось необычно громким на фоне могучего гула толпы и грохота взрывов, доносившихся откуда-то издалека...

— Ай! Они самые! — дико взвизгнула Маня и, закрыв лицо руками, села на пол...

Через стеклянную дверь столовой, выходявшей на балкон, в отблеске зарева, охватившего небо, был отчетливо виден аэромобиль, который, медленно опускаясь и помаргивая своим огненным глазом, тихо кружился над садом, выбирая место, где бы удобнее сесть...

Огненный глаз скрылся в гуще кустарника...

„Тик-так, тик-так“ — отбивали часы...

Вот — шорох шагов по песку садовой дорожки...

Что это?.. — Как будто обтирают ноги о решетчатую настилку, положенную перед лестницей?..

Идут по ступеням... Смело, уверенно идут...

Много ли их? — не разобрать...

Что-то мелькнуло за дверью, которая тотчас же распахнулась, и в столовую вошли двое...

Впереди — среднего роста, слегка сутуловатый блондин с холеными усами и небольшой бородкой, поблескивавшей преждевременной сединой, а сзади него — гигант брюнет, заросший волосами от самых глаз, огромных, черных, полных какой-то свирепости, судя по тому взгляду, каким он окинул все окружающее...

Оба были одеты одинаково, в обычный интернациональный костюм воздухоплателей, но сразу же чувствовалось, что старшим является первый.

**Старый знакомый. — Анархия или индивидуализм?
— Мечта! — Признание.**

— Смею ли я... — заговорил старший, снимая фуражку (и в тоне его голоса слышалось странное сочетание властного приказа и застенчивой просьбы), — смею ли я надеяться встретить гостеприимство в этом доме?..

Маня все еще сидела на полу, закрыв лицо руками, зато Вера, гордо выпрямившись и сверкнув своими черными глазами, надменно ответила:

— Кто входит в чужой дом так, как вошли вы, тому нечего спрашивать!.. — Он сам хозяин! По праву сильного!..

— Скажи, пожалуйста, какой кара-гез! — не удержался гигант от восторженного восклицания.

— Молчи, Джигит! — дружески, но решительно остановил его первый. — Сударыня, — продолжал он, обращаясь к Вере, — вцепиться в волосы женщины — поступок возмутительный, но ухватить за косу утопающую — вполне дозволено. В данный момент мы весьма близки к подобному случаю, и если я почтительнейше просил вашего гостеприимства, то единственно потому, что не хотел вас обидеть предложением... моего... покровительства...

— Кто бы вы ни были!.. — гневно крикнула Вера, наступая на него. — Вы! — все можете!.. Можете — убить! — надругаться! — продать на рынке!.. Но не смейте!.. Так говорить!..

— Простите, сударыня... вы меня не поняли...

— ...Глумиться над беззащитными — позор! Позор — даже для бандита! — продолжала Вера, ничего не слушая...

— Сергей Петрович!.. Вы ли?.. Дорогой мой! — неожиданно раздалось в дверях кабинета.

Это говорил старый профессор, поспешивший на помощь дочери при первом же появлении незнакомцев в столовой, но почему-то остановившийся на пороге и пристально вглядывавшийся в лицо „начальника“, на которого так энергично нападала Вера.

— Иван Дмитрич! Вас-то я и искал! — воскликнул тот, бросаясь к нему и радостно пожимая протянутые ему руки. — Защитите меня от этой амазонки, охраняющей вашу неприкосновенность!

— Да ведь это же дочь моя, Верочка! Неужто забыли?..

— Верочка? — изумился воздухоплаватель.

— Сережа-Нибелунг? — растерянно проговорила та, и вся кровь, казалось, хлынула ей в голову так, что даже уши, и те покраснели...

— Он самый и есть! Я сразу же признал! — торжествовал профессор. — Вот неожиданная

встреча! Просить гостеприимства, а его — чуть не по шее... — Эй, ты, красавица! — тормозил он все еще не пришедшую в себя горничную, — вставай, что ли, и давай обедать! Давно пора!..

— Ну, я пошел! — решительно заявил Джигит, окинув столовую своим огненным взглядом, в котором на этот раз не было и тени свирепости.

— Почему же ваш товарищ... — неуверенно отозвалась Вера...

— Служба — прежде всего!.. — также неуверенно, стараясь (почему-то) не глядеть на нее, ответил Сергей Петрович. — Хоть вы и неласково меня встретили, но ведь я прибыл сюда с единственной целью: обезопасить... уважаемого Ивана Дмитриевича... — Так вот, дорогой, — продолжал он, обращаясь к Джигиту, — поскучай, раз сам взялся... — Держи мои позывные, чтоб не сунулись сослепу... В случае чего — предупреди и распорядись „нашим“... — Так?

— Слыхал, слыхал! Знаю — понимаю! — бормотал тот, направляясь к выходу, но в самых дверях неожиданно повернулся и заявил: — Если такой кара-гез царица — это ничего!

— Итак, — ораторствовал Иван Дмитриевич, левой рукой опираясь на письменный стол, как бывало, на кафедру, а правой делая жест, долженствовавший особенно подчеркнуть его мысль. — Итак: *credo* вашего „Повелителя“ имеет основой — каждого человека сделать королем, ответственным только перед Богом и своей совестью. По существу — это проповедь чистого анархизма...

— Не анархизма, но индивидуализма!

— Называйте, как хотите, но факт остается фактом: такое распыление власти ведет к полному ее упразднению. — Если все повелевают, то кому же обязательны их повеления?

— Им самим!

— Эффектно, но неубедительно! — Залог продуктивности труда — в принципе его распределения между работниками. Всякий делает то, что лучше всего

умеет делать (научившись своему ремеслу, или получив этот дар от рождения — вопрос другой). Но если должно существовать такое распределение труда, должен существовать и орган, исполняющий функции распределителя, а если указанное им распределение обязательно — это уже власть! Ячейка государственности!..

— Ячейка — да! Но ни шагу далее!

— Я не совсем понимаю. Значит, по-вашему, вопрос не в качестве, а в количестве? Не в том, как живут люди, а в том, сколько их подчиняется определенному режиму?

— Отчасти — да! — Мы не отрицаем необходимости, неизбежности подчинения одних лиц другим, но признаем подчинение только сознательное и добровольное, а не вынужденное! В маленькой общине, где все знают друг друга, конечно, может быть избран предводитель, верховный судья, президент, король (дело не в названии), который, лично зная каждого из своих добровольных подданных, будет править ими, имея физическую возможность сам, без посредничества каких либо советчиков, исполнять свои обязанности. Это как бы супер-арбитр, авторитету которого подчиняются „не за страх, но за совесть!“ Допустите только, чтобы эти отдельные ячейки слились воедино, сплотились в государство, и сразу же окажется, что глава его физически лишен возможности выполнять возложенные на него обязанности, тогда как права его будут, неизбежно, широко узурпированы кучкой приближенных к нему лиц. — Децентрализация — вот наш лозунг!

— И вы, противореча сами себе, стремитесь провести его в жизнь при посредстве организации, которая являет собою наиболее яркий пример абсолютизма! — Ваш „Повелитель Царей Воздуха“ разве не деспот?

— Вовсе нет! — Наша организация чисто военная, прототипом которой можно признать Запорожскую Сечь. Разве запорожцы по указу *кошевого* атамана шли воевать с Польшей или султаном? Разве каждый из них не был волен в своих решениях? Разве не одушевление общей идеей поднимало *кош* в дальний и трудный поход?

— Пусть так! Пусть так! — перебил его Иван Дмитриевич, видимо, не желавший останавливаться на щекотливом вопросе. — Мы отклонились от обсуждения предмета по существу: укажите мне определенно не только идею, которой вы руководствуетесь в данную минуту, но и цель, к достижению которой стремитесь.

— Наша цель — нигде и никогда не допускать насильственного подчинения, бороться против всякой попытки поработить ближнего!..

— А так как стремления этого рода прочно заложены в душу двуногого существа, которое мы называем человеком, то вы поставили себе задачей до конца века летать над поверхностью земли и воевать с насильниками, так ли?

— Не совсем так... Мы верим, что когда подрастет поколение, никогда не видевшее карты всего света, раскрашенной только в небольшое число цветов, соответствующих немногим великим царствам, когда люди опять научатся жить, работать (даже воевать!) только по собственной нужде или в интересах своей общины, где каждый знает друг друга в лицо, состоит с ним в родстве или свойстве, — тогда настанет время и нам сложить свое оружие!.. И это время настанет!..

— Мечта! Мечта!.. — воскликнул профессор.

Сергей Петрович поднялся со своего места так порывисто, что кресло, на котором он сидел, отлетело в сторону. Выражения усталости и добродушной иронии

уже не было на этом сумрачном, сожженном солнцем, изборожденном преждевременными морщинами лице; серо-стальные глаза загорелись огнем; кисти рук судорожно сжались, и каждый мускул напрягся, словно у тигра, готового сделать решительный прыжок...

— Мечта? Вы говорите — мечта? — повторил он негромко, но тем звенящим голосом, который в боях пробуждал к жизни его измученных, израненных товарищей. — А стоит ли жить без мечты? — Укажите мне другую, в которую я мог бы поверить, и я пойду за вами, хоть... на костер!

— Позвольте... — бормотал старик, смущенный этим порывом, невольно поддавшись очарованию властного требования, искавшего ответа. — Я только констатирую факты: Эдуард — хотел разоружить мир, взяв самое грозное оружие в свои руки, но это не удалось; Вильгельм — надеялся умиротворить человечество на принципе свободного прогресса каждой отдельной народности, но ничего из этого не вышло; вы думаете достигнуть того же водворением анархии, или, как вы говорите, индивидуализма — смею думать, не будете иметь успеха... Жизнь — борьба. Результат борьбы — победа или поражение. Победитель торжествует, побежденный покоряется. Первый — диктует свою волю второму. Это — насилие. И это насилие может исчезнуть лишь при условии, что не будет ни победителей, ни побежденных, т.-е. не будет борьбы, т.-е. — не будет жизни!.. А, между тем, пока живы на земле хоть два человека — они, неминуемо, будут спорить между собою из-за первенства! — Вот заколдованный круг, из которого не могут вырваться ни империализм, ни федерализм, ни... ваш индивидуализм!.. У нас так часто приводят, как антитезы, теорию и практику, но ведь это абсурд! — Профессор совсем оправился от мимо-

летнего смущения и снова чувствовал себя, как бы на кафедре, перед знакомой аудиторией. — Практика, необоснованная теорией — невежество! Теория, не оправдываемая практикой — ошибочная гипотеза! Эдуард, Вильгельм и вы — те же инквизиторы, пытавшиеся огнем и мечом доставить господство учению любви, мира и всепрощения! — Какие бы теории вы ни измышляли, но руками человеческими вы не создадите на земле царствия Божия! Недаром сам Он сказал — „Царство Мое не от мира сего!..“

Сергей Петрович давно уже, после неожиданной вспышки, овладел собою, поднял опрокинутое кресло и сел на место. Горячую речь своего старого учителя он слушал... не слишком внимательно — слова ее не имели большого значения, а внутренний смысл ее он знал наперед... Это были те самые назойливые думы, которые он так упорно гнал от себя в долгие, бессонные ночи.

Вера вовсе не вмешивалась в их беседу, только следила за ней, да и то с перерывами, так как все чаще и чаще в дверях появлялась растрепанная физиономия горничной, делавшей ей какие-то таинственные знаки, в ответ на которые она неслышно исчезала из кабинета, хотя вскоре же возвращалась.

Глухие удары взрывов все еще (правда, реже) заставляли вздрагивать стены старого дома и дребезжать стекла окон, а сквозь щели задернутых портьер прорезывались временами отблески багрового зарева.

— Жить без мечты... — заговорил, нарушая молчание, тот, чей властный окрик еще недавно смутил профессора, а теперь — такой усталый, такой... просто „человек“, а не „царь воздуха“... — Может быть, я не точно выразился... может быть, следовало бы сказать: руководящая идея, путеводная звезда?.. Но вы меня

понимаете?.. Можно ли жить без мечты, без надежды, что хотя бы на наших костях, на почве, удобренной нашей кровью, когда-нибудь, не скоро, далеко, далеко... но все же расцветет счастье, и хотя бы самые отдаленные потомки помянут нас добрым словом...

— Я сказал уже, — не совсем уверенно, но стараясь выдерживать авторитетный тон лектора, начал опять Иван Дмитриевич, — что всеобщее замирение — мечта, которую не смог осуществить даже Христос, в последние дни жизни своей пророчествовавший, что „восстанет брат на брата“... — Во имя чего? — Во имя любви и всепрощения... — Так поступаете и вы, новые проповедники, считающие себя предтечами Царствия Божия... — Вся природа человека возмущается, протестует против всеобщего равенства! Это органически невозможно! Сильный всегда будет господином слабого, а слабый будет искать покровительства сильного ценою личного своего подчинения...

— Постой! — внезапно вмешалась Вера. — Ты все говоришь о законах природы! Но разве какой-нибудь наследственный подагрик, который за всю жизнь свою палец о палец не ударил, владеющий аэромобилями, нанимающий за свое золото люфтскнехтов и собирающий дань с окрестных селений, где люди действительно трудятся, действительно „в поте лица своего“ добывают хлеб свой, — разве это закон природы?

— Ну, ну... — недовольно заворчал старик, — опять пошли высокие материи...

— Напрасно ты так от них отмахиваешься! Напрасно так нападаешь, даже хуже — высмеиваешь — „мечту“, о которой говорит Сережа, т.-е. Сергей Петрович... — поспешно поправились она.

— Но пойми же: люди так созданы, что не могут жить без драки!..

— А если оружие будет вырвано из их рук? Если им нечем будет истреблять друг друга?

— Что вы хотите сказать? — заинтересовался воздухоплаватель.

— Не слушайте ее! Еще новая мечта! — сердито отозвался профессор.

Для Веры ночь выдалась беспокойная. — Весть о том, что усадьба профессора действительно дает право убежища, быстро распространилась по окрестностям, и вскоре же не только дом, службы, сарай и амбары, но даже сад переполнились беглецами. — Всех надо было пристроить, накормить, многих — одеть, иным — оказать медицинскую помощь.

Слушая их рассказы, молодая женщина то холодела от ужаса, то вспыхивала безумным гневом. — Никогда раньше не случалось ничего подобного! — Ведь все знали, что „Цари Воздуха“ только „воюют“, что оружие их направлено только против тех, кто оружием же стремится подчинить себе своих ближних! Грабежи и насилия, которыми славились шайки флибустьеров, никогда не пятнали доброго имени этих странствующих рыцарей! — А теперь?.. Что случилось?..

Она решила потребовать отчета у их гостя, явившегося к ним в роли ангела-хранителя! Судя по всему, он занимал в организации достаточно высокое положение, чтобы иметь возможность, если не прекратить эти ужасы, то, по крайней мере, обратить внимание „Повелителя“ на то, что творится его именем! Во всяком случае, он мог и должен был дать ей свои объяснения!..

Сергей Петрович, распростившись с хозяевами и пожелав им покойной ночи, решительно отказался от предложенной ему спальни, но избрал местом своего пребывания вышку, где находился аппарат беспроводного телеграфа, который он попросил (тоже достаточно решительно) предоставить в его исключительное пользование. — Конечно, просьба эта была уважена.

В тот момент, как Вера, поднявшись по крутой винтовой лестнице, ступила на верхнюю площадку и оглянулась кругом, он сидел за аппаратом, получая какие-то депеши и отвечая на них немедля, каким-то особенно уверенным, решительным постукиванием ключа... — Спал ли он в эту ночь?.. Вряд ли... Странное смущение овладело ею, и она, шедшая сюда с горячим протестом на губах, замерла в неподвижности, ожидая, когда он кончить, не смея помешать ему.

Он кончил, откинулся на спинку стула и досадливым жестом потер себе лоб...

Вера, словно впервые, ясно разглядела этот энергичный профиль, эти, прямыми линиями сдвинутые к переносице и приподнявшиеся на висках брови... а главное — это выражение глубокой, почти беспомощной усталости...

„И зачем же душу бедную усталь смертная томит?“... — неожиданно вспомнилась ей какая-то строчка из какого-то, в детстве читанного стихотворения.

Весь горизонт был затянут дымом; зарево пожара еще боролось с разгоравшейся зарей; вчерашний

аэромобиль исчез, но вместо него над домом тихо реял воздушный корабль, осененный черным флагом с белой звездой...

Страшная догадка мелькнула в ее голове... — „Сергея-Нибелунг“, „Барон“, „Тот, которого ждали“, „Мститель“ (за Ригу?), „Повелитель царей воздуха“...

— Сергей Петрович, — проговорила она, слегка тронув его за плечо, — это ваш корабль и ваш флаг?

— Да! Мой корабль и мой флаг! — ответил он так спокойно, так уверенно, словно давно уже ждал этого вопроса, и, тяжело поднимаясь со своего места, добавил, странно усмехаясь: — Судить пришли? В добрый час!

— Так и это ваше? — продолжала она, указывая на столбы дыма, вздымавшиеся над пожарищами, на табар беглецов, расположившихся в саду.

— Мое!.. — и вдруг, словно решившись на что-то важное, резко переменил тон и заговорил со страстью и горечью: — А что же я могу сделать? Или вы думаете, что победы даром даются? Что борьба ничего не стоит?.. — Мои истинные товарищи — все, или почти все, погибли в боях!.. Дай Бог, насчитать десятков из тех, что доньше, с полным правом, смеют назвать себя „Царями Воздуха“... Остальные — люфтскнехты и даже флибустьеры, которые с восторгом спешат встать под мое знамя, но при условии, что я... позволю им распорядиться с побежденными по их обычаю... Откуда иначе мог бы я собрать такую силу?.. В бою они слепо мне повинуются и храбро дерутся... а после победы — я закрываю глаза... утешаюсь мыслью, что... например... Сызрань, в случае удачи, поступила бы с Батраками едва ли не хуже, чем эта орда с Сызранью... — Не судите строго, Вера Ивановна! — Нас, странствующих рыцарей, осталось так мало, что мы уже не в силах соб-

ственными средствами выполнять те обязательства, которым поклялись служить... И что ж? — Отказаться от мечты, когда осуществление ее кажется таким близким? Признать ее несбыточной? — Но разве можно жить без мечты? — За нее, за смысл нашей жизни мы еще боремся, ради этого идем на компромиссы, ради этого являемся с людьми, против которых некогда выступали, как против бандитов, с оружием в руках... пока были достаточно сильны для войны на оба фронта!.. Как это ни тяжело, нельзя не сознаться, что ряды наши все тают, что приходится или отказаться от мечты... или искать союзников. — А где можно найти их? — Конечно, не в среде умеренных и аккуратных!..

— А в результате — вы, пред чьим именем благоговоят народы и склоняются их повелители, вы прибыли в этот дом, вами же объявленный неприкосновенным, для чего? — чтобы обезопасить его от разгрома! — И чем? — личным вашим присутствием!.. Но если так, то кто же и кому служить? Что и кому подчиняется? — Вся выгода на их стороне, а не на вашей! — Под вашим предводительством они вполне достигают намеченной ими цели, а вы... вы сами признались, что каждая такая победа — только отсрочка вашего конечного поражения...

— Так, так! Будьте безжалостны!.. Да ведь я и не прошу сострадания!.. — резко отозвался Сергей Петрович, с деланно-беспечным видом стараясь поудобнее усесться на перилах. — Говорите, говорите! Я слушаю...

— Сережа... — промолвила она, подходя к нему, — зачем вы прячетесь в свою скорлупу, даже... от меня?.. Или не я, тайком, провожала вас, бежавшего в ряды „Нибелунгов“?.. Тогда вы иначе думали, иначе чувствовали!.. Да нет! Вы и теперь тот же, только не хотите признаться!..

— А какой толк был бы от такого признания?..

— Старая люб... то есть, я хочу сказать — старая дружба, которая, как говорят, не ржавеет...

— Нежные чувства молодой вдовы? Издание второе, исправленное и дополненное?.. — дико рассмеялся он.

— Обижать всегда — нехорошо, но так обижать — стыдно... Разве я виновата? Ваша гибель была официально удостоверена... отец так просил... хотел видеть внуков... зачем же... так жестоко... так грубо...

**Детонатор. — Смутные слухи. — Ночной гость. —
Первый опыт.**

Хорошо, что широко выдвинувшийся за края вышки парусинный навес скрывал ее внутренность от нескромных взглядов „сверху“. Не будь этой парусины, что подумали бы сигнальщики корабля, гордо несшего флаг „белой звезды в черном поле“, как растерялись бы капитан и чины штаба, услышав их доклад? А если бы, по чьей-нибудь нескромности, беспроволочный телеграф разнес эту сплетню по свету? Что бы было!..

Взявшись за руки, они сидели вдвоем на узеньком и коротком камышовом диване (на том самом, который Иван Дмитриевич, после обеда, находил необычайно тесным} и говорили... говорили, перебивая друг друга, забывая только что заданные вопросы, не требовавшие ответа, заранее отвечая на еще не высказанные мысли... Старые башни замка и Царский сад в Риге, закулки здания политехникума, гигантские подземелья нибелунгов, титаническая борьба в воздушном океане, краткое замужество, разгром родного города, флибустьеры, цари воздуха — обо всем надо было вспомнить и рассказать, по всякому поводу поделиться впечатлениями, и, как ни странно, они успевали это делать, обмениваясь только короткими, отрывочными фразами.

— Ну, а теперь? Что ж дальше? Ты так и не сказал самого главного! — спрашивала Вера.

— Что ж говорить?.. Сама знаешь — крах моей мечты, а вместе с ней — крах жизни... Ты не можешь упрекнуть меня в скрытности или недоверии...

— А я?..

— Ты?.. Или думаешь — в роли сестры милосердия при живом покойнике?.. — Ну, нет! Я еще не так слаб!.. — Помнишь, в „Крейцеровой сонате“ говорится, что человек умирает не потому, что в него ткнулся какой-то глупый штык, или попала пуля, или кирпич свалился ему на голову, а потому, что к моменту проявления этой, чисто внешней, причины его смерти „смысл жизни его изжит“... Ну, так и со мной...

— А если мечта осуществима, но ты был, просто... на неверном пути?.. Отречешься ли ты от нее?.. Да и вправе ли ты остановиться на полпути?..

— Я не вижу пути... Впереди — глухая стена... и нет никакой дороги...

— А если я выведу тебя на эту дорогу? — Надо воевать не оружием против оружия, а вырвать его из рук враждующих! — Если нечем будет сражаться — сражение станет невозможным!.. Не „на кулачках“ же будут драться?!

— Я не совсем понимаю...

— Постой! Вот идет отец. — Он лучше меня сумеет рассказать, в чем дело. — Раньше он только смеялся, а теперь работает вместе со мной (ведь я его ученица), и уже не смеется, а только сердится, когда я слишком размышляю о том, чего „этим“ можно достигнуть...

— Это она и вам о своем „детонаторе“? — перебил профессор. — Все еще, батенька мой, в периоде опытов. — Ничего определенного сказать нельзя, хотя задумано неглупо...

— Какой „детонатор“? Никогда о нем не слышал!

— Да и никто не слышал. Это — ее секрет, ее тайна! Но раз она сама ее вам открыла, то я готов дать необходимые разъяснения... — А ты бы распорядилась, Верочка, чтобы простоквашу и землянику сюда принесли...

Профессор, видимо, хорошо выспался, был в самом благодушном настроении и готовился прочесть лекцию. Помехой плавности изложения являлся только поминутно трещавший аппарат телеграфа, на котором его слушатель немедленно „выстукивал“ ответы, причем, конечно, слушал в пол-уха...

— Помните ли вы, что я говорил когда-то об эфирной волне?.. Хотя и сам эфир — только гипотеза. — За пределом фиолетовых лучей спектра мы имеем химические лучи, на которые вовсе не реагирует тот несовершенный прибор, который мы называем человеческим глазом... Далее: открытие Рентгена и все, за ним следовавшие... Все это — в эфире (хотя, повторяю, сам эфир — только гипотеза!), но не в той среде, грубоматериальной, поддающейся взвешиванию, измерению, в которую мы погружены... Электричество — с тех пор, как оно освободилось от уз проводников, со времени беспроводного телеграфа и телефона... — Разве не ясно, что это тот же луч, та же волна нашего гипотетического эфира?.. — Иду дальше: детонация, моментальный целостный взрыв огромного количества некоторого вещества, происходящий от взрыва по соседству относительно ничтожного количества другого химического соединения, способного вызвать эту детонацию... — В чем дело? — В толчке? — Нет! Ибо прослойка воздуха — наилучший изолятор, а металлическое соединение — проводник... Но ведь в том-то и дело, что эфиру, в его колебаниях, мы придаем свойства металла, хотя и считаем его невесомым и всепроникающим!..

Неистовый треск телеграфного аппарата, энергично требовавшего ответа, вовсе отвлек на некоторое время внимание слушателя. — „Отстучав“ что-то, он поспешил заверить профессора, что не упустил ни слова, и просил продолжать.

— Не очевидно ли, — продолжал тот, — что световой, химический, электрический и детонирующий лучи — явления того же порядка?.. Что достаточно направить на какое бы то ни было взрывчатое, т. е. малостойкое, химическое соединение соответственный луч, пропустить сквозь него волну (гипотетического) эфира соответственной длины — и оно разложится на составные элементы — даст взрыв?.. Это — моя идея, за которую ухватилась Вера, решившая создать прибор, посылающий по желанию эфирные волны требуемой длины, вызывающие детонацию всякого соединения, способного детонировать, от черного пороха до *generator* 'а!

— И, оказалось?..

— Как будто можно... На пути к осуществлению... Это — меня заинтересовало... Не понимаю только, чего она ликует и кричит — „Конец войне!“

— Папа! — промолвила Вера, появляясь на вышке, — я побоялась, что здесь мы будем мешать Сергею Петровичу. — Телеграммы на него так и сыплются; на каждую надо ответить... — Я приказала твою простоквашу и землянику подать на балкон...

— Пожалуй, что так... это неглупо, — ворчал профессор. — Еще потолкуем, когда освободитесь! — крикнул он, уже спускаясь по лестнице.

— Я нарочно ушла, чтоб не мешать ему рассказать тебе все в строго научном стиле, — смеялась Вера и вдруг забеспокоилась: — Ты не веришь?

— Во что?

— В детонатор!

— Еще одно усовершенствование для взаимоистребления, и — ничего больше...

— Да нет же! Пойми: все взрывчатое может быть взорвано! Чем же драться?.. Ну, например, — Батраки. — Они позвали на помощь тебя с твоими пушками и бомбами против воздушного флота Сызрани, готовившегося смести их с лица земли. — Но если бы у них был один — только один! — мощный детонатор, возвышающийся над городом, с районом действия... скажем — 60 верст? — Спокойно, не торопясь, они послали бы один за другим разряды, взрывающие в этом районе *generator*, мелинит, кордит, пироксилин, порох... даже старый, еще монахом Шварцем изобретенный порох!.. Тут нет предела! Мне чувствуется, что нет такого химического соединения, которое нельзя было бы разложить детонирующим лучом... Вода, и та, при разложении, дает гремучий газ, значит, и она, теоретически, способна детонировать!..

— И, теоретически, можно взорвать океаны, а с ними всю поверхность земли, — перебил ее Сергей Петрович. — На практике же выйдет вот что: придет добрая толпа народу, вооруженная дубинами, и, так как в районе действия детонатора всякий револьверный патрон, и тот, будет взорван, и защищаться против него будет нечем, то детонатор разнесут в клочья, а затем придут находившиеся вне действия лучей детонатора отряды, обладающие полным боевым снабжением, и... сделают свое дело!

— Но если все и повсюду...

— Вот, вот! Опять сказка про белого бычка! Да если бы возможно было достигнуть этого „все и повсюду“, этого всемирного соглашения, то войны давно бы уж не было! — Ну, как ты принудишь человечество утилизировать твой детонатор только в интересах огражде-

ния от насилия, а не как средство порабощения? — В любой точке земной поверхности, кто первый возьмет палку в руки, тот и будет командовать!..

Снова энергично затрещал аппарат.

— Ого! — воскликнул Сергей, только взглянув на ленту и поспешно „отстучав“ что-то в ответ. — Прощай, Вера!

— Что такое? Враги? Откуда?

— Еще неизвестно, но, может быть... Прощай!.. Впрочем, нет — до свиданья!.. Работай над детонатором! Мне пришла идея... Если моя мечта рухнет... Ну, да после!..

Что-то зашуршало по крыше — это была веревочная лестница, сброшенная с воздушного корабля, парившего над домом...

Прошло три месяца.

Старый профессор, не покладая рук, работал со своей дочерью то в лаборатории, то в мастерской. Иногда, несмотря на всю свою любовь к делу, он даже ворчал, что не угнаться же ему за „девчонкой“, которая в два раза его моложе, что надо же ей иметь уважение к почтенным годам „лаборанта“, но Вера ни о чем и слушать не хотела.

— Что за горячка! — протестовал Иван Дмитриевич. — Поспешешь — людей насмешишь... Выгорит — дело такое, что весь мир повернет наизнанку, если только... твоё изобретение умные люди не догадаются похоронить вместе с нами...

— Ах, папа!.. Ведь ты едва проглядываешь газеты, ты — не от мира сего! А я вижу, что каждый день, каждый час дорог!.. Ведь „он“ сказал: — „Если моя мечта рухнет...“ — Значит — он поверил?..

— А ты и обрадовалась? — Много он понимает — беглый студент, не окончивший курса!.. Ну, ну! Не сердись! — добавлял он примирительным тоном. — Не понимаю, на кой чорт тебе какой-то детонатор, когда сама ты от одного слова взрываешься...

— Если бы ты отнесся внимательно к тому, что пишут...

— Бумага все терпит!..

А писали, действительно, много странного.

Во-первых (приводя примеры), указывали, что во многих случаях, на призыв угнетенных, вместо „Царей Воздуха“ являются самые заурядные флибустьеры, и что от такой обороны — упаси Бог!.. что если вместе с ними являются отряды люфтскнехтов, так надо радоваться, потому что эти последние всегда готовы наняться на службу к тому, кто больше даст, но зато свято блюдут подписанные на известный срок контракты, а не грабят всякого, кто подвернулся под руку... Писали еще, что давно уж никто не видел корабля под флагом „Белой звезды в черном поле“, что „он“ устранился... — Потом пошли вести еще хуже: говорили, что флагов этого образца появилось множество, но что они вовсе не означают собою личного присутствия „Непобедимого“, а являются просто фальсификацией... В прежнее время таких самозванцев не было, потому что „он“ уничтожал их с беспощадностью, заставлявшей трепетать сердца самых отчаянных бандитов...

— И, одни со страхом, другие — не смея верить радостной вести, спрашивали: „Не погиб ли он?“

— Только и жили мы упованием на его могущественную поддержку! — думали слабые...

— Если „его“ нет больше — с остальными легко управимся! — ликовали те, чьи аппетиты до сих пор сдерживались „его“ незримым контролем...

Но Вера не допускала подобной мысли. Ей так ярко вспоминалось их прощание, когда он уже ухватился за веревочную лестницу, брошенную с воздушного корабля, а она пыталась сбросить его для себя, удержать словами:

— Опять в бой! Когда же это кончится?..

— Не бойся за меня! — крикнул он, подымаясь все выше и выше. — Талисман на мне! Тот крестик — помнишь? — „спасает и хранит!..“

Жаркая, душная ночь конца июля была особенно темна. Низкие, дымные тучи заволокли безлунное небо, и сквозь толщу их не в силах было пробиться робкое мерцание звезд.

Вера только что улеглась в постель, усталая, но довольная. — Огромный детонатор был готов. — Оставалось только собрать его и... испробовать. — Но как? — Если без предупреждения — все кругом полетит на воздух, так как не было дома, в котором не хранилось бы оружия, не хранилось бы взрывчатых предметов... Предупредить? — Не разнесут ли их дом раньше, чем они успеют собрать свой аппарат?..

Что-то, — или кто-то, — легонько застучало по оконному стеклу...

Молодая женщина привычным жестом вынула из-под подушки револьвер и, не зажигая огня, стала прислушиваться...

В комнате было все же темнее, чем в саду, и четырехугольник окна со спущенной на нем легкой шторой обозначался довольно явственно, что давало ей значительное преимущество, в случае нападения извне.

Стук повторился. — Кто-то осторожно отбивал (по телеграфной азбуке) ее имя — „Вера! Вера!..“

— Кто там, и что нужно? — ответила она тем же способом, стуча рукояткой револьвера по ночному столу.

— Без света. — Опасно. — Осторожно открой окно.— Впусти твоего Сергея.

Вера проворно набросила на плечи приготовленный на утро купальный халат и, не выпуская из рук верного браунинга, неслышными шагами подошла к окну. — В узкий просвет между занавеской и косяком она увидела высокую, черную стену деревьев сада, и над ними — чуть посветлее — полосу неба, задернутого тучами, среди которых мигала одинокая звездочка...

— Слишком странно... — отстучала она уже по раме окна.

— Не медли. — Вспомни крестик — „Спаси и сохрани“.

Сомнения исчезли. — Окно приоткрылось. — Кто-то ловкий, как кошка, скользнул в него, на мгновение запутался в занавеске и очутился рядом с ней.

— Слушай! — заговорил он, даже не поздоровавшись. — Я боялся навлечь подозрение на ваш дом, и вот почему „так странно“. Скажу в двух словах: — ты была права. Эти негодяи вообразили, что я у них на службе. Долго смотрел сквозь пальцы. Но есть границы. Сама идея дискредитировалась. Покрывать своим именем их бесчинства... — не мог! Решил применить строгость. Должно быть — поздно. Возмутились. Предательское нападение. Как дрались наши!.. Почти все погибли... Симидзу и его двойник — Икеда, Петров, Снежинский, Сармиенте, Волькен, Осман, Лятур, Фернандец, Сун, Багадур, Штейнбах — все, все... на моих глазах!.. Только мы трое — Ван-Дрюйер, Джигит и я — прорвались к „Медведице“ (мой корабль), овладели им и успели взлететь... Джигит — серьезно ранен; на Ван-

Дрюйере — живого места нет, но ему — все нипочем... — Досталось же им! — Не многие могут хвалиться победой!.. — На каждого из нас пришелся добрый десяток, если не больше!.. Буду справедлив — и они в открытой схватке лицом в грязь не ударили! Подобрали головорезов!..

— Но ты?..

— Ну, я — „заговоренный“! Это — всем известно!.. Впрочем, к делу, к делу! — нельзя терять времени! Нас травят, как хищных зверей, все — и бывшие подданные, и союзники, и старые враги... Меня ждут. Промедление может стоить им жизни... Даже хуже — крушения последней мечты... — Отвечай коротко и определенно: — Готов ли твой детонатор?

— Готов.

— Очень громоздко? Можно ли установить на „Медведицу“

— Вполне! Даже на аэромобиль!

— Успеете ли за сутки, своими средствами, все собрать, уложить, приготовить к погрузке?

— Конечно!

— Уговори отца. Скажи ему (это правда), что флибустьеры Гималаев собираются захватить его, чтобы он работал только для них. С моим падением — ваша неприкосновенность — миф. За вами уже следят, выбирают удобный момент. По счастью, кажется, они слишком самоуверенны, и не торопятся. Эта ночь — наша. Что будет завтра — не поручусь, но, если они дадут нам отсрочку еще на сутки, они должны найти гнездышко опустелым. — Поняла?— Завтра ночью, на вышке! — И чтоб никто ничего не мог заподозрить! — за профессора я не боюсь — этот уметь молчать... Так?

— Так. Будь спокоен. Догадываюсь, а что делать — хорошо поняла.

— До свиданья! Меня ждут...

— Минутку!..

— Ни секунды!.. Нас спасли только тучи... форменная облава!..

— Да нет же! — сердитым шепотом отозвалась Вера.

— Или ты думаешь, что я собираюсь задерживать, губить тебя ради нежных слов?..

Она решительно отстранила его, скользнула за занавеску, приоткрыла окно и, зорко вглядываясь во тьму ночи, чутко прислушивалась...

Невозмутимая тишина парила кругом. — Все спало. — Лист не шевелился. — Было душно, и в то же время в лицо веяло прохладой, как бывает перед грозой. — Аромат спелых плодов и блекнущей зелени туманил голову. — Было так тихо, что, облокотившись на подоконник рядом с ней, он слышал биение ее сердца...

— Кажется, дорога свободна...

— Дорога... к счастью!.. Ведь, если, Вера, нам удастся?.. Если мечта осуществится, и мы вернемся на умиротворенную землю?.. Не будет ли это разрешением всех клятв и обетов?.. И, может быть, тогда, ты согласишься быть мне... больше, чем старым другом?..

— Не время, не время теперь думать о себе... — протестовала она, смущенная этой близостью, словно сейчас только сообразив, что стоит рядом с ним босая, в одной рубашке и купальном халате, наскоро наброшенном на плечи... — Иди! Иди! Тебя ждут!..

Он давно уже скрылся во мраке, сгустившемся под сенью деревьев сада, а она все еще пытливо вглядывалась во тьму и напрягала слух, стараясь уловить, не прогремит ли где-нибудь отдаленный выстрел, не донесется ли глухой раскат взрыва брошенной бомбы... Она поняла, из полуслов, что там, под крутым яром высокого берега, куда и днем-то не всякий решался

пробраться по едва намеченной тропинке над самой стремниной, там он должен был подать свой сигнал — призыв „Медведице“, скрывавшейся в низко нависших тучах...

Она ждала долго... пока не забелел восток...

Ничего тревожного, ничего подозрительного...

Темная ночь не выдала своей тайны.

Счастье как будто улыбнулось. — С утра зарядил мелкий осенний дождь, которому, как говорится, — „конца не было видно“. — Правда, что, из-за ненастья, прислуга особенно усердно толкалась по дому, мешала незаметно укладываться, собирать вещи... — но это было неважно по сравнению с надеждой на успех самого предприятия.

Совершенно неожиданно, труднее всего оказалось одолеть упорство старого профессора, который требовал „всестороннего обсуждения вопроса“, возмущался „горячкой“ и высказывал готовность лучше погибнуть под развалинами своей лаборатории, нежели поступить опрометчиво. Только благодаря врожденным дипломатическим способностям, удалось Вере убедить его (да и то к вечеру), что никто не навязывает ему своих идей, но в данных обстоятельствах сам он, путем логического мышления, давно уже пришел к тому выводу, который она своим женским чутьем угадала раньше, чем он успел его точно сформулировать.

По обычаю, отпив вечерний чай, нежно распрощались и разошлись по своим комнатам, туша по дороге лишние огни. Горничная Маня еще погромела некоторое время посудой, но потом и она ушла на кухню, где была встречена недовольной воркотней дородной, лю-

бившей рано ложиться спать кухарки: — „Угомон тебя не берет! Не набегалась за день-то?.. Завтра варенье варить! — смотри, не отлынивай, — „самому“ пожалуюсь! — Ну, ну! Спи, что ли!“

Действительно, вскоре же скромная усадьба со всеми ее службами, как казалось, погрузилась в глубокий сон.

Но это только казалось.

В глубокой тьме спешно грузилась прильнувшая к крыше дома „Медведица“.

Работали, как в лихорадке, изредка обмениваясь отрывочными замечаниями, вполголоса... Таким досадно-громким казалось жужжание моторов, поднимавших тяжести... хотя, в действительности, за шумом дождя самое тонкое ухо не могло бы обнаружить их присутствия даже на расстоянии нескольких сажен...

Спокойнее всех был Сергей, естественно, принявший на себя роль руководителя. Это ему пришла идея не просто грузить части „детонатора“, а сразу ставить их на место, пользуясь приспособлениями, служившими для беспроволочного телеграфа, „который всегда можно было восстановить“, если не завтра, так через день — два... Ведь это — не к спеху“...

Спорить не приходилось.

К трем часам ночи все было кончено, и „Медведица“ уже тихо взмыла кверху, когда Джигит, стоявший на вахте, неожиданно задержал ее полет, и, указывая вниз, промолвил: — „Смотри, пожалуйста!“

Тихая усадьба была окружена как бы кольцом все сближающихся, бледных огоньков, над которыми, временами закрывая их, реяли какие-то тени...

Профессор и Вера ничего не понимали, но для старого воздушного волка не было сомнений.

— Вовремя выбрались... — заворчал Ван-Дрюйер. — Колпак строят, но опоздали!

— Вот случай испробовать наш детонатор! — сказал „он“, и в тон его голоса прозвучало что-то такое неумолимое, что даже привычные, и те вздрогнули... — Может он действовать?

— Конечно, может... — не сразу, нерешительно отозвалась Вера.

— Поставь его на малую дистанцию...

— Ну, вот! Ну, вот, это я понимаю!.. Это — опыт! — радовался профессор, перегибаясь через фальш-борт и протирая стекла очков, чтобы лучше видеть.

— Готово?..

Никто не ответил...

Повернулась рукоятка, и — ряд одновременных, грому подобных взрывов, сопровождаемых криками ужаса, нарушил безмолвие ночи... Зарево, грозное, как молния, на мгновение охватило небо...

Потом все стихло... Только тут и там, на поверхности земли, слабо теплились и чадили какие-то костры — это догорали обломки...

Бледные огоньки заматались... Казалось, они спешили к этим кострам, из пламени которых, неслышные здесь, на высоте, неслись стоны искалеченных, заживо сгорающих людей...

— А, ну-ка! Поставь на „порох“!

— Поставлено... — ответила Вера, сама холодея от ужаса...

Опять повернулась рукоятка, и — тысячи мгновенно вспыхнувших огоньков явственно обрисовали то кольцо, окружавшее усадьбу, которое до того едва намечалось... Это — рвались патроны ружей и револьверов ландскнехтов, только что бывших свидетелями гибели их воздушных братьев.

Отсюда, с высоты, можно было лишь догадываться о том, что происходит там...

— Исправно действует! — прозвучал во тьме „его“ торжествующий голос. — На сегодня хватит! — Полный ход! — Завтра обсудим! — Завтра — начало войны против оружия!..

Грозное предупреждение. — Паника. — „Красный Крест“. — На разведку. — Завещание старого профессора.

Слух о происшествии на берегу Волги с быстротой молнии облетел свет, и повсюду, в самых глухих углах, вызвал необычайное волнение. Судили о нем разное, в зависимости от того, кто выступал в роли судей.

— Исполнились времена и лета, их же Господь положи во власти своей!.. Покайтесь! Покайтесь! зывали одни.

— Горе роду сему! Народился антихрист! Народился! — проповедовали другие.

— Конец царству зла! Близится царствие Божие! Десница Его простерлась над нами! Се жених грядет в полунощи устроить новый Иерусалим и новую землю! — пророчествовали третьи.

— Если это не роковое совпадение случайностей, но сознательное выступление с новым, еще неизвестным оружием в руках, то зевать нельзя! Надо изыскивать меры! — говорили люди спокойные и уравновешенные.

Но какие меры?.. И против чего?..

Несомненным являлся только факт полного разгрома и сухопутного, и воздухоплавательного отрядов, собиравшихся захватить старого профессора, оцепив-

ших его усадьбу со всех сторон, а сверху „накрывших ее сеткой“,

Что именно произошло? — Если истребление воздушных кораблей еще можно было объяснить тем, что „сетка“ была „перекрыта“ другой, еще более могущественной (хотя, откуда бы ей взяться?), то, во всяком случае, сцены, разыгравшиеся на поверхности земли, не поддавались никакому разумному толкованию!..

Немногие оставшиеся в живых, искалеченные люди единогласно утверждали, что не только не видели врага, но даже и не были под его огнем, что это — их собственные ружья и револьверы стреляли! Что патроны, заряды, снаряды — сами рвались в ящиках, в сумках, даже... в руках!..

— Просто прозевали, и теперь сваливают на какую-то чертовщину! — говорили скептики. — Пощупать бы хорошенько обитателей усадьбы, может быть, и открылась бы истина!

И их „пощупали“...

(Тяжело сознаться, но „из песни слова не выкинешь“. — Невероятный расцвет прикладных наук, во главе которых стояла наука взаимоистребления, до такой степени понизил цену человеческой жизни и человеческого страдания, что суды того времени охотно применяли давно-забытый „допрос с пристрастием“).

Но что могли сказать люди, которые ничего не знали? — Под самыми жестокими пытками они могли только плести разный вздор, обвиняя себя и других в каком-то фантастическом сообществе, надеясь этим способом избавиться от мучений, добиться, все равно не минуемой, но хотя бы скорой, смерти...

Прошло несколько дней, и новые вести, еще более грозные, еще более смутные, заволновали муравейник, копошившийся на поверхности земли...

Все растерялись...

Сначала власти пробовали скрывать, потом, убедившись, что это невозможно, наоборот — стали широко распространять дикое известие, опровергая, доказывая его нелепость, даже смеясь над дерзкой мистификацией...

Никто не знал: — верить или не верить?..

Никто не знал:— что делать?..

В течение двух недель все главнейшие станции мирового телеграфного агентства получали от неизвестного корреспондента (очевидно, „сверху“) нижеследующее сообщение:

„Воздушный корабль, окрашенный в белый цвет, и на бортах имеющий изображение красного креста, снабжен прибором, действующим на расстоянии свыше 30 миль, который Мы назвали „детонатором“. — Действием этого прибора в указанном районе могут быть взорваны все запасы веществ, способных взрываться. — Предлагаем немедленно освободиться от таковых, ибо поставили себе задачей — уничтожение их по всему лицу земли, почему самое соседство с ними отныне является крайне опасным. — Сроком выполнения Нашего требования назначаем 1-е сентября“.

Было над чем задуматься!

Если это не мистификация (как знать?), то не покориться, значило бы погибнуть... А если мистификация? Да еще с ведома соседа, только и выжидающего момента, чтобы броситься на разоружившегося простака?

Переполох был, в буквальном смысле слова, всесветный...

Катастрофа, разразившаяся при атаке Пантелеевки, как будто, давала довольно яркое подтверждение основательности угрозы, но... для всей земли?.. — Казалось — несбыточно!..

1 сентября появилось новое сообщение:

„Срок, Нами назначенный, Мы решили продолжить. — Многие еще колеблются, совещаются, не верят Нашему могуществу, выжидают событий. — Из чувства сострадания к человечеству, ужасаясь мысли о каждой капле крови, пролитой по недоразумению или в запальчивости, — даем вам отсрочку до 15 сентября, после чего „детонатор“ начнет свою работу, и — горе тем, кто окажется в числе непокорных!“

Эта, телеграмма имела действие, обратное тому, на которое рассчитывали ее отправители. — Все разуверились, и даже урок Пантелеевки вспоминали, как анекдот...

Если можно так выразиться, весь мир покотился со смеху.

Не смеялись только разоружившиеся простаки, которых более осмотрительные соседи немедленно же взяли „под свою высокую руку“...

Следующие две недели были каким-то всесветным карнавалом, в котором приняли деятельное участие все „власть имущие“.

Сотрудники юмористических журналов зарабатывали хорошие деньги, изоцряя свое перо, кисть и карандаш в рассказах и карикатурах на тему о том, как „хвалилась синица море зажечь“. — Под конец это даже надоело...

Немногие из сильных и великих, мирно засыпая вечером 14 сентября, помнили, что завтра — „пятнадцатое“!..

Если кто и думал об этом, то разве те, у кого не только бомбы, магазинного ружья или доброго браунинга, но даже самого плохонького револьвера, и то не находилось в доме, так как все, имеющее ценность, давно было продано или заложено...

„Пятнадцатое“ наступило.

„Человеколюбия ради, Мы начинаем свою деятельность с южного полушария, где теперь весна, и где люди, оставшиеся без крова по своему неразумию, не подвергнутся напрасным лишениям. — Но (на все свое время) ждите нас и в северном, и в более высоких широтах того и другого“,

Такова была радиограмма, полученная в ночь на 15 сентября.

Власти (от правителей государств до исправников), прочитавшие ее, сначала только рассмеялись, но когда следом за ней стали получаться другие из разных точек земной поверхности, намечавших собою как бы дугу большого круга, по которому двигалось нечто стихийное и начинавшееся словами: „Все взорвано...“ — „Беспричинный взрыв...“ — „Адское злоумышление...“ — „По-видимому, извержение вулкана...“ — „Страшное землетрясение...“ и т.п. — они перестали смеяться...

Люди, заснувшие накануне в самом беспечном настроении, пробуждались в паническом ужасе.

Одни взывали о помощи к властям, принявшим на себя обязанность ограждения их неприкосновенности; другие пытались, так или иначе, избавиться от хранившихся у них взрывчатых веществ; иные просто бежали в места, где не могло грозить близкое с ними соседство...

Паника достигла своего предела, когда стало известно, что люфтьскнехты повсеместно отказываются от выступления против таинственного врага, и объявляют контракты нарушенными, указывая на „форс-мажор“, так как это был, несомненно, „он“. Борются же с „ним“ — безнадежно!..

А зловещие телеграммы все приходили одна за другой, оповещая о разгроме богатых, сильно укреп-

ленных пунктов, заставляя трепетать обывателей, им подобных, еще уцелевших, возбуждая в них зависть к жителям беззащитных деревень, где нечему было взрываться...

А беспроволочный телеграф неустанно разносил по лицу земли таинственный призыв:

— „Разоружайтесь, немедленно! Настал час исполниться словам Его: „Поднявший меч — от меча и погибнет...“

Выбора не было.

Все спешили разоружиться...

Время шло, а „он“ все реял над землей, посылая в пространство волны, излучаемые его таинственным аппаратом... И чем дальше, тем реже приходилось наблюдать эффект взрыва, вызываемого их действием... Еще немного — и можно было бы надеяться, что люди разучатся изготавливать взрывчатые вещества, забудут об этом средстве взаимоистребления, которое превратилось в средство самоистребления...

— Чем они живы? Где пополняют свои запасы? — спрашивали умные люди. — Правда, что места на земле много — каждого уголка не осмотришь, — но если бы удалось разыскать и разорить их, эти самые гнездышки... — Ведь, пришлось бы им закрыть лавочку!..

Но этого никак не удавалось, и виною тому было... — как бы сказать? — суеверие, что ли, самых отчаянных вождей люфтскнехтов и флибустьеров, которые решительно отказывались идти против „него“, а что это был „он“ — в этом для них не было сомнения.

— Попробовали какие-то дурни „им“ командовать — и получили по заслугам! — говорили они. — Сунулись

уничтожить, и, кажется — чего бы легче — у себя дома, предательски... — Что ж вышло? — Ушел, переменял прием. — Вот и все. — И разве сейчас жив хоть один из тех, что осмелились восстать? — Ни единого!..

Против такого довода людям, привыкшим покупать свою безопасность ценой золота, но никогда не решавшимся самим глянуть в лицо смерти, а, тем более, их приспешникам, которые, взывая к доблести и мужеству сограждан, трусливо прятались за их спины, — против такого довода возразить им было решительно нечего...

Не самим же было идти в первую голову, как некогда сделал „Король Нибелунгов“?..

Воздушный корабль „Красный Крест“ не был невидимкой.

Выполнив свое назначение, он часто пролетал вторично над „обезвреженной“ местностью, держась так низко, что все могли его видеть, все могли посылать ему свои проклятия или благословения... Последних было больше первых ровно во столько же раз, во сколько до его появления угнетаемых было больше угнетателей.

Кое-кто (люди решительные) думали использовать этот обычай, но нашлись и такие, самоотверженные, которые, не страшась грозившей им (и своевременно постигшей их) лютой казни, послали, по беспроволочному телеграфу, предупреждение: — „Остерегайтесь встречных. Вас будут таранить. Так решено. Люди найдутся“.

С той поры „Красный Крест“ стал осторожнее.

Казалось бы, что при новом положении дел, когда избитый возглас — „Руки вверх!“ — потерял силу, так как, за отсутствием бомб и револьверов, доброму кулаку, дубине или ножу всегда можно было противопоставить нечто равноценное, имеющееся в домашнем обиходе любого гражданина мира, — самочувствие обитателей поверхности Земли должно было бы основой своей иметь глубокую уверенность в личной неприкосновенности. — Ведь каждый мог постоять за себя! — Человек становился лицом к лицу с человеком, и никто не имел власти, сидя у себя дома, в полной безопасности, распоряжаться уничтожением врагов, которых никогда не видел!..

На деле вышло иначе. — Господствующими чувствами оказались страх и неуверенность...

Почему? Может быть, потому, что никогда так называемое „общественное мнение“ не создавалось самими массами, но было лишь отголоском настроения, господствовавшего в небольшой, сравнительно, группе руководителей этих масс, пользовавшихся правом говорить от их имени. — Пугалось правительство, — казалось, что перепугался весь народ; деревенский староста униженно кланялся становому — верили, что это „мир“ челом бьет... — Теперь террористы почувствовали, что орудие террора вырвано из их рук и... растерялись.

А так как печать, которую незаслуженно величают выразительницей общественного мнения, была в их руках, то она, верно отразив в себе „их“ перепуг, и создавала впечатление какой-то паники, охватившей весь мир. — В действительности, этой паники не было; в действительности, среди инертных масс

росло и крепло сознание, что только трудящийся имеет право на жизнь и ее блага, притом, по мере труда своего...

Бывали случаи, что досужим туристам, залетевшим в какое-нибудь селение, в обмен на яйца, овощи, молоко и кур, предлагали прибраться в хлеву, наколоть дров на завтра, вообще, сделать какую-нибудь работу, но от денег отказывались, заявляя, что из них „ни шубы не сошьешь, ни щей не сварить“...

Было отчего растеряться!..

И тем неукротимее, тем выше вздымалась волна ненависти против самозванных переустроителей тысячелетиями освященного порядка.

— Погубить их, какой бы то ни было ценой! — вот было заветное желание тех, у кого шаг за шагом, день за днем, власть их, считавшаяся неотъемлемой, выскользывала из рук...

— Что ж, дети мои? — говорил старый профессор, обращаясь к немногочисленному (всего четыре человека) экипажу корабля. — Ведь за время трех последних кругосветных рейсов, куда ни посылали мы самые могучие разряды детонатора, — нигде ни одного взрыва! Не закончена ли первая часть нашей программы? Не пора ли спуститься на землю и сделать тайну детонатора достоянием человечества?

Непосильная работа (он с непобедимым упрямством нес службу наравне с другими) заметно подорвала и его железное здоровье. За последний год он постарел лет на десять... Конечно, кроме тяжелой вахтенной службы и связанного с ней переутомления, немалую роль сыграло и скудное питание (кормиться приходилось исключительно консервами).

Сергей, этот бывший „Повелитель царей воздуха“, в предвидении катастрофы, еще задолго до нее, и при содействии только старых боевых товарищей, на которых мог положиться, как на самого себя, в наиболее затерянных, уединенных точках земного шара устроил склады „*neo-generatora*“, съестных припасов и всего необходимого. Ими они и жили... Редко, очень редко, удавалось полакомиться тем, что моряки далекого прошлого называли „свежей провизией“. Получение ее являлось результатом либо удачной охоты и сбора плодов в какой-нибудь вовсе необитаемой местности, либо — посещения такого захолустья, на которое самые предприимчивые люди еще не обращали своего внимания, и где жители не ведали о принудительном все-светном бойкоте „Корабля Красного Креста“...

— Что верно, то верно! — отозвался Ван-Дрюйер, давно втайне мечтавший о кружке свежего мартовского пива. — Пора бы справиться, что из этого вышло!..

По зрелом обсуждении решили, однако, что прежде всего необходимо именно „справиться“, произвести разведку. Средства для этого, как оказывается, имелись.

На безымянном островке в южной части Индийского океана, близ острова Гэрд (шир. 46° 30' южн., долг. 75° вост.), в кратере потухшего вулкана был спрятан Сергеем его быстроходный аэромобиль, тот самый, на котором он сделал свой первый визит в усадьбу профессора.

К нему-то и направил свой полет „Корабль Красного Креста“.

На картах всего света январская изотерма, проходящая через остров, отмечена + 4° С (а ведь январь южного полушария — это июль северного!), но в глу-

бине кратера — вероятно, потому, что деятельность вулкана не угасла окончательно — температура была значительно выше, и на плодородной почве, со всех сторон укрытой от ветров, развилась, как в теплице, богатая растительность субтропического пояса. Свету для нее было достаточно, так как в гигантскую воронку кратера посылало свои лучи яркое солнце 46-градусной широты.

В этом райском уголке, где не было ни хищного зверя, ни злого человека, воздушный гигант, вынужденный временно прекратить свою деятельность (из-за недостатка экипажа), нашел себе надежный приют, а легкий аэромобиль отправился на разведку.

Относительно выбора самих разведчиков больших споров не было. Профессор явно не подходил; Вера предложила свои услуги, но даже не решилась протестовать, когда он были категорически отвергнуты; Ван-Дрюйер... — но типичная фигура дюжего голландца, никогда и нигде не скрывавшегося, была увековечена в стольких иллюстрациях и карикатурах, что ни в каком захолустье он не мог бы сохранить своего инкогнито... Оставались: Джигит, которому на его родном Кавказе можно было бы легко подыскать сотни двойников, да Сергей, всегда окружавший себя такой таинственностью, что только немногие из его ближайших подчиненных (а большинства из них уже не было на свете) могли бы признать его в случае неожиданной встречи.

Странное дело, но с отбытием разведчиков старый профессор вдруг круто „сдал“...

Казалось бы, наступило время отдыха, время набраться сил на случай необходимости новой работы,

а на случай успеха,— чтобы насладиться плодами понесенных трудов. Но старое сердце не выдержало...

Напрасно Вера окружала его самой нежной заботливостью, на какую способна чуткая душа женщины, а Ван-Дрюйер, этот геркулес с сердцем ребенка, не позволял ему ни малейшего утомительного движения, носил его на руках — короткое дыхание, приступы удушья становились все чаще и чаще...

Профессор естественных наук, да еще такой, каким был прославленный Иван Дмитриевич, конечно, не мог быть невеждой в медицине, и вполне ясно давал себе отчет в своем положении...

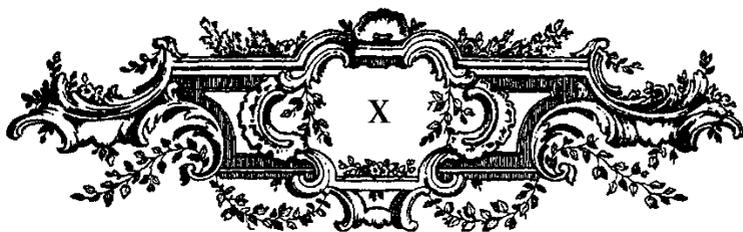
— Дети мои... — говорил он ровным тоном, не повышая голоса, стараясь не волноваться. — Если этот старый комок мускулов, который зовется моим сердцем, еще работает; если аорта, пропитанная известкой, еще не ломается, — то это единственно в надежде узнать, чего мы достигли... Мне так хотелось бы верить, что мы послужили на благо человечеству... но я боюсь только верить, и хотел бы знать... Если не доживу до их возвращения, обещайте мне... не хоронить меня здесь, где придется сгнить... Снизойдите к глупой причуде старика... Что старый, что малый — их желания исполняют охотно... Я всегда был поклонником культа древнего Египта — стремление сберечь мумию... Если в этом теле жила душа, математически познавшая, что существуют трансцендентальные величины, которые не могут быть выражены никаким конечным числом цифр, что существует эллиптический интеграл, который мы можем решить только в приближении, — то... только подумать, что из этой оболочки великого духа поползут червяки, вырастет трава... Дома, в которых жили отдельные люди, которых называют великими, оберегаются, как святыня, но те-

ло, в котором жил дух человека, остановленного в своем совершенствовании, в стремлении к высшему познанию лишь невозможностью перешагнуть за грань конечного и постигнуть бесконечное, доступное лишь пониманию, не связанному с убогими функциями наших чувств, — это тело разве не заслуживает внимания и заботы еще больше, чем тот дом, в котором оно обитало?.. Обещайте, что похороните меня среди вечных льдов, где в тот час, когда наступит великое обновление ветхого мира (а я верю, что этот час придет), я мог бы найти мое дряхлое тело, мог бы опять заглянуть в те извилины моего мозга, в которых запечатлелось все, познанное мною в пределах земной жизни...

Вера в ответ бормотала что-то несвязное, стараясь скрыть слезы, подступавшие к горлу, зато Ван-Дрюйер отвечал уверенно, основательно взвесив каждое слово: — „Будьте совсем спокойны. — Если бы никого не осталось, я один свезу вас туда, куда вы хотите!“

И чувствовалось, что уж это будет верно.

**Результаты разведки. — Смерть старого профессора.
— Конец Джигита. — Слабая надежда. —
Последний бой. — Нежданно уцелевшие.**

Аэромобиль вернулся много раньше, чем его ждали, но... с одним только пассажиром...

— А Джигит? Что с ним? — тревожно спрашивала Вера.

— Его не будет... — сумрачно отозвался Сергей. — Впрочем, дайте рассказать по порядку. Так выйдет скорее и понятнее. — Без особых приключений мы перелетели океан, видели кусочек Мадагаскара и часть восточной Африки, но тут не стоило задерживаться. — Спустились в Луксор, развалины которого я хорошо знаю. — Здесь спрятали аэромобиль. — Было условлено, что Джигит поселится где-нибудь по близости, чтобы за ним присматривать и, в случае чего, в зависимости от обстоятельств, либо известит меня, либо, от меня получив известие, летит ко мне на выручку, или к вам, с вестью о моей гибели. Сам я направился в Каир, полагая, что, как бы ни изменилось лицо земли, но в январе это место полно туристами, слетевшимися со всех концов света, среди которых мне нетрудно будет затеряться. Предположения мои в значительной мере оправдались. Только в городских воротах (теперь, как в средние века, все города обнесены стенами)

вышла заминка: спрашивали пропуск, которого у меня, очевидно, не было. Пробовал вывернуться, отговориться незнанием местных обычаев, — плохо верили... Выручило из затруднения старое свидетельство на право жительство, выданное некогда студенту Сергею Дьячкову, которое с давних пор хранилось в моем бу-мажнике. Начальник караула, вызванный часовым, едва только взглянул на бумагу, которой я пытался (на отчаянную) удостоверить свою личность, как дружески усмехнулся и спросил: „*Riga dictatory 's emigrant?*“ — Я, конечно, не стал спорить, но утвердительно кивнул головой, после чего меня беспрепятственно пропустили. Почему это странное звание имело такую силу, и до сего времени осталось мне неизвестным... Дальше, после того, как я позавтракал в каком-то *café* и бегло просмотрел кипу газет и журналов, прислушиваясь, в то же время, к разговорам многочисленных посетителей, я был уже настолько ориентирован, что все пошло довольно гладко. Правда, поначалу курьезно было видеть отряды полицейских, вооруженных алебардами, с арбалетами за спиной... но это — мелочи. Я вовсе не собираюсь рассказывать вам моих приключений, и перехожу прямо к делу. Первая часть нашей программы действительно выполнена. Нет больше на поверхности земли ни огнестрельного оружия, ни взрывчатых веществ, но это не значить, чтобы человечество разоружилось. Нет! Оно взялось за старое, испытанное, холодное оружие!..

— Торжество индивидуализма... всякий может постоять за себя, поскольку на это способен...— как-то странно усмехаясь, промолвил профессор.

— И мы упустили из виду, — продолжал Сергей, словно не расслышав этого замечания, — что ведь до самых последних дней существовали полудикие наро-

ды, у которых копье и сабля служили игрушками их детям... Хищные инстинкты этих масс сдерживались только страхом перед теми громами, которыми владеют народы цивилизованные... Мы сняли с них эту узду, сломали плотину, ограждавшую светлый мир от царства слепого, всепоглощающего хаоса!.. Их орды хлынули по лицу земли могучим потоком, все губя, все уничтожая перед собою!.. Мы думали, что, вырвав из рук цивилизованных народов смертоносное оружие, мы дадим им возможность мирно закончить уже начавшийся „великий перелет“, перемешаться, переродниться, слиться в одну общую дружную семью... Но не успел еще этот перелет дать осязаемых результатов, как под нашим же покровительством началось „великое переселение“ народов, нашествие новых гуннов и вандалов на очаги цивилизации!..

Вера слушала его молча, бледная, с широко раскрытыми глазами; Ван-Дрюйер тоже молчал, тяжело дыша и низко опустив голову... Зато профессор, с внезапной энергией откинув одеяло, которым были укутаны его ноги, бодро вскочил с кресла и заговорил, словно охваченный каким-то вдохновением:

— Мужайтесь, дети мои! Не падайте духом! Свято выполняйте то дело, которому предназначены Всевышним! „Все — благо! Бдения и сна приходит час определенный“!.. Придет и ваш час, когда назначение ваше будет исполнено, и вас сменять другие; но пока есть силы, не предавайтесь унынию!.. Новые гунны и вандалы разрушают очаги цивилизации! Почему же вы думаете, что это — зло?.. Римляне времен упадка империи не говорили разве, что на веки гибнет цивилизация, что никогда тевтонец, гот, скиф или сармат не постигнуть прелести Горация, философии Платона, мудрости Архимеда и Аристотеля? — Но прошли века,

и эти самые варвары дали миру Гете, Пушкина, Канта, Коперника, Ньютона!.. А до того? Разве жрецы Изида не высказывали тех же жалоб при нашествии римлян?.. Гибнут очаги цивилизации?.. И пусть гибнут! Это не случайно! Если гибнут, то, значит, отжили свой век! На их развалинах возникнут новые! Место молодым и сильным!.. День клонится к вечеру — усталым пора на покой!.. Но впереди не вечная ночь! Опять займется заря! Опять взойдет солнце!.. Нет смерти! Только...

Он не договорил, судорожно схватился за сердце и тяжело опустил на руки верных друзей...

Последняя воля его была свято исполнена: вечные льды южного полюса приняли прах старого энтузиаста.

— Ну, вот!.. А дальше-то что же? — спрашивал Вандрюйер, заботливо прилаживая последнюю глыбу кристального льда, венчавшую погребальный холм.

— Последуем его завету, — тихо молвила Вера, подымаясь с колен. — Будем выполнять возложенную на нас миссию, пока не придет наш час.

— Не хочу вас обманывать. Мне кажется, что он уже близок... — решительно перебил Сергей.

— Почему? Что такое?

— Ведь я не закончил отчета о моей разведке... Самое важное осталось недосказанным... Но нельзя терять времени! Может быть, дорога каждая минута! — На корабль! — К отлету в обратный путь!

Когда все было налажено, и „Красный Крест“ уже несся к станции „Кратер“ полным ходом и прямым курсом (при этих условиях, на диво конструированные

приборы управления действовали автоматически), Сергей заговорил снова:

— Десяти дней, проведенных мною в Каире, было вполне достаточно, чтобы уяснить себе общую картину положения дел, и прийти к заключению, что нам возвращаться на поверхность земли, по меньшей мере, преждевременно. Там у нас только враги. Новоявленные Аларихи и Тамерланы в программе своих отношений к нам очень мало расходятся с защитниками старой цивилизации. Первые мечтают победить нас и овладеть тайной детонатора, чтобы затем использовать его в интересах завоевательных, а последние — более скромны, и стремятся только уничтожить нас вместе с нашим прибором, чтобы снова получить возможность выступить против варваров во всеоружии техники взрывчатых веществ, и снова поработить их... Я уже собирался покинуть Каир, когда неожиданное известие, разнесшееся с быстротой молнии, вызвало среди обитателей города бурю восторгов: — „Близ Луксора захватили одного из последних царей воздуха!“

— Это была Джигит?..

— Сначала я не поверил, но... видите ли... они, это зверье, подвергли своего пленника самым утонченным пыткам, самой мучительной казни, и увековечили это зрелище на лентах кинематографа, которые рассылали по всему свету... Я сам видел и... узнал его... Ах, Вера!.. Если бы осуществима была основная идея твоего детонатора во всей ее полноте!

Если бы можно было его лучом всю воду океанов превратить в гремучий газ и взорвать всю землю, со всем ее отродьем!.. Лучшего люди не заслужили.

— Разумеется!.. — подтвердил голландец.

— Одновременно распространилось и другое известие, которое первоначально хотели сохранить в тайне,

но не сумели... Говорили, что... — (нехорошо осуждать покойника, но, ведь, это ж было чудовищной ошибкой!) — в его записной книжке нашли полный перечень всех наших тайных складов и станций с точным указанием широт и долгот!..

— Но как он выдал себя?

— Не знаю ничего достоверного... — Такой клубок легенд сплелся около этого события!.. — Не то предатель, втершийся ему в душу, не то какая-то феллашка, которую он обещал сделать царицей воздуха... — Так или иначе, но я должен был предупредить вас о грозящей опасности... — Каким путем?.. — И вдруг, мне пришло в голову: писали и говорили только об „одном из царей воздуха“, ни разу не заикнувшись ни о его имени, ни о его аэромобиле, строя лишь догадки о том, что занесло его в окрестности Луксора... — Я выбрался из города (не без затруднений) и поспешил к нашему тайнику. — Аэромобиль был там! — И мне стало стыдно моего мимолетного, даже самому себе определенно невысказанного сомнения в верности погибшего друга!.. — Ясно, что никакие попытки не в силах были вырвать из него ни единого слова в дополнение к тому, что выдано было его записной книжкой!..

— Так вот что... — протянул Ван-Дрюйер, нарушая воцарившееся молчание. — Ты, однако, распорядись, как быть... Верно, что-нибудь придумал?..

— Полуофициальное известие о том, что список наших станций попал в руки врагов, вызвало всеобщее ликование... Все верили, что если разорить их, то пришел конец нашей деятельности... — Единственная моя надежда — станция „Кратера“, так как о ней никто не знал, кроме меня... В старом списке, у Джигита, ее, наверно, не было... Хотя, может быть, он, не доверяя памяти, вписал ее?.. — Все же — попробуем! — Склад

богатый. Нагрузимся по уши. Перевезем в новое место. Не за один, так за два, три, четыре рейса!.. — Обеспечив себя так на первое время, взяв отсрочку, — обсудим, что делать дальше...

Возражений не было.

Выбрав момент, когда восток чуть брезжил зарею, „Красный Крест“ приблизился к безымянному островку, несколько раз облетел его с внешней стороны (как будто, все благополучно?), затем, самым малым ходом, описал круг по гребню кратера, держась так низко, что, несмотря на сумрак, простым глазом можно было видеть неровности почвы (тоже ничего подозрительного) и начал медленно опускаться в глубину воронки, ежеминутно готовый взметнуться кверху.

— Кажется, ты напрасно заподозрил Джигита в чрезмерной педантичности! — нервно засмеялась Вера.
— По-видимому, сюда не заглядывали...

— Смотри, не сглазь! — пошутил Сергей.

Стаи еще дремавших птиц засуетились в чаще, одевавшей внутренние стенки кратера...

— Вот это — хороший знак, — заметил Ван-Дрюйер.
— Будь тут чужие, которые жгли и взрывали, птицы были бы распуганы...

Действительно — склад оказался в полной неприкосновенности.

Все трое работали, не покладая рук. Время близилось к полдню. Изрядно припекало. Собирались наскоро позавтракать, подкрепить силы...

— Стойте! — окликнула Вера.

Аппарат беспроводного телеграфа слабо, невнятно потрескивал, еще не давая на ленте никакого отпечатка...

— Может быть, гроза собирается? — Атмосферные разряды?.. — неуверенным тоном спросил Сергей...

— А я думаю, что будет грозно, хотя не гроза! — заявил Ван-Дрюйер и, довольный своим каламбуром, указал на черные точки, ясно выстулавшие в глубине безоблачного неба.

Приказания были бы излишними. — Всякий слишком хорошо понимал, в чем дело... — Но когда „Красный Крест“ взвился над гребнем кратера, — безнадежность положения стала очевидной...

Ван-Дрюйер бормотал какие-то проклятия...

Вера оглянулась, и странно-спокойным тоном промолвила:

— Как будто под „сеткой“?..

— И даже не под „сеткой“, а под надежным „коллаком“! — резко прервал ее Сергей. — Пришел наш час!.. Жаль только, что нет под руками ни пушек, ни бомб, чтобы, по крайней мере, дорого продать свою жизнь!..

— А детонатор?..

— Что?.. — недоумевающе переспросил Сергей.

— Если я еще не добилась луча, способного взорвать океаны, то *neo-generator* взорвать уже могу!... А тогда... — широким жестом она повела рукой по горизонту, — все вместе!..

— Ты можешь?.. И ты готова?.. — восторженно воскликнул Сергей...

— Минутку терпения! — проговорила Вера, склоняясь над аппаратом и переставляя какие-то коммутаторы...

Ван-Дрюйер не сразу сообразил, но, догадавшись, пришел в восторг.

— Вот это дело! Вот это называется — похоронить себя не без салюта!.. Ну, минхерц! Пока наша дама хлопочет с детонатором, постараемся повеселиться по-

следний раз! Заманим их поближе, потеснее!.. Чтобы без ошибки — все вместе! Вот чего они не ожидают! Слово старого голландца! — никак не ожидают!.. Ха-ха-ха!..

„Красный Крест“ испуганно и бестолково (как казалось со стороны) заметался по всем направлениям, то взлетая кверху, то камнем падая к самой поверхности океана, как бы в тщетных попытках найти путь, наиболее удобный для прорыва сквозь медленно, но верно оседавший над ним „колпак“.

Эта явная растерянность придала смелости нападающим. — Взять живьем было бы еще лучше!..

— Сдавайтесь, и ваша жизнь будет пощажена! — телеграфировали они, замедляя ход.

— Готово ли? — торопил Сергей...

— Сейчас... сейчас... — Готово!

.....
— Убирайтесь, пока целы! Никому не будет пощады! — телеграфировал „Красный Крест“...

Уже можно было различать силуэты рулевых, склонившихся над штурвалами...

.....
Сергей, сняв фуражку, широко перекрестился...

Ван-Дрюйер последний раз глубоко затынулся и бросил за борт недокуренную сигару...

— Прощайте — здесь! И до свиданья — там! — крикнула Вера, всей силой налегая на рукоятку замыкателя.

.....
Более сотни воздушных кораблей составляли тот „колпак“, которым было накрыто последнее убежище „Красного Креста“.

Все они взорвались одновременно.

Казалось — само небо вдруг было охвачено всепожирающим пламенем. Казалось — огненный вихрь,

зародившийся в зените, раскинул свой полог над морем.

Не было ни криков, ни стонов,

Никто не успел даже подумать о том, чтобы крикнуть.

Пламенный купол вспыхнул над гладью океана и стремительно рухнул в его недра.

Грохот взрыва потряс вековые скалы, и снова все смолкло.

Только кипела и пенистыми столбами взметывалась кверху вода, поглощавшая пылающие обломки. Еще несколько мгновений — и она успокоилась. Словно и не было здесь никогда грозного воздушного флота, слетевшегося со всех концов света...

Только один, видимо, никем не управляемый корабль нелепо кружился в лазури безоблачного неба, поднимаясь все выше и выше...

Весь белый, с огромным красным крестом на бортах...

Первым опомнился от ошеломляющего удара Сергей и, чисто по привычке, выработавшейся в боях, бросился к покинутому рулевому аппарату...

— Почему же мы... Как это странно... — говорила Вера, глядя перед собой широко открытыми глазами.

— Ущипните меня, пожалуйста! — воскликнул Ван-Дрюйер, — чтобы я знал наверно, жив я или нет?

— Это ты выдумала?

— Клянусь Богом!.. Я сама ничего не понимаю! — отозвалась она, еще не вполне давая себе отчет в совершившемся событии. — От этого разряда должна была бы взорваться каждая капля „neo-generator' a“ в районе десяти миль!.. Почему же у нас...

— Стоп все! Я понимаю! — крикнул Сергей и рас- смеялся так, как смеются только раз в жизни. — Ведь склад Кратера я устраивал давно, когда о „*neo-generator'e*“ еще и не думали! — У нас в цистернах про- стой, первобытный „*generator*“! — Твой адский разряд был слишком глубок для него, и потому он не сдето- нировал!..

— Так! Так! Конечно!.. Хотя все же...

— Дети мои, — перебил их Ван-Дрюйер, — оставим разрешение вопроса с научной точки зрения до более благоприятного времени, когда вы займетесь этим де- лом на досуге, сейчас же нам нужно решить: что пред- принять?

— Исполним завет покойного! — страстно заговори- ла Вера. — Не будем умничать! Богу угодно было воз- ложить на нас великую, хотя бы и непонятную нам миссию! — Выполним ее до конца!..

— Так, так! Конечно! — поддержал ее Сергей

Как раз в это время „Красный Крест“, задержанный на своем произвольно взятом курсе, проносился над островом Гэрд. — Можно было различать группы не- многочисленных обитателей острова, спешивших к станции беспроводного телеграфа.

Под впечатлением только что избегнутой, казалось бы, неминуемой смерти, неудержный задор, желание „припугнуть и посмеяться“ охватили бывшего „Пове- лителя Царей Воздуха“.

— „Слушайте вы! — телеграфировал он. — Тщетны все ваши ухищрения! Детонатор бодрствует над ми- ром! Горе тем, кто осмелится восстать против него!“

— А надолго ли нас хватит? — спросил невозмутимый голландец, никогда не оставлявший своей мысли недосказанной. — Уж если „Красный Крест“ караулили у Кратера, то не подлежит сомнению, что все прочие наши станции давно разорены... Смею думать, что даже облетать их с целью удостовериться в печальной действительности — не стоить труда. — Слишком очевидно... — А так, как мы есть... Я опять повторяю свой вопрос — надолго ли нас хватит?

— Месяца на два!.. — холодно, в тон ему, ответил Сергей.

— Мы работали годы, — продолжал Ван-Дрюйер. — Во благо или во вред человечества — не берусь судить — совершили великий переворот. Что же прибавят два месяца к тому, что уже сделано? Думаю — немного, даже — ничего... Если, вообще, задача, хотя бы в том виде, как ее обрисовал профессор перед смертью, осуществима, — она уже осуществлена. Если нет, если детонатор должен... ну, хоть не вечно, а еще десятки лет, носиться над землей, препятствуя появлению на ее поверхности взрывчатых веществ, — мы к этому делу оказываемся непригодными... Просто и убедительно...

— Значит... — прервал Сергей тягостное молчание, — остается просить Веру, чтоб она поставила контакты своего прибора на старый *generator*, и... — повернуть рукоятку...

— Кажется, так... — тихо отозвалась Вера...

— А мне так вовсе этого не кажется! — оживленно заговорил Ван-Дрюйер. — Надоела мне эта возня с вашим человечеством хуже горькой редьки! Я им больше не пыльщик!.. Слушайте, дети мои! Плюнем на них, и заживем сами по себе и сами для себя! Как-то раз слу-

чилось мне, для какого-то исправления в машине, спуститься на островок еще восточнее Рапа-Нуи^{*)}, совсем необитаемый и маленький-маленький! — Не только человека, но и зверя нет. Растут, однако же, кокосы и бананы... — Махнем туда, и заживем „робинзонами“! — Довольно мы намотались по свету, довольно послужили человечеству, чорт бы его взял!.. Никаких мировых вопросов, ни мировой скорби, ни мировой радости!.. Чудесно!..

— Эх, дядя! — остановил Сергей размечтавшегося приятеля. — Ну, пусть твой островок был и есть необитаем, но кто поручится, что в любой момент его не посетит какой-нибудь воздушный корабль, как это сделал некогда ты сам? Вот и к чорту пошло твое уединение!

— Но мы изолируемся!

— Чем?

— Детонатором! Мы его установим в центр острова; досточтимая изобретательница наладит его контакты так, чтобы он непрерывно и последовательно посылал в пространство разряды: на порох, на пироксилин, на лидит, на шимозу, на, *generator*, на *neo-generator*... Какой же дьявол сможет прилететь к нам при таких условиях, и помешать нам жить, как в раю, как было указано жить Адаму и Еве? Я лично ничего большего не желаю! К чорту всякую заботу о человечестве!..

— А ведь это возможно... — подтвердила Вера, и слабый румянец вспыхнул на ее щеках.

— Ну, вот! Ну, вот! — торжествовал Ван-Дрюйер. — Заживем так, как никогда не жили!.. Пиво, я думаю, можно варить из бананов, а за табак сойдут листья агавы...— добавил он, как бы про себя.

„Красный Крест“ взял курс восточнее Рапа-Нуи.

^{*)} Остров Рапа-Нуи находится в долготе 250° восточной и в широте 27° южной.

Завоевание „необитаемого“ острова. — Дикарь. — Отгородившись от мира.

— Да будем же спускаться! — сердился голландец.

— Надо убедиться в необитаемости, — возражал Сергей. — Помни, что каждый человек — наш враг!..

„Красный Крест“ тихо реял над островком, затерянным в юго-восточной части Тихого океана, едва не касаясь винтами растрепанных крон кокосовых пальм.

Все трое, прикинув к зеркальным стеклам пола капитанской рубки, зорко высматривали, не откроется ли чего-нибудь подозрительного.

— Ну, вот, и „необитаемый“! Смотри!..

На небольшой лужайке, в самой чаще тропической заросли девственного леса, дымился догорающий костер...

Положение усложнялось...

— Однако, вот что... — заговорил Ван-Дрюйер, — костер есть, а значит, есть и люди, которые его зажигали. Это — бесспорно. Но если они спрятались — значит, они нас пугаются, значит, их немного. Если боятся — мы сильнее. Спускаемся, и посмотрим!..

Еще раз облетели островок, тщательно оглядывая его сверху. Обнаружили вытащенную на берег пирогу, искусно замаскированную валежником и лианами. Общим советом, по разным признакам, решили, где,

вероятнее всего, могут скрываться ее владельцы, и тихо спустились на землю вблизи намеченного пункта.

В роли авангарда выступил Ван-Дрюйер, вооружившийся арбалетом, а за пояс заткнувший добрый топор; за ним следовал Сергей, обязанный поддерживать связь между головными силами и кораблем, на котором держался резерв. — Вера, имевшая под рукой целый арсенал самострелов, готовых к действию... Это — чтобы, в случае нужды, прикрыть отступление...

Старые коршуны не ошиблись в своих догадках о местонахождении противника...

Едва только Ван-Дрюйер приблизился к подозрительной заросли, как в воздух свистнуло метательное копьё...

По счастью, как раз в этот момент, он обо что-то споткнулся (чуть не упал), и острое лезвие только оцарапало ему шею... Без этого — было бы прямо в сердце!..

С боевым кличем — „*Airking*“! — голландец, прикрывшись щитом, ринулся вперед...

Навстречу ему выскочил молодой, стройный островитянин.

— Бэк! Мори-татакау!^{*)} — крикнул он, размахивая обнаженным крисом.

Ни минуты не колеблясь, добродушный богатырь кинул свой арбалет и даже топор из-за пояса, стеснявший его движения, бросился на противника, вырвал крис из его рук, оглушил его ударом по лбу и подмял под себя...

^{*)} Плохой образчик того, что современники называли «airspoke»: — английское «Back» (назад), итальянское «torni» (умри) и японское «татакау» (сражаюсь). — В общем, это значило — «Не подходи! Буду биться насмерть!»

Это великодушие могло бы обойтись ему довольно дорого. Две женщины, вооруженные тяжелыми камнями, бросились на победителя. Им помешал Сергей, поспешивший на шум схватки. Ловко брошенный аркан швырнул на землю одну из них, зато от другой сам он получил удар в голову, сваливший его с ног.

По счастью, Ван-Дрюйер, успевший уже скрутить своего пленника, вовремя остановил руку, готовившуюся разmozжить череп старого товарища, схватить воительницу в охапку, кинул ее наземь рядом с ее подругой, тщетно пытавшейся вывернуться из петли аркана, и крепко спеленал их обеих свободным его концом.

— Ну, — обратился он к Вере, которая, покинув свою цитадель, с арбалетом в руках и с кинжалом за поясом прибежала на выручку, — присмотрите за ними и помогите ему! (он указал на Сергея). Слава, Богу, кажется, не серьезно... А я пойду, погляжу, нет ли еще кого...

Когда он вернулся со своей рекогносцировки, Сергей уже сидел, прислонившись спиной к стволу дерева, и тщетно пытался успокоить хлопотавшую над ним Веру, убеждая ее в том, что никакой опасности нет, что „кокос“ цел, и все кончится синяком да здоровой шишкой.

Обе женщины, спеленатые арканом, лежали недвижимо, словно мертвые, в тех же странных позах, в каких голландец бросил их на землю.

— Не придушил ли их в горячке старый бегемот? — мелькнула в голове Сергея укоризненная мысль.

Зато их защитник, связанный по рукам и по ногам, катался по траве в конвульсиях бессильного бешенства...

— Убей! Убей! Убей! — завопил он, увидев возвращающегося Ван-Дрюйера. — Убей сразу! — Рабом твоим я не буду!.. Убей сразу, чтобы мне не видеть их рабства!.. Убей сразу!..

Некоторое время голландец с недоумевающим видом разглядывал это медно-красное тело, извивавшееся у его ног, потом заговорил:

— Послушай, ты, глупый человек! Ни тебя, ни их (если они живы) мы вовсе не собираемся обращать в рабство! Почему же нужно, чтобы я тебя убил?

— Убей сразу! Убей сразу!..

„Но этот совсем дурак, или сейчас сошел с ума!“ — решил Ван-Дрюйер и, обращаясь к Вере, сказал: — Попробуйте поговорить с ним! Может быть, он слишком меня боится?..

Вера не заставила себя ждать (так как Сергей, вполне оправившись, уже твердо стоял на ногах), и немедленно вступила в переговоры с островитянином, пока товарищи ее занялись скрученными в бесформенный комок женщинами. Эти последние, как выяснилось, были только „слегка помяты“, быстро пришли в себя и тотчас же бросились к ногам своих освободителей, моля о пощаде.

— Какой удивительно-глупый народ! И кто нагнал на них такого страха? — изумлялся Ван-Дрюйер.

Все трое — пленник и обе пленницы — принадлежали к тому, довольно редкому типу обитателей островов восточной Полинезии, относительно происхождения которого много и долго, но бесплодно спорили великие энтомологи. — Медно-красный оттенок кожи, удлинённый овал лица, резко очерченный профиль — делали их более похожими на индейцев Америки, нежели на прародителей прочих полинезийцев — малайцев, тагалов, яванцев, дакотов и папуасов. Смелые

умы допускали мысль, что крайние острова восточной Полинезии были заселены выходцами из Ю. Америки, которых занес сюда пассат, и, наоборот, тот же пассат помешал достигнуть до этих островов монгольской волне, шедшей из Азии.

Справедлива эта гипотеза, или нет — для нас неважно, — засвидетельствуем лишь тот факт, что если Ван-Дрюйер отдергивал и прятал свои руки, которые пытались целовать эти две женщины, то вовсе не из чувства врожденного отвращения к приплюснутым носам и широким скулам монгольской расы (которых в данном случае не было), а единственно... из скромности...

— Ну, что же? Угомонили вы вашего пациента?..

— Мне кажется, что да!.. Он доверился... и его можно бы развязать... — отозвалась Вера.

— Отчего ж не развязать! — согласился Ван-Дрюйер, обращаясь к Сергею. — Ведь чуть что — стук по темечку — и опять безопасен.

— Грех вам, если вы глумитесь над моей доверчивостью!.. Дух Неба не простит этого!.. Хоть вы, белые, и не верите в Него, но Он есть! Наверно, есть!.. Если страдание „здесь“ не возмещается блаженством „там“, то ведь нет справедливости!.. А разве можно жить, если справедливости нет, и не будет ни „здесь“, ни даже „там“?.. Тогда — кончить скорее!.. Если бы рыба могла знать, что ее вытащат из воды и будут жарить на огне, разве она не искала бы смерти, скорой, простой смерти, чтобы избежать такого конца?.. Но только она не знает, не понимает; а если бы и знала, и понимала, то не может, не умеет... Почему же человек, который и знает, и понимает, и умеет, и может, — не убивает себя сразу? Потому, что верит в Его справедливость...

Так говорил молодой дикарь, а „цари воздуха“ слушали его речь, и не было на лицах их даже тени усмешки...

— Во имя Его справедливости я вечной ненавистью поклялся белым!.. О, как хорошо умеют они затягивать в свои сети!.. И вам я бы не поверил, хоть вы... странные, непохожие на других... совсем другие... но Ей, Дочери Солнца, не могу не поверить — и все скажу!.. Я — Мануи, вот жена моя — Ваганга, а вот сестра моя — Тематенги. Жили мы мирно на своем родном острове, и хоть давно уж (старики не запомнят, когда в первый раз) заглядывали к нам белые, но не очень нас притесняли. Взять с нас было нечего... Многому даже на пользу себе от них научились... Пришел и наш черный день. Прилетели по воздуху... Первый раз — ничего, а потом — все хуже и хуже... Стали забирать, силой увозить с собою детей и женщин... говорили, смеясь, что „неплюскомордые“, и на рынке идут дороже других... Долго терпели, потом не выдержали... Худо вышло! Худо кончилось!.. Прилетели великой силой... все разорили... Ночью — была гроза... Я подумал — все равно! Подговорил жену и сестру. Захватили с собой, что могли, сели в лодку и отдались на волю бури... Ведь буря от Него, а не от людей! Она — милостивая!.. Сколько дней она мчала нас по океану, и принесла сюда... Вот и все...

Мануи умолк, низко склонив голову.

Ваганга и Тематенги, прижавшись друг к другу, пугливо прятались за его спиной, плохо понимая ломаный „*airspoke*“, на котором он давал свои объяснения.

— Будьте же хоть раз слугами Его справедливости!
— снова с необычайным оживлением заговорил Мануи.
— Поймите людей, которые не хотят быть рабами! Ес-

ли нет такого уголка в мире, где нас не настигли бы порабитители, верните мне мой крис! Я не направлю его против вас! Нет! Нет! Я буду целовать те руки, которые вернуть мне мое оружие! Им я убью — вот их и себя! И мы умрем свободными!..

— Да он совсем смешной, но славный малый! — проворчал Ван-Дрюйер.

— Ведь и у вас есть сердце? Ведь и у вас был человек, который назывался „царь воздуха“, который не позволял „им“ обижать слабых?

— Мы — последние, верные слуги того, кого ты назвал, — ответил ему Сергей. — Он так же, как и ты, ищет по свету уголка, где мог бы преклонить голову, где люди не могли бы его настигнуть... Оставайся с нами, если хочешь быть свободным! Мы утратили власть над миром, но все еще достаточно сильны, чтобы отгородиться от него!

Шли годы...

Был ли кто-нибудь жертвой разрядов, посылавшихся детонатором в пространство, — сказать трудно. Если и взрывался какой-нибудь корабль, направлявшийся к островку, то настолько заблаговременно и на такой дистанции, что заметить этот взрыв оказывалось невозможным. Во всяком случае, благодаря ли исправному действию аппарата или просто уединенному местоположению, никто сюда не заглядывал и не тревожил спокойствия маленькой колонии.

Ничтожные, сами по себе, запасы различных семян, захваченные в пирогу краснокожими при их бегстве от „Злых воздушных дьяволов“, под опытным руководством Веры, послужили основой для развития такой

„грядковой культуры“, о которой не снилось и самому Демчинскому. Ван-Дрюйер, действительно, добился того, что из бананов варил пиво „не хуже мюнхенского“, а из листьев какого-то, специально им культивированного растения делал сигары. Мануи находил их великолепными; Сергей в суждениях воздерживался, сам же фабрикант любил отмечать тот факт, что и в Гамбурге они изготавливаются, преимущественно, из капустных листьев...

А что делалось на белом свете после того, как станция острова Гэрд приняла последнюю телеграмму пронесившегося над ней корабля „Красный Крест“?..

Конецъ
„Царей Воздуха“.

Н. ВАССИЧ-ЛАЗАРЕВ

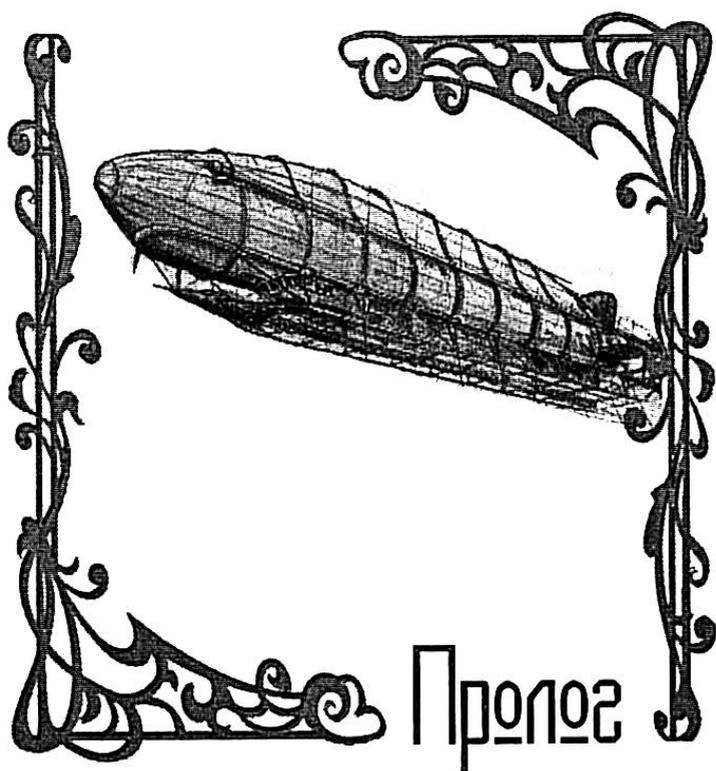
ТОВАРИЩЕСТВО

«НЕБОЛЕТ»

Приключения молодого
русского воздухоплателя
Фантастический роман

Художник И. Гурьев

Впервые опубликовано в журнале
«Задушевное слово», 1909 г. №№ 1-7, 9-24, 26-35.
В связи с очень плохим состоянием исходных сканов,
имеющихся в распоряжении публикатора, часть тек-
ста и иллюстрации печатаются по изданию:
Н. Лазарев: Товарищество «Неболет»,
Екатеринбург, ИД «Тардис», 2015

ТИХАЯ июльская ночь мириадами бриллиантовых звездных огней глядела в открытый люк наблюдательной башни Пулковской астрономической обсерватории.

Часовой механизм спокойно вращал громадный телескоп вместе с площадкой, на которой, сидя на маленьком табурете, наблюдал звездное небо очередной дежурный ассистент обсерватории, делая изредка отметки в особой тетради-журнале.

Вдруг зазвенел резкий звонок телефона, и вслед затем на матово-стеклянном экране ярко засияли переданные по фото-телефону слова:

Летим со скоростью 150 верст в час! Спустимся в Киле, Шербурге, Марсели, Тулоне, Лондоне. «Неболет» вполне оправдал ожидания. Мечта воплотилась в голубое, вечно летящее чудовище. Уже целую неделю находимся в воздушном пространстве. На «Неболете» установлен прибор — электрический разрядник — способный в течение нескольких минут уничтожить целый город.

Караганов.

Ошеломленный ассистент побежал разбудить директора обсерватории, чтобы известить его о небывалом факте, но не успел он сделать несколько шагов, как навстречу ему попался сам директор обсерватории. В дрожащих от волнения руках он держал только что полученную спешную экстренную телеграмму из Киева.

Содержание телеграммы было такое же странное и загадочное, как и известие по фото-телефону:

Летящий над городом огненный предмет, принятый многими за болид, оказался управляемым воздушным кораблем очень тяжелого веса, с большою грузоподъемностью, изумительной конструкции. Скорость полета равна скорости падения. Изобретатель русский инженер Караганов. Подробности завтра.

После коротенького совета, директор поспешил передать полученное известие по телефону в Петербург, где оно тотчас же сделалось достоянием редакций всех газет, а к утру следующего дня уже весь мир знал о появлении удивительного, загадочного дирижабля, целую неделю держащегося в воздухе.

Одни не доверяли известию, другие радовались ему, третьи пугались. Везде и всюду, на площадях, на

улицах, на крышах домов стали собираться народ, в ожидании появления удивительного воздушного прибора.

Конечно, наибольшую сенсацию известие произвело в России. Еще бы! Ведь речь шла о русском изобретении, о совершенно новом типе воздушного корабля, изобретенном русским инженером, решившим задачу, над которой напрасно ломали головы величайшие умы всего мира!

Ни один еще из многочисленных воздушных кораблей, аэропланов, аэромобилей, дирижаблей и т. п. не летал непрерывно целую неделю, как летел неожиданно появившийся прибор, на котором, в подзорную трубу, можно было ясно прочесть слово «Неболет», и на котором, как гласила телеграмма, находился какой-то особый электрический разрядник и огромный груз!

Загадочный корабль появлялся то над Москвой, то над Петербургом, над Лондоном и Парижем, Римом и Стокгольмом — везде возбуждая сенсацию и радость по поводу несомненной победы человеческого гения.

Но радость была не долгая. Очевидно, человечеству еще не суждено всецело овладеть тайной владычества над воздушной стихией. Не прошло и полугода, как весть о трагической гибели гениального изобретателя и его чудо-аэромобиля облетела весь земной шар, от полюса до полюса, и облекла его в траур, — однако только временный траур, ибо немедленно было приступлено к воссозданию погибшего чудовища, под названием «Неболет № 2».

И есть надежда, что благодаря этому воскресшему «Неболету» мы накануне необыкновенных событий, накануне величайшего торжества человеческого ума, человеческого гения, накануне полного переворота всей вселенной.

I.

ЗАВОДЧИК Иосиф Диомидович Мурзаев был человек очень богатый. Свое богатство он нажил исключительно смелою предприимчивостью, редким умом и необычайным трудолюбием.

По лицу и, отчасти, по выговору заметно было, что он человек «восточного происхождения», хотя уже отец его успел совершенно обрусеть.

Несмотря на свои 55 лет, он казался еще молодым человеком, благодаря совершенно черным, без малейшей седины, волосам, необычайной подвижности, энергичному характеру и краснощекому, здоровому лицу.

У Мурзаева была дочь Гризельда, как наружностью, так и характером очень похожая на отца.

Красавица в полном смысле слова, притом ласковая, рассудительная, будущая наследница мурзаевских миллионов привлекала общее внимание, и не один юноша мечтал о том, чтобы стать ее женихом.

Но Гризельда Мурзаева, или Гризли, как называл ее отец, не очень торопилась сделать окончательный выбор из толпы своих поклонников.

Между прочими претендентами на ее руку скромно держался в тени управляющей литейным заводом Мурзаева, инженер Иван Николаевич Караганов.

Сам Иосиф Диомидович, вероятно, добродушно рассмеялся бы, если бы Караганов осмелился попросить у него руки дочери. В глазах Мурзаева его исполнительный и талантливый управляющий был не более, как нищий, с весьма шаткими и отдаленными надеждами на блестящее будущее. Каких-нибудь три тысячи дохода в год, считая жалованье и премии и процентные получки за усовершенствования механической заводской части — это было в глазах Мурзаева просто «ничто»; тем более, что и в будущем Караганов не мог рассчитывать на что-либо особенное. К тому же и характер этого Караганова не очень-то симпатичен был миллионеру: горд и упрям как-то не к месту и времени, принципиален и тверд в убеждениях, а главное — фантазер-изобретатель какой-то волшебной машины, долженствующей осчастливить весь мир. Мечтатель, одним словом, а Иосиф Диомидович, будучи практиком чистой воды, не переваривал фантазий и мечтаний. Разумеется, снаружи Мурзаев относился к своему управляющему с надлежащим почтением, но интимного сближения не допускал, ограничиваясь по возможности лишь официальными служебными отношениями. Гризельда Иосифовна, напротив, далеко не чуждалась общества инженера.

Умная, чуткая душой, получившая блестящее образование в американской школе, много читающая, Гризли со вниманием и интересом относилась к «утопическим» мечтаниям и проектам Караганова. Кроме того, она чутьем своей мягкой женственной души угадывала в нем друга, верного и сильного, способного быть ей надежной нравственной опорой в жизни.

Если пока в дремлющей, убаюканной общим поклонением душе Гризельды Мурзаевой, незаметно для нее самой, разгорелся огонек разумной жизни, явилось желание сделать эту жизнь полезной ближним, то этим она была обязана исключительно Караганову.

Да и не встречала еще она в России таких людей. Много их она видала в Америке, но была тогда так еще молода, что не умела ценить их, как следует. Она понимала теперь разницу между ним и такими холодно-расчетливыми дельцами, каким был ее отец... Американцы, богатые и влиятельные, тоже не менее практичны, но зато они же и умеют щедро и разумно благодетельствовать, и вовремя поддержать и дать жизнь всякому полезному предприятию. Оттого так и процветает великая заокеанская нация.

Именно в Караганове было что-то такое разумно-сильное, что напомнило ей об ее американских знакомцах-дельцах. И было что-то и в нем, и в его вдохновенных речах невольнo заставляющее вполне довериться ему, ждать от него чего-то необычайного. Его речи о близком золотом веке, о лучезарных перспективах жизни, о возрожденном к этой новой жизни человечестве, увлекали и покоряли ее. Так же обаятельно на нее влияли волшебные сказки покойной няни в ее детстве... Но в проектах Караганова не было ничего сказочного. Они всегда мощно опирались на технику, современную, почти чудотворную технику, которая, развиваясь и совершенствуясь непрерывно, в скором будущем достигнет колоссальных результатов, все больше и больше побеждая природу.

— Вы все говорите о технике, — задумчиво проговорила однажды Гризли, зайдя в кабинет Караганова на заводе. — Не забываете ли вы о религии?..

Инженер, казалось, был подготовлен к этому вопросу.

— Техника это торжество материи, религия — торжество духа... Человек есть тело одухотворенное. Религия никогда не исчезнет с лица земли, пока на этой земле останется хоть один человек... Религия разное проявляется, но она вечна и необходима человеку, как вода и воздух. Иначе люди обратились бы в скотов и пожрали друг друга. Религия — это вечное начало, скрепляющее и семью, и государство крепким цементом... Но если дух нуждается в совершенстве, тем более — материя. Еще древние мудрецы выражались: «в здоровом теле здоровый дух». Устроив, как следует, свою материальную жизнь, мы свободно и охотно займемся усовершенствованием и духовной нравственной жизни, разумным воспитанием детей. Теперь человек питается большею частью трупами животных и растений... Но будет время, и оно близко, когда будут питаться вместо трупов отпрессованными пищевыми экстрактами... Мало ли что будет!

Мы теперь и представить даже себе не можем человеческого общества хотя бы через десять каких-нибудь жалких лет... Но вот наступит...

— Наступит «золотой век?» — чуть-чуть насмешливо улыбаясь по прежней своей «салонной» привычке и прищурив глаза, спросила девушка.

Не замечая иронии или игнорируя ее, инженер продолжал серьезно и горячо:

— Это пустые и жалкие слова! Что золото? Золото, в сущности, вздор само по себе... А век будет не золота, а икс-лучей, радия и еще многого другого в этом роде... И тогда откроют способ делать искусственно, между прочим, и золото, и обесценят его до нуля... Будущие века - века чудес... реальных чудес...

И, помолчав, задумчиво глядя в открытое окно, в бездну голубого неба, Караганов вдруг добавил:

— А прежде всего мы полетим!..

— Как полетим? — чуть не в испуге отпрянула Гризли.

— Что вас так поразило? Думаете, что я рехнулся? Но ведь люди уже летают... Цеппелины, Райты, Блерио, Фарманы и другие... Конечно, их аппараты пока не более, как детские игрушки... для взрослых.

Гризли, встрепенулась, вспомнив что-то, и спросила:

— И вы ведь строите что-то в этом роде?.. О! Я уже кое-что знаю об этом! — погрозила пальцем Гризли, смеясь.

— Откуда вы знаете? — растерянно спросил инженер. — Гм... странно... Впрочем, нет ничего тайного, что не сделалось бы явным, — рассмеялся он.

— От папы мельком что-то слыхала.

— Гм... да... правда... как-то я имел неосторожность...

— Что? Ах, простите, милый Иван Николаевич, но... ха-ха!.. именно неосторожность... ха-ха-ха!.. я не могу... Папа говорил дяде, что у него есть знакомый инженер, желающий лететь вверх, но, в конце концов... имеющий полететь вниз сообразно законам природы, как вообще до сих пор летать принято у людей... Конечно, ничуть не остроумно... я теперь и сама вижу... Вы, надеюсь, не рассердились за мой глупый смех?..

Иван Николаевич сначала было насупился, но когда эта давно им любимая девушка, схватив его за руку, заглянула в его глаза своими ласковыми и вдруг ставшими печальными глазами, он не мог не улыбнуться.

Гризли, зарумянившись, отвернулась, но потом снова защебетала с искусственно вызванным оживлением:

— Я знаю, знаю! У вас есть уже какая-то модель... и она летает, но она маленькая. Полетит ли так же большая?

— Позвольте! Откуда вам известно о моей летающей модели?

Иван Николаевич был так удивлен, что даже откатился с креслом на аршин от стола, за которым сидела девушка. Она глядела на него из-под длинных ресниц виновато улыбающимися глазами.

— Я это... у вашего Мити, выпытала... Ах! Только не сердитесь на него... и не наказывайте мальчугана. Он такой славный, развитый, этот Митя, — торопливо зашебетала Гризли, заметив раздражение инженера, — и так предан вам... пожалуй, больше, чем отцу своему...

— Так-то так, — смягчился Караганову — но, во всяком случае, он не смел слушаться... и... сплетничать...

— Что? — обидным тоном произнесла Гризли и сделала громадные гневные глаза. — Я же вам говорю, что выпытала сама у него... Я думала, что имею некоторое право... как ваш друг... А теперь, значит...

В голосе Гризли задрожали слезы.

— Что значит? — спросил Иван Николаевичу хватая за руку девушку.

— Вы покажете мне модель? Ведь она летает уже? — спросила она.

— Да, моя модель летает отлично, — отвечал инженер.

— А большая машина, которую вы строите, тоже полетит? — продолжала Гризли.

— Клянусь всем святым для меня в этой жизни, она тоже полетит. И если вы согласитесь быть моей спутницей, мы вместе полетим на ней! — ответил очарованный изобретатель.

— Спутницей? То есть, вы хотите сказать, женой?

— произнесла взволнованным голосом, вскочив со стула, Гризельда. — Так вот знайте: вашей женой я буду тогда, когда вы прилетите за мной на вашем дирижабле... Поняли? Ну, вот!

И стройная Фигура девушки исчезла за драпировкой кабинета, где происходил этот разговор.

II.

ИВАН Николаевич ушел ликующий, ощущая небывалый подъем духа и энергии. Не от него ли одного зависело теперь достижение заветной, так еще недавно казавшейся неосуществимой, цели? Ведь вместе с постройкой его машины постепенно будет воплощаться его мечта — назвать своей женой, другом на всю жизнь, эту удивительную девушку, Гризельду Мурзаеву. Итак, за работу, с удвоенным усердием!

Пройдя парк, инженер вышел через калитку на узенькую, протоптанную массой рабочих ног, тропинку, которая вела мимо большого пруда к заводским зданиям.

Шум кипучей деятельности уже достигал сюда. Слышался свист вырывающегося пара, пыхтенье громадных машин и глухие удары парового молота.

Иван Николаевич на минуту забежал в мастерские, дал своему помощнику необходимые указания, сообщив, что он отлучается с завода на весь день, сел на велосипед и быстро покатил по узкому, плотно утрамбованному шоссе по направлению к станции железной дороги.

Был погожий, нежаркий июньский день. Зеленеющие хлебами и пестреющие цветами поля тянулись по обе стороны дороги. Свежий аромат этих полей и лугов был обильно разлит в воздухе. Над полями, купаясь в

голубой бездне ласкового неба, трепетали жаворонки. Их неугомонные беззаботные трели отвечали светлому душевному настроению Караганова.

Между заводом и станцией, на обширном поле, в чаще лип, яворов и тополей виднелось высокое, почерневшее от времени деревянное здание. Красная черепичная крыша небольшого белого домика едва проглядывала сквозь густую растительность этого маленького степного оазиса. Этот оазис в полном запустении два года тому назад был приобретен в собственность Иваном Николаевичем Карагановым. В белом домике с красной крышей жил он сам, в просторном флигеле помещались его рабочие сотрудники, они же и компаньоны предприятия, то есть постройки изобретенного им аэромобиля-дирижабля. Деятельные работы по этой постройке производились в огромном сарае-гараже, выстроенном посреди двора, окруженного густым и тенистым садом. Постройка до сих пор производилась в большой тайне.

Кроме хозяина оазиса, в постройке аэромобиля участвовали, как компаньоны и помощники хозяина, его племянник, молодой электро-техник Виктор Назарович Оболонный, и старый приятель и товарищ, начальник дистанции пролегающего мимо участка железной дороги, Петр Петрович Горич. Рабочих было лишь шестеро: два слесаря, кузнец с подручным мальчиком Митей, столяр и монтер-сборщик. Вследствие малочисленности рабочего персонала работа не могла быстро исполняться, но зато уж исполнялась она, что называется, «на совесть». Во-первых, потому, что эти шесть человек рабочих были люди трезвые, испытанные и развитые, а во-вторых, вследствие того, что все они состояли пайщиками товарищества «Неболет», как окрестили строящийся дирижабль еще при его за-

кладке два года тому назад. Эти же шесть пайщиков-рабочих предназначались для укомплектования экипажа будущего воздушного чудовища, и все они твердо верили, что корабль их полетит так же, как уже летает его модель, не разделяя отнюдь в этом отношении сомнений владельца завода, миллионера Иосифа Диомидовича Мурзаева.

Свернув с шоссе на проселок, Иван Николаевич минут через пять доехал до запертых наглухо ворот своей тенистой усадьбы. Отдав велосипед Мите, мальчику лет четырнадцати, который отпер ему калитку, он погрозил ему пальцем и сказал строго:

— Много болтаешь ты, оказывается... Чего ты там Мурзаевской барышне наплел? Смотри у меня!.. Лишней болтовни ни я, ни товарищи не потерпим!..Понял?

— Я не виноват, Иван Николаевич, — торопливо оправдывался Митя, катя за хозяином велосипед к крылечку дома. — Вот как было... хоть у Тарасовны спросите... В прошлое воскресенье ведь вы уехали с Виктором Назаровичем, наши все на завод ушли на чтения и в кинематограф... а я не пошел с ними... мне приятнее одному книги читать, которые вы мне разрешили брать из шкапа.

— Да не тяни... В чем суть-то?

— Ну, тогда барышня и приехала верхом, одна... Попросилась походить по нашему саду — он ей, говорит, больше нравится, чем ихний там Турногорский с фонтанами... Здесь, говорит, настоящая природа, а там у нас фальсификация.

— Ну-ну! — уже улыбаясь слушал Митю инженер, стоя на крылечке.

— Походила по саду, посидела у родника на дерновке, а меня попросила коня по двору поводить... Потом спрашивает, что там в сарае... Я подумал — вы сами

ведь отучили меня врать — и говорю: машина. — «А она летает?» — «Нет», говорю. — «А полетит?» — «Не знаю», говорю. Тогда барышня засмеялась и сказала: «Ты хитрый мальчишка, но не лживый». Только всего и разговору между нами было, Иван Николаевич, — хмуρο закончил Митя.

— Ну, ладно, не серчай, — улыбаясь, похлопал по плечу мальчика Караганов. — Я был не прав и сознаюсь в этом... А ты веришь, что полетит вверх наша машина?

— Модель ежели летает, отчего ей не полететь?

— Гм... Всяко бывает... — заметил Караганов. — Кстати, модель уже исправлена и сегодня вечером будет снова летать. Приедет Гризельда Иосифовна, и мы покажем ей полет модели. А ты, Митюха, вали-ка на велосипеде к Петру Петровичу на дистанцию и пригласи его к нам. Скажи, что модель показывать будем, и что будет присутствовать миллионерша-заводчица, может быть, новая наша пайщица.

— Ладно! Я мигом на велосипеде-то обернусь...

Отпустив Митю, Иван Николаевич сделал своей старухе-экономке Агриппине (или, как он ее называл, Горпине Тарасовне) некоторые указания насчет ужина для ожидаемых к вечеру гостей, прошел в гараж, где достраивалась его машина, которая, по его расчетам, должна была в скором времени сделать переворот в жизни человечества.

Он отпер своим ключом дверь в гараж, снова запер ее за собою, и вошел под раздвижную кровлю гаража, которая была наполовину открыта, пропуская внутрь достаточно света. Обходя дубовые стойки, на которых покоился уже готовый кузов «Неболета», он, пожимая руки, здоровался со своими компаньонами-рабочими. В кузнице шла усиленная работа: меха, раздуваемые

силою небольшого мотора, шумели, наковальня гремела под мощными ударами молотов

Старик кузнец, Иринарх Шамов, пожав своей могучей дланью руку инженера и отирая с лица пот, сказал:

— И где это шельмец Митька запропал? Совсем разбаловался мальчонок... Все бы ему книжки читать.

— Это не худо, Иринарх Василич, — ответил Караганов, — книга не баловство... Да он скоро вернется, я его послал к Горичу... Будем сегодня вечером модель пускать...

— Н-ну? Это ладно! Сейчас она в полной исправности, Иван Николаевич, сами увидите.

Караганов прошел дальше.

Шамов был самый крупный пайщик из рабочих, так как внес 5000 руб. — все свои, многолетним тяжким трудом собранные деньги, и за его упорную веру в торжество идеи «Неболета» Караганов особенно любил и уважал старика. За ним внес свой пай в 3000 р. монтер и литейщик, обрусевший итальянец Джiovанни Брокетти или, как его называли товарищи, Иван Иванович Букетов. Потом вступили в товарищество два слесаря-малоросса: Павел Шкворенко и Максим Жменя^{*)}, и оба внесли 1500 рублей.

Конечно, все они рисковали, но знали, что сам изобретатель рискует несравненно большим, так как ухлопал на свое детище весь оставшийся ему от недавно умершей матери капитал, около 25000 р., да и усадьба его «Оазис» была уже заложена в земельном банке.

Пай Горича дошел в течение двух лет до 6000, так как он свой первоначальный двухтысячный взнос постепенно по третям года усиливал.

**) В дальнейшем, с гл. III, эти персонажи объявляются братьями, Павлом и Максимом, по фамилии Глыба (прим. ред.)*

И лишь один Оболонный был беден, как церковная мышь; но, благодаря его блестящим талантам и открытиям в области электротехники, он единодушно был принят в число пайщиков без пая. Плодом его трудов был изобретенный им аппарат электрического разряда, на всяком, точно определенном расстоянии способный разрушить любое человеческое сооружение. Эта идея была уже разработана ранее другими (между прочим, в России покойным Филипповым), но он блестяще усовершенствовал свой аппарат в течение двух лет, и теперь Оболонный мог бы поспорить в качестве изобретателя с самим Карагановым.

Воистину, сама судьба свела этих двух талантливых людей. И если Караганов был властителем мира еще в проекте, то Оболонный, благодаря своему чудовищному «разряднику», мог считаться таковым уже теперь. Несомненно, что уже теперь он мог стать миллионером, если бы захотел продать свое изобретение какому-нибудь государству, но он крепко и верно держался товарищества, которое с самого своего основания приняло в свою среду его, неимущего.

Товарищество, совершенно различных по воспитанно, образованию и в сословном смысле людей, было вообще основано не столько на денежных паях, сколько на взаимном доверии. В сущности, все рисковали, кроме Оболонного, который хотя и был беднее всех, но, на самом деле, был неизмеримо богаче всех. Но всё, дружно сплоченное единой идеей, товарищество фанатически, как один человек, верило в торжество своего дела.

Правда, у них иногда закрадывались в души злые сомнения и их крепкие надежды колебались. Ведь все в этом странном предприятии было поставлено на карту в последнюю ставку игры, грандиозной игры.

Кто мог знать, полетит ли скоро уже готовая к полету машина, как летает эта жалкая модель, около которой в гараже собрались сейчас компаньоны рискованного предприятия? Однако твердая надежда побеждала сомнения.

III.

РИСКУЯ наскучить читателю, я все-таки опишу наружность и характеры ближайших помощников Караганова, людей, сильных духом и волею, не задумавшихся отдать все свои силы, энергию и самую жизнь бездушной машине, предназначенной осчастливить человечество.

Начнем со старика Иринарха Шамова.

В Полтавском ремесленном училище этот Шамов, умный и начитанный мастер кузнечного и слесарного цеха, был учителем панича Ивася Караганова, к которому за бойкий изобретательный ум, обнаружившийся уже в 12-летнем возрасте, он питал особенное чувство благоволения и даже уважения.

Когда панич поступил в гимназию, то хотя уроки слесарного и кузнечного искусства были прерваны, но в каникулярное время бывшие учитель и ученик снова сходились уже на другом занятии, а именно, на рыбной ловле, которую оба очень любили.

Шестидесятилетний Иринарх Шамов казался вылитым из темной бронзы богатырем. И вера его в своего «Ивася» (он и теперь иногда называл так своего бывшего ученика, ставшего его хозяином-товарищем), в его талант, в его великолепную будущность была так крепка, что заражала иных колеблющихся. А как же не «колебаться», когда машина, даже на вид, была так тяжела, что невозможно было никаким воображением

представить ее свободно летящей в воздухе — притом же без баллона и крыльев.

Да, кроме того, секрет ее странных, до чрезвычайности, механизмов был известен лишь одному изобретателю вполне, и лишь отчасти электротехнику Оболонному...

Столяр и плотник Павел и слесарь-литейщик Максим Глыбы были чистокровные малороссы и удивительные красавцы. Старший, Максим, оправдывал свою фамилию Глыба. Даже старый могучий Шамов терялся перед его сверхатлетической фигурой...

Брат Максима, Павел, был похож на древнеримского гладиатора, и не раз, участвуя в Киеве на цирковых состязаниях, бросал профессиональных атлетов, как кули с половиной. Ему улыбалась карьера, модная в наше время, но он предпочел остаться слесарем. Оба брата вступили в товарищество «Неболет» с Мурзаевского завода. Побывав несколько раз в белом домике «Оазиса» в гостях у его радушного хозяина, они отдались в полное распоряжение Ивана Николаевича.

Караганов умел выбирать людей. Слесаря у него были такие, про которых говорят: «из ключа замок сделает и железа на ключ оставит».

Монтер-сборщик Брокетти, лет сорока, лысый, юркий, шустрый, был потехой и весельем всего замкнутого в своей однообразной пока жизни товарищества. Кроме своей специальности служебной, он был лихой игрок на многих струнных инструментах: балалайке, мандолине, гитаре и пел порядочным тенорком итальянские и русские песни и романсы. Он же был и регентом товарищеского хора. Круглый сирота, оставленный в России какими-то итальянскими шарманщиками, он случайно был подобран на улицах Полтавы одним сердечным и состоятельным человеком и опре-

делен в ремесленное училище, где тогда учился и Караганов.

Из уличного мальчишки-певца и музыканта сделался отличный слесарь, а впоследствии литейщик. Караганов как раз искал литейщика в Киеве, когда на Крещатике встретился с бывшим своим товарищем по Полтавскому училищу, Брокетти. Итальянец вы глядел солидно, служил мастером в железнодорожных мастерских и обладал уже небольшим капиталом. Не сразу сдался он на предложение Караганова поступить к нему на службу, но, подумав неделю, изучив планы «Неболета», согласился, бросил службу и переехал в «Оазис». Вообще везло Ивану Николаевичу на сотрудников.

IV.

ВСЕ девять компаньонов окружили широкий дубовый чертежный стол против кузницы, на котором стояла модель почти уже оконченного постройкой «Неболета».

Его огромный корпус, в виде типичного океанского корабля, отличался от своего морского собрата, по видимому, лишь носовой своей частью. Нос «Неболета» был заострен книзу, в виде гигантского клюва какой-то допотопной птицы. Два обзорных иллюминатора и решетка с прожектором и электроразрядным аппаратом Оболонного на самом клюве похожи были на глаза и хохол гигантской птицы без крыльев.

Да, крыльев, а тем более надутых пузырей не было у этого, умеющего вознестись, чудовища. С палубы, обтянутой по краям крепкой сеткой, алюминиевая обшивка «Неболета», округлив его бока, шла круто вниз к килю по легким, но крепким бамбуковым ребрам.

Трубообразный киль и четыре чугунных колеса под ним служили противовесом-балластом. Из килевой трубы с кормы, из широкого клапана, должен был идти могучий ток воздуха, дающий поступательное движение машине.

А для подъема и висения в воздухе, в крутых донных боках ее было шесть клапанов меньшей силы, чем килевой-трубный, но могущие напором извергаемого ими воздуха легко поднимать и держать ее даже неподвижно.

Внизу, между килевой трубой и донными боками «Неболета», была устроена будка, или барабан, для машиниста его — моторовожатого. Она была сделана из толстых хрустальных стекол, и несколько ступеней вели в нее из продольного осевого коридора над ней, идущего от кормы до носа «Неболета». Из этого коридора, освещаемого несколькими иллюминаторами, четыре люка с лесенками вели в каюты, жилые и служебные, и в машинные отделы. В донных выпуклых боках помещались шесть моторов могучей силы и легкого веса, приводимых в действие электричеством.

Электричество подавалось моторам аккумуляторами по мере надобности, посредством рычага и регулятора из будки, но накапливалось оно в особых, изобретенных Оболонным и Карагановым конденсаторах-всасывателях электрической энергии, непосредственно из окружающей воздушной среды.

Этот аппарат был удивителен особенно тем, что близко приближался к безумной мечте человечества, называемой «*Perpetuum mobile*», то есть к принципу «вечного движения». Все шло к осуществлению одного из гигантских планов — мечты человечества от сотворения мира.

Между компаньонами, осматривающими починенный, тщательно прочищенный в машинах и смазанный, полутора-аршинный аппарат-модель, шли оживленные разговоры.

Когда на особых носилках-стойке выносили из гаража модель, на процессию впопыхах чуть не налетел Митя.

— Что ты! Ошалел?

— Гризельда Иосифовна приехали, Иван Николаевич!

— Ну и кстати... Осторожней, господа!.. Не сломайте там проводной блок!.. Митька, держи бечевки!..

— Что вы так раскричались, Иван Николаевич? — спросила, подходя, Гризельда Иосифовна. — Ха-ха!.. Вот так уморительное шествие!.. Будто покойника на кладбище несут... Это то и есть модель вашего воздушного корабля? А где же у нее крылья?

Взглядом раненого льва метнул на шутящую девушку изобретатель.

И несущие модель, и все товарищество возмутилось.

Два года сплошного денного и ночного труда исканий выхода из трудных механических тупиков и переходов от веры к сомнению и обратно, столько мучений телесных и душевых, — и вдруг какая-то девчонка, кичащаяся своими миллионами, осмеливается вышучивать плоды этих невероятных человеческих усилий!..

И негодующие взоры устремились на изобретателя:

— «Зачем он эту девчонку впутал в наше святое дело! Что же это такое?»

Но Караганов, глядя на смущенное лицо попавшей впросак невесты и в ее оробевшие, растерянные глаза,

понял ее. Тем не менее, не смягчая сурового выражения своего лица, сказал ей:

— Гризельда Иосифовна, будьте добры пройти с Митей на «опытное» поле. Мы пойдем за вами, а Митя во время пути сумеет вам многое пояснить из того, что кажется вам непонятным и даже смешным в этой модели... Кстати... Мите еще нет и 14 лет от роду...

Нельзя было найти ничего обидного в словах Ивана Николаевича, но они звучали жестокой насмешкой над самонадеянностью и гордостью миллионерши.

Он, жалея и любя, испытывал ее, и она выдержала с честью это испытание. Она не поступила так, как поступили бы тысячи ей наружно подобных: не ушла, гордо подняв голову, не села в ожидавший ее автомобиль и не укатила в свою миллионную усадьбу... Она произнесла со слезами в голосе:

— Ах! За что вы все так на меня рассердились?

И разом завоевала все эти суровые мужские сердца.

Старый кузнец, Иринарх Шамов, подойдя к Гризли, протянул ей свою громадную мозолистую руку.

— Вы, значить, будете наша? — спросил он, ласково улыбаясь глазами из-под седых бровей.

— Да, да, я ваша, ваша! — радостно защебетала девушка, сжимая обеими своими раздушенными ручками твердую и могучую руку кузнеца.

Мир был сразу восстановлен между этими людьми труда и беспечной избалованной миллионершей.

Вскоре все вышли на широкий и ровный луг, где недавно была выкошена трава. Солнце клонилось уже к горизонту, бросая на землю длинные тени от идущих людей.

Стойку с моделью поставили на край выкошенного луга, а изобретатель, окруженный своими компаньонами, отошел от аппарата шагов на триста и встал в

центре луга, держа в руках две бечевки, привязанные к аппарату.

Одна, более толстая и крепкая, служила для удержания его в круговом полете, другая — тоненькая, волосяная леса — была прикреплена к рычагу, дающему ход машине.

Держа обе бечевки в руках, Иван Николаевич объяснял своей невесте:

— К сожалению, при настоящих условиях невозможно пользоваться регулятором и рулем. Если этот аппаратик пустить свободно, он, конечно, отлично полетит по прямой, и если хорошо зарядить электричеством его маленький конденсатор, то чорт знает, куда залетит... Ищи его потом. Неделю назад мы на рассвете, чтобы избежать любопытных зевак, попробовали пустить его-таки по прямой, при самом минимальном заряде. Рассчитывали, что он только и перелетит эти поля до заводских огородов, что за слободкой... Куда тебе! Этот нахал, представьте себе, умчался за четыре версты отсюда... За корчмой Янкеля, там, у опушки казенного леса за Ирпенью упал, вероятно, с изрядной высоты, и до половины корпуса ушел в землю... Машина была испорчена... Целую неделю возились с починкой, и вот он снова перед вами, целехонький...

— В сущности, следовало бы сделать модель, поднимающую хоть одного человека, — заметил Оболонный, — тогда опыты были бы более существенны и сразу показали бы достоинства «Неболета».

— Так-то так, — заметил Горич, — но она стоила бы около пяти тысяч рублей...

— А разве вам не хватает денег, господа? — с живостью спросила Гризли. — В таком случае...

Но Иван Николаевич перебил ее, сказав:

— Будьте добры, Гризельда Иосифовна, держите осторожно, не зажимая в руках, эту бечевку... Надеюсь, вам приятно пустить в ход этот аппарат собственно-ручно?

— Ну, конечно же! Только я боюсь... не испорчу ли.

— Пустяки какие! Вы же поняли? Надо держать шпагат свободно, пока я не натяну упорной бечевы... Ну, готово! Теперь легко натяните леску, дерните и отпустите... Ну, что же вы?

Под общий смех, робко прищурившись, Гризли дернула за леску и в ужасе отскочила.

Аппарат зашипел, запыхтел, вдруг снялся со стойки и понесся кругом, удерживаемый на корде усилиями Караганова и старого кузнеца. Один Караганов при всей своей силе не сдержал бы этого летящего ящика, так сильна была его центробежная сила. В конце концов, эта бешеная модель стала так стремительно кружиться вокруг луга, что прибежали на помощь два брата-атлеты Глыбы.

— Кто его напоил водкой, вашего маленького «Неболета»? — визжа в восторге, кричал Брокетти, махая руками.

— Да, он сегодня что-то слишком резв, — заметил Оболонный, смеясь...

— Это оттого, что Гризельда Иосифовна за леску дернула, — раздался вдруг веселый голос Мити, и все-неволью расхохотались.

Гризли сконфузилась, но Иван Николаевич вывел ее из неловкого положения, громко сказав:

— Все глупости... Виктор Назарович слишком усердно начинил конденсатор, — вот и все... Но тем эффектнее полет...

— Коня воздушного на корде гоняем, — отозвался старший Глыба.

— Бачите, шо вин не сдужае цего круга! — вдруг закричал его брат Павел, бывший борец.

И правда: на двадцатом кругу стала слабеть сила аппарата... В конце этого круга он стал уже «kozyрять», склоняясь к земле.

Братья Глыбы, как самые сильные, погнались за ним, и бережно, почти с отеческой нежностью, приняли его, этого маленького «Неболета», в свои объятия.

Гризельду Иосифовну растрогало это зрелище.

Старый кузнец заметил это и, кинув свою шапку оземь, крикнул:

— Ого! Тепер я уже наверное знаю, что вы наша!

Гризли ответила ему благодарным взглядом. Она подумала: «они верят, как дети, в полный успех своей затеи... А впрочем, отчего не полететь большой машине, если маленькая так славно летает и так сильна, что ее надо сдерживать четверым силачам?»

— А все-таки, я одного не понимаю, — заметила Гризли. — Ведь у него нет крыльев, как же он летит? — наивно спросила она.

Присутствующие переглянулись и улыбнулись с оттенком самодовольства.

Миллионерша была поражена и, подойдя к аппарату, несколько минут ходила кругом него, разглядывая его и ошупывая. Но маленький «Неболет» крепко хранил в себе свою великую тайну.

V.

КОГДА стойку с моделью понесли обратно, Гризли, идя за ней рядом с изобретателем, продолжала задавать ему вопросы:

— И эти вот все... даже рабочие... все это ваши компаньоны, товарищи? И если полетите, то все вместе?

— Это — экипаж «Неболета», а я его капитан, — улыбаясь, ответил инженер, искоса поглядывая на разгоревшееся лицо девушки.

— Я завидую вам, — заметила Гризли. — Вы так искренно верите в победу вашего изобретения! Ваш экипаж, т.-е. все эти люди мне тоже нравятся. Что-то есть в этих людях, внушающее доверие...

Процессия с моделью уже скрылась за частоколом усадьбы, но Караганов и Гризли, стоя среди душистого поля, продолжали начатый разговор:

— Вы как-то говорили мне, — обратилась Гризли к Караганову, — что раз полетят первые тяжелые дирижабли, то и войны станут немислимыми. Так ли я поняла?

— Да, я это говорил, и я в этом твердо уверен! — воскликнул Караганов. — Больше того: я убежден, что уже с первым удачным полетом моего «Неболета» война станет абсурдом и наступит новая эра в жизни всего человечества. Ведь благодаря приспособлениям для электрического зарядника на любом расстоянии, которые будут находиться на «Неболете» — современное оружие потеряет всякое значение.

— Я вас не понимаю, — заметила Гризли. — Объясните, пожалуйста, что это за приспособления?

— Это нечто вроде усовершенствованного телеграфа без проводов, то есть действующего электрическими волнами... На любом расстоянии, точно математически определенном, наш прибор делает вспышку чудовищной силы... Эта вспышка может взорвать броненосец, динамитный или пороховой погреб, разрушить дом средней величины, не говоря уже о способности производить пожары. В течение нескольких часов он может сжечь целый город, будучи сам на недостижимой высоте и, притом, незримый... Мыслима ли при таких обстоятельствах война? Судите сами.

После некоторого молчания Караганов продолжал:

— У нас будет центральный совет девяти. Не хотите ли, Гризельда Иосифовна, быть десятой в этом совете?

— Вы шутите. Какая я вам советница, — ответила скромно Гризли. — Вот пайщицей еще, пожалуй, могу быть. Дело, кажется, немудреное — только внести деньги.

— А вы, Гризельда Иосифовна, желая вступить в нашу среду, в наше тесное товарищество, — говорил Караганов, — вы должны считать всех этих слесарей и кузнецов равноправными товарищами. Согласитесь ли вы на это?

— Отчего же нет? Я люблю и уважаю этих людей с мозолистыми руками, — ответила Гризли. — Во всяком случае, я их больше уважаю, чем весь комплект моих поклонников. Наконец, я поверила уже, что вы победили воздух, и «Неболет» полетит.

— Очень приятно... И все товарищи такого же мнения... Но если мы не полетим 1 августа, как я объявил, то боюсь, что дух упадет у некоторых, а это плохо для дела.

— Вы, значить, сомневаетесь? — с испугом спросила Гризли.

— Нет, — смеясь, ответил тот. — Полететь-то мы несомненно полетим, но когда — вот вопрос.

— О! Я догадалась. Остановка за самым противным в жизни: за деньгами... Правда?

— Да, но об этом я бы не хотел с вами говорить. Можно подумать, что я напрашиваюсь...

— Вот-те на! Да я ведь сама напросилась в пайщицы. Сколько стоит пай?

— Пятьсот рублей...

— Только-то! Сколько же мне взять паев? Имейте в виду, что у меня есть капитал совершенно независи-

мый от отцовского... А от Мити я узнала — вы сами разрешили ему посвятить меня в суть дела — что вам не хватает денег расплатиться с двумя фирмами, доставившими вам части механизмов... Ну, так вот — я беру на свое имя тысячу паев...

— Что вы! Что вы! Вы, очевидно, не задали себе труда помножить пятьсот на тысячу... Ведь это же пятьсот тысяч!..

— Я арифметику знаю не хуже вас. Пока, я думаю, с вас хватит этого капитала, а потом... потом вы сами уже будете распоряжаться моим капиталом... на правах... мужа.

Иван Николаевич крепко поцеловал свою невесту.

VI.

КОГДА Караганов с Мурзаевой пришли в «Оазис», модель была уже водворена на своем месте в гараже, и работа продолжалась при свете электрических лампионов, дающих целое море света сверху и с боков готового, но еще не выкрашенного корпуса «Небо-лета».

Услышав от Караганова о вступлении в товарищество нового члена и о величине его паевого капитала, остальные члены устроили Мурзаевой дружную и восторженную овацию. Каждый из компаньонов знал, что касса их оскудела, и что уже неделю готовые, но неоплаченные части механизмов сложного двигателя дирижабля лежат на заводах, ожидая отправки в «Оазис». Неожиданное поступление в общую кассу пайщиков такого огромного капитала сразу подняло дух у начинающих уже унывать компаньонов. Гриззли видела их неподдельную, почти детскую радость и сама радовалась за них.

— Надо бы холодненьким вспрыснуть новый пай, — шепнул Горич Караганову.

Тот ответил, смеясь:

— Все предусмотрено, дружище... Будет пир горой!

— Как же влезть на этот корабль? — спросила Гризли, глядя на пузатые борта «Неболета». — Он мне напоминает контрминоносец...

— Да, пожалуй, сходство есть, — согласился Иван Николаевич. — А влезем мы туда по трапу, который действует автоматически... Благоволите, Гризельда Иосифовна, слегка дернуть за этот шнур.

Гризли с любопытством поглядела на алюминиевую ручку, которой кончался шнур, висевший вдоль борта дирижабля, и почему-то зажмурив глаза, схватила ее, дернула и отбросила назад.

С мягким шумом, быстро развернувшись, сверху к ногам Гризли упала легкая лесенка с перильцами.

Поднимаясь по ней, Гризли догадалась, что трап был сделан из вещества, похожего на гуттаперчу, так он был легок и гибок.

Вслед за Гризли поднялись на палубу Караганов и Горич с Оболонным.

— Как-то даже странно верить, что такая тяжелая громадина полетит, — задумчиво проговорила девушка, стоя на палубе и оглядываясь кругом. — Как мило!.. А эта лесенка куда ведет? Неужели у вас тут и каюты даже сделаны, как на пароходе? Вот уж не ожидала!..

— Пожалуйста сначала сюда; эта лесенка ведет в служебные рубки, — объяснял Караганов Гризельде Иосифовне, идя впереди. — Вот это моя каюта, напротив Виктора Назаровича, так как мы с ним вожатели «Неболета». Остальной экипаж разместится в этих трех каютах — всем хватит места, хотя и тесновато

немножко... Но ведь у нас есть еще кают-компания и, наконец, палуба.

По очереди осмотрели все служебные помещения, устроенные вполне комфортабельно. Полы были обложены линолеумом; стены и потолки — мореным дубом, вентиляция превосходная, почти идеальная, электрическая.

— Какая прелесть! — повторяла в восторге Гризли.

— Теперь милости просим на парадную половину, — пригласил Караганов. — Вот этим осевым коридорчиком пройдем мы прямо в кают-компанию, которая помещается на корме.

Прошли по полутемному коридору, похожему скорее на трубу, и вошли в изящный просторный салон.

Гризли даже ахнула и руками всплеснула:

— Ну, здесь уже прямо роскошь! Пианино, орган, зеркала, ковры, бархатные диваны!

— А вот эти две каюты напротив по коридору предназначены были для знатных гостей, — продолжал Караганов. — Но теперь одна из них будет вашим будущим, Гризельда Иосифовна; выбирайте любую и обращайтесь по своему вкусу, хотя обе, кажется, устроены не без вкуса и комфорта.

— Чудно! Прелестно! — хвалила миллионерша. — Вы очень любезны, господа, что оставили и мне местечко на «Неболете», да еще такое уютное. Я выбираю вот эту каюту.

— Ну, а теперь, господа, вернемся в кают-компанию, — предложил Караганов. — Слышите, какой приятный звон посуды раздастся оттуда? Значит, Митя уже притащил партию холодненького... Надо же чем-нибудь ознаменовать вступление в наше товарищество нового члена!

— Пожалуйте, господа, — пробасил старший Глыба, постучав в дверцу дамской каюты, и Караганов подал руку своей невесте.

— В кают-компании, значит, уже ждут нас, если старший Глыба не выдержал, — сказал он, смеясь.

Действительно вокруг длинного стола кают-компании стояли все пайщики, успевшие переодеться в парадные костюмы. У подноса с бокалами и шампанским суетился шустрый Брокетти и, с помощью Мити, торопливо разливал пенящееся вино по бокалам.

— За здоровье и счастье главного пайщика нашего предприятия, Гризельды Иосифовны Мурзаевой, — возгласил Иван Николаевич, когда все взяли по бокалу.

— Уррра! — восторженно грянула компания.

Растроганная миллионерша чокалась со всеми компаньонами, а второй бокал она подняла за здоровье всех строителей «Неболета» во главе с его изобретателем инженером Карагановым, и ее короткая, но остроумная речь, обращенная к товарищам, была покрыта дружными аплодисментами.

Садясь в свой автомобиль и прощаясь с провожающими ее «товарищами», Мурзаева сказала Караганову:

— Я завтра утром сама занесу вам в контору чек на часть моего паевого капитала... Довольно вам будет пока ста тысяч?

— Этого много... Но если вы непременно настаиваете на таком крупном взносе, то мы перед отлетом в кругосветное воздушное путешествие на «Неболете» №1 заложим «Неболет» №2-й.

Миллионерша укатила на автомобиле, а компаньоны возвращались в свой «Оазис», оживленно разговаривая о событиях знаменательного дня и о скором пробном полете «Неболета». Сам изобретатель еще долго стоял у шоссе, глядя в таинственное, темное, го-

рящее огнями звезд небо, в это беспредельное воздушное пространство, от первых веков мироздания ждущее и зовущее человека в свои объятия, и сказал:

— Скоро, скоро мы будем плавать в этом воздушном океане, свободные как орлы.

VII.

А на следующий день Караганов с Оболонным съездили в город, получили по чеку Мурзаевой деньги, перевели сколько надо было заводам, наняли маляров для окраски «Неболета» и остались там дня на три ожидать прибытия механизмов и запасных частей к ним. За малярами прибыли подводы с механизмами, а вслед за ними прикатили и наши инженеры.

И закипела работа в «Оазисе». Как ни уклонялся Иван Николаевич от лишних глаз, пришлось-таки принимать, согласно решению совета товарищества, за сдельную плату, нескольких слесарей с завода для ускорения работы.

Теперь с утра и до утра работали две смены: днем пайщики, а ночью — заводские под надзором Оболонного и Брокетти. И работа быстро подвигалась к концу.

Нервы у всех компаньонов были натянуты, подъем духа небывалый. Главная пайщица, которую уже теперь вся компания считала невестой изобретателя, каждый день посещала «Оазис», откуда неумолчно раздавался стук молотков и пыхтенье электромотора.

Крестьяне, убирающие с полей хлеба или проезжающие мимо проселками, пугливо прислушивались к таинственной ночной и дневной работе там, в этом почерневшем от времени и дождей огромном сарае, окруженном старыми липами и тополями. Старые бабы крестились, косясь на плоскую разборную крышу

сарая, в отверстиях которой, громко жужжа, вертелись электрические вентиляторы.

— Неначе тут без нечистой силы дило не обийдется, — говорили старики, покачивая седыми головами, и кивали на «Оазис», где кипела какая-то безостановочная, лихорадочная, непонятная им деятельность...

Днем 28 июля Иван Николаевич Караганов, после обеденного гудка на заводе, прошел поспешно через парк и сад к вилле Мурзаева.

Войдя в вестибюль, инженер приказал швейцару доложить о себе барышне. Швейцар поговорил по телефону с доверенной горничной Гризельды Иосифовны, Дашей и сообщил гостю, что барышня просит его подняться наверх.

Гризли жила на отдельной половине дома, занимая верхний этаж совершенно самостоятельно. Она встретила Ивана Николаевича в своем деловом кабинете, который ничуть не напоминал будуара светской барышни.

— Что это у вас такой торжественный вид, Иван Николаевич? Разве что-нибудь особенное случилось? Да говорите же!

— Сегодня ночью впервые или, лучше сказать, завтра на рассвете мы полетим, — тихо, но торжественно ответил Караганов.

Гризли даже побледнела и схватилась за сердце.

— Так скоро? Может ли быть? — пробормотала она.

Караганов улыбнулся и, садясь рядом с девушкой, сказал:

— Сегодня утром мы кончили установку двигателей и пустили в ход машину. «Неболет» поднялся, и в течение двух часов висел в воздухе, не выходя из гаража. Машины работают безукоризненно. Ну, вот мы и решили совершить пробный полет. Ждем вас, но толь-

ко... пожелает ли избалованная барышня подняться в 4 часа утра, когда еще куры спят?.. Для наших опытов это самый подходящий час... Все живое, могущее любопытствовать, спит, а, между тем, уже достаточно светло...

— Я в восторге! — вдруг закричала Гризли, вскочив с места. — Право, это похоже на волшебный сон!

И, схвативши жениха обеими ладошками за руки, она приговаривала:

— Умница! Гений! Слава вам!

— Ну и темперамент же у вас, Гризли, — говорил Иван Николаевич, чуть не силой усаживая рядом с собой на диван экзальтированную девушку. — Поговорим серьезно о наших делах. Если завтра полетим удачно, то вы скажете вашему отцу обо всем?

— Конечно, скажу. Впрочем, ведь мое слово, мои решения неизменны... И я привыкла к тому, что отец одобряет всегда все мои поступки... В самом худшем случае, подольше поворчит, и только... Наконец, он против вас только до тех пор, пока не увидит собственными глазами, что «Неболет» полетел не вниз, а вверх... Вот и все... А что до его миллионов, то ведь вы уже с одним «Неболетом» богаче его, а впоследствии какое же может быть сравнение между вами?

— Да вы-то знаете, что мне ваших миллионов не надо. Напротив, вы на каждый пай получите вдвое, втрое впоследствии... — ответил Караганов. — А все-таки противно думать, что ваш отец считает меня бесплодным мечтателем и искателем вашего приданого.

— Довольно, об этом! — решительным голосом заявила Гризли. — Куда же мы полетим?

— Завтра-то? Да покружим около пока. А после нашей свадьбы — вы сами назначите путь, полетим хоть кругом света.

— Какой вы милый!.. Настоящий рыцарь! — ответила Гризли.

Иван Николаевич посмотрел на часы и добавил, вставая:

— Однако время-то как летит, а вы и не подумаете прогнать меня к делу... Надо сегодня еще до вечера тщательно осмотреть окраску корпуса «Неболета» и отпустить городских маляров.

— Какого цвета будет «Неболет»?

— Небесного, как ему и полагается по чину... Вследствие этого он в ясную погоду уже на расстоянии тысячи метров над землей не будет виден глазом человеческим, а это имеет значение на всякий случай... Итак, в три часа утра... Но как же вы придете одна...

— Я приду с Дашей...

— С Дашей?.. Гм...

— Что вы задумались?.. Даша так же мне предана, как и ваши слесаря и кузнецы товарищи, если не больше... Мы с ней издавна товарищи...

— Ну, когда так, ладно... Примем и Дашу в компанию.

— Вот это мило!.. Ну-с, теперь я уже сама скажу вам «идите»... Я, вероятно, ночью не засну... столько дум в голове... И то, как будто я сплю и сны вижу...

— Да, есть о чем подумать, Гризли... С завтрашнего утра начнется новая эра в жизни человечества! Все его предначертания будут ниспровергнуты нашим тяжелым «Неболетом», который легче пуха...

— Барыня, ужин подан, — доложила, войдя в кабинет своей госпожи, Даша, та самая горничная Даша, доверия к которой добилась у своего жениха Гризельда Иосифовна.

Полулежа на оттоманке, барышня, казалось, дремала. Она полуоткрыла глаза, отмахнулась досадливо рукой и сказала:

— Отстань, Даша, не хочу! — и снова закрыла глаза.

— Что с вами, барышня? — с удивлением спросила Даша, взглядываясь в лицо барышни.

И потом, не дождавшись ответа, продолжала:

— А что говорят на заводе, и слушать тошно.

— Что говорят? — вдруг встрепенулась Гризли и открыла глаза.

— Да вот... будто барин Иван Николаевич змея строит.

Гризли рассмеялась и спросила:

— Змея? Какого?

— Летящего... для англичан по заказу... за миллион рублей... Ну, понятно врут...

— Про англичан и про миллион врут, а про летающего змея правду говорят... А как ты думаешь, Даша, полетит этот змей сегодня или завтра?

Даша с некоторой тревогой всмотрелась в возбужденное лицо своей барышни и, замявшись, ответила:

— Вам-то лучше знать про то, барышня... а только... конечно, я понимаю, что вы шутите... Но отчего это у вас сейчас такое лицо... странное и глаза, как в лихорадке горят?

Гризли, в каком-то безумном веселье, схватила Дашу за талию и пустилась с ней вальсировать по своему деловому кабинету. Потом, отпустив перепуганную девушку, упала, тяжело дыша, на оттоманку, и захохотала.

— Даша! Я завтра полечу на этом змее! Хочешь лететь со мной?

— Я, право, ничего не понимаю, барышня... Вы нездоровы?

— Я больше для тебя не барышня, не госпожа, а подруга... Слушай: я за тебя внесу несколько паев, и ты вступишь в наше товарищество... Что ты тарачишь на меня глаза, как на безумную? Пойми, что я пожимала руки тем слесарям и кузнецам из «Оазиса», так как

они не обыкновенные люди, а члены товарищества «Неболет». Это все честный и верный великой идее народ, герои и рыцари... Итак, хочешь со мной лететь на змее?

— С нами крестная сила! — пробормотала Даша в испуге. — Барышня, милая... может быть позвонить к доктору?

— Ну и глупая же ты... да и я хороша!.. Надо же было тебе все сначала рассказать, а я... Ну, садись-ка сюда, рядышком, и не думай, что я сошла с ума. Я тебе все расскажу, так как Иван Николаевич разрешил, и ты сейчас все поймешь...

И Гризли рассказала своей наперснице все, что знала, о постройке изобретенного Карагановым «змея»: о самом «Неболете», о внутреннем его устройстве и убранстве, и о том, как летала его модель.

Когда рассказ был кончен, Даша некоторое время сидела в раздумье, потупясь. Потом сказала:

— Чудеса-то какие... До чего человек не додумается... Впрочем, на то ему такой ум от Бога дан... А вы думали, что я испугаюсь лететь? С вами хоть на Луну полечу!.. Смотрите... скоро нам уж идти... Вот как заговорились-то...

В это время бронзовые часы на камине звонко ударили один раз.

— Половина четвертого. Пора, пойдем, Даша... — произнесла уже серьезно Гризли. — Так ты, правда, не боишься, Даша?.. Ты хорошо ли поняла все, что я тебе говорила?

— Что вы меня за дуру круглую, что ли, считаете, барышня? Я ведь сколько ваших-то умных книжек прочитала... Кажется, могла бы набратсья ума.

— Ага! А в змея летающего веришь! На змее далеко не улетишь!..

— Люди ложь, и я тож... А уж если по правде вам признаться, я хотела у вас выпытать насчет того корабля.

— Хитрая какая, вот что!.. Надо нам одеться потеплее, потому что и так прохладно, а наверху, в облаках, еще холоднее будет. Давай сюда два плаща моих с капюшонами. Ну, вот, пойдем осторожно, чтобы никто нас не заметил... Ведь на заводе работают и ночью...

Было еще темно в комнатах, когда Гризли и Даша пробирались на цыпочках к выходным дверям. Но рассвет уже брезжил в окнах голубыми рефlekсами неба, на котором потухали огоньки звезд. Было свежо.

Северный ветерок тихо тянул, покачивая верхушками вязов и тополей в пустынном парке.

Торопливо двигались по аллее парка две женские фигуры в плащах с капюшонами. Петухи уже переключались в усадьбе с петухами заводской слободки.

Кончился парк... Скрипнула калитка в каменной ограде, и перед девушками открылся широкий простор снятых уже полей и лугов, которые разливали аромат сложенного в стога сена — «запах Божьих духов», как говорила умная Даша.

Из «Оазиса» доносились какие-то неопределенные звуки, сдержанные голоса, стук молотка... Вдруг с шумом раздвинулись обе половинки крыши гаража, и чуткое эхо повторило вдали этот звук, казавшийся в предрассветной тишине раскатом грома. Далеко на железнодорожной станции маневрировал дежурный паровоз, подавая по временам сигнальные свистки в ответ на гнусавые рожки стрелочников и сцепщиков...

Темная фигурка показалась на тропинке и вырастала, быстро приближаясь.

— Да это Митя бежит к нам навстречу, — догадалась Даша.

— Ну, так и есть, мы опоздали! — вскрикнула Гризли и бросилась бежать навстречу мальчику. Даша едва поспевала за ней. Митя, разлетевшись, чуть не опрокинул Мурзаеву.

— Скорей, скорей! — кричал он, запыхавшись. — Ведь скоро уж светло будет... Вас давно ждут... Из-за вас задержка. Только зачем же вы Дашу с собой взяли?

— Ах, ты, пузырь! — рассмеялась Гризли. — Туда же, оберегает тайну!.. Ну, так уж и быть, сообщу тебе, что Даша, с согласия Ивана Николаевича и моего, тоже вступает в наше товарищество... Ты думаешь, у нее не хватит денег? У нее, пожалуй, на десять паев найдется — она богатая.

— Это дело! — серьезно подтвердил мальчик. — Ну, я побегу назад, скажу, что вы идете.

— Ишь, какой шустрый, — смеялась Даша. — Этого Митьку и вам, барышня, не догнать.

Когда девушки дошли до «оазиса», Митя успел уже там оповестить всех о новой пайщице.

Дашу все знали как верную наперсницу Мурзаевой, и никто не протестовал. Ее встретили как равноправного товарища и приветствовали ее, поздравляя с вступлением в товарищество.

Затем все вошли в гараж, где громадный дирижабль дрожал и гудел, как бы набираясь сил.

— Пожалуйста! — пригласил «дам» старший офицер воздушного корабля Оболонный.

— И ты ничуть не боишься? — спросила Гризли свою спутницу, когда они взобрались по трапу на палубу удивительного сооружения.

— Чего же особенно бояться-то? — с усмешкой отвечала Даша. — На море разве безопасней? Сколько народа там тонет каждый день... Здесь, в случае чего, можно на зонтиках спуститься... Митя мне рассказал про такие зонтики...

— Ах, да, это парашюты! — вспомнила Гризли. — Это верно... Смотри, все уже взобрались, значит, мы скоро полетим... А все-таки жутко!

Действительно, весь экипаж «Неболета», за исключением Шамова и старшего Глыбы, оставшихся внизу на всякий случай, был на палубе. Иван Николаевич сидел в своей капитанской будке внизу, а Виктор Назарович стоял на носу «Неболета» в сигнальной коробке. Все остальные расположились у поручней, соединенных с бортами крепкой веревочной сеткой. В этот момент раздался оглушительный, как бы торжествующий крик сирены. Вслед затем послышался шум, подобный могучим насосам или морскому прибою. Мелкая пыль ослепила всех, засорив глаза, и «Неболет» плавно, по вертикальной линии, поднялся из гаража.

— Ах! — в ужасе закричали обе женщины, садясь на палубу и прижимаясь одна к другой. Впрочем, страх у них скоро сменился ощущением какого-то жуткого восторга. Мужчины аплодировали подъему, а Митя, уцепившись за поручни и глядя вниз на «Оазис», будто проваливающийся в бездну, громко визжал от восхищения. «Неболет», поднявшись спиральными кругами на высоту трехсот метров, величественно поплыл над землей, как сытый и спокойный орел, паря в воздушном пространстве.

Лучи восходящего солнца, ударив в его борт, сразу сделали его из голубого золотым. И теперь этот первый тяжелый дирижабль походил на какого-то огненного дракона, создание исступленного человеческого воображения, а не действительности.

VIII.

ПОСТЕПЕННО развивая скорость, «Неболет» взял курс на юго-запад, по направлению к станции железной дороги, и вскоре понесся как стрела, весь содрогаюсь от могучей внутренней работы механизмов и шумя своими дыхательными отверстиями. Ветер свистел в сетках, порывом сорвал чью-то фуражку и платок с Дашиной головы и унес в воздушное пространство.

Необыкновенное зрелище открывалось взорам восхищенных людей. Земля убегала вниз центром, но края ее как бы вырастали кругом.

Казалось, старушка-земля не хотела выпускать из своих материнских объятий этих безумных или гениальных детей своих, которые, пренебрегая ею, стали хозяевами воздушных сфер.

Теперь эта земля стала похожа на тщательно вычерченную географическую карту.

Далеко внизу под «Неболетом» была станция. Едва намечаясь, тонкой ниткой убегало, поднимаясь на горизонте в обе стороны, полотно пути.

Людей нельзя было уже рассмотреть. Дежурный паровоз черной точкой медленно ползал по нитке полотна, но свистки его были хорошо слышны... Вот повозка загрохотала по настилке переезда, и этот звук тоже был ясно слышен на высоте теперь уже двух тысяч метров. Пассажиры «Неболета» любовались восходящим светилом, тогда как земля еще покоилась в серой дымке сумерек в сладком предутреннем сне. Однако, вероятно, благодаря лучам восходящего солнца, золотившим голубой «Неболет», он был замечен кое-кем снизу. Оттуда неслись громкие крики испуга и ужаса. Можно даже было расслышать слова:

— С нами крестная сила! Огненный змей летит!

— Где-е?

— А во-о-о-н! Вы-со-око! О-го-го-о-оо!

А на палубе «Неболета», счастливые одержанной победой над воздушной стихией, члены товарищества улыбались, поглядывая друг на друга и прислушиваясь к этим воплям людей с земли.

— Однако, куда мы залетели, — сказал Петр Петрович, подходя к сигнальной решетке. — Смотрите, Виктор Назарович, вот уж и город... А нам лучше бы до утра возвратиться в «Оазис», чтобы раньше времени не пошла молва про «Неболет».

— Слушаюсь! — сказал Оболонный и закричал: — Держись крепче — крутой спуск! Дамы вниз! Петр Петрович, пожалуйста, сведите девиц в кают-компанию.

Иван Николаевич дал сигнал «осторожно».

Когда Гризли с Дашей сошли вниз, начался стремительный спуск машины к «Оазису» по косо́й линии под углом почти пятнадцати градусов. Шумно дыша и судорожно вздрагивая алюминиевым корпусом, «Неболет» несся вниз с быстротой падения. Было жутко всем, и сердца замирали, так как полет действительно стал казаться падением вниз.

Но вот вдали показались заводские здания, ви́лла Мурзаева и темная купа «Оазиса».

Восходящее солнце уже золотило верхушки тополей, когда «Неболет», уменьшая ход, скользнул над этими верхушками, раскачав их своим могучим дыханием, описал в воздухе громадную петлю и, проплыв еще несколько сажен, повис неподвижно над гаражом.

— Уррра! — кричали снизу.

— Ура! — отвечали с «Неболета».

Но вот машина спустилась в гараж и крышу над ней захлопнули снова.

Первый полет превзошел все ожидания товарищества. Члены его обнимались и целовались, поздравляя друг друга с окончанием тяжелого двухлетнего подвига. В гараже стоял такой крик и шум, что проезжий крестьянин перекрестился и вскачь погнал свою лошадь, пугливо озираясь на страшный сарай, где, как ему казалось, ведьмы и черти справляли свой шабаш.

— Вам надо торопиться, чтобы попасть домой до заводского гудка, — сказал Иван Николаевич, провожая девушек по тропинке через поле к калитке парка.

Попрощавшись с невестою, Караганов направился обратно к «Оазису». Погруженный в думы, он и не заметил, как подошел к воротам своей усадьбы

— О чем вы так задумались, Иван Николаевич? — спросил его Виктор Назарович, стоящий у калитки.

— Думаю о том, как бы поскорее мне сдать заводскую должность...

— А я полагал, что вы мечтаете о завоевании вселенной, — рассмеялся электротехник.

— К чему мечтать о том, что и так от нас не уйдет: надо только уметь ждать... Представьте, что я сейчас вспомнил? В детстве мне какая-то цыганка предсказала, что я буду иметь то, чего еще никто из смертных не имел... Сбылось точка в точку, не правда ли?

— А больше она вам ничего не предсказала? — спросил Оболонный, смеясь.

— Почему вы спрашиваете?

— Да ведь у всех этих предсказательниц одна манера: сначала все блага посулить, а потом какой-нибудь пакостью напугать: в бочку меда ложку дегтя сунет, хе-хе-хе...

— Представьте, вы угадали, — задумчиво ответил Караганов, — моя цыганка еще добавила, что то дивное, чем я буду обладать, то меня и погубит.

— Ну, конечно. Ведь машинист поезда и капитан корабля — первые жертвы крушения.

— Ну, что ж, — произнес спокойно Караганов, — погибнуть от катастрофы на своем посту приятнее, чем в постели от лекарств. — И, пожав руку компаньону, он направился по тропинке к заводскому шоссе.

Едва обе девушки добежали до террасы виллы, как рывкнул заводский гудок, свидетельствуя труженикам-людям о наступлении нового дня, полного забот, труда и житейских дрызг.

Чудные сны виделись в это утро дочери миллионера-заводчика. Но когда она, проспав часов семь, проснулась и вспомнила обо всем, что случилось наяву прошлой ночью, то ее сны показались ей вульгарной, балаганной панорамой в сравнении с волшебной действительностью. Впрочем, в первый момент пробуждения она подумала, не сон ли и эта несравненная действительность прошлой ночи, но Даша рассеяла ее сомнения. Она, сверх обыкновения, шумно вбежала в малиновую гостиную барышницей половины, и немного тише прошла в спальню через кабинет. Гризли догадалась, что случилось что-то не совсем обычное в доме.

— Простите, барышня. Да вы уж проснулись. Можете себе представить, что все уже здесь знают о нашем воздушном путешествии.

— Неужели? И папа знает?

— Ну, конечно. Я нарочно не будила вас раньше, что бы вы выспались хорошенько. Да-да, подглядели-таки заводские слободские, а там и пошло. Теперь только и разговору, что о драконе, на котором мы летали.

— А что папа? — смеясь, спросила Гризли.

— Очень серьезный. Он просит, как встанете, сойти к нему в кабинет... Скоро уж и обед...

Торопливо, с помощью Даши одевшись, Гризли сошла вниз, прошла через громадную, в два света, столовую, где стол к обеду был уже накрыт, потом через залу с хорами, похожую на манеж, и, наконец, постучалась в дверь отцовского кабинета.

— Войдите! — послышался оттуда голос Мурзаева, в котором чувствовались усталость и раздражение.

Гризли, войдя, по обыкновению обняла и поцеловала отца и села против него у письменного стола.

Мурзаев хмуро и недоверчиво поглядел на веселое лицо дочери поверх очков.

— Чорт знает, что мелют здесь кругом. Рехнулись все, что ли? Конечно, я не верю всему... всей этой чепухе. Но ты... видела собственными глазами подъем этой дурацкой Карагановской машины?

— И еще мы с Дашей летали на ней, — торопливо и волнуясь, пояснила Гризли. — Это вовсе не чепуха и машина не дурацкая, а стоит в миллион раз дороже нашего завода и этого дома. Мы полетели из «Оазиса» в половине четвертого утра, долетели до города и вернулись назад в шестом.

— Ты бредишь, милая моя, — возразил отец, раздражаясь. — До города более ста верст.

— «Неболет» туда летел очень тихо и только обратно от города усилил ход, а то бы мы раньше вернулись, — ответила Гризли,

Миллионер был поражен. Он вскочил с кресла и забегал по кабинету, бормоча:

— Так, значит, этот Караганов полетел-таки? Нет! Вздор! Не верю!.. Не может быть!

— Ха-ха-ха! — звонко расхохоталась Гризли. — Что же, мы с Дашей на метлах, что ли, летали, как киевские ведьмы?

Мурзаев посмотрел вопросительно на дочь, снова сел в кресло, потер лоб и спросил в раздумье:

— «Неболет»... гм... это, верно, имя вашего дирижабля? Разве вы хотите лететь за золотым руном?

— Мы не нуждаемся в безделушках, когда у нас в руках судьба мира, — выпалила Гризли.

— Ого! Вона куда метнула! — рассмеялся Иосиф Димидович, нервно поправляя очки. — А каков он из себя, этот ваш «Неболет»?

— Это первый тяжелый дирижабль без пузырей и крыльев... и даже хвоста... то есть, руля.

— Чем же он летает? — вытаращил глаза Мурзаев.

— Он поднимается и движется по принципу пущенной ракеты, выталкиванием воздуха из донных и кормовых труб — клапанов или отдушин.

Миллионер насторожился. Лицо его стало серьезно.

А дочка продолжала:

— «Неболет» летит вверх, и прямо, и кругами со скоростью, недоступной птице, но средняя его скорость, обычная при полете, около полутора верст в час, как высчитал вчера Иван Николаевич. «Неболет», кроме 20-30 человек, поднимает до двух тонн груза.

Измученный миллионер, вытаращив глаза, смотрел на свою по-американски воспитанную дочь и пытался соображать, но мысли его путались.

— Это все так же верно, как то, что Иван Николаевич Караганов — мой жених, — закончила Гризли торжественно.

О, это было уже слишком для любящего отца! Мурзаев вскочил на ноги и даже кресло опрокинул.

— Это еще что за новость? — закричал он, багровея. — Какой жених? Этот нищий инженеришка, который служит у меня в наемниках?..

— Вы ошибаетесь, папа. Теперь он уже не нищий и не наемник. Он великий изобретатель, которому суждено сыграть видную роль, владелец миллиардного состояния...

— Ты, я вижу, окончательно рехнулась, — пробормотал Мурзаев, в волнении ходя по кабинету.

— Да-да! «Неболету» нет цены... Он стоит разве всего земного шара, тем более, что на нем установлен аппарат, способный в какой-нибудь час времени обратить ваш завод и этот дом в груды дымящихся развалин... Не пройдет и трех лет, как у нас будет десяток таких «Неболетов» и мы... мы будем командовать всем миром...

Негодующая и величаво-красивая в экзальтации, Гризли встала и, пройдя мимо ошеломленного отца, взялась за ручку дверей.

— Гризли!.. Погоди... не уходи... Дай же мне сообразить. Это все свалилось на меня так неожиданно. Я не хотел обидеть твоего жениха, но... я должен видеть все это своими глазами, осязать руками, чтобы убедиться... Я деловой человек, Гризли, и это, надеюсь, поймет твой жених. Присядь.

Удовлетворенная Гризли улыбнулась и села.

— Не о чем тут ни думать, ни говорить, — сказала Гризли. — Следует только тебе, папа, полететь, как мы с Дашей летали. Спроси Дашу — она даже ничуть не боялась. Хочешь, я устрою тебе это?

— Ну, конечно. Надо же мне, будущему тестю гениального человека и «владыки мира», узнать что такое за птица ваш «Неболет».

— Но тогда тебе придется сначала вступить членом в наше товарищество на паях. Не только я, но и Даша уже записана в члены. На палубу «Неболета» может взойти лишь пайщик компании и равноправный товарищ.

— Вот как!

Мурзаев посмотрел на дочь поверх очков и рассмеялся.

— Ну, ты сама уж это все устрой, формальности там все эти... И сколько нужно паев — рассчитай, чтобы мне не стыдно было перед прочими «товарищами»... Только вот что, Гризли... Любит ли тебя твой жених? Ведь твои четыре миллиона приданого весьма аппетитны даже для такого гениального молодца, как твой Караганов. Надеюсь, что я, как отец и опекун твой, имею право поднять этот вопрос?

— Ты, папа, напрасно оскорбляешь человека, которого ты, очевидно, совершенно не знаешь...

— Успокойся, Гризли, я всегда считал Ивана Николаевича за честного человека и способного труженика, но фантазера и мечтателя. Тем лучше, что в последнем я оказался неправ. Можешь сообщить ему, что раз ты выбрала его своим женихом, я согласен на ваш брак и, кроме того, прошу его принять меня в члены вашего товарищества. Ну что, дочка, довольна ты моим решением?

Обнимая и целуя отца, Гризли вдруг заплакала, вероятно, от избытка чувств, переполнивших ее счастливое сердце. Да и сам миллионер невольно прослезился. Необычайность развивающихся событий сбила с толку даже его холодный, практический ум.

— Но помни, папа, что кто желает быть нашим товарищем, — серьезно сказала Гризли, — тот должен пока соблюдать строжайшую тайну даже о существовании «Неболета».

— Да ведь теперь уж это и не тайна больше, детка, — рассмеялся Мурзаев, — А, впрочем, даю слово. Ну, а когда вы меня прокатите на «Неболете», и вообще, каковы ваши дальнейшие планы действий?

— Полетим, вероятно, завтра на рассвете, чтобы уберечься от любопытных глаз, насколько возможно. А относительно планов будущего ничего еще не могу

сказать. Все это решится на товарищеском совете после нашей свадьбы. Итак, я тебя впишу с твоим паем в книгу товарищества... Сколько ты дашь?

— Право, не знаю... Ну, больше тебя вдвое... неловко же мне меньше дочери давать.

— Ого! Значит, миллион!

— Как! Ты внесла пятьсот тысяч? — воскликнул Мурзаев. — Ну, что ж, — прибавил он затем спокойно, — сказано — сделано. Я назад слов не беру.

— Какой ты милый, папочка!.. Я так и впишу. Иван Николаевич предложил мне завидовать письменной и бухгалтерской частью, а так как я училась на бухгалтера, то...

— То и нашла себе выгодное место... хе-хе-хе!.. Передай мой поклон Ивану Николаевичу и скажи ему, что помолвку мы устроим здесь с подходящим блеском, но без лишних гостей... в тесной компании.

— Спасибо, папа!

Гризли чмокнула отца в бритую щеку и выпорхнула из кабинета.

Х.

НО Гризли знала, что ее дело еще не совсем улажено. Нужно было заручиться еще согласием бабушки, которая жила в отдельном флигеле, окруженном густым вишневым садом с массой всяких ягодных кустов.

Марина Афанасьевна Мурзаева, урожденная Скрыня, гордилась своей девической фамилией древнего запорожского рода и ставила ее выше фамилии мужа. Она вышла замуж из богатого дома полтавских помещиков за Диомида Мурзаева, крещеного осетина или лезгина, в свое время верно служившего в рядах рус-

ских войск при замирении Кавказа при князе Бярятинском. Тяжело раненый, он вышел в отставку и, щедро награжденный князем, уехал в Россию. Каким-то образом он попал в Полтаву, где купил себе клочок земли в пригороде, выстроил домик и впоследствии счастливо женился на Марине Афанасьевне Скрыне.

Перед заслугами своего покойного мужа преклонялась Марина Афанасьевна и теперь, тем более, что прожила с ним беззаботно почти всю жизнь. Но лаская свою единственную внучку Гриззли, она всегда говорила, что она лицом схожа с знаменитым гетманом Гонтой, замученным поляками во времена Гайдамачины. По ее словам, Гонта состоял в близком родстве с ее предком, куренным атаманом Остапом Скрыней.

Внучка слушала рассказы бабушки про старину с таким жадным вниманием, что старуха сама удивлялась и говорила:

— Ну, не кровь ли мученика Гонты говорит в тебе? Ишь, как горят твои глаза! В тебе дух моих предков сказывается, а не отцовских, хоть и те были народ смелый и свободный. Оттого ты ни грозы, ни темной комнаты, ни мышей не боишься, — прибавляла старуха со смехом.

Гриззли боялась, что бабушка либо просто не поймет ее, приняв рассказ о «Неболете» за плод ее фантазии, или сочтет его за насмешку.

Но, к ее удивлению, старушка, выслушав все до конца внимательно, ответила спокойно:

— Все это я и прежде считала возможным, детка. Я таки много разных книг прочитала за свою жизнь — охотница была большая до интересного чтения... И сейчас помню роман, только уже забыла какого писателя, про подводный воздушный корабль. Очень это был занимательный роман, хотя тогда никто еще и не

помышлял вправду выстроить такой корабль. А теперь уж изобрели подводные лодки. От них и до воздушного корабля недалеко... Знаю я, что в газетах пишут, будто разные там аэропланы давно уж летают, да что-то плохо... И ежели твой жених изобрел настоящий большой корабль, то слава ему и честь, а особенно удивительного в этом, по-моему, ничего нет. На то и разум дан человеку, чтобы до всего доходить и всячески облегчать себе жизнь... Так-то, детка моя... Что ты на меня смотришь, как на китайского богдыхана? Удивляешься, что я еще из ума не выжила? Нет, детка, мой умишка еще и тебе пригодится.

— Ах, бабушка, мне кажется, что вы умнее всех!

— Ты меня не захвалишь, а я вот еще что тебе скажу уже не от ума, а от сердца... Твое сердце я знаю: оно пламенное и золотое — верное сердце. А жениха твоего не знаю и ни разу даже не видала, но знаю, что худого, нечестного эгоиста, который за миллионами твоими тянется, ты не полюбишь. Чутье у тебя есть — оно не обманет. Стало быть, он хороший человек и любит тебя, а что вы с ним не по земле будете ходить, а по небу летать, от этого ни счастья вам не прибавится, ни горя... И где вам Бог счастье пошлет — здесь ли, внизу, или там, на воздушях — это не важно. Так-то, милая моя детка...

Гризли крепко обняла и поцеловала в морщинистые щеки умную и добрую старушку, обещала привести к ней жениха и, совершенно уже безоблачно счастливая, убежала к себе наверх посоветоваться с Дашей относительно свадебных приготовлений.

Мурзаев же, отпустив дочку, быстро забежал по своему кабинету. Он был слишком взволнован, чтобы по обыкновению сесть в кресло, закурить сигару и хладнокровно обсудить все.

Он даже хотел было снова усомниться в реальности всего, только что слышанного, но только улыбнулся. Разве Гризли может соврать хотя бы ради самой святой цели? Чем же, однако, все это пахнет?

Аппарат тяжелее воздуха, поднимающий более двух тонн, то есть 125 пудов груза, кроме целой кучи пассажиров, и делающий в час средней скоростью более ста верст, — это... это... поразительно, в полном смысле слова. Да! Значит, достигнуто считавшееся невозможным. Мечта человечества от сложения мира близка осуществиться во всей полноте... И это осуществление не минует-таки моих рук! Нехорошо вышло, что я проморгал этого чудака Караганова, может быть, оттого, что он был слишком горд для своего скромного положения и не заискивал передо мною как все... Гм... теперь-то, конечно, понятна причина этой гордости — он имел на это право, право гения... Теперь надо будет приложить все старания, чтобы поправить наши отношения...

XI.

У МУРЗАЕВЫХ в Турногоре редко кто-нибудь обедал из посторонних, и обыкновенно обед проходил в молчании или вялых разговорах между отцом и дочерью «для приличия».

Но этот последний обед прошел необыкновенно весело. Гризли с удовольствием поглядывала на развеселившегося отца, а тот, отпуская шуточки насчет будущей жизни в воздушных сферах, косился изредка на подававшую кушанья Дашу (Мурзаевы в Турногоре не держали лакеев и лишней прислуги с общего согласия) и думал с некоторым недоумением: «Тоже пайщица... тоже попала в теплую компанию воздушных путеше-

ственников... Н-да... компания, не совсем подходящая для действительного статского советника и кавалера Мурзаева... Надо еще привыкнуть...»

— Куда же вы хотите лететь после свадьбы? — спросил Мурзаев, обращаясь к Гризли и подливая себе марсалы.

— Мы еще не решили... Я думаю, что мы сначала облетим всю Россию, а потом вернемся в «Оазис», заберем весь наш экипаж и полетим всем товариществом в кругосветное путешествие.

— Гм... это недурно, должно быть, провести месяц-другой в заоблачных сферах... Но воображаю, сколько вам понадобится взять с собой бензина. Вероятно, сорокаведерную бочку?

Гризли сначала недоумевающе вытаращила на отца глаза, а потом громко расхохоталась.

— Бензин! Ха-ха-ха!

— Что тут смешного, не понимаю, — рассердился Иосиф Диомидович. — Какой же силой действуют ваши моторы?.. Не чорта же вы туда, в свой «Неболет», запихали? Хохочешь — сама не знаешь, чего ради...

— Нет, знаю! Бензин сыграл свою роль и останется для выводки пятен... А наш «Неболет» имеет вечный материал для своих двигателей, а именно — атмосферное электричество, — поясняла Гризли. — Это электричество изобретенным Ваней прибором-конденсатором улавливается из воздуха и собирается в аккумуляторе, откуда уже расходуется по мере надобности. Надеюсь, понятно?

— В таком случае, этот ваш «Неболет» в состоянии вечно летать? — произнес с удивлением Мурзаев.

— Пожалуй, что так. Если же не вечно, то, во всяком случае, очень долго... пока не сотрутся части механизма или не случится поломки.

— Чорт знает что такое! Если даже половина правды во всем этом, то и тогда это сон наяву... Не даром мой Казимир все толкует что-то о скором светопреставлении и пришествии антихриста... Я готов и Казимиру поверить. Гм... Надеюсь, что вы и меня возьмете с собой в кругосветный вояж?

— Ну, конечно же, папа... Но как же наши заводы?

—А, шут с ними! — махнул рукой порядочно уже хвативший своей любимой марсалы Иосиф Диомидович. — Ликвидирую все дела, положу деньги в банк и начну летать... Надеюсь, мой зять будет так любезен, что выстроит мне особый этакий небольшой дирижабль и мы полетим с Казимиром, поваром Аристархом и с шофером или авиатором, разумеется... Мне и то уж надоело ходить и ездить по матушке сырой земле, особенно после дождя... Хочу летать, и баста!

Слушая эти не совсем связные речи отца, Гризли весело хохотала. Даша, убирая со стола, тоже смеялась, в первый раз видя барина в таком веселом настроении.

Тотчас после обеда Гризли направилась в «Оазис», где в беседке сидел Караганов и, наклонившись над круглым столом, что-то чертил карандашом в записной книжке.

Он был так углублен в свое занятие, что не заметил сразу, как Гризли вошла.

— Я пришла к вам потолковать по делу, — начала Гризельда Иосифовна.

— В чем же дело? — спросил Караганов, поздоровавшись с невестой.

— Во-первых, отец согласился на наш брак... Во-вторых, он хочет тоже внести паи и вступить членом в товарищество «Неболет», но просит, чтобы ему гарантированы были некоторые особые привилегии.

— Какой капитал он кладет?

- Вдвое больше меня.
- Ого! Великолепно!.. — произнес весело Караганов.
- Скажите отцу, что впоследствии мы его выберем председателем правления товарищества «Неболет».
- Мне кажется, это его удовлетворит.
- Мне кажется, тоже, — ответила Гризли.
- Ну, а в-третьих что? — спросил Караганов.
- Когда наша свадьба?
- Хоть завтра!.. Сегодня суббота — две службы, — успеют сделать две выключки, завтра перед вечером мы можем и повенчаться... Это будет по-американски, что весьма подходит к твоему воспитанию.
- Ну и отлично! — ответила, смеясь счастливым смехом, Гризли.
- Что же в-четвертых? — спросил Караганов.
- Пришли завтра утром Митю ко мне за документами... Ты знаешь отца Матвея из Выровщины?
- Знаю. Он служил молебен на закладке «Неболета».
- Ну, вот и устрой с ним все, что надо...
- В-пятых?
- Папа просил устроить для него прогулку на «Неболете».
- Устроим завтра же... Он стоит того, твой папа. Да, вот еще что... Сейчас девять часов... через два часа у нас соберется товарищеский совет для избрания трех кандидатов в члены товарищества. Ты знаешь, кто эти члены. Ну, так вот товарищам желательно было бы видеть их в своей среде во время избрания — у нас уж такой обычай...
- Конечно, мы приедем с папой и Дашей, — обещала Гризли, уходя.
- Итак, до свидания! — произнес Караганов, пожимая руку невесте.

ХII.

В ПРОСТОРНОЙ чертежной мастерской «Оазиса» в 11 часов вечера этого же дня собрались все пайщики товарищества «Неболет». Когда прибыли на автомобиле заводчик с дочерью и горничной, Караганов пригласил всех сесть за длинный стол, стоящий посреди комнаты, и открыл заседание совета товарищества словами:

— Я предлагаю почтенному собранию допустить в товарищество в качестве членов-пайщиков известных трех новых лиц. Вам всем известны размеры их взносов. Кто против этого предложения, прошу встать.

Никто не встал, и «воздушное товарищество» увеличилось еще тремя равноправными членами.

Иван Николаевич продолжал:

— Товарищи! Я предлагаю выбрать из нашей среды председателя правления товарищества «Неболет». Я заранее отказываюсь от этой почетной обязанности; зная же, что среди нас есть лишь один знаток финансовой части, уже испытанный на этом поприще, а именно уважаемый Иосиф Диомидович Мурзаев, — рекомендую поставить его во главе правления, тем более, что он, как вам известно, самый крупный наш пайщик. Кто против этого?

Снова никто не встал, и вопрос о избрании председателя правления был решен к всеобщему удовольствию.

После этого Иван Николаевич сообщил собранию уже частным образом о помолвке своей с новым членом товарищества, Гризельдой Иосифовной Мурзаевой. Тут уж поднялся веселый шум и крики... задвигались стулья, появилось шампанское, хлопнули пробки. После тоста старика Шамова за счастливую будущую

совместную жизнь помолвленных, когда наступила тишина, Караганов поднял свой бокал и произнес:

— По поручению председателя правления я должен поставить в известность всех пайщиков, вступивших в товарищество при закладке «Неболета», что им на этих днях будет исчислен дивиденд в соответствии с поступившими от них взносами... Пока решено выдать по тысяче рублей на каждый пятисотрублевый пай...

— Уррра! — грянули не ожидавшие ничего подобного пайщики и стали качать своего энергичного и честного патрона.

Когда все успокоилось и компаньоны снова расселись вокруг стола, Караганов продолжал:

— А теперь, товарищи, предоставим слово вновь избранному председателю правления.

Иосиф Диомидович немножко растерялся от неожиданности, но сейчас же овладел собою, поднял бокал и сказал:

— Благодарю почтенное собрание за честь, оказанную мне избранием в председатели правления товарищества «Неболет». Надеюсь оправдать это доверие и блюсти интересы товарищества, как свои собственные. Пью за здоровье и счастливую будущность всех участников сооружения «Неболета», этого чуда двадцатого столетия.

Снова кричали ура и еще говорили и пили. И разошлись уже глубокой ночью.

В этот же день Выровщинский староста навестил своего кума-урядника и с таинственным видом сообщил ему о появлении летательной машины, которая на рассвете была усмотрена ребятами, водившими ло-

шадей на ночную пастьбу, а также Турногорским заводским ночным сторожем. Урядник встревожился и тотчас же стал производить негласное следствие. Оказалось, что, кроме упомянутых старостой свидетелей, летающую машину видели некоторые дежурные станционные служащие. И все видевшие полет машины утверждали, что она спустилась в усадьбе инженера Караганова, называемой «Оазис».

С этими данными урядник отправился на станковую квартиру для доклада своему непосредственному начальнику, станovому приставу, о столь необыкновенном происшествии.

Пристав, полный, лысый, страдающий одышкой мужчина, сначала не очень доверчиво отнесся к докладу урядника. Но урядник сослался на ряд свидетелей, показания которых сводились к одному:

«В ночь с 28-го на 29-е июля 19... года над лугами, принадлежащими сельскому обществу села Выровщи-на и слободскими огородами был усмотрен на рассвете какой-то летящий предмет неопределенного вида, но отнюдь не похожий на воздушный шар. Описав несколько правильных кругов над станцией железной дороги и поднявшись на большую высоту, он быстро полетел по направлению к городу и скоро скрылся из вида. Через час или полтора, когда уже стало совсем светло, он с необыкновенной быстротой пролетел над лугами и спустился в усадьбе-инженера Караганова, управляющего заводом Мурзаева».

Становой задумался, прошелся по комнате и помычал, что-то соображая. Он вспомнил высокий сарай с какой-то странной крышей, уже второй год выглядывающий из-за деревьев Карагановской усадьбы, и наконец сообразил.

— Ну и пусть себе летает! Нам какое дело? — сказал он, закуривая папиросу. — Нынче, брат, многие даже очень высокопоставленные лица интересуются воздухоплаванием. По-видимому, даже правительство поощряет это занятие... Вот и клубы воздухоплавательные открываются по городам... Вот какие дела, а не то что!.. Да и в инструкциях у нас против этого ничего не указано. Ведь этот инженер со своей компанией никому никакого ущерба не чинит? Жалоб на него от окрестного населения не поступало?..

— Оно точно что... — замялся урядник и вдруг выпалил:

— А ежели, ваше благородие, с этакой машины бомбу сбросить, так оно тово... И не поймаешь преступника, ваше благородие...

— Какие же у тебя основания подозревать в этих людях бомбометателей? Вздор ты мелешь. Впрочем, я сам завтра побываю у инженера Караганова.

Урядник скрылся опрометью, а становой отправился к жене сообщить ей сенсационную новость о появлении в их захолустье летательной машины.

ХШ.

НА ДРУГОЙ день, рано утром, отправился Иван Николаевич к Выровщинскому священнику, о. Матвею, в полчаса порешил с ним дело и уплатил вперед за все расходы по венчанию, а сторублевую бумажку вручил особо, как вознаграждение причту. О. Матвей даже оторопел, пряча в карман своей рясы невиданный гонорар.

— Давай же вам Бог счастья, — говорил он Караганову. — А я завтра к шести часам все приготовлю к венчанию.

— Да, пожалуйста, — рассеянно подтвердил инженер. — Лучше бы пораньше... Мы ведь после церемонии сейчас же и полетим...

— Что-с? Как вы изволили выразиться?

— Уедем, я сказал...

— Ага, так, так! Это по-модному, по-нынешнему заведено у богатых людей... после венчания выпьют шампанского и сразу в вагон — на теплые воды едут... хе-хе-хе...

— Ну, мы еще моднее будем путешествовать, пожалуйста, — улыбнулся Караганов.

— Большому кораблю — большое и плавание-с... хе-хе.

— Истинную правду изволили сказать, батюшка, — подтвердил инженер, едва сдерживая смех. — У нас и корабль-то особенный, не как у людей — волшебный.

— Я ваше иносказание вполне понимаю. Боже мой! Батюшка вашей невесты в тридцати миллионах, слышно, считается... Этакую уйму денег и умом-то не охватишь...

— Деньги, конечно, сила, но есть вещи сильнее денег, батюшка — это хорошие человеческие мозги.

— Совершенно справедливо... однако, все-таки, без денег всяк худенек... хе-хе-хе... Счастливого пути.

Иван Николаевич простился с веселым стариком, сел на велосипед и помчался по утоптанной тропинке к своему «Оазису». Еще издалека он заметил, что перед воротами усадьбы стоит чья-то незнакомая брочка.

— Кто бы это мог быть? — недоумевал он, поддавая ходу стальному коню. — Уж не пронюхали ли репортеры о торжестве «Неболета» и приехали из города?.. Но нет, брочка не городская, а какая-то захолустная, вроде Чичикова.

Подкатив к отворенной калитке, Иван Николаевич пролез в нее с велосипедом и увидел на дворе своего нежданного и незваного гостя. Это был становой пристав. Толстяк лениво бродил вокруг гаража и пялил на него свои заплывшие глазки. Увидев хозяина, он ожил, изобразил на лице искательно-любезную улыбку и засеменил коротенькими ножками к крыльцу.

— Честь имею представиться: пристав 3-го стана, Онуфрий Самойлович Кунчуков. Простите, ежели сделал неловкость и заехал незваный. Я не по служебной надобности, а так... ехал мимо на станцию... да и соблазнился вашей усадьбой... Тени-то, тени сколько! Отрада! А мы на припеке живем... ну, нам и в диковину такая благодать... Ручеек струится в тени, в ложбине... Чудный уголок!..

Иван Николаевич тоже отрекомендовался и, пригласив гостя в комнаты, подумал: «Ну, и болтун же, должно быть, этот толстяк... И хитрить-то как следует не умеет».

А толстяк шел за ним, обмахиваясь фуражкой и бормотал:

— Произрастание древесных пород у нас в Бруданах весьма слабое... степные места больше... Ничего не делаешь — пекись на солнцепеке, покудова жир не закаплет. Н-да. А у вас-то здесь... И наименование вполне соответствует местности... Именно не что иное, яко оазис в пустыне — хуторок ваш весь в тени.

Караганов пригласил станowego присесть, отдохнуть в своем кабинете с громадным венецианским окном на восток и, усевшись против гостя, сказал, чуть усмехнувшись:

— Тень-то тенью, почтеннейший Онуфрий Самойлович, да вы-то сами теней не наводите. Ведь я сразу догадался относительно цели вашего визита.

— То есть, как это? Уверяю вас, что я...

— Ну да, до вашего сведения дошло, что я летал на своем аппарате без разрешения начальства, и вы сочли долгом разузнать, не злоумышляю ли я чего-либо опасного... Ведь можно просто летать для собственного удовольствия, а можно летать и с другими намерениями. Не так ли? А на воздушных, пожалуй, ареста произвести не придется... За облаками-то уж настоящий предел досягаемости.

Становой махнул рукой и расхохотался.

— Сердцеведец вы, ей-Богу. Что уж кривить душой... попали прямо в точку. Служба наша таковская, да и времена нынче... далеко еще не успокоительные... Поверите ли, и сны-то видишь какие-то беспокойные да несуразные...

— Ну, так я вас успокою. Как вы думаете, Иосиф Димидович Мурзаев свою единственную дочку отдал бы за неблагонадежного человека?

— Естественно нет, ни в коем случае. Уважаемая и надежнейшая личность, опора торговой промышленности, и следственно, так сказать, основа государства.

— Ну, вот. А я завтра женюсь на его дочери Гризельде Иосифовне.

Становой даже привскочил и бросился к хозяину пожимать ему руки.

— Прошу принять поздравление и пожелание вам и будущей супруге всего наилучшего в жизни.

Затем, помолчав немного, он опять заговорил:

— Значит, после свадьбы вы тотчас полетите?.. Да-с? А должно быть, сложная штука, такой воздушный прибор, на котором летают!..

— Ежели интересуетесь, я вам, так и быть, покажу чудовище, которое вас так встревожило.

— Почту за величайшее одолжение, ибо сам с юных лет питаю пристрастие к механике, и самоучкой усвоил часовых дел мастерство.

— Очень приятно... Пойдемте в гараж.

Выйдя на двор за хозяином, гость заметил:

— Давеча я уж догадался, что вы распустили рабочих. Здесь у вас теперь, кроме мальчугана-подростка — полное, как говорится, безлюдье.

— Нет, мои помощники всей компанией поехали в город развлечься и кутнуть после трудов.

— Так-так!.. Следует! Заслужили, вполне заслужили, что и говорить... После трудов можно и дрозда зашибить.

Почти с благоговением и даже не без некоторого страха пролез становой в узенькую дверцу гаража и остановился в изумлении перед громадной машиной.

— Совершенно как пароход, — пробормотал он, обходя корпус дирижабля. — И этакая тяжелая махина летает наподобие птицы?.. Непостижимо!

Влезли на палубу, спустились в трюмы и обошли все внутренние помещения. Электрическая кухня привлекла особенное внимание толстяка. Наконец, когда все осмотрели и вышли из гаража, становой хлопнул себя по лбу и воскликнул:

— Новая эра начинается!.. Теперь куда же эти немецкие цеппелины, французские блерио и американские райты?

— Пожалуй, что так, — смеялся Караганов, глядя на комичные жесты толстяка.

— А мне можно с вами? — вдруг спросил становой, умильно поглядывая на изобретателя, — Этак полетать немножко?.. Осчастливите?..

— Отчего же? Могу вам доставить это удовольствие. Завтра же вечером после венчания. У нас правило до-

пускать посторонних на дирижабль только во время путешествия и вообще в исключительных случаях. В данном случае эти условия налицо.

— Сочту долгом быть в церкви.

— Ну, вот мы вас и заберем с собой в небольшую прогулку.

— Премного благодарен. А скажите, Иван Николаевич, вы в случай войны предоставите ваше изобретение в распоряжение правительства?

— Разумеется, но только кто же осмелится с нами воевать при наличности у нас хотя одной такой машины? А их будет целый флот!

— Правильно! Bravo! Я патриот, и вы меня обрадовали вот как! А засим, до скорого свидания!

Сияющий становой укатил на бричке к себе в Бруданы, а Иван Николаевич, взглянув на часы, ахнул и, оседлав стального коня, помчался в усадьбу будущего тестя.

Гризли ждала его в саду, прохаживаясь по центральной аллее.

— Отчего ты так долго? — кинулась она к жениху, когда тот, подъехав, соскочил с велосипеда.

— Прости, Гризли, виноват. Становой пристав задержал. Представь, какой чудак: заподозрил нас в каких-то разрушительных стремлениях. Рассмешил меня. Но потом оказался славным малым и умницей. Я пригласил его на свадьбу.

— Свадьба с полицией, — рассмеялась Гризли и, потащив жениха за руку, заставила его бежать за ней бегом к усадьбе.

Нетерпеливый миллионер ждал своего будущего зятя в кабинете, нервной походкой бродя из угла в угол.

Встреча была дружественная с обеих сторон. Предложение жениха принято весьма благосклонно, а за завтраком поговорили по душе обо всех событиях, как уже совершившихся, так и о имеющих совершиться в недалеком будущем. Иосиф Диомидович с величайшим сожалением должен был отказаться от воздушного путешествия с молодыми после свадьбы. Он не мог покинуть завод в ходу без управляющего в виду массы спешных заказов. Дело прежде всего.

Караганов, между тем, развивал свой план путешествия.

— С нами полетят только Виктор Назарович и Петр Петрович, который взял отпуск на месяц.

— Митю тоже непременно возьмем, — вступилась Гризли, — он будет помогать мне стряпать в электрической кухне. Он лучше меня знает, как там в ней управляться... И потом, он более, чем кто-нибудь, восхищается полетами. Он так будет счастлив!

— Прекрасно! Возьмем и его. В свободное время он будет дежурить в сигнальной коробке — это его любимое место. А мы, мужчины, будем вести «Неболет» в три смены.

— Ну, а куда же вы предполагаете направить путь? — спросил Мурзаев.

— Сначала мы будем путешествовать наподобие знатных принцев, так сказать, инкогнито, что, впрочем, и немудрено над облаками. Наш аппарат, хотя и шумит, но на большой высоте от земли этот шум не слышен, а благодаря голубой окраске, на такой высоте его не усмотрит глаз человеческий. Вдоволь налетавшись над Россией, мы наконец спустимся в первопрестольной столице Москве, откуда и возвестим всему миру о торжестве «Неболета». В Москве, а потом в Петербурге, я буду читать публичные лекции о нашем

воздухоплавании и демонстрировать «Неболет». Потом мы вернемся сюда, выстроим завод для постройки воздушных кораблей и приступим к сооружению сразу двух или трех воздушных кораблей по типу «Неболета» и, захватив вас, а также часть экипажа «Неболета», отправимся в кругосветное воздухоплавание. Нравится ли вам мой план?.. Впрочем, зачем нам планами задаваться? Мы будем, как птицы небесные. Нет, мы будем свободнее птиц, ибо птицы привязаны инстинктом и привычкой к своим местам, а мы, подобно ветру, куда захотим, туда и полетим. Что вы скажете на это?

Вместо ответа Мурзаев хлопнул кулаком по столу и крикнул:

— Казимир! Неси скорее сюда шампанское! Надо осушить бокал за первое большое воздухоплавание «Неболета»!

А когда он узнал, что молодые полетят в Выровщину на «Неболете» венчаться, он расхохотался счастливым смехом человека, удовлетворенного в самых затаенных мечтах своего тщеславия.

— Это будет умопомрачительно! — крикнул он. — Воображаю, что за эффект будет!.. Итак, за успех «Неболета»! — заключил он, осушая бокал шампанского.

Весело кончился завтрак, после которого Гризли ушла к себе наверх обсуждать с Дашей вопрос о свадебном туалете, а мужчины еще долго сидели в кабине хозяина, ведя серьезный и деловой разговор.

Мурзаев сначала огорчился, узнав, что молодые не хотят пышного и многолюдного свадебного торжества, но, в конце концов, примирился с этим.

Когда стрелка каминных часов стала подходить к пяти, Караганов встал и взял шляпу.

— Ну, мне пора к «Неболету»... А знаете что?.. Идемте вместе. Кстати, вы еще не видали машины. Я

вам покажу все механизмы в действии. Сами убедитесь, как все просто придумано и устроено.

Как ни соблюдали тайну «Неболета» обитатели «Оазиса», но, в конце концов, она стала достоянием всего окрестного населения, и слухи о предполагаемом полете летающей машины привлекли толпы крестьян и рабочих к уединенной усадьбе инженера. И, уже подходя с Мурзаевым к «Оазису», при виде громадного скопления народа, Караганов понял, что сделал ошибку, назначив венчание на праздничный день. Наоборот, заводчик был, видимо, очень доволен, что собралось так много народа.

Не успел изобретатель показать заводчику всех машинных отделений, как с шоссе послышался троекратный звук автомобильного рожка: это Гризли давала сигнал о своем приближении с шаферами Оболонным и Горичем.

— Невесту везут, — послышался выкрик в толпе, которая расступилась, пропуская автомобиль.

В этот момент из гаража поднялась голубая машина. Толпа ахнула, как один человек. «Неболет», описав параболу над садом «Оазиса», плавно опустился на землю и стал перед автомобилем.

Толпа в испуге и смятении шарахнулась в стороны.

— Антихрист объявился! Конец свету! — пронзительно крикнул какой-то старик и рысцой, семеня слабыми ногами, побежал через луг.

За ним пустились еще несколько стариков, мальчишек и баб, но остальные, оправившись от испуга, снова столпились около непонятной машины и глядели, как на ее палубу по трапу взбирались приехавшие господа. Потом трап взлетел и юркнул в какое-то отверстие сбоку, машина застонала, загудела, дохнула из донных отверстий такими струями воздуха, что повалила несколько близ стоящих зевак, и поднялась над

дорогой. Заволновалась и загудела толпа, и бросилась вслед за воздушной машиной, которая, повернув нос на Выровщину, тихо поплыла в воздухе, саженях в пяти от земли. Народ, довольный даровым и необыкновенным зрелищем, бежал за ней, кричал и махал шапками.

А в Выровщине воздушных путешественников ожидало все село, высыпавшее на улицу и окружившее церковь. Многие, особенно старики и старухи, крестились, глядя на приближающееся чудовище, озаренное золотыми лучами клонящегося к закату солнца. Кое-где послышался плач перепуганных детей, а две бабы вдруг завопили во весь голос с причитаньями, как по покойнику. Гул голосов стоял в толпе. Слышались веселые выкрики и шутки. Струи воздуха из кормовых и донных отдушин снова повалили нескольких зевак, возбуждив в толпе хохот и остроты по адресу потерпевших. Площадка перед папертью вмиг опустела и «Неболет» опустился на нее. Пассажиры прошли в церковь, за исключением Мити, который остался стеречь машину.

Так как в Выровщине была казенная винная лавка, то по праздничным дням там всегда толкались заводские рабочие. И теперь их немало было среди толпы хохлов и хохлушек.

— Видал чудо? Без крыл, без хвоста, а летает. Как она может?.. Кто ее прет снизу?

— Нечистая сила, — раздался чей-то насмешливый голос, и все захохотали.

— А что, брат, пудов сот пять, а то более весу в ей, однако летит, не падает наземь. Хитрая... аглицкая штука...

— Эх, ты, дубовая голова! Это нашего инженера главного, Ивана Николаевича, машина, его выдумка. Она духом действует... Вот гляди, из этих дыр дух прет и толкает машину. Только и всего. Понял?

— Правильно. Давеча как дунула, так Васильева с Карпенком на три сажени отшвырнула. Эка силища!

XV.

КОНЧИЛОСЬ венчание, и новобрачные вышли из церкви. За ними шли шафера, Мурзаев и все остальные члены товарищества, одетые в праздничные костюмы. Командир, офицеры и весь экипаж «Неболета» был налицо. Толпа шумно приветствовала новобрачных. Митя, с помощью Глыбы, вынес на палубу из кают-компании великолепный граммофон — последнее слово усовершенствований в этом роде, — поставил пластинку какого-то торжественного марша, и невидимый оркестр грянул.

— Что, все собрались? — оглядывая палубу, спрашивал Оболонный, старший офицер «Неболета». — Онуфрий Самойлович, что же вы медлите? Лезьте скорее, а то я подниму трап.

— Да, вот, жена не пускает, — ответил снизу становой. — Куда, говорить, тебе лететь, ты еще пенсии не выслужил... Хе-хе-хе!.. А я все-таки полезу... В кои веки представился случай лететь, да не воспользоваться!.. Нет, шалишь, Анна Максимовна!..

Жена станового, возбуждая громкий общий хохот, держала его за борт мундира и визжала. Но толстяк, улучив удобный момент, когда граммофон оглушительно грянул марш, вырвался из жениных рук, и с ловкостью, которой никто не ожидал от него, взобрался на палубу. Он тяжело дышал и утирал пот, обильно катившийся с лица, но блаженно улыбался, счастливый удачным исходом своей затеи.

Когда «Неболет» поднялся над селом и двинулся в обратный путь, Оболонный сообщил экипажу желание

новобрачных совершить перед свадебным ужином небольшую прогулку до Киева и обратно. Это известие было принято всеми как приятный сюрприз.

Онуфрий Самойлович только ахал и совершенно по-детски хохотал, глядя вниз через перила и разводя в изумлении руками.

— И во сне никогда не летал, — бормотал он. — А вот, накось, взял да наяву и полетел... И не страшно, ничуть не страшно, ей-богу!.. Глядите, господа, — вдруг закричал он, тыча пальцем вниз. — Ваш сосед, помещик Забуклеев, с женой на станцию, должно быть, едет. Лошадей придержали — глядят вверх... На нас воззрились... Эх, вы — букашки! Ха-ха-ха-ха!.. Вот потеха! Музыка на воздушях... где видано? А Янкель-корчмарь даже на карачки присел от удивления... Умора!

Солнце зашло за край земли, бросая последние лучи в высоту. «Неболет» летел весь в свету, а внизу земля уже подернулась сумеречной тенью. Но вот погас последний луч солнца и для «Неболета». Небо потемнело и звезды, мигая, одна за другой, зажигались в нем. В это время дирижабль, ускоряя ход, стал подниматься в высоту. И вот, через несколько минут, снова показался краешек огненно-багрового солнечного диска, облив кузов дирижабля золотыми лучами.

Это явление было просто и понятно, но по своей необычности очень заинтересовало и даже поразило всех. Казалось, что «Неболет» не давал солнцу закатиться и точно шутил с ним.

Постепенно с подъемом машины и солнце поднималось над горизонтом, с запада, из багрового делаясь оранжевым и, наконец, золотым... Восход с запада! Это странное зрелище привлекло общее внимание. На темную землю никто уже и не смотрел.

Веселье и смех царили на палубе «Неболета». Становой и Брокетти потешали компанию комичными трюками, остротами и заразительным смехом.

Новобрачный, сменившись со своим помощником Оболонным, вышел на палубу и принял участие в общем веселье.

— Удивительно! Земля черна как сажа, а мы купаемся в лучах солнца, восходящего с запада, — сказала новобрачная. — Кажется, будто мы летим над какой-то страшной глубокой ямой. Даже жутко стало смотреть вниз. Видишь, Ваня: края земли приподымаются, а середина будто проваливается... А под нами ничего уже не видно.

— А вот мы сейчас бросим в это темное царство луч света, — сказал Караганов и ушел на нос «Неболета», где в решетчатой будке был установлен прожектор.

Через минуту ослепительно-яркий кружок света из прожектора упал вниз на темную поверхность земли, как бы вырывая из темноты все, что под него попало: дерево, кусты, часть шоссе с кучей щебня, крышу хаты с белой трубой. Блеснув на поверхности ручья, бесконечно длинный луч обежал окрестности по всем направлениям и погас.

— Прожектор — вещь серьезная, и для шалостей не годится, — сказал Караганов, — а мы лучше вот чем займемся.

Вслед за этими словами в решетке вспыхнуло красное пламя и, шипя и дымя, стало разгораться.

— Бенгальский красный огонь — только и всего. Дурацкая штука, — пояснил Караганов. — Однако оттуда, снизу, «Неболет» теперь кажется каким-то легендарным чудовищем, каким-то летающим кошмаром. Не правда ли?

— Темные и суеверные люди наверняка признают в нем огненного дракона и сочтут, пожалуй, знамением близкого конца мира, — заметил, смеясь, Горич.

— А многие из интеллигентных будут утверждать, что видели летящий метеор, комету или болид, — отозвалась Грizzle.

— Это верно, — подтвердил Онуфрий Самойлович. — И в самом деле, мы теперь похожи на комету. Смотрите, какой длинный светлый хвост тянется за нами из этого бенгальского дыма.

— Из-за дыма я и зажег огонь. Электричество не дает такого эффекта, — сказал Караганов. — А вот и город... верстах в тридцати всего. Теперь пойдем быстрее. Через десять минут будем там. У меня большой запас всякой пиротехники. Митя будет вас забавлять фейерверком, а я сойду вниз сменить Виктора Назаровича. Митя и Антон Глыба — большие любители и знатоки пиротехники — они сигналисты «Неболета».

Иван Николаевич ушел, а сигналисты установили ракетный станок в сигнальной решетке и занялись приготовлениями к иллюминации.

Спустя несколько минут загорелись «римские свечи», и целый каскад разноцветных огненных шариков, осветив палубу «Неболета», исчез за его кормой. Дирижабль несся усиленным полетом и, блестя огнями, быстро приближался к городу.

Над предместьем дирижабль сбавил ходу и, наконец, тихо поплыл над улицами, шум которых достигал до слуха воздухоплателей даже на той огромной высоте, на которой они летели.

Вот, шипя, взвилась ракета и, уже далеко позади «Неболета», хлопнула в темной бездне неба, ярко вспыхнув. За ней понеслась другая, третья и, наконец, целый букет-пучок из дюжины ракет захлопал в высоте, бросив на палубу дирижабля огненный отблеск. И снова на носу в решетке вспыхнул бенгальский огонь. Хвостатой кометой тихо поплыл над городом дирижабль, возбуждая недоумение и ужас в населении, высыпавшем из домов на улицы. Невиданное волшебное зрелище всполошило весь город.

А голубой луч прожектора скользил по улицам, садам и домам, будто шарил и нащупывал что-то потерянное огненно-красным чудовищем.

Но вот кончился город, и широкий Днепр сверкнул под лучом прожектора.

— Хорошо бы спуститься пониже, чтобы можно было наблюдать эффект нашего небесного визита, — сказала Гризли, любуясь великолепной панорамой.

В это время «Неболет» остановился и неподвижно повис над зеркалом сонного тихого Днепра... Справа и слева, на крутых горах, поблескивали золотые купола Лаврских церквей и церковей Выдубицкого монастыря. Стояла тихая безветренная погода. Тишина нарушалась лишь тяжелым дыханием донных отдушин «Неболета» и доносившимся снизу шумом езды по цепному мосту. Все глаза устремились на залитый огнями город. Луч прожектора вдруг ударил в золотой купол одной из церквей, и он ослепительно засверкал, как гигантский маяк.

Затем «Неболет» круто повернул к Лаврской колокольне и остановился над ней.

С палубы вся Лавра казалась детской игрушкой, выточенной резцом опытного резчика.

В этот момент Иван Николаевич в своей будке щелкнул контактором, и большой шарообразный хрустальный фонарь, силою в 1000 свечей, вспыхнул ослепительным электрическим светом. Потoki голубого цвета на мгновение осветили обширное пространство обители. «Неболет» казался оттуда плавающим в волнах света. Двумя широкими спиральными кругами он спустился ниже к обители и стал реять над широким мощеным двором, саженьях в трех над куполом большой колокольни, как нежданный, грозный, светозарный посланец небес.

Монахи падали на колени, подавленные кошмарным видением, явившимся из небесных пространств, а ослепительный «Неболет», теми же обычными спиральными кругами орлиного полета, тяжело дыша отдушинами, поднялся, потух и умчался в тьму ночи, унося с собой звуки печальной погребальной песни...

XVI.

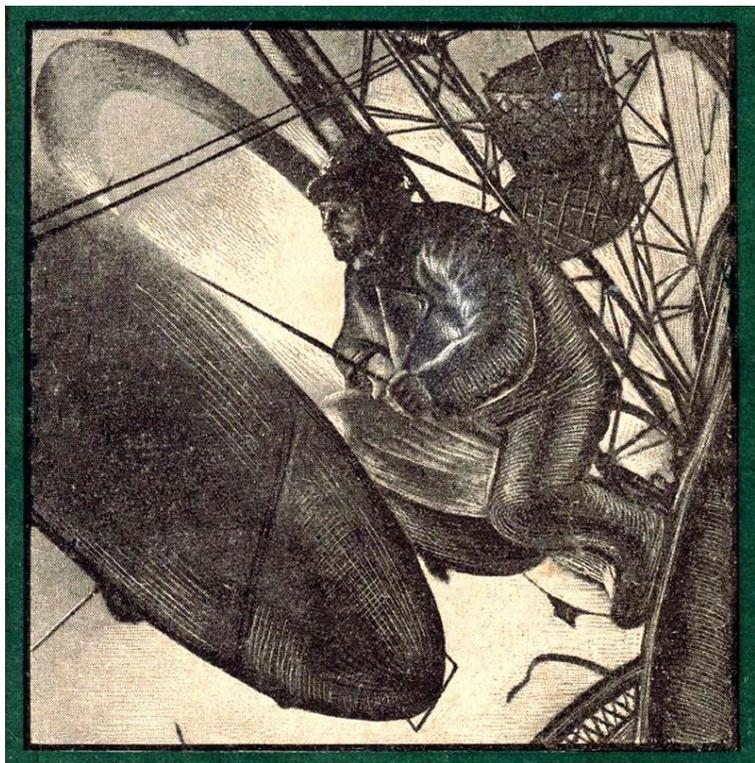
Из капитанской будки на палубе раздался сигнал звонком. Виктор Назарович торопливо сбежал вниз и сейчас же вернулся обратно.

— Иван Николаевич просит всех сойти в каюты, так как он хочет идти по кривой усиленной скоростью. При такой скорости оставаться на палубе очень опасно — может сорвать ветром.

Все охотно спустились вниз и закрыли люки. Только один любопытный до самопожертвования Митя наблюдал головокружительный взлет и спуск «Неболета». Он притаился в сигнальной коробке и, захватив ногами и руками ее переплеты из алюминиевых прутьев, устремил глаза вдаль, в туманную ночную бездну, которая, как на полотне кинематографа, быстро приближалась к нему. Замирало сердце и захватывало дыхание, но восторг Мити торжествовал над всеми страхами. Вот и заводские здания промелькнули внизу. Еще два, три спиральных круга, и «Неболет», тяжело дыша, опустился на площадку перед террасой мавританского дворца Мурзаева.

Носовой фонарь «Неболета» снова вспыхнул, залил потоками света торцовый двор, службы, цветники и опушку парка, совершенно затмив горящие у террасы лампы...

— Стоп! — скомандовал Караганов, и послушный его приказу гигант-дирижабль мгновенно остановился.

Митя притаился в сигнальной коробке и, захватив ногами и руками ее переплеты из алюминиевых прутьев, устремил глаза вдаль...

Когда воздухоплаватели вышли из дирижабля, лакей доложил Мурзаеву:

— Все готово, Иосиф Диомидович: ужин будут сейчас подавать... Музыкантов я уже накормил... Еще вот многие господа наведывались... которые из помещиков здешних, которые дачники по соседству — очень интересуются все летающей машиной... Земский с исправником тоже заезжали...

Мурзаев подумал и сказал:

— Приглашай всех, кто бы ни пришел или ни приехал к свадебному ужину. Скажи, что хозяева просят. Иван Николаевич, вы полетите в гараж?

— Да, отведу машину. Не здесь же на дворе ее оставлять на ночь.

— Так будьте добры, кого ни встретите из любопытствующих, всех гоните сюда. Сегодня такой день, который я хотел бы широко отпраздновать.

— За этим дело не станет, — ответил, смеясь, Карганов, — я по пути сюда заметил около «Оазиса» порядочно собравшегося народа. Еще десятый час в начале — они, вероятно, ожидают возвращения «Неболета». Я передам им ваше приглашение.

— А рабочим мы завтра устроим праздник, — добавил Мурзаев, входя в вестибюль.

«Неболет» поднялся, пролетев над усадьбой и заводскими зданиями и минуты через две тихо плывя повис над гаражом «Оазиса». На пронзительный гудок сирены выбежал из казармы старик Шамов, захлопнул крышу над спустившимся в гараж «Неболетом», а потом выпустил из калитки хозяина.

— Все в исправности, Иван Николаевич? — спросил он. — Благополучно ли прогулялись?

— Спасибо, дед, все хорошо. Пойдем ужинать — все наши там ожидают. Ого! Вы в черном сюртуке! Отлично.

— Я и в церкви был в этом наряде... Вы не заметили, — ответил, смеясь, старик. — В Киеве новый купил. Не люблю я этой одежды, а нельзя... Для приличия, собственно, купил.

За воротами толпились любопытные.

Это были преимущественно дачники и дачницы. Они сделали маленькую овацию Караганову, а он, пожимая всем руки, сказал:

— Мой тесть приглашает вас всех, господа, к себе в дом. Не стесняйтесь, пожалуйста. У нас запросто, без всяких церемоний.

В громадной столовой мурзаевского дома-дворца нашлось место всем: и званым и незваным, и жданным и неожиданным. Скуповатый Иосиф Диомидович не пожалел расходов на роскошный прием гостей, несмотря на самое смешанное общество, где за одним столом сидели и слесарь Глыба, и земский начальник, и богатая дачница.

Под музыку военного оркестра начался свадебный ужин, изобиловавший, кроме вин и яств, всевозможными тостами, как это водится на торжественных банкетах.

Первый поднялся с бокалом Мурзаев.

— Милостивые государыни и государи! — с важностью произнес он. — Мы только что были свидетелями окончательной и полной победы человека над природой. До сих пор, хотя человек и называл себя царем природы, но это было не совсем справедливо, ибо воздушные пространства не были еще ему подвластны. Ныне он овладел ими... Поэтому вполне естественно осушить этот бокал за здоровье первого завоевателя заоблачных сфер и, разумеется, его молодой супруги!

Оркестр сыграл туш, а публика стала чокаться с новобрачными.

Потом встал Виктор Назарович и произнес небольшую, но сильную речь о мировом значении тяжелых управляемых аэромобилей.

— Теперь нам нечего бояться нашествия иноплеменников, — заключил он. — С нынешнего, памятного навсегда дня серьезного испытания летательной способности новоизобретенного дирижабля, самая возможность войны с Россией устраняется, ибо мы, имея десяток подобных «Неболетов», в состоянии будем уничтожить в один день всех врагов разрушительными воздушными приспособлениями — и никто не осмелится с нами воевать...

Некоторые из гостей в речах тоже приветствовали новую эру победы над воздухом, Но при этом высказывали опасение, что с усовершенствованием воздушных кораблей появятся нового вида хищники, воздушные пираты...

Ужин затянулся до рассвета. Молодые, впрочем, уже давно ушли к себе наверх, Мурзаев же так и не ложился спать. После того, как все гости разъехались, он долго сидел в кабинете, раздумывая о событиях, недавно прошедших и грядущих, несущих с собою много такого нового, необычайного, чего сразу и умом не обоймешь. Так просидел он до заводского гудка, который вспугнул его думы и изменил неопределенное настроение в чисто деловое.

Мурзаев, впрочем, всегда, живя в Турногоре, вставал с гудком и сейчас же из постели в халате шел купаться на ручей. Это был тот же ручей, который пробегал через «Оазис».

Напитавшись там ключами, он через Турногорский парк бежал уже глубоким и сильным потоком, и вода в нем была всегда прохладная. Выкупавшись, Иосиф Ди-

омидович вздумал прогуляться к «Оазису», и пошел к нему прямо лугами, на которых еще сверкала холодная роса.

А в «Оазисе» уже шла спешная работа. «Неболет» нагружали заготовленной накануне провизией и родниковой водой в бочонках и багажом аэронавтов... Оболонный еще спал, и распорядился нагрузкой Петр Петрович. Он уже покончил со своей железнодорожной службой и наслаждался полной свободой.

Побеседовав с ним о предстоящем путешествии, Мурзаев пошел обратно уже по тропинке и когда пришел домой, на столе в столовой ожидал его кофе и газеты. Отложив пока столичные, Иосиф Диомидович занялся двумя местными, киевскими.

Вчерашний воздушный визит «Неболета» был отмечен в обеих. В одной же описан довольно подробно.

Высказывались предположения, что вечерний воздушный визит нанес либо германский Цеппелин, либо неизвестный доселе, соблюдавший тайну своего существования, русский дирижабль. Было сказано кое-что и о переполохе, который произвело появление «Неболета» в Лавре среди монахов.

Когда молодые сошли в столовую, Мурзаев первым долгом стал читать им статьи о «Неболете», от души хохоча после каждой строки. После кофе все втроем пошли пешком в «Оазис», где «Неболет» был уже готов к далекому путешествию, посидели в тенистом саду на скамье в уютном уголке, у ключа, бьющего в овраге.

— Все готово, — сообщил, подходя Виктор Назарович. — Все предусмотрено до ничтожной мелочи и сложено по надлежащим местам. Митя особенно заботился о кухне и кладовке с ледником. Любит-таки покушать мальчуган. Я думаю, что провизии хватит не-

дели на две. Парашюты я развесил на крючках кругом бортов, на всякий случай... Чуть что — надеть ляжку подмышки и чубурах вниз... перышком полетите.

— Авось не понадобятся, — засмеялся Иван Николаевич. — Гм... хотя... как знать... Не следует быть очень самонадеянными и беззаботными. И хотя, по моему мнению, в море опасностей гораздо больше, но, все-таки, надо и нам быть готовыми ко всякой случайности...

— Кроме столкновения, которое в открытом море самое ужасное и часто бывает, — подхватил Мурзаев.

— Да, мы, вероятно, еще надолго гарантированы от этой опасности, — подтвердил Виктор Назарович, и, хлопнув себя по лбу, спросил:

— Господа, а, кто же нам стряпать-то будет?

— Гризли будет. Она сама вызвалась, — с улыбкой, косясь на жену, ответил Караганов.

— Неужели? — удивился Оболонный. — Разве вы умеете?

— Почему вы вообразили, что я такая белоручка и беспомощная? Каждая женщина обязана уметь хорошо стряпать, — вспыхнув, ответила Гризли, и бровки ее нахмурились.

— Ого! Даже хорошо, — заметил, мигнув глазом, Иван Николаевич... — Гм... посмотрим... покушаем...

— В Америке девиц всему учат, — пояснил Мурзаев.

В это время показался Виктор Назарович и сказал:

— Пожалуйста, господа аэронавты, закусить на дорожку.

— По-моему рановато, — пробормотал Иосиф Диомидович, — а, впрочем, я уж и так выбит из колеи... Как улетите, все у нас по-старому пойдет...

— Что за рано! Скоро одиннадцать! — взглянув на часы и зевая сказал Петр Петрович. — Да и лучше по-

раньше удрать отсюда, а то, того и гляди, репортеры и интервьюеры из города прикатят.

— Да, того и жди... Пойдемте, господа.

Впятером, совершенно интимно позавтракали главные компаньоны «Товарищества Неболет», но когда они стали садиться на дирижабль, «Оазис» снова был окружен толпой любопытных.

Крыша гаража с треском распахнулась, и «Неболет» поднялся вверх.

Сопутствуемый прощальными криками компаньонов и толпой дачников, помещиков и массой народа, он взял курс на город и стал быстро уходить в беспредельную голубую бездну неба, постепенно поднимаясь.

Благодаря своей окраске, он вскоре уже стал невидим для человеческого взора, и только шум его могучих отдушин чуть доносился с высоты к очарованной толпе, которая долго еще не расходилась, удивляясь чудесному воздушному кораблю.

I.

ОСТАНОВИВ прямое направление полета, Иван Николаевич вышел на палубу.

— Днем, при прямом полете, можно, предоставив «Неболет» собственному благоразумию, лишь изредка наведываться в будку, — сказал он, — но по ночам дежурство необходимо... на всякий случай.

— На случай чрезмерного накопления электричества в конденсаторе, — прибавил Виктор Назарович.

— Да, электричество это не что иное, как прирученный и дрессированный хищный зверь. Но, в конце концов, почти все укротители погибают от укрощаемых ими зверей. Не пугайся, Гризли, — это я так, к слову. В сущности, электричество наш друг, так же, как некоторые лекарства, которые полезны в малом количестве, в большом же убивают организм. Но надо и ходить с открытыми глазами, а тем более — летать. Господа, вон и город уже виден.

— Я пойду готовить обед, — вставая с дивана, сказала Гризли. — Если увидите что-нибудь очень интерес-

ное, то позвоните мне. Митя, — прибавила она, — пойдем — ты же обещал мне помогать. Еще успеешь насмотреться.

Неохотно спускался мальчик в трюм, так как дирижабль уже летел над предместьем Киева.

При тихом ходе машина не производила сильного шума. Ее ритмичные вздохи, напоминающие отчасти дыхание усталого громадного животного, не достигали земли на высоте более тысячи метров над ней, а благодаря окраске «Неболет» на этой высоте был невидим, так что от самих аэронавтов зависело, обнаружить свое присутствие или нет. Они же, облокотясь о перила у носовой сигнальной коробки, глядели вниз на бегущий под ногами роскошный город.

— Какое, даже самое интересное, театральное представление может сравниться с этим великолепным зрелищем? — произнес Иван Николаевич, вынимая из футляра бинокль Цейсса. — Я провел школьные годы в этом чудном городе — матери русских городов. Смотрите, как он разросся, обстроился и украсился за последний десяток лет. Вон оно — здание политехникума. Старик-университет довольно неопрятен сравнительно с ним, но зато у молодого ученого нет такого славного сада, как у старика.

— У меня с этим садом связано одно светлое воспоминание юности, — вздохнув, сказал Петр Петрович. — Моя покойная тетка жила в Киеве, и я почти каждое лето приезжал к ней из Петербурга на каникулы. Я тогда был еще мальчишка, студентик-первокурсник, а она, та, которую я встретил на обычном гулянье интеллигенции в ботаническом саду, была старше меня лет на семь. За ней всегда волочился хвост поклонников, но почему-то меня она отличила. Впрочем, не стоит вспоминать о давно пережитом, тем более, что мы

перешли уже некую грань и живем уже в новом мире. Все старое как-то еще более отдалилось. Знаете, господа, на карте, самой подробной карте, не увидишь так ясно всего. Вот лучший способ учить ребят географии.

— Да, именно, — подтвердил Иван Николаевич. — Вероятно, в будущем и появятся такие летучие школы. Может быть, и мы займемся этим — мысль хорошая. А что, Петр Петрович, вы отыскиали тот дом, где вы жили юношей?

— Да, я его заметил, против ботанического сада — мы уже пролетели. Но, господа, куда же мы, в сущности, летим? В Москву и Питер, чтобы показать всем наш «Неболет»?

— Это еще успеется до зимы, — ответил Караганов. — Мы пока не будем стеснять себя никакими маршрутами и программами. Кстати, у жены имение в Крыму, где-то в окрестностях Судака. Так вот, покругим в южных широтах... Горы с высоты орлиного полета должны быть очень интересны, а мы будем любоваться ими с еще большей высоты. Каково? Нравится ли это вам?

— А знаете, господа, — заговорил он вслед затем другим тоном, — что я сейчас надумал? Я, признаться, не очень доверяю кулинарным познаниям моей жены. Не лучше ли нам спуститься вон туда, хоть в сад ресторана, который как раз находится под нами? В ресторане нас накормят настоящим обедом. Что вы думаете об этом предприятии?

— Ммм... Я думаю, что, прежде всего, Гризельда Иосифовна кровно, так сказать, обидится, — ответил Оболонный, а Горич добавил:

— Эх, Иван Николаевич, я уверен, что твоя жена нас отлично накормит, не хуже ресторана, и, во всяком случае, ничего тухлого нам не подаст. А там, в ресто-

ране, кто знает? И потом, разве ты воображаешь, что наше прибытие туда может пройти незамеченным? Наверное, соберется полгорода глазеть на нас и нам отобьют аппетит.

— Вы правы оба, — подумав, сказал Иван Николаевич. — А впрочем, пока мы толковали, Киев остался уже далеко за нами. Вышгород уже приближается к нам. Пожалуй, теперь пора повернуть на юг, к Черному морю. Знаете что, пойдём-ка мы туда с максимальной скоростью, испытаем окончательно машины «Неболета».

— Сколько же это будет приблизительно в час?

— Полагаю — около двухсот верст, а то и больше. Поставим метрофор и узнаем нашу предельную скорость.

— Тогда надо всем спуститься вниз, а то нас сметет с палубы, как перья, — сказал Виктор Назарович и, поглядев на часы, прибавил: — Теперь половина второго, значит, мы будем обедать на берегу Черного моря. Ловко!

— Вы смерили высоту солнца, Виктор Назарович? Дайте широту и долготу хоть приблизительно... Ну, вот сейчас «Неболет» покажет себя.

С общего согласия Караганов засел в свою капитанскую будку, повернул дирижабль носом на юго-запад и поддал ему ходу. Задрожала машина. Воздух с шумом, напоминающим прибой бурного моря, вырывался из кормовых отдушин, и со страшной силой, рассекаемый острым носом «Неболета», свистал и пел на все лады во всех отверстиях и снастях машины. Из хрустальной будки и из иллюминаторов было видно необозримое пространство земли, быстро бегущее назад пестрым ковром. Иван Николаевич хотел уже, закрепив рычаг, выйти из будки в кают-компанию, когда заметил на

горизонте надвигающиеся с запада густые облака. В воздухе еще с утра парило, и теперь было душно.

— Пожалуй, придется «Неболету» уходить от самого страшного врага своего — грозových туч, — сказал он тихо, поднялся в коридорчик и, пройдя несколько шагов, заглянул в кухню. Там шла веселая стряпня, в которой принимали участие и оба инженера.

— Однако, ты запрягла их обоих, Гризли, — засмеялся он. — Воображаю, что это за обед будет... А поглядите-ка, какая тучка надвигается с запада.

Все бросились к иллюминаторам, а Караганов, улыбаясь, продолжал:

— Попади мы в эту тучу, и от «Неболета» ничего не останется: его разнесет в клочья. Я зашел предупредить, что сейчас будет крутой подъем, чтобы вы не перепугались. Мы еще не маневрировали с крутыми подъемами, вот и попробуем. Ну что, как действует кухня вашего изобретения, Виктор Назарович?

— Отлично, и варит, и жарит, и печет...

— Я очень довольна, — подтвердила Гризли, стоя перед плитой с засученными рукавами, в белоснежном нагруднике-фартуке. — Ни дыма, ни угара нет и топлива никакого не надо. Просто прелесть.

— В общем, для повара работы почти вдвое меньше, — вставил Петр Петрович.

— Ну и отлично. А теперь держитесь крепче, — еще раз предупредил Караганов, уходя.

Но все-таки, несмотря на это предупреждение, когда нос дирижабля поднялся на фут выше, в кухне раздались визг, топот и звон падающей посуды. Мужчины удержались на ногах, а хозяйка с Митей покатились по полу. К счастью, кипящий суп, выплеснутый из кастрюли, не ошпарил никого. Митя опрокинул на себя миску с тестом, и его вид возбудил всеобщий хохот.

Он убежал в ванную отмывать тесто, а Гризли растерянно озиралась, глядя на опустошение, произведенное в кухне «крутым подъемом».

Это происшествие, впрочем, не повлияло на расположение духа стряпающей компании, несмотря на выпачканную в липком соусе одежду.

— Противный Ванька, — смеясь, говорила Гризли, — теперь мы без супа и без паштета.

— Ничего! — утешил ее Оболонный. — Супу еще полкастрюли осталось, а тесто мы сейчас новое сварганим.

И снова закипела стряпня.

II.

А ДИРИЖАБЛЬ, описав грандиозную параболу, уже летел с быстротой стрелы к юго-западу, на громадной высоте.

Стало прохладно, и все ощутили какую-то неловкость в дыхании. У Гризли закружилась голова.

— Идем на высоте десяти тысяч метров, — объявил было вновь появившийся виновник кухонного беспорядка, но Гризли замахала на него руками и закричала:

— Слушай, Ваня, мы не желаем заболеть... Сейчас же изволь спуститься ниже... Это же безобразие!

— Скажите, какие нежности!.. Какая же ты аэронавтка после этого, — пробормотал опешивший капитан дирижабля. — Ладно, сейчас полетим пониже... Это я производил окончательный экзамен «Неболету».

— Только не заройтесь в облака, — смеясь, крикнул ему вслед Виктор Назарович. — В конденсаторе теперь уже показан избыток энергии.

— Я ее израсходую на быстроту, — возразил Караганов уже из коридора.

— Чудак Иван Николаевич, — сказала Оболонный, глядя в иллюминатор. — Он не выдерживает характера и увлекается, почти как Митя. Ну, вот мы пошли вниз, успокойтесь, Гризельда Иосифовна.

Но Гризли уже оправилась и снова хлопотала у плиты.

Опускаясь, дирижабль приближался к безбрежному океану облаков, безбрежному в полном смысле этого слова. Кроме ясного неба и бесконечной пелены облаков, белых и плотных, как взбитые сливки, ничего не было видно. Как бы кипя и клубясь, и вздымаясь как волны, катились вниз эти бесконечные облака. «Неболет», спустившись к ним метров на двадцать расстояния от их поверхности, кончил спуск и полетел по прямой. Получилась полная иллюзия парохода, плывущего по океану, и только скорость его движения изобличала в нем аппарат высшего порядка. Гризли даже в ладоши захлопала, а Митя, высунув голову из иллюминатора, по обыкновению дрыгал ногами, визжа от восторга.

— Конденсатор в нормальном положении, — сообщил Оболонный. — Стало быть, внизу грозы нет, и пока не предвидится. Это, так сказать, холостые облака, а если послать туда в их гущу хороший разряд из нашего аппарата, то разразилась бы сильная гроза.

— Пожалуйста, не вздумайте еще этим заняться от нечего делать, — возмутилась Гризли.

— Да, это значило бы раздражать природу, — заметил Петр Петрович. — Конечно, если бы знать, что там, на земле, люди нуждаются в дожде, а тучи его не дают, то мы могли бы помочь делу.

— А может быть, там теперь льет, как из ведра? — предположила Гризли.

— Очень может быть, потому-то эти опыты с рядником не очень желательны, — продолжал Горич, но Оболонный рассердился на обоих оппонентов.

— Да что вы толкуете, не понимая сути дела! Во-первых, летом гроза и дождь никогда не лишние, а во-вторых, мне необходимы опыты, что бы вы не толковали против. Да-с!

— Аппетитно начинает тут у вас пахнуть, — сказал Иван Николаевич, появляясь в кухне и нюхая воздух. — Пожалуй, и вправду обедом накормите, хотя по словице у семи нянек дитя без глазу.

— По твоей милости мы вторично принимаемся застряпню, — заметила Гризли, — Господа инженеры, теперь можете уходить: мы с Митей уж управимся.

— Пойдемте наверх, — предложил Караганов. — Надо бы кое-какие измерения сделать.

Мужчины поднялись на палубу дирижабля. Холодным воздухом пахнуло им в лицо. Внизу, освещенные полуденным солнцем, гряда за грядой бежали, уносясь вдаль, волнистые облака, и ярко-фиолетовая тень от дирижабля прыгала по их буграм в стремительном своем беге.

Несмотря на то, что теперь «Неболет» шел опять со средней скоростью, встречный воздух бушевал на палубе.

— 8 баллов! — крикнул Караганов из сигнальной коробки, придерживая фуражку, которую рвал ветер. — Этак невозможно работать! Виктор Назарович, спуститесь в барабан и сбавьте ход. Куда нам, в самом деле, торопиться.

Оболонный исчез в трюме, и через минуту дирижабль сбавил ход. И ветер стих, и вдруг стало теплее. Иван Николаевич, сидя в сигнальной коробке, загляделся на белоснежное облачное море. Однообразие и

блеск его как-то усыпляли и погружали в ленивое раздумье. Вот прорвалась эта белоснежная гуща, и в широкую скважину туманными своими ковровыми очертаниями и рисунками заглянула старушка-земля. Со своими полями, лесами, реками, дорогами она почему-то в этот момент показалась инженеру какой-то чуждой или давно забытой планетой, на поверхности которой он когда-то жил, трудился, страдал и слишком мало изведал радости.

Иван Николаевич так глубоко задумался, что не заметил исчезновения облачной пелены. Она уже осталась далеко позади «Неболета», который опять летел над далеким разноцветным ковром земли. Но ароматы полей и лугов не достигали сюда, где было царство химически чистого воздуха.

«Неболет» летел теперь на высоте около пяти тысяч метров над уровнем моря, которое бирюзовым серпом уже показалось на приподнятом горизонте. И смешно, и жутко было наблюдать это странное явление. Казалось, будто вот-вот эта далекая бирюзовая вода шумным каскадом ринется в кажущуюся котловину земли и затопит ее.

— Что за чудеса! — вырвалось у Гризли, вышедшей на палубу по окончании стряпни. — Неестественно! Скорее, на декорации похоже.

— Эх, жалко, не видали вы землю давеча, когда поднялись на десять тысяч футов. На этой высоте она уже не кажется вогнутой, а принимает вид шара, и надо сознаться, что в таком натуральном виде она более интересна.

— Благодарю покорно за такой интерес!.. Из носа и ушей у меня кровь потекла, — возразила Гризли.

А море все шире и шире открывалось, подернутое фиолетовой дымкой.

Симферополь показался вдали. Выкрашенные известью дома блестели сквозь дымку хмары.

И горы, горы цепями и кучами разбежались во все стороны. Как они невзрачны с такой высоты зрения! Даже гигант Чатыр-Даг, сверкая своей скалистой вершиной, не более как камушек, брошенный на берег бирюзовой лужицы Черного моря...

От избытка чувств у нервной Гризли слезы выступили на глазах. Впрочем, и мужчины были взволнованы, не говоря уже о Мите, который особенно усердно дрыгал ногами и визжал, впиваясь глазами в бегущую внизу панораму южной горной природы.

— Как прекрасен Божий мир! — промолвила Гризли.

Море бежало навстречу из голубой хмары, и, наконец, открылся цветущий берег благословенной Богом страны.

III.

— СЯДЕМ пока отдохнуть на Чатыр-Даге, — предложил Иван Николаевич, — и если обед ваш готов и съедобен, то займитесь сервировкой стола, а я постараюсь посадить наш дирижабль на какое-нибудь живописное местечко этой голой вершины.

Караганов спустился в свою будку, и вскоре «Неболет», переменив направление, полетел, постепенно опускаясь, к вершине горы. Вот она уже под ногами, саженьях в десяти. «Неболет» покружился некоторое время, ища удобного места, и, наконец, сел на площадку между двумя скалами, изрядно-таки встряхнув сервирующих стол аэронавтов. Снова послышался звон разбитой посуды и негодующие крики хозяйки. Впрочем, пострадала только посуда и две бутылки вина, слетевшие на пол со стола. Стряпня же не пострадала, так как еще не была поставлена на стол.

За обед принялись усердно, быстро его уничтожили и нашли превосходным.

— Ну, вам так и полагается хвалить собственную стряпню, господа, — сказал Иван Николаевич, — но я человек не заинтересованный, а, между тем, тоже доволен. Признаюсь, не ожидал от моей супруги такого искусства.

После обеда сошли на каменную площадку, поросшую кое-где мхом и лишаями. Потом взобрались на самую высшую точку Чатыр-Дага, посидели там, любовались еще раз на живописные окрестности Алушты, оставив Митю на дирижабле у сигнального аппарата.

Вскоре, однако, стало скучно избалованным уже зрелищами с высот, недоступных даже горным орлам. Тогда Гризли непременно захотела спуститься на «Неболете» к морю и покружить над его теперь почти зеркальной поверхностью. Там казалось так прохладно, между тем как каменная вершина горы была уже сильно нагрета палящими лучами солнца. Это был просто каприз молодой женщины, но, разумеется, все охотно согласилось его исполнить. Компания вернулась к дирижаблю, и скоро он, расшвыряв груды щебня и подняв тучу песчаной мелкой пыли, поднялся над вершиной горы. Открылось широкое пространство выжженной солнцем степи на спине Чатыр-Дага, и «Неболет» тихо поплыл над ней к морю, проносясь мимо знаменитых сталактитовых пещер. Вот вддали показался домик для туристов. Около него, под навесом, стояли оседланные лошади. Несколько человек туристов, мужчин и дам, парами и порознь, бродили и стояли на площадке над обрывом, любуясь тем зрелищем, которое уже не занимало наших аэронавтов. В сторонке за домиком татарин жарил шашлык на углях догорающего костра.

Шум отдушин «Неболета» заставил туристов поднять головы и отпрянуть в страхе перед приближающимся чудовищем, летящим саженях в пяти над степью. Крики ужаса и визг женщин смешались с испуганным ржанием лошадей, которые рвались из конюшен. Татарин уронил вертел с бараниной в костер и сам чуть не повалился туда же.

Караганов заметил смятение и переполох, произведенные «Неболетом», и уменьшил ход. Скоро перепуганная мирная компания туристов увидела над собой шумящее голубое чудовище со сверкающим на солнце стеклянным глазом. Туристам показалось, что это было живое существо, так как летело, тяжело дыша, как бы устав от продолжительного полета.

— Го-го! Кто летит? — послышался окрик снизу из группы сбившихся туристов.

Караганов вышел на палубу, дал своим товарищам знак молчать и, перегнувшись через перила, крикнул:

— Это летит повелитель Вселенной «Неболет». Радуйтесь, люди!..

«Неболет» тихо плыл одной силой инерции.

Но вот Караганов спустился и сел в свой хрустальный барабан. Гигант точно ожил, рванулся вперед и вверх, широкими спиральными кругами поднялся на высоту тысячи метров над горной степью, скрывшись с глаз очарованных туристов, и оттуда ринулся вниз стремительным полетом.

Через несколько минут головокружительного спуска он будто нырнул в море и пропал, то есть слился своей окраской с синевой моря. Пораженным туристам показалось, что волшебный аппарат растаял в воздухе над тихим морем. И долго они, как загнипнотизированные, стояли и смотрели в голубую даль, где он исчез бесследно...

А, он невидимый даже с берега, быстро скользил над поверхностью моря, будто издеваясь над несовершенным человеческим зрением.

— Здесь, должно быть, громадная глубина, — сказала Гризли, облокотившись на перила и глядя вниз, в воду, бегущую в нескольких саженях от киля «Неболета», — а, между тем, на дне каждый камень виден, раковины, какие-то растения, морские раки, черепахи, а рыбы прямо масса плавают... Вот бы хорошо наловить рыбы! У нас ее нет совсем в запасе.

— Купим у здешних рыбаков, потому что у нас нет никаких приспособлений для рыбной ловли, — ответил Виктор Назарович.

— Да если бы и были, то ничего бы не вышло, — пояснил Петр Петрович. — Ведь для ловли надо спуститься к самой воде, а машинные отдушины так ее взбудоражат, что вся рыба разбежится от нас. Смотрите, кажется, пароход идет.

— Да, пассажирский, из Одессы, должно быть, — подтвердил Виктор Назарович, глядя в бинокль.

В это время Иван Николаевич вышел на палубу и вмешался в разговор.

— Обойдем его, что ли? — спросил старший офицер.

— Нет, зачем же нам все прятаться? Начнем понемножку открывать нашу тайну. А теперь ваша очередь, Петр Петрович. Полезайте-ка в барабан. И вот что: спуститесь еще ниже, так на аршин, от воды... нет, на сажень, а то нас окатит водой... И так идите до парохода, а потом, поднявшись, лупите прямо к берегу, вон туда, где рыбацьи лодки стоят.

Петр Петрович ушел управлять машиной, а остальные аэронавты с любопытством стали ожидать приближение парохода.

«Неболет», спустившись еще ниже к воде, несся над ней, больше похожий на призрак, чем на тяжелый

грузоподъемный дирижабль. Воздух из отдушин глубоко буравил воду, которая, пенясь, бурлила, оставляя длинный след за кормой воздушного великана.

Пассажиры и матросы встречного парохода столпились у борта и с напряженным вниманием и удивлением всматривались в странный, приближающийся к ним голубой аппарат, не то летящий, не то плывущий. Их недоумение разрешилось, когда «Неболет», поравнявшись с пароходом, вдруг поднялся на высоту нескольких сажен, круто повернулся и помчался к берегу. Аплодисменты и крики восторга провожали его с парохода.

Впрочем, этих проявлений удивления и восторга во все время полета «Неболета» было так много, что я воздержусь на будущее время от их описания. Читатель сам поймет то чувство, которое может испытать человек, неожиданно увидевший над собою в воздухе голубое чудовище без крыльев и хвоста, свободно, смело и быстро летящее и производящее шум, подобный дыханию огромного запыхавшегося животного. Вполне понятно, что люди на набережной переполошились, увидя летящее на них с моря голубое чудовище.

— Эй, поторопитесь! А то вас сдует в воду! — крикнул им Караганов.

Почтительно расступилась перед невиданным аппаратом разношерстная толпа, собравшаяся со всех концов набережной, и дирижабль, пыхтя, мягко сел своими тремя тяжелыми колесами на каменные плиты.

Машина умолкла. Чудный дирижабль, казалось, отдыхал.

А толпа кругом росла с каждой минутой, шумя, крича и волнуясь. Она, наконец, вплотную сомкнулась вокруг отдыхающей машины. Гортанный говор и крики татар и греков доминировали над прочими звуками.

— Смотрите, — с раздражением произнес Караганов, — эка рты поразевали!

— Ты несправедлив, Ваня, — возразила Гризли, — ты, я думаю, сам заинтересовался бы на их месте подобным зрелищем.

— Да не в том дело. Ведь они кричат, что мы слуги дьявола. Конечно, это только смешно, но, все-таки, неприятно.

— Я сейчас спущусь и куплю рыбы, — предложил Оболонный.

— Больше ничего нам пока не надо, — крикнула Гризли. — Только возвращайтесь скорее.

Оболонный сошел на набережную и закричал во всю глотку:

— Эй! Рыба живая есть?

Толпа загудела еще громче.

— Поздно теперь... утром надо... всю продали...

— У Кончарлы есть рыба! — вырвался чей-то пронзительный голос. — Разбуди его, он спит там в баркасе.

— Эй, Кончарлы, вставай! Хорошо зарабатываешь!

— У него, господин, в садке рыба заказная, а хорошую цену дадите, он продаст. Вот сюда пройдите.

— Шайтан, шайтан! — кричали исступленно татарчата, шмыгая в толпе, и почти одновременно камень вылетел из толпы и стукнул об алюминиевый борт дирижабля.

— Надо их проучить! — вскипел Караганов и быстро сбежал в барабан.

Виктор Назарович уже заплатил за рыбу и нанял двух мальчиков нести ее к дирижаблю, как вдруг тот, дунув в плиты набережной изо всех своих шести донных отдушин, поднялся.

Толпа шаррахнулась во все стороны, испуганная могучим дыханием машины, сбившим с ног близстоящих зевак.

Ругаясь по-русски и по-татарски, вставали опрокинутые, и махали кулаками голубой машине, находившейся, впрочем, уже на почтительном расстоянии. А когда дирижабль оглушительно завыл своей сиреной и двинулся вдоль набережной, большая часть толпы в панике бросилась бежать с его пути. Набережная освободилась от зевак, и Оболонный, захватив корзину с рыбой спущенным с борта «Неболета» крючком, сам быстро взбежал по трапу на его палубу; корзину подняли на блоке и унесли в холодильник.

С балкона приморской гостиницы нарядные посетители и посетительницы аплодировали голубому дирижаблю. Дамы кричали приветствия и махали платками. Это несколько примирило Ивана Николаевича с Алуштой. Поравнявшись с балконом, он придержал машину и раскланивался, отвечая на овации публики, со своего хрустального барабана.

Что-то кричали из окон и даже с крыши забравшиеся туда любопытные.

Можно было лишь разобрать: «Возьмите нас с собою!»

— Мало места! — крикнул в ответ Митя.

— Потом... потом... мы еще вернемся к вам! — кланяясь и махая платком, отвечала в свою очередь Гризли.

— Кто вы? Немцы? Англичане? Возвращайтесь к нам!

— Мы русские! Русские! До свидания!.. До свидания!..

«Неболет» двинулся быстрым ходом, пролетел вдоль набережной и вспарил в высоту своими обычными спиральными кругами.

И снова на глазах изумленных зрителей он исчез, как бы растаял в беспредельной синеве неба.

Вот Кагель-гора проплыла вниз, открывая за собою скалы, обрывы и сады южного берега.

Остались позади Бюк и Кучук-Ламбаты; скоро пролетели и над Кекенеизом, и засинел вдаль Аю-даг; Симеиз, Гурзуф убежали назад.

«Неболет» поддал ходу, пропуская мимо Ай-Даниль, Мисхор, Ай-Петри.

Приближаясь к Ливадии, «Неболет» уменьшил ход. Внизу видны были дворцы, роскошная, почти тропическая растительность, царство магнолий, мирт, олеандров, миндаля, араукарий, кипарисов и винограда.

Вот, наконец, засветились и белые дома Ялты. Солнце заходило. Воздух был тих и прозрачен. «Неболет» летел, залитый золотом солнечных лучей.

А в кухне его опять кипела работа по приготовлению ужина, который обещал быть разнообразнее обеда, благодаря купленной рыбе. Теперь Гризли, уже освоившись с электрической кухней, сама управлялась в ней со стряпней, и Митю заставила только чистить рыбу, что он, впрочем, исполнял не особенно охотно.

В Ялте уже знали о путешествии «Неболета». Телеграф и телефон сделали свое дело, и воздушным путешественникам была приготовлена встреча, довольно торжественная. На горе у въезда в Ялту собралась группа нарядной публики. Чтобы остановить внимание голубой машины, была сооружена наскоро вышка из трех жердей, подпирающих длинный шест, на верхнем конце которого развивался флаг, а пониже, на большом картоне четкая надпись: «Милости просим».

Вечер уже сошел на землю, даже вершина Ай-Петри потухла, и только летящий, огненно-светящийся «Неболет» еще отражал на себе последние прощальные лучи уже закатившегося солнца.

Демонстрация на горе была замечена с дирижабля. В полуверсте от Ялты Иван Николаевич убавил ходу и, войдя на палубу, обратился к своим товарищам:

— Господа, я с женой уже переговорил: она ничего не имеет против спуска и остановки, а как вы?

— Да, что же, Иван Николаевич, мы можем иметь против этого? — пожал плечами Петр Петрович. — Должны же мы, наконец, отрекомендоваться добрым

— И мы не имеем даже права обидеть их своим гордым невниманием. Они, очевидно, нам устроили встречу: какая масса там народу, помилуйте, — подтвердил и Оболонный.

Вопрос был решен, и «Неболет», спиралями спустившись на гору, сел у шеста с флагом среди почтительно расступившейся публики.

Невообразимое что-то поднялось, когда аэронавты, сойдя по трапу, очутились в тесной толпе. Сотни ртов что-то кричали, сотни рук тянулись к ним с рукопожатиями. Восторг был всеобщий и растрогал даже Карганова.

— Наши! Наши! Русские! — радостно передавалось от одного к другому. — Слава Богу, слава Богу! Наконец-то дождались!..

Аэронавты не успевали отвечать на посыпавшиеся на них вопросы.

Тут были члены Крымского горного клуба, члены нового аэромобильного клуба, основанного в Одессе, и автомобильного общества. Все убедительно приглашали аэронавтов на банкет, который экспромтом решили устроить теперь же в лучшем ялтинском ресторане. Обещали поместить дирижабль на ночевку в отдельном, изолированном помещении, во дворе автомобильного гаража.

Ивану Николаевичу крайне неприятно было это приглашение. Опять сотни, тысячи зевак, опять те же тосты и речи за обильной трапезой. Все это ему порядочно надоело, хотя, по-видимому, без этих церемоний

нельзя было обойтись и в дальнейшем, и в близком будущем, не здесь, так в другом месте. Но Караганов все еще колебался, когда жена за него ответила согласием. Оставалось покориться судьбе.

Желающих лететь на дирижабле в город было множество, но Караганов нарочно сказал, что дирижабль не в состоянии забрать с собою более пяти человек, которых он сам, не особенно церемонясь, и отобрал. Это были барон Баденер с женой, известной певицей, доктор медицины Нагубный, художник Харанов и журналист-корреспондент одной из петербургских больших газет — Костряков. Караганов выбирал их не зря. Все эти люди могли ему очень пригодиться в путешествии. А относительно путешествия у него уже назрел оригинальный план, которым он поделился с Оболонным и заручился его согласием.

Оболонный принял от него управление дирижаблем и спустился в барабан, а Иван Николаевич присоединился к гостям и, усадив их в ярко освещенной кают-компании, завел интересную беседу о своем изобретении. Гости жадно внимали ему и не замечали, как бежит время. Между тем «Неболет», отойдя с полверсты, плавно повернулся носом к морю и, постепенно поднимаясь и развивая скорость, понесся туда, где в ночной мгле чуть намечалась линия горизонта. Затем «Неболет» взял прямой курс на Константинополь и стремительно понесся к нему через море.

Берег уже давно скрылся из глаз, и кругом, кроме неба и воды, не было видно ничего. Ветер, должно быть, там, внизу, разгулялся к ночи, потому что море шумело, и белые барашки запестрили на его темной поверхности.

Только тогда первая спохватилась хозяйка.

— Ваня, что же это? Ведь мы пролетели Ялту! Разве «Неболетом» никто не управляет?

— В барабане сидит Виктор Назарович, — спокойно ответил Караганова. — Он сменил меня.

— Так как же? Куда же мы летим?

— В Константинополь, — с тем же спокойствием опять ответил Караганов и чуть усмехнулся, наблюдая немую, но выразительную сцену, вызванную его словами.

— Ваня, ты с ума сошел! — воскликнула возмущенная Гризли.

— Ничуть... Я уверен, что никто из наших уважаемых гостей ничего не возразит против этой маленькой прогулки к туркам. Ведь к утру мы вернемся в Ялту... А теперь, господа, прошу вас отведать стряпню моей жены. Не хуже ресторанного повара орудует, смею вас уверить...

Первым из гостей расхохотался художник.

Примеру его последовали и остальные. Решительно никто и не подумал протестовать, хотя в первый момент после заявления хозяина они несколько оторопели от неожиданности, но потом не знали даже, как благодарить хозяина, доставившего им несравненное, волшебное удовольствие, про которое пишут в детских сказках и которое разве только во сне приснится.

V.

В ОЖИДАНИИ ужина все вышли на палубу, освещенную электрическими лампочками. Гости уселись в лонгшезы, а Караганов с Горичем и Митей стали делать приготовления к фейерверку.

— Луна восходит, — тихо произнес кто-то, и все оглянулись на оранжевый диск луны, выглянувший из-за приподнятого горизонта моря.

Была полная иллюзия круглой огненной физиономии, заглядывающей сверху в темную яму морского пространства или, попросту, в гигантскую чашку. Это возбудило всеобщий смех.

— Мне, право, не верится, что все это происходит наяву, а не во сне, — сказала баронесса. — Я даже не помню, чтобы я когда-нибудь мечтала о чем-либо подобном...

— А я неоднократно мечтал, — признался корреспондент, — и вот эта мечта ныне осуществилась.

— А интересно, сколько верст мы этак можем отмахать в час времени? — глядя вниз, спросил доктор. — Судя по этим легким облачкам, которые бегут под нами по ветру в безветренную погоду, мы движемся с быстротой экспресса...

— Ну, нет! — ответил Караганов издали. — Экспрессу за нами не угнаться, хотя мы едем со средней скоростью... А вот, как сойдем вниз ужинать, разоведем скорость — не чета этой. Тогда на палубу и носа не высунешь: теперь мы делаем верст сто в час, а тогда полетим вдвое скорее.

— Ужасно! — вздрогнула баронесса. — И мы не шлепнемся в море? Бррр!... Запаслись ли вы, по крайней мере, на всякий случай парашютами?

— Да тут и парашюты наши мало помогут, коли что случится, — засмеялся Иван Николаевич, — хотя на всякий случай имеются у нас и пробковые пояса.

— Гм... благодарю покорно — мокнуть в соленой воде, пока не подберет какой-нибудь пароход.

— А разве вы находите, что лучше уж сразу ко дну идти? Можете успокоиться, господа. Для нас вся опасность — лишь грозные облака, встреча с ними. И хотя их теперь не видно, но мы все-таки, для полного спокойствия, поднялись за пределы их хождения.

— Может быть, вы убавите ход, чтобы ветер не так бил в лицо? — предложила баронесса.

— Можно устранить эту неприятность, не убавляя хода, — отозвался Иван Николаевич. — Петр Петрович, помогите мне с того конца поднять экран!

Потянув за две ручки, лежащие в выемках палубного настила, инженеры вытащили из узкой, от борта до борта, скважины палубы экран из слюды, вделанной в алюминиевую раму, аршина в полтора вышиной.

— Удивительно, как у вас все здесь предусмотрено, — сказал журналист. — Теперь ветра как не бывало.

— Одна половинка экрана в случае надобности задвигается за другую... вот так, — пояснял Иван Николаевич. — Это для прохода... Потом можно опять задвинуть... Не правда ли, удобно?

— Великолепно! Теперь можно лететь быстрее.

— При большей скорости раму опрокинет ветром, — возразил Иван Николаевич, — а чинить ее — много возни.

— Господа, пожалуйста ужинать! — крикнул Митя, высовывая голову из люка.

— Ну, вот, милости просим откусать с нами хлеба-соли, — добавил Иван Николаевич, опуская экран в скважину. — Теперь, пока будем ужинать, наш «Небо-лет» полетит вдвое быстрее.

Виктор Назарович дал машине предельную скорость, установив полет по прямой линии, и поднялся из барабана в кают-компанию.

Самолюбие хозяйки было удовлетворено. Ужину все отдали должную честь. Потом осматривали электрическую кухню, которая особенно понравилась баронессе, а Иван Николаевич вспомнил о приготовленном фейерверке и предложил гостям подняться на палубу, если конечно они не расположены еще отпра-

виться спать. Но спать никто не хотел, и скоро все снова поместились на корме дирижабля за выдвинутым экраном.

— Мы в течение ужина верст двести отмахнем! — сообщил Виктор Назарович. — Скоро должен открыться тот берег. Жалко, что стало облачно. Ничего интересного нет в этих облаках.

— Похоже на снежную равнину, — заметил художник. — Зрелище довольно однообразное.

В это время взвилась ракета, и внимание общества было обращено на фейерверк. Когда весь пиротехнический запас истощился, Виктор Назарович сообщил гостям, что на «Неболете» есть такой сверхфейерверочный прибор, перед которым артиллерия всего мира детская игрушка. Гости сильно заинтересовались еще одним чудом и приступили к хозяину с просьбой показать им действие этого удивительного аппарата.

Караганов подумал и ответил:

— Опасная это, господа, штука. Мы только раз попробовали сделать опыт слабым разрядом, и то взбудоражили всю окрестность. Но в этой воздушной пустыне можно, пожалуй, рискнуть еще раз... Гм... в таком случае, Петр Петрович, вы сядете в барабан, спуститесь к этим облакам, так на сажень от них, и слушайте: как только я дам звонок, остановите неподвижно машину. Со вторым же звонком лупите с места в карьер, во всю мощь машин. Только не дергайте сразу, чтобы нас не повалить и не перебить посуды в кухне. Ну-с, господа, вы сейчас будете зрителями маленького вулканического извержения. Наблюдайте, господа, с какой силой работают наши машины. Воздух, выталкиваемый из отдушин, вам наглядно это покажет. Вот видите, буравят воздушные струи эту облачную гущу. Это работа донных отдушин, а кормо-

вые, дающие поступательное движение дирижаблю, врвут в клочья облака и бросают их каскадами в высоту. Это интересное зрелище. Пока любуйтесь им.

Караганов с Оболонным ушли на нос и долго возились в сигнальной решетке. Было прохладно и ветрено. Уменьшая ход, низко над облаками неся дирижабль, расшвыривая их по пути, и наконец, неподвижно повис.

— Ну, валяйте, Виктор Назарович! — тихо произнес Караганов и закричал: — Держитесь крепче, господа! Пойдем полным ходом!

Раздался глухой мягкий удар, чуть встряхнувший кузов дирижабля, который сейчас же рванулся и помчался, с каждым футом усиливая скорость.

— Держитесь за сетки! — закричал Караганов.

Через мгновение, вслед за ударом разрядника, в полуверсте расстояния, в плотной груди облаков, повторился этот глухой звук, точно отдаленный удар в турецкий барабан. Какой-то световой фонтан брызнул из облаков и застыл в воздухе, в виде круто изогнутого хвоста кометы с блестящим вертящимся ядром, просвечивающим сквозь облачный покров.

— Сейчас, сейчас будет взрыв, настоящий взрыв! — волнуясь, бормотал Оболонный.

Фиолетовое пламя вертящегося и растущего огненного шара светило сквозь облака, но «Неболет», с быстротой двухсот верст в час, уже мчался по старому курсу. И скорость спасла его.

Вдруг точно лопнул этот плотный облачный покров, брызнув, казалось до самой луны, огненными клочьями своей будто загоревшейся массы.

Оглушительный грохот разнесся раскатами громового удара издали, и могучие воздушные волны от места взрыва раскатились в пространстве. Уже ослабевая,

докатились они до «Неболета», нагнав его в стремительном беге, и несколько раз ритмично встряхнули его, раскачивая и бросая налево и направо.

Крики ужаса застыли в воздухе, но высокие бортовые сетки дирижабля сделали свое дело, и никто из пассажиров его не свалился в море сквозь груды взбурженных облаков.

А внизу, почти не переставая, грохотал гром. Искусственный взрыв вызвал сильную натуральную грозу.

Баронессу в беспамятстве снесли в будуар. Доктор поспешил к ней на помощь, бормоча: «Воистину дьявольское изобретение!.. Того и гляди живота из-за него лишишься». Барон, бледный, растерянный, кричал: «Мы чуть не погибли вместе с вашей машиной. Надо же предусмотреть... помилуйте». Остальные скоро оправались от испуга и смеялись над своими страхами.

Оба изобретателя тоже были взволнованы, хотя совершенно не обратили внимания на опасность крушения. Они оба ужаснулись нежданной ими мощи и сокрушительности новоизобретенного разрядника. Теперь в их глазах даже дивные машины «Неболета» стушевались перед грозным величием этого изобретения.

Оживленно разговаривая, они спустились в барабан, где Горич сообщил им неприятную новость, которую, впрочем, можно было раньше предвидеть: конденсатор, почти совершенно освобожденный от запаса электрической энергии, ушедшей на разряд, едва давал силу аккумуляторам, и моторы чуть слышно выдували воздух из отдушин. Все трое вдруг побледнели.

«Неболет» падал.

Тихо, плавно опускаясь, он грозил ускорить спуск до быстроты падения.

Вдруг Караганов расхохотался и, увидя недоумевающие взгляды товарищей, пояснил:

— Это происшествие с разрядом зашибло наше соображение. Мы сейчас коснемся начиненных энергией облаков и взлетим.

— В самом деле?..

Все трое облегченно вздохнули.

Вышло именно так. «Неболет» окунулся в облака, набрался там жизненных сил, стал дышать сильнее и, наконец, вынырнув из тучи, всплыл кверху и понесся над ней обычным ходом.

Инженеры невольно зааплодировали.

— Он положительно делается живым существом! — смеясь, сказал Иван Николаевич.

— Да... до странности полная иллюзия, — заметил, пожимая плечами, Виктор Назарович.

— Мы сбились с пути, — сказал Петр Петрович, рассматривая карту. — Какова теперь широта и долгота, никак не узнаешь.

— Я отмечал направление... позвольте... я сам теперь поведу дирижабль, — успокоил Иван Николаевич Горича и уселся на его место.

— Облака прошли, берег виден! — воскликнул Виктор Назарович, глядя сквозь стекло барабана вдаль. — Мы идем верно... на огни большого города.

— Ну, да это Константинополь. А ты, Петр Петрович, заладил: сбились, сбились! Сам себя сбил с панталыку и в себе усомнился, чудак. Ну, слава Богу! Все благополучно.

VI.

СТОЛИЦА Османов еще не вся погрузилась в сон, хотя был уже второй час ночи. Набережная и европейские кварталы блестели огнями. Светились сторожевые огни судов, стоящих на рейде Золотого Рога.

«Неболет» пошел по наклонной к городу, пролетел над Принцевыми островами, и через несколько минут уже кружил метрах в двухстах от полумесяца на куполе Св. Софии.

Снизу из громадного разноплеменно, полукультурного-полудикого города доносились до аэронавтов самые разнообразные звуки: людской гортанный говор, крики, звуки музыки, гудки паровозных и автомобильных сирен, стук экипажей и свистки паровозов на центральной станции. Луч прожектора из сигнальной коробки дирижабля стал гулять по городу, производя всеобщий переполох, наконец? ударил в минарет Софийской мечети, и она, словно выхваченная из темноты, вдруг вспыхнула ослепительно-белым светом.

Конечно, там, внизу, заметили падение луча сверху. Слышно было, как кричали что-то, но слов нельзя было разобрать. Вероятно, кричала если не толпа, то кучка людей, громко, перебивая друг друга.

Караганов выбежал на палубу и закричал, топя ногами.

— Это опять Митька забавляется! Пошел вон из решетки! Нашел забаву!

Митя потушил прожектор и удрал в служебный трюм, а Иван Николаевич, рассмеявшись, обратился к гостям, снова разместившимся на корме дирижабля:

— Ну, господа, опять нагнало облаков, глядите-ка. Но только теперь мы не над ними, а под ними. Обидно немножко, не правда ли?

— А мне так они надоели, эти ваши облака, — с некоторым раздражением в голосе отозвалась баронесса. — Лучше ближе к земле лететь...

Все неволью засмеялись.

— Но не к морю, — добавил доктор. — Этак на душе спокойнее будет.

— Особенно у того, кто не умеет плавать, — присоединился журналист. — Я, например, плаваю, как ключ.

— Куда же мы теперь полетим? — спросила Гризли.

— Да ведь мы хотели отдыхать в твоём Судакском имении, Гризли, — ответил Иван Николаевич. — Ну, и решили обратно лететь через море, а теперь, оказывается, что море некоторых пугает.

— Да... уж достаточно моря и облаков, — подтвердила баронесса. — В конце концов, если мы облетим это противное море по берегу, то лишь выиграем. Увидим Кавказ. С такой вышины прелесть, что за панорама, должна быть...

— Мы предполагали посетить Кавказ, но позднее, — произнес Караганов. — Впрочем, не все ли равно, лишь бы все были согласны.

— Все согласны! Летим на Кавказ, а оттуда в ваше имение!.. Там уж недалеко и до Ялты.

— Будет по вашему желанию! — заключил Караганов, и спустился в трюм.

«Неболет» пошел тише, тише и, наконец, остановился, пролетев почти все улицы города и висая над каким-то невзрачным предместьем, погруженным во тьму.

Темные тучи, между тем, обложили все небо до горизонта, и тьма так сгустилась, что от кормы до носа дирижабля нельзя было ничего разглядеть.

Зажгли электрические лампочки и осветили палубу.

— Что это мы стоим? — тревожно спросила баронесса. — Может быть, опять что-нибудь случилось?

— Кормовые моторы подмазывают, — крикнул Митя, успевший побывать внизу и полюбопытствовать, чем занялись инженеры. — Смотрите-ка, смотрите, нас ведь ветром несет! — снова закричал он.

Действительно дирижабль тихо плыл уже над поверхностью воды, в которой отражались редкие огоньки судов.

— Боже мой! Что это? Мы опять над морем! — ужаснулась баронесса. — Гризельда Иосифовна, скажите же вашему мужу!..

— Это не море, — возразил Митя. — Это похоже на речку. Гризельда Иосифовна, можно посветить прожектором? Мы сейчас узнаем, что это такое.

— Ну, конечно посвети.

Митя опрометью бросился к сигнальной коробке, и тотчас струя света упала вниз, осветив землю, воду и потом противоположный берег.

— Это пролив, — пояснил барон жене. — Нас сейчас перенесет через него. На той стороне находится Скутари — турецкое великосветское кладбище.

— Совершенно верно! — подтвердил доктор. — Мы летим вдоль берега. Успокойтесь, баронесса.

В этот момент дирижабль дрогнул, дохнул кормовыми отдушинами и двинулся вперед обычным своим средним ходом.

— В вашем чудном дирижабле один лишь недостаток, — обратился барон к хозяину, когда тот вышел на палубу.

— Знаю: это его ужасное пыхтение. Что поделаете, батенька. Благодаря этому пыхтению мы и летим, и на воздухе держимся — в нем вся суть, и потому оно совершенно не устранимо, даже нельзя смягчить его никоим образом... Пускай себе пыхтит на страх врагам. Может быть, изобретут иную бесшумную систему, тогда, конечно, приятнее будет летать.

— Наверное, внизу ваш дирижабль принимают за какое-нибудь живое летающее животное, усталое, раздраженное и потому особенно страшное и опасное, — сказала баронесса.

— У вас недурная фантазия, баронесса, — улынулся журналист. — А знаете, мы с Харановым решили извлечь реальную пользу из нашего путешествия, если конечно Иван Николаевич разрешит нам подольше полетать с ним на «Неболете».

— Разрешаю, — засмеялся Караганов. — А что вы задумали?

— Я опишу это путешествие, а Харанов его иллюстрирует.

— Идея недурна, — сказал барон. — Это может иметь успех... Теперь все так интересуются аэромобилизмом.

— Да, но для большого успеха идеи следовало бы полетать над самыми интересными или еще не исследованными местами земного шара, — вмешался художник. — Есть такие уголки, даже громадные пространства, например, в центральной Африке...

— Тибет тоже еще мало исследован, — заметил доктор. — Интереснейшая страна... типы...

— Эх, господа, — махнул рукой Караганов. — Вы забываете, что наш дирижабль живет одним электричеством. В безводных и безоблачных местах он спасует. В экваториальных странах явления природы слишком контрастны. Возьмем атмосферные осадки; картина там получается почти такая: полгода дожди, полгода сушь.

— «Неболету» непременно нужна умеренная облачность, — продолжал Караганов. — Я уверен, что Сахару нам не перелететь — по пути «Неболет» свалится на пески, и мы погибнем. Про Тибет же не знаю, какие там климатические условия. Впоследствии можно будет попробовать туда проникнуть.

— Вот вы боитесь заоблачной высоты, — обратился вслед затем Караганов к баронессе, — между тем, там

гораздо безопаснее, чем здесь. Там облака нам не страшны, а здесь, при грозе, либо молния ударит, либо естественный разряд произойдет и нас разорвет на куски.

— Ах, какие вы страсти сулите!

— Опасности всюду. Они сопровождают нас от рождения до смерти. А электричество, служащее нашим целям и нуждам, это как бы дикий свирепый зверь на цепи. Если цепь надежна, то... опасность меньше. Я люблю высоты, потому что чувствую себя там спокойнее. Там почти ничто мне не грозит. Там нет ни бури, ни ураганов, ни даже ветра, так как там царство воздушных спокойных течений. В сущности, на высотах можно обходиться без работы кормовых отдушин и тем экономить энергию.

— Как же это?

— Нужно изучить эти течения так же, как изучены морские, и пользоваться их силой, — вот и все.

— Ах, это интересно!.. Но ведь они не быстрые?

— А куда нам торопиться? Отдались на волю течения и несемся туда, куда оно гонит. Не заблудимся. Надоело, — перешли в обратное течение, либо поднялись, либо спустились ниже.

— Но ведь там холодно, Ваня, — возразила Гризли.
— И потом... у меня тогда кровь носом пошла и захватило дыхание.

— Можно и не подниматься на десять тысяч метров... Но, господа, — заметил вдруг Караганов, — посмотрите, что это там горит... Кажется, пожар!

VII.

— ИВАН Николаевич! Там усадьба горит, кричат на помощь! — прибежал доложить с носовой коробки Митя.

— Женский крик... детский... Там разбойники...
Все кинулись к перилам.

— Иван Николаевич! Мы должны вступиться, — закричал Оболонный. — Там идет резня!..

— Я вижу! — крикнул в ответ Караганов и сбежал в трюм.

Там он, прежде всего, двинул контактный рычажок носового фонаря и тот вспыхнул ярким светом, потопив в нем всю машину.

В этом ослепительном свете дирижабль крутой спиралью спустился к горящему дому.

Вокруг этого пылающего домика происходила какая-то непонятная, но, очевидно, не мирная возня. Как-кие-то, освещенные пожарищем люди бегали, кричали, что-то тащили в темноту густого сада.

Заревела грозная сирена «Неболета».

Луч прожектора поймал кучку растерявшихся, перепуганных до паники людей.

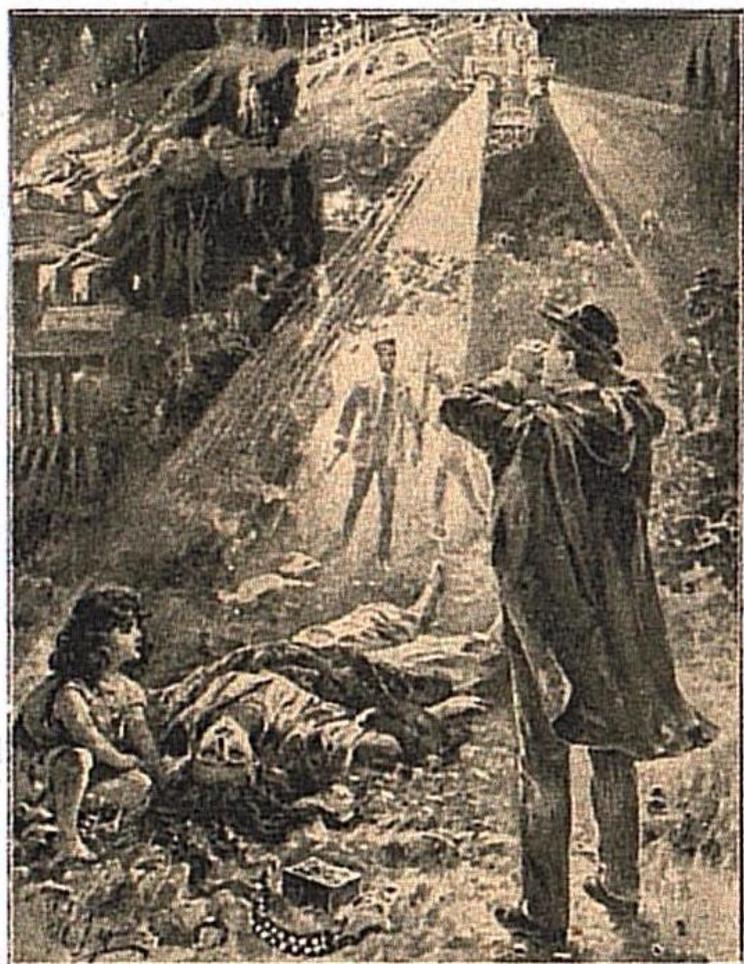
— Яман, яман! Алла! Расуль Алла! — кричали обезумевшие от страха люди, разбегаясь и бросая добычу.

Оболонный мигом роздал мужчинам оружие — короткие карабины-экспрессы Маузера и, крикнув: «Один пусть останется на палубе, а остальные — за мной», опустил трап и сбежал на землю.

Костряков, Харанов и доктор бросились за ним, оставляя барона охранять дам.

Все окрестное население бежало в панике при виде огненного дракона, слетевшего с неба. Бежали и разбойники-курды. Один из них, запоздавший, раненый выстрелом Оболонного, лежал у сломанной садовой калитки.

— Иван Николаевич, будьте готовы дать разряд на всякий случай! — крикнул Виктор Назарович Караганову.

— Ладно! Я отсюда все вижу, — ответил тот.

— Го-го! Сюда, сюда! — кричал из темной глубины оливкового сада прежде всех забравшийся художник. — Тут ранеуная женщина с ребенком!

Пламя пожара достаточно ярко освещало местность, но старый развесистый карагач и кипарисы, растущие над ручьем, хранили свою непроницаемую тень.

Из этой тени и кричал Харанов, выпалив раза два в воздух.

А дамы с палубы «Неболета» тоже что-то кричали истерическими голосами, но Оболонный только рукой отмахнулся и бросился к кипарисам.

— Сюда!.. здесь!.. скорее! Ах, доктор, вас-то и надо! — обрадовался Харанов. — Посмотрите, не умирает ли она? — жалобно спросил он, наклоняясь к лицу женщины, бледным пятном выделявшемся на темной траве, и боясь дотронуться до ее тела. Около женщины ползала по траве какая-то фигурка и громко вопила.

— Уберите девчонку! — закричал доктор. — Снесите ее, Виктор Назарович, в каюты к дамам. Это по их части. Девчонка невредима.

Он приник ухом к лежаоной в бесчувствии женщине, ощупал все ее тело и сказал:

— К счастью, мать жива. Она не опасно ранена ножом в левый бок. Но надо торопиться. Снесемте ее, господа, осторожно на дирижабль. Там сделаем перевязку. Эй, кто еще здесь?

Появился Митя. Этот крепыш стоил взрослого человека. Он сейчас же предложил свои услуги.

— Молодец, мальчик! — похвалил его доктор. — Держи ее за ноги, а мы с обеих сторон. Вот так!

Когда дошли до дирижабля, сверху была спущена сетка, в которую положили раненую женщину, и сетку

подняли на палубу. В будуаре Гризли раненую положили на постель и доктор приступил к тщательному осмотру раны.

— Рана тяжелая, но жизни не угрожает, — сообщил наконец он, выйдя в кают-компанию, где молодые женщины забавляли малютку, накормив ее предварительно горячим молоком. — Большая потеря крови — вот что скверно. За ней нужен тщательный уход.

— Я буду ухаживать за ней, — первая вызвалась пылкая Гризли. Баронесса охотно присоединилась к ней.

— Я буду вам помогать, — сказала она, — только объясните нам, что нужно делать. Я ничего не смыслю в этом.

— Вот видите, баронесса, Гризельда Иосифовна куда, оказывается, опытнее вас, — заметил доктор. — Это, вероятно, потому, что она обучалась в американской школе, где и приобрела необходимые каждой жене и матери сведения об уходе за больными и ранеными. Не так ли?

— Да, я умею ухаживать за больными, — просто ответила Гризли и чуть покраснела. — Даже рану перевязать могу, — засмеялась она, целуя ребенка, который тянулся ручонками к золотым часикам, висевшим у нее на груди.

— Ну, доктор, что же нам теперь делать? — спросила баронесса.

— Я сделал ей перевязку, и она теперь спит. Надо пока приготовить крепкого бульона с сухарями, и когда проснется, дать больной; кроме ухода, ей пока ничего не нужно.

— Тсс... что это опять там за крик? Куда вы, Иван Николаевич? Что еще случилось?

А случилось вот что. Пожар кончался. Ферма догорала, брызгая в темноте багровыми искрами.

«Неболет» готовился уже к отлету, но трое его пассажиров куда-то пропали: Костряков, Харанов и Митя.

Оболонный кричал: «Го-го-го! К месту!» — но никто не отзывался. Тогда он пустил в ход ужасный свисток-сирену «Неболета». Когда последние отголоски эхо замерли вдали, три темные фигуры показались на освещенной заревом пожара площадке двора сгоравшей усадьбы.

— Какого черта вы там засиделись? — закричал Оболонный.

— Погодите! Не всех еще забрали! — крикнул в ответ Харанов. — Тут какая-то помешанная бегаёт, никак ее не поймать. Слышите, как кошка мяукает?

Барон и Оболонный прислушались. Действительно, издали доносились какие-то жалобные вопли.

— Ну, влезайте, господа. Мы с дирижабля скорее увидим ее, если это человеческое существо.

Молодые люди подошли к трапу.

— Господи, да ведь это девочка! — вдруг вскрикнул Харанов, соскакивая с трапа.

На площадку перед пожарищем выбежала девочка-подросток лет четырнадцати, в изодранном платье, сквозь которое сквозило голое тело.

— Ана, ана! — кричала несчастная, дико озираясь.

— Ана — по-турецки значит мать. По-видимому, девочка ищет свою мать, которая находится у нас, — сообразил вслух Виктор Назарович и, быстро спустившись по трапу, присоединился к художнику.

Девочка, увидя приближающихся к ней людей, вздрогнула и бросилась было бежать, но в этот момент Караганов опустил стекло своего барабана и крикнул ей по-турецки: «Дитя, не бойся. Мы русские — ваши друзья. Твоя мать и сестра здесь, с нами!»

Ласковые знакомые слова вдруг пробудили сознание у запуганной девочки и она, поняв все, кинулась к молодым людям, что-то громко крича.

Виктор Назарович взял девочку за руку и привел ее к тому месту, где был спущен трап. Затем, по его сигналу, девочку подняли на палубу, подобрали трап, и «Неболет» поднялся на воздух. В эту минуту, где-то вдали, хлопнул выстрел, и пуля просвистела над палубой.

— Надо проучить негодяев! — крикнул Оболонный в бешенстве, топая ногами. Но «Неболет», кружа в темном пространстве с потухшим фонарем, уже поднялся высоко над землею. Новые нежданные гости появились на нем, и началась новая жизнь, новые заботы о спасенных им людях.

VIII.

ОБЕИХ девочек поместили в каюте против будуара Гризли, где лежала их мать. Эта запасная «гостиная-каюта» предназначалась для баронессы, но обе дамы отказались от своего помещения, предоставив его в пользу спасенных. Они поместились в большой рубке Ивана Николаевича, который перенес свои вещи в общее служебное отделение напротив, где уже помещались Костряков с Харановым. Каюта была просторна, и троим в ней не было тесно.

Оболонный вошел в кают-компанию и обратился к дамам:

— Вы еще не спите, *mesdames*? Барон с доктором и артисты наши уже давно спят... Кстати, Иван Николаевич просил предупредить вас, чтобы вы не выходили на палубу. Мыждемся утра и будем преследовать разбойников. Надо их проучить... Не беспокойтесь только: мы будем действовать с такой высоты, что удар нас не заденет...

— Боже мой! — воскликнула баронесса. — Вы опять хотите подвергнуть нас опасности крушения! Вы сами

еще не освоились с вашим ужасным аппаратом, и хотите рисковать жизнью других!

— Только жизнью разбойников, баронесса... уверяю вас, что...

— Нет, ни за что! — перебила Гризли. — Мы не согласны... Они довольно напуганы... К чему это варварство?.. Мы протестуем.

К хозяйке присоединилась баронесса и обе стали в волнении кричать, требуя возвращения в Россию.

Пришел на шум Иван Николаевич и, подумав, сказал:

— Пожалуй, они правы, Виктор Назарович. Ваш прибор еще пригодится для более грандиозного дела... Да и едва ли мы разыщем этих башибузуков. Они все похожи друг на друга, как пятаки... Притом, местность нам совершенно неизвестна... Мы сейчас двинемся обратно... Но уж извините, милые барыньки, Кавказ теперь, как говорят, «погодит», и мы прямо полетим через море.

— Мы согласны, только скорее, — ответила Гризли. — Спустимся в моем имении Аманджи, близ Судака, и там отдохнем, погуляем и проведем несколько дней, и оставим больную с детьми там на попечение добрейших супругов Матвея Аполлоновича и Катерины Ивановны — моего управляющего с женой... А потом будем продолжать наше путешествие по России.

Сказав это, Гризли погрозила пальцем Оболонному и прибавила:

— Виктор Назарович, это вы уговорили Ваню преследовать разбойников? Это, очевидно, ваша затея для испытания вашего противного аппарата на живых людях. Я догадалась... Забудьте лучше об этих опытах... до первой войны хотя бы...

Молодые женщины стали хохотать над смущенным старшим офицером «Неболета» и стыдить его за раз-

рушительные наклонности. Потом, пожелав всем спокойной ночи и сказав, что они решили спать в кают-компании, выпроводили из нее обоих мужчин и защелкнули дверь.

Петр Петрович засел в барабан, а Караганов с Оболонным поднялись на палубу и уселись на диван за слюдяным экраном.

— Спать что-то не тянет, — сказал Иван Николаевич, закуривая папиросу.

— Сон перебили, как говорится, — пояснил Виктор Назарович. — Однако, свежо... Скоро рассвет...

«Неболет», взяв курс на север и развив скорость выше средней, стремительно несясь через Черное море обратно к Крымским берегам. К утру показались вдали туманные гряды горных кряжей. Инженеры, сменяясь, поочередно дежурили в хрустальном барабане. Впрочем, «Неболет» летел по прямой, и требовалось только следить, чтобы воздушные течения не увлекали его с собою и не отклоняли его полета. Остальные пассажиры спали крепким сном усталых, испытавших необычные тревоги людей...

Около семи часов утра рев сирены разбудил спящих, возвещая им о приближении к берегу.

Несмотря на дежурство инженеров в барабане, дирижабль отнесло воздушными течениями верст на сто к востоку. Пришлось над берегом возвращаться назад, к Судакской долине... Пронеслись мимо Керчи, Мариуполя, местечка Отузы. Наконец показался и Судак с его высоким каменным собором, и все пассажиры «Неболета» были уже на палубе, исключая больной матери-армянки с ребенком.

Ее старшая дочка, одетая в платье Гризли, стояла рядом с ней, держа ее за руку, и с удивлением и страхом смотрела вниз на цветущие сады, горы, сакли и бирюзовое тихое море.

Иван Николаевич поднялся из барабана на палубу спросить у жены, куда спускаться, так как он не знал, в каком месте находится ее имение «Аманджи».

Гризли пристально смотрела вниз, ища глазами свою усадьбу.

— Вот, вот... белый дом с черепичной крышей и балконом... Смотри, Ваня: видишь высокую башенку с узорчатым колесом наверху — это наша мельница-ветрянка для выжимания винограда... Видишь, вправо от деревни...

— Вижу, — ответил Иван Николаевич и ушел запустить машину, которая тихо летела силой инерции.

Снизу раздавались громкие гортанные голоса татар, вероятно, уже увидевших спускающееся на землю с неба голубое, дышащее своими могучими ноздрями чудовище. А Гризли оживленно рассказывала гостям:

— Почти все детство я провела здесь с бабушкой и покойной теткой. Чудный уголок. Он мне от дедушки в наследство остался. Как давно я здесь не была!.. Сад разросся и стал гуще... Там какие-то новые постройки... новая купальня на берегу... Елена Павловна, знаете что, — обратилась Гризли к баронессе, — как только спустимся и устроим наших армянок, пойдем на море купаться, а потом на террасе устроим чаепитие. Катерина Ивановна угостит нас такими сливками, что чудо... А потом пойдем осматривать мое имение.

Баронесса, улыбаясь, слушала свою увлекающуюся приятельницу, с которой успела уже подружиться за эти последние сутки.

Тем временем в усадьбе, при виде опускающегося на нее дирижабля, поднялся невероятный переполох. Впрочем, когда «Неболет» стал своими колесами на плиты двора перед террасой дома, общее смятение прекратилось. Даже татары рабочие и мальчишки по-

няли, что «Неболет» не живое существо, а лишь остроумная летательная машина.

— Запереть ворота и не пускать никого, — прежде всего распорядился Иван Николаевич.

Управляющий, седенький лысый старичок, беспрекословно повиновался ему, догадавшись, что он хозяин чудной машины.

— Вы не узнали меня, Матвей Аполлонович? — смеялась Гризли. — А это мой муж... Этот дирижабль — его изобретение.

— Да уж я и сам догадался, Гризельда Иосифовна, — бормотал он, обрадованный неожиданным визитом своей бывшей ученицы и любимицы. — Очень приятно познакомиться с вашим супругом... Поздравляю с законным браком... Катя, поди-ка сюда... — позвал он жену, — ведь это наша любезная хозяйюшка пожаловала к нам из поднебесья... хе-хе-хе... Вот уж, можно сказать, обрадовали... Как здоровье папеньки, бабушки?

— Спасибо, Матвей Аполлонович, все здоровы... Катерина Ивановна, здравствуйте... Это мой муж, — прибавила Гризли, указывая на Караганова... — Он-то вас уж знает... Ай-ай, вы совсем седенькая стали...

— Да и вас не узнать, Гризельда Иосифова, — говорила старушка, обнимая и целуя молодую женщину. — Подросточком ведь упорхнули от нас... То-то мы скучали со стариком... Десять лет, шутки сказать, не видались, где узнать!.. Ну, и красавица выросла!..

— Слыхали мы, что вы с батюшкой в Америку укатили, — вставил Матвей Аполлонович, — да там и остались... четыре письма от вас получили, а затем и след простыл... Ну, слава Богу... свиделись... Ну, что, какова там погода в небесных сферах?

— О, с нами случилось целое приключение. Мы сюда прямо из Турции!

IX.

ПОКА переносили в дом раненую, Гризли с мужем пошла осмотреть комнаты, чтобы решить, где удобнее устроиться, и продолжала рассказывать старикам о всех событиях памятных трех суток. Старики только ахали, покачивая головами.

Рабочие уже знали от Мити о происшествии минувшей ночи и, видимо, прониклись величайшим уважением как к «Неболету», так и к его хозяевам. Они ходили вокруг дирижабля, заглядывали в таинственные отдушины, ошупывали днище, колеса и оживленно переговаривались.

Спасенное семейство, вернее остатки семейства, поместили в бывшей комнате Гризли. Мать уложили с малюткой на ее девичьей кровати. Старшая девочка спала на другой. Она как легла, так почти моментально заснула.

— Где мы? — спросила армянка по-турецки у Каранова, уже зная, что он понимает этот язык.

— Вы в России, в Крыму, — ответил он.

Женщина вздохнула, прошептав:

— Далеко... очень далеко! — и потом начала громко и торопливо что-то рассказывать. Когда она кончила, тяжело дыша, Иван Николаевич перевел. Оказалось, что у нее убили старика-отца, мужа и младшего брата, потом бросили их тела в пылающий дом, и они сгорели там.

Слушатели были подавлены этим рассказом. Добрая Катерина Ивановна утирала слезы своим белым передником.

Больная, указав глазами на спящую старшую дочь, начала что-то говорить, но в это время вошел доктор и замахал руками на посетителей.

— Да что это вы, господа хорошие! — взволновался он. — Уморить хотите вашу же спасенную!.. Ну, и народ же неосмысленный... Ей разговаривать опасно, а они вон как ее растревожили.

Смущенная компания ретировалась, а доктор, подвинув стул к кровати, сел, взял руку больной и, сморщив брови, стал слушать пульс.

Гризли, выйдя в это время из комнаты, говорила Катерине Ивановне:

— Вы уж присмотрите за ней, пока она не встанет. Мы еще вернемся сюда, а вы мне пишите в Москву... Мы теперь туда собираемся. Остановимся, конечно, в нашем доме — адрес вам известен... Если они захотят возвратиться на родину — известите меня, и я вышлю денег... ведь они потеряли все свое имущество... Если же захотят остаться в России, то до нашего возвращения пусть живут с вами.

Катерина Ивановна с умилением поглядела на свою бывшую воспитанницу и сказала:

— Вы такая же добренькая, Гризли, как и ребенком были... Помните, как вы татарчат молоком поили?.. Как заставили папеньку хромого лечить, доктора к нему позвали?.. Три недели старик-то у нас жил, лечился, и на родину отправили его потом... А как у кузнеца руку раздробило...

— Погодите, Катерина Ивановна, — перебила Гризли, краснея. — А жива моя Муринка?

— Околела... вот уж четвертый год как околела ваша собачка...

— Бедная Муринка — мой детский друг! — в раздумье произнесла Гризли и уже весело продолжала: — Да ведь мы хотели сходить к морю и выкупаться, Елена Павловна... Идемте же, пока еще не жарко, а Катерина Ивановна здесь приготовит нам чай, сливки и все...

— Да уж, будьте покойны, милые, голодные не останетесь... Завтрак сготовлю, все, как следует, — подтвердила старушка, провожая любовным взглядом свою бывшую питомицу.

Гризли водила баронессу по своим владениям, вспоминая далекое прошлое. Мужчины шли позади.

— Папа начинал свое дело, то есть дело наживания денег, с этого имения. Это каменное здание теперь служит погребом, а прежде тут в нем был йодный и поташный, кажется, завод. Папа в компании с одним инженером устроил его для выгонки йода из морских водорослей... Это дело принесло им порядочный барыш... Виноделие шло само собою. А вот это — виноградная давилка-мельница. Она и теперь работает... Не хитро, а выгодно... На этом холмике всегда ветер тянет, хоть слабенький, но достаточный для вращения колеса. Почти ничего не изменилось здесь за десять лет... разве выстроена новая купальня и бараки для рабочих... Ведь тут сорок десятин винограда — всегда нужны рабочие... Да трава проросла между плитами двора, и дом немного покосился на один бок... Ах, как много детских воспоминаний!.. Каждый камушек мне здесь мил, а все-таки...

Гризли задумалась.

— Ах! Я и забыла, — вдруг, обращаясь к барону, сказала она: — Воспоминания моего милого детства все заслонили передо мною... Барон, о чем это вы совещаетесь с супругой? Можно узнать... Может быть, вы чем-нибудь недовольны?

— О! Что вы, что вы, Гризельда Иосифовна, — встретился барон. — Напротив, мы так вам благодарны. Но, видите ли, нам нужно бы сегодня к вечеру быть в Ялте... Ведь у нас там остались дети на руках моей свояченицы — молодой девушки. Ну, жена и беспокоит-

ся... Нам бы только достать лошадей до почтовой станции.

— А-а! Это другое дело, причина уважительная, — сказал Иван Николаевич. — А насчет лошадей... не знаю, Гризли, есть у тебя здесь лошади...

— И лошади, и коляска — все есть. Не беспокойтесь: Матвей Аполлонович все это устроит, и не до почтовой станции вы поедете, а до самой Ялты... Мы вас утащили, мы должны и вернуть.

— Не знаю, как вас и благодарить, — пробормотал барон. — А вы когда думаете снова лететь?

— Мы проживем здесь денька три-четыре, — ответил Иван Николаевич, — Отдохнем немного от заоблачных полетов...

После купанья все сошлись за завтраком во флигеле у Матвея Аполлоновича. Пили мурзаевское вино всех сортов. Потом, провожаемые наилучшими пожеланиями, барон с женой уехали, а оставшиеся в усадьбе занялись каждый чем хотел, делом или бездельем.

Гризли водила мужа по всем памятным ей с детства уголкам своей усадьбы плантации. Харанов ходил на этюды с ящиком и «кодаком», а Костряков, уединившись в мезонине, в комнате, служившей когда-то кабинетом Мурзаеву, усердно строчил корреспонденции в свою газету о всех удивительных событиях последних суток.

После отъезда барона с женой, шестеро аэронавтов с доктором собирались каждый день за завтраком, обедом и чаем у радушных стариков Табаковых и слушали бесконечные рассказы Матвея Аполлоновича о том, как он «воевал» под начальством Скобелева и как заслужил свой Георгиевский крест.

По утрам Караганов, Горич и Оболонный усердно работали над разными усовершенствованиями и исправлениями «Неболета», готовясь к новому полету.

Как-то раз Гризли, застав мужа за этой работой, заметила:

— Знаешь, Ваня, меня почему-то пугает предстоящее новое путешествие. До сих пор я была совершенно спокойна и твердо верила, что «Неболету» не грозит никакая опасность. Но за последнее время у меня явился какой-то страх... Прошу тебя, Ваня, как можно внимательнее осмотреть машины.

— Поверь, что ни я, ни Горич, ни Оболонный вовсе еще не желаем помирать... И мы недаром возимся каждый день с машиной, — ответил Караганов. — Все решительно в машине выверено, исправлено и предусмотрено... Уверяю тебя, что в экспрессе и на пароходе ехать в десять раз опаснее...

— Но я все-таки боюсь, — ответила Гризли. — У меня какое-то предчувствие, что новое наше путешествие окончится печально.

— Ах, Гризли, разве можно так не доверять своему мужу, раз он уверяет, что никакой опасности нет! — смеясь, заметил Караганов. — Чтобы тебя окончательно успокоить, я тебе вот что скажу... Ну, пусть даже мы потерпим крушение, хотя это предположение и нелепо, так как в машине четыре мотора моей системы, которые гонят воздух из восьми отдушин. Но, если даже не один, а сразу два мотора перестанут работать, то все же дирижабль будет держаться на воздухе и даже лететь... С одним мотором он быстро опустится на землю... ну и, пожалуй, встряхнет нас маленько... Но, допустим, что он начнет падать... Перевернуться вверх дном он не может никоим образом, так как центр тяжести у него гораздо ниже осевой линии. При начале падения мы бросимся вниз на парашютах и невредимо спустимся на землю... А погибнет первый «Неболет», появится у нас второй, третий... Ну, что, успокоилась?

Понемногу Гризли действительно успокоилась, и вскоре весело смеялась над своими недавними тревогами.

Х.

НАСТАЛ час отлета. Это было ранним утром 4-го августа. Небо было безоблачно, море чуть слышно плескалось внизу. Когда аэронавты вышли садиться на дирижабль, провожаемые Матвеем Аполлоновичем с женой и всеми находящимися в усадьбе рабочими, успевшими за эти пять дней вполне оценить великодушие и доброту своей хозяйки, случился маленький неожиданный эпизод, несколько взволновавший всех присутствующих, особенно же самую хозяйку.

Из дома выбежала старшая девочка армянка, кинулась на шею Гризли и, рыдая, так прижалась к ней, что ее с трудом оторвали от молодой женщины... Девочка, казалось, не хотела пускать ее на дирижабль и, удерживаемая доктором и Табаковыми, что-то истерически кричала, продолжая рыдать. Никто, кроме Караганова и Матвея Аполлоновича, не понимал ее слов, но Караганов вдруг побледнел и сделал знак старику молчать. Потом быстро спустился в барабан и дал ход «Неболету».

Никто не заметил ни его бледности и волнения, ни растерянного вида Матвея Аполлоновича.

Когда дирижабль, вздымая пыль и щебень, с шумом подобным морскому прибою, поднялся над усадьбой, кругом ее уже отовсюду стянулась громадная толпа окрестного населения. Люди сидели на заборах, плетнях, крышах домов и сакель, и даже на деревьях.

Поднявшись на высоту тысячи метров, «Неболет» взял курс на северо-восток, и скоро скрылся из глаз восторженной, шумящей и кричащей толпы.

Был девятый час утра. В этот час вся Россия, читающая газеты, уже знала о великом приобретении человечества. А в это время, под взорами аэронавтов открывалась панорама за панорамой, разворачиваясь кругом, до бегущего к ним кольцом горизонта.

Этот жадный горизонт, как края чашечки кровожадного цветка, казалось, стремился дотянуться до зенита, чтобы сомкнуться над ними. Но пассажиры «Неболета» давно уже привыкли к этому ложному зрелищу природы.

Ясная и тихая погода обещала аэронавтам спокойное и приятное путешествие, тем более, что ветер все время тянул с моря попутно дирижаблю, и потому на палубе его он совершенно не ощущался.

Солнце стало уже сильно греть, когда «Неболет», оставив за кормой с одной стороны Бахчисарай, Бельбек, а с другой — Симферополь, Эни-Кале, неся вдоль линии К.-Х. Азовской железной дороги, соединяющей с центром обширной Империи ее южные периферии.

— Мы идем прямо на Москву! — торжественно произнес Иван Николаевич, выйдя на палубу. — Завтра около двух часов пополудни будем в Первопрестольной.

— Там, по всей вероятности, нам готовится торжественная встреча, — прибавил Костряков.

— Еще бы!.. Это вы постарались разблаговестить о нашем намерении, — сказал Петр Петрович. — Господа, у нас, кажется, ни у кого нет желудочного катара?..

— Кажется, нет, а что?..

— Помилуйте, нас ведь до одурения кормить и поить будут москвичи...

— Ах, да!.. Верно!.. Господин Костряков, наши будущие катары на вашей совести, — заметил Оболонный.

— Вырвавшись из объятий москвичей, мы двинемся на Петербург, — продолжал Иван Николаевич. — Давненько-таки я там не бывал - все по окраинам матушки Руси околачивался. А из Питера возьмем курс на запад — для устрашения и назидания немцам, пролетим над их приморскими крепостями, обогнем материк Европы берегом, затем направимся в Марсель, Тулон, Шербург.

— А Париж?

— Париж — это уже, по правде сказать, баловство, но, пожалуй, завернем и туда. Из Парижа, разумеется, через Ла-Манш, — второй заграничный визит англосаксам...

— Англичане умеют встречать гостей, — вставила Гризли, — там тоже надо беречь желудки, господа.

— Да, одни кровавые бифштексы и пудинги чего стоят! — отозвался Харанов.

— Из Лондона, сделав солидные запасы провизии и воды, мы перелетим через океан и явимся гостями великой заатлантической республики, — продолжал Караганов. — Телеграф опередит нас. От американских корреспондентов нам, конечно, не отбояриться. Заберем, так и быть, одного из них, выбрав такого, который знал бы разные экзотические наречия... Он нам пригодится... А затем махнем через Тихий океан в Австралию, потом в Японию, а оттуда уж рукой подать до наших восточно-азиатских владений. Через Маньчжурью и Сибирь вернемся в наш родной «Оазис», к нашим друзьям и товарищам, и станем готовиться к воздушной экспедиции на Северный полюс... В конце концов, выберем в Тихом океане, в лучшей, конечно,

его части, один из островов, более или менее уединенный, достаточной для нашей колонии величины, и оснует маленькое независимое государство-товарищество... В нем мы постараемся устроить нашу жизнь так, чтобы все были счастливы и довольны. Не правда ли, идея моя недурна?..

В ответ на эти слова раздались аплодисменты. Тут Караганов как-то невольно посмотрел на небо и сказал:

— Что это? Опять облака?

— Да, и даже довольно внушительные, — подтвердил Оболонный. — Одновременно, и друзья и враги наши... Чья теперь очередь править?

— Мои часы еще не кончились, — ответил Караганов, — после меня вы, а вас сменит Петр Петрович... До свидания, господа. Я еще поддал ходу — имейте в виду.

Вскоре передние отдушины машины усиленно зашумели. Острый клюв голубой бескрылой птицы поднялся, и дирижабль по восходящей линии, ускоряя полет, понесся... Первые мохнатые клочья облаков промелькнули у «Неболета» под самой кормой, над густыми грядами плотной тучи он мчался уже метрах в ста наверху. Снова под ним, клубясь, катились белоснежные волны бесконечных облаков. Громадная туча быстро расплзлась позади «Неболета» и вскоре заслонила собою землю.

Глухие удары и долгие раскаты грома свидетельствовали о разразившейся внизу сильной грозе. «Неболет» еще выше поднял свой клюв и поддал ходу. Ветер засвистал и завыл в снастях. Становилось холодно и неприятно оставаться на палубе при таком стремительном ходе машины.

Только что все собрались сойти в кают-компанию, как вдруг сильный толчок изнутри встряхнул корпус

дирижабля и раскачал его. Нос его сразу поднялся вверх, и аэронавты, не успевшие спуститься в трюм, сбитые с ног, покатались по палубе. Они едва удержались на ней, цепляясь за сетки руками и ногами и с ужасом увидели, что дирижабль, не меняя наклона, с прежней страшной скоростью мчится вверх, в бездну голубого неба...

— Погибаем! — пронеслась у всех одна и та же мысль о катастрофе, случившейся там внизу, в трюме дирижабля.

Гризли даже не вскрикнула от испуга — не нашлось голоса. Она только подумала: «Вот сбывается мое предчувствие!»

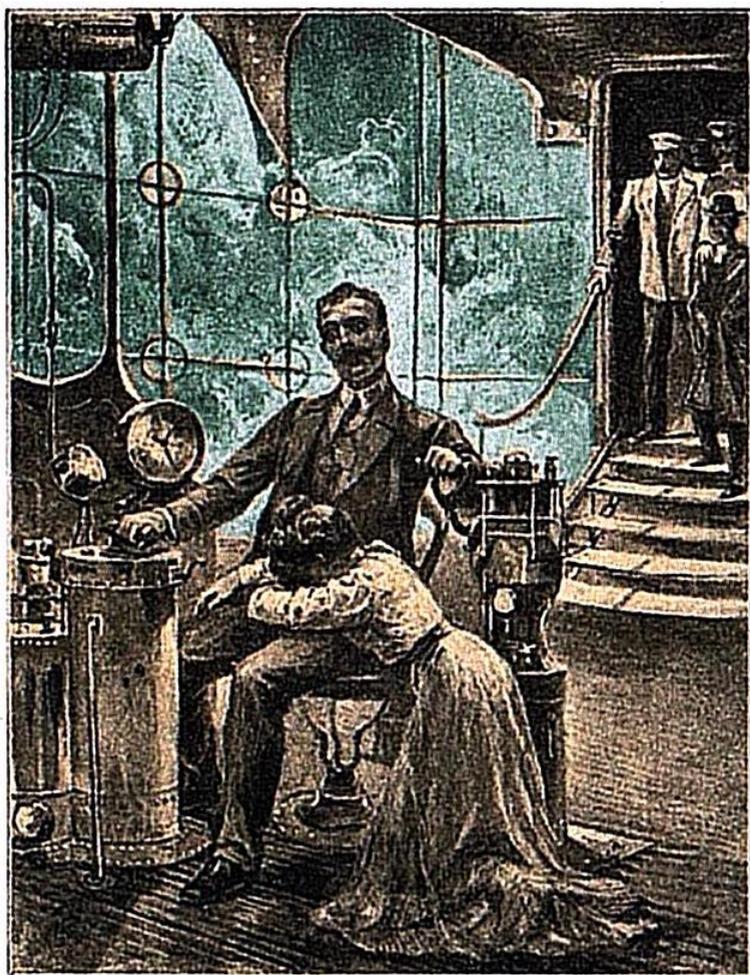
Ползком она добралась до люка, но в это время оттуда выскочил бледный с перекошенным от ужаса лицом Митя, истерически взвизгнул:

— Иван Николаевич убит током! — и покатился по палубе в сильнейшем эпилептическом припадке, корчась в судорогах.

Инженеры и Гризли знали, что мальчик раньше страдал падучей и лишь полгода назад у него постепенно прекратились припадки. Теперь, очевидно, катастрофа и смерть его благодетеля вызвали опять появление болезни.

— Может быть, ему померещилось перед припадком то ужасное, о чем он крикнул сейчас? — пробормотал Оболонный, оглянувшись и ища Митю глазами. Но мальчика не было уже на палубе. Он скатился по ней к корме и забился там в конвульсиях. Сетка не удержала его падения. Оболонный хотел поднять бедного мальчика, но в этот момент раздирающий душу крик Гризли раздался снизу и все с палубы бросились к люку.

Страшная, на всю жизнь памятная картина представлялась им в хрустальном барабане.

Караганов, сжимая одной рукой ручку рычага, другою держал регулятор. Он был мертв, но сидел как живой, и только голова его, свесившаяся набок, производила страшное впечатление зорко приглядывающегося к чему-то вдали человека. Обняв и крепко прижавшись к мертвецу, около него на коленях стояла Гризли, его самоотверженная жена, тоже мертвая.

Очевидно, она знала, что и ее убьет током, но все-таки подошла к мужу!..

— Куда вы? — рванул назад за плечо художника Оболонный. — Я вы хотите вместе с ними погибнуть? Разве не видите, что зверь сорвался с цепи? Пальцем их троньте, и вас убьет моментально.

— Все наверх! — закричал Горич. — К парашютам! К парашютам! Скорее!.. Мы все поднимаемся в мертвую высоту! Торопитесь!

И он первый быстро выбежал на палубу.

Там аэронавты торопливо разобрали парашюты, надели их лямки через плечи, но медлили прыгать, невольно пугаясь огромной высоты, на которой неся теперь дирижабль, забираясь все выше и выше.

— Этот чудный дирижабль... что с ним будет? — спросил журналист.

— Будет лететь, пока будут работать машины, — ответил Оболонный, — но вернее, что будет постепенно спускаться, попадет в грозовую тучу, и его окончательно уничтожит, разорвет на части.

Петр Петрович утер глаза, снял шляпу, перекрестился и, глядя в бесконечное пространство неба, проворкотал:

— Упокой, Господи, души рабов твоих: Иоанна, Дмитрия и Гризельды, и прости им все согрешения, вольные и невольные.

И трое товарищей, повинувшись внезапному душевному движению, тоже сняв шляпы, перекрестились и повторили последние слова Горича.

— И сотвори им вечную память.

После этого все четверо одновременно бросились вниз на парашютах... Через несколько секунд облака поглотили их.

Осиротелый «Неболет» продолжал лететь с прежней скоростью, забираясь все выше и выше в небесные пространства.

Мертвец управлял им, склонив голову на бок, пристально всматриваясь в бесконечную даль вселенной, а его мертвая жена крепко прижалась к его коленям.

Не дождались ни Москва, ни Петербург своих нетерпеливо ожидаемых воздушных гостей.

От оставшихся в живых аэронавтов, прибывших в Москву по железной дороге, там узнали о катастрофе. Эта весть тотчас же полетела по телефону в Петербург, и в обеих столицах она произвела крайне удручающее впечатление. Многие не хотели верить бессмысленно-нелепой смерти изобретателя. Крылатая фраза Оболонного об электрическом «звере», сорвавшемся с цепи, была у всех на устах и отчасти поясняла причину этой смерти.

Через несколько дней весь мир уже знал о невозполнимой потере человечества, и все газеты были полны описаниями трагической кончины великого человека и его самоотверженной жены, пожелавшей добровольно разделить с ним смерть.

Все эти статьи кончались скорбным подтверждением того, всем уже известного, факта, что чудесный дирижабль, по-видимому, в полной исправности механизмов, еще совершает свой полет над землею.

Этот полет стал кругосветным. Казалось, мертвец не хотел отдать людям своего гениального изобретения и управлял им по своему капризу, так как дирижабль был видим впоследствии не только по линии

своего предполагаемого полета, но во многих местах земного шара вне ее. Это отклонение объяснялось тягой воздушных течений и влиянием земного магнетизма. А постепенное понижение полета до предела видимости дирижабля — ослаблением действия воздушных труб — отдушин.

В течение августа и сентября «Неболет» успел уже два раза облететь кругом земного шара, опускаясь все ниже и ниже, постепенно замедляя свой полет. В конце сентября он летел уже так невысоко над землей, что был виден с нее ясно, во всех подробностях, шумом же могучего дыхания своих воздушных отдушин он пугал людей и животных. Некоторые очевидцы этого полета утверждали, что в бинокль видели сидящего в хрустальном барабане мертвого инженера и прильнувшую к нему мертвую жену...

Получалось странное и страшное впечатление от этой картины зрелища мертвых, но не разлагающихся тел, так как на больших высотах гниение и разложение органических веществ приостанавливается. Казалось, будто гениальный изобретатель, склонив голову набок, пристально глядит куда-то в пространство на что-то, ему одному видимое, а жена рыдает, прижавшись к его коленям. И обнажали головы, и крестились благочестивые русские люди, издали заслышав шум воздушных отдушин безжизненного дирижабля, ставшего летучей могилой двух жертв великой идеи...

При огромном стечении публики Виктор Назарович Оболонный прочел в обеих столицах публичные лекции как об изобретении и постройке «Неболета» с демонстрацией его летающей модели, так и о своем всеколлапсирующем электрическом разряднике. Он выразил надежду на возрождение «Неболета», в том случае, если его найдут после его падения на землю.

Шансы найти «Неболет» увеличивались тем, что целые отряды охотников-аэронавтов на различных аэропланах и аэромоторах по всему пространству обитаемой земли не только стерегли появление этого воздушного корабля, но и сами делали попытки отыскать его.

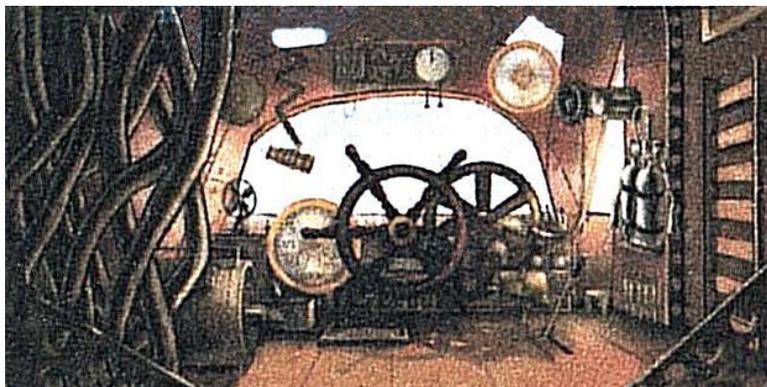
Прошло полгода. Поиски «Неболета» не увенчались успехом, и тайна его устройства погибла вместе с ним.

Его уже никто более нигде не видел, так что окончательная потеря его не подлежала сомнению.

Было решено, что либо он упал в необитаемом, недоступном месте земного шара, либо утонул в пучине океана. Но некоторые специалисты полагают, что провидение изобретателя оправдалось, и «Неболет» погиб жертвой своего же собственного, чрезмерно накопившегося электричества, от разряда при встрече с грозовой тучей, и был разбит вдребезги.

Так вековая мечта человечества лишь на короткое время воплотилась в реальные формы, чтобы, подняв смятение и переполох во всем мире, снова бесследно исчезнуть в бездне безвозвратного прошлого...

СОДЕРЖАНИЕ

Вл. СЕМЕНОВ
ЦАРИЦА МИРА
Роман-фантазия
5

Вл. СЕМЕНОВ
ЦАРИ ВОЗДУХА
Роман-фантазия
155

Н. ВАССИЧ-ЛАЗАРЕВ
**ТОВАРИЩЕСТВО
«НЕБОЛЕТ»**
Приключения молодого
русского воздухоплавателя
Фантастический роман
301

Литературно-художественное издание

БИБЛИОТЕКА ПРИКЛЮЧЕНИЙ И НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКИ
Для среднего и старшего возраста

ЦАРИ ВОЗДУХА
Фантастические
произведения начала XX века
о приключениях воздухоплавателей

Издательство «СПУТНИК™»
Двуреченск, ул. Славная, 88

Подписано в печать 14.11.2020
Ответственный редактор А. Невструев
Генеральный директор издательства
所有的爱-人

Отпечатано в полном соответствии с качеством представленного электронного оригинал-макета в типографии ООО «Шер-Хан», субсегмент Энлиль, пр. Голконды Таврической, 177